ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Кот, который ходил сквозь стены

Комедия нравов

АЗБУКА

Кот, который ходил сквозь стены

Роберт Энсон Хайнлайн

Аннотация
Роберт Хайнлайн. Кот, который ходил сквозь стены. Комедия нравов
Книга первая. Непредвзято и честно
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
Книга вторая. Смертоносное оружие
11
12
13
14
15
16
17

18
19
20
Книга третья. Свет в конце туннеля
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
О романе. «Кот, который ходил сквозь стены»

Аннотация

Название роману дал один из его главных героев — котенок Пиксель, потому что Пиксель действительно проходит сквозь стены. Да, «это невозможно, но он еще маленький и об этом не знает, поэтому у него получается, — объясняет такую его способность героиня романа. — И никогда не известно, где он появится в очередной раз». А главный не четвероногий герой, Колин Кэмпбелл, писатель и полковник в отставке, обосновавшийся после ранения на орбитальной станции «Золотое правило», вечно вляпывается в подозрительные истории. Началось все с того, что незнакомца, подошедшего к его столику в ресторане, немедленно убивают и за Кэмпбеллом и его подругой начинают охоту некие неуловимые силы. И не будь в «мультиверсуме» Хайнлайна Корпуса времени, поддерживающего вселенский порядок, непонятно, чем бы закончились приключения Колина и его подруги.

Роман публикуется в новом переводе.

Роберт Хайнлайн
Кот, который ходил сквозь стены
Комедия нравов

Robert A. Heinlein
The cat who walks through walls
Copyright © 1985 by Robert Heinlein
© К. П. Плешков, перевод, 2019
© С. В. Голд, послесловие, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

Джерри, Ларри и Гарри, Дину, Дэну и Джиму, Полу, Базу и Сарджу (тем, на кого можно положиться).

Р. Э. Х.

Любовь моя! Когда бы Он вручил
Нам этот мир, который так уныл, —
Его в куски разбили б мы и вновь
Слепили так, чтоб сердцу стал он мил!

***Омар Хайям. Рубаи. XCIX*[1]**

---

[1] Примечания: 1

Перевод О. Румера. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, комментарии переводчика.*

Книга первая
Непредвзято и честно

1

Что бы ты ни делал, ты об этом пожалеешь.

Аллан Маклеод «Гас» Грей*[2] *(1905–1975)

— Нам нужно, чтобы вы кое-кого убили.

Незнакомец нервно огляделся по сторонам. Пожалуй, людный ресторан не подходит для таких разговоров — громкий шум дает лишь частичное уединение.

Я покачал головой:

— Но я не наемный убийца. Скорее, убийства — это мое хобби. Вы ужинали?

— Я пришел сюда не затем, чтобы есть. Позвольте мне…

— Да бросьте. Я настаиваю.

На самом деле он меня раздражал — тем, что бесцеремонно вклинился в мой вечер с восхитительной дамой, — и я старался отплатить ему тем же. Плохим манерам потакать нельзя, нужно давать отпор, вежливо, но твердо.

---

[2] Примечания: 2

Аллан Маклеод «Гас» Грей — однокашник Роберта Хайнлайна по Академии ВМФ в Аннаполисе. — *Примеч. С. В. Голд.*

Дама, Гвен Новак, как раз выразила желание напудрить нос и покинула наш столик, когда появился герр Безымянный и без приглашения уселся напротив меня. Я уже собирался сказать ему, чтобы он проваливал, но тут он назвал имя: Уокер Эванс.

Нет никаких «Уокеров Эвансов».

Это имя является — или должно являться — своего рода посланием от одного из шести человек, пятерых мужчин и одной женщины. Оно должно было напомнить мне о старом долге. Вполне возможно, что в счет уплаты по тому долгу я должен был кого-то убить, — возможно, но маловероятно.

И совершенно немыслимо, чтобы я отправился кого-то убивать по приказу незнакомца только потому, что он назвал это имя.

Я считал, что обязан его выслушать, но вовсе не собирался позволить ему испортить этот вечер. Он сидел за моим столиком и мог бы, черт побери, вести себя так, как подобает приглашенному гостю.

— Сэр, если не хотите полный ужин, попробуйте хотя бы закуски. Кроличье рагу на гренке, может быть, приготовлено из крысы, но стараниями шеф-повара на вкус напоминает амброзию.

— Но я не хочу…

— Прошу вас. — Я поймал взгляд официанта. — Моррис? — Тот немедленно оказался рядом. — Моррис, пожалуйста, три порции кроличьего рагу. И попроси Ганса выбрать для меня сухое белое вино.

— Да, доктор Эймс.

— И пожалуйста, не подавай на стол, пока не вернется дама.

— Конечно, сэр.

Я подождал, пока официант не отойдет.

— Моя гостья скоро вернется. У вас есть несколько минут, чтобы объясниться наедине. Для начала назовите свое имя.

— Мое имя не имеет значения. Я…

— Ну же, сэр! Ваше имя? Пожалуйста.

— Мне велели просто сказать «Уокер Эванс»…

— Это я уже слышал. Но вы не Уокер Эванс, и я не собираюсь иметь дело с тем, кто не желает представляться. Скажите, кто вы, и хорошо бы еще взглянуть на ваше удостоверение личности.

— Но… полковник, куда важнее объяснить, кто именно должен умереть и почему убить его должны именно вы! Неужели не ясно?

— Пока мне ничего не ясно. Ваше имя, сэр! И удостоверение. И еще, пожалуйста, не называйте

меня полковником: я — доктор Эймс.

Мне пришлось повысить голос, чтобы его не заглушил грохот барабанов — начиналось вечернее представление. Свет померк, и луч прожектора вырвал из полумрака конферансье.

— Ладно, ладно! — Непрошеный гость достал из кармана бумажник. — Но Толливер должен умереть к полудню воскресенья или умрем мы все!

Он раскрыл бумажник, собираясь показать удостоверение, но тут на его белой рубашке появилось маленькое темное пятнышко. Лицо незнакомца на миг обрело удивленное выражение, потом он тихо проговорил «Простите» и наклонился вперед. Похоже, он хотел что-то добавить, но изо рта его хлынула кровь, а голова упала на скатерть.

Мгновенно вскочив со стула, я оказался справа от него, а слева так же молниеносно возник Моррис. Возможно, Моррис пытался ему помочь, но я знал, что уже слишком поздно. Четырехмиллиметровая игла проделывает маленькое входное отверстие и не оставляет выходного, взрываясь внутри тела. Если взрыв происходит внутри туловища, смерть наступает мгновенно. Я внимательно оглядывал толпу вокруг себя, — а кроме того, у меня имелось еще одно маленькое

дельце.

Пока я пытался высмотреть убийцу, к Моррису присоединились метрдотель и помощник официанта. Все трое действовали так быстро и слаженно, словно у них каждый вечер убивали клиентов прямо за столом. Ловко и незаметно, как китайские рабочие сцены, они убрали труп. Еще один официант собрал приборы и снял скатерть, тут же вернулся с новыми и накрыл столик на двоих.

Я снова сел. Разглядеть вероятного убийцу я так и не смог, даже не увидел никого, кто проявлял бы подозрительное отсутствие интереса к происшествию за моим столиком. Люди пристально смотрели в мою сторону, но когда труп исчез, переключили внимание на шоу. Никто не кричал от ужаса. Если кто-то что-то и заметил, похоже, все решили, что клиенту стало плохо или тот перебрал.

Бумажник покойника лежал теперь в левом кармане моего пиджака.

Когда вернулась Гвен Новак, я снова встал и подвинул ей стул.

— Что я пропустила? — благодарно улыбнувшись, спросила она.

— Немногое. Шутки, устаревшие до твоего

рождения. Некоторые устарели еще до рождения Нила Армстронга.

— Мне нравятся старые шутки, Ричард. По крайней мере, знаешь, где смеяться.

— Тогда ты оказалась в нужном месте.

Старые шутки мне тоже нравятся, как и все старое — старые друзья, старые книги, старые стихи, старые пьесы. Наш вечер тоже начался с моей любимой старой постановки — «Сон в летнюю ночь», устроенной балетным театром Галифакса, с Луанной Полин в роли Титании. Танцевальные номера при пониженной силе тяжести, живые актеры и волшебные голограммы создавали образ сказочной страны, которая наверняка понравилась бы Шекспиру. Новизна — отнюдь не достоинство.

Вскоре музыка заглушила престарелые шутки конферансье. Хор, подобно волне, выплыл на танцпол, грациозно двигаясь благодаря половинной силе тяжести. Принесли рагу, а с ним и вино. Когда мы поели, Гвен пригласила меня на танец. Несмотря на искусственную ногу, при уменьшенном тяготении я вполне справляюсь с классическими медленными танцами — вальсом, легким петтингом под музыку, танго и тому подобным. Танцевать с теплой, живой, ароматной

Гвен — наслаждение для истинного сибарита.

Вечер завершался на радостной ноте. Незнакомец, отличавшийся настолько дурным вкусом, что позволил убить себя за моим столиком, естественно, оставался проблемой — но Гвен, похоже, так и не узнала о неприятном происшествии, и я сделал зарубку в памяти, намереваясь разобраться с этим позже. Если честно, я был готов к тому, что меня в любой момент могут тронуть за плечо… но пока что наслаждался хорошей едой, хорошим вином и хорошей компанией. Жизнь полна трагедий, и если постоянно думать о них, ты не сможешь просто наслаждаться невинными удовольствиями жизни.

Гвен знала, что моя нога не выдержит долгих танцев, и, как только музыка смолкла, направилась к столику. Я знаком велел Моррису принести счет, и тот извлек его словно из ниоткуда. Набрав свой кредитный код, я добавил чаевые, в полтора раза больше, чем обычно, и подтвердил оплату отпечатком пальца. Моррис поблагодарил меня.

— Еще рюмочку на ночь, сэр? — осведомился он. — Или бренди? Может, дама хочет ликера? За счет «Конца радуги».

Владелец ресторана, древний египтянин, считал, что следует быть щедрым, по крайней мере к

постоянным клиентам. Сомневаюсь, что к туристам с шарика относились так же.

— Гвен? — обратился я к даме, думая, что та откажется, — обычно она ограничивалась одним бокалом вина. Всего одним.

— Если можно, «Куантро». Мне бы хотелось остаться и послушать музыку.

— «Куантро» для дамы, — записал Моррис. — Доктор?

— Пожалуйста, «Слезы Марии» и стакан воды.

— Мне нужно поговорить с тобой, Ричард, — тихо проговорила Гвен, когда Моррис ушел. — Хочешь сегодня переночевать у меня? Не бойся, ты можешь спать один.

— Я не настолько люблю спать один. — Я мысленно перебрал возможные варианты. Гвен заказала напиток, которого ей не хотелось, чтобы сделать мне предложение, выглядевшее несколько странно. Обычно она достаточно прямолинейна, и если бы хотела спать со мной, так бы и сказала, а не ходила вокруг да около.

Итак, она пригласила меня переночевать в ее жилом модуле, считая, что спать в собственной постели для меня будет неразумно или небезопасно. А значит…

— Ты видела?

— Издали. Подождала, пока все не успокоится, и только потом вернулась к столику. Ричард, я не очень понимаю, что случилось, но если тебе нужно залечь на дно, будь моим гостем.

— Спасибо, дорогая! — (Вот бесценное сокровище: друг, который готов помочь, не требуя объяснений.) — Не знаю, соглашусь я или нет, но я перед тобой в долгу. Гм… Гвен, я тоже не очень понимаю, что случилось. Незнакомца убивают, когда он пытается что-то тебе сказать, — до чего избитое клише! Если бы я в наше время захотел написать об этом рассказ, меня с позором изгнали бы из гильдии. — Я улыбнулся Гвен. — В классическом варианте убийцей оказываешься ты… и это выясняется постепенно, пока ты притворяешься, будто помогаешь мне в поисках преступника. Искушенный читатель понимает все с первой главы, но я, как детектив, не заметил бы того, что выпирает, словно нос на лице. Уточнение: на моем лице.

— Ну, у меня не такой уж выдающийся нос — мужчины в основном запоминают мой рот. Ричард, я не собираюсь помогать тебе повесить это на меня, я всего лишь предлагаю тебе убежище. Его в самом деле убили? Я так и не знаю в точности.

— Гм? — От поспешного ответа меня уберег Моррис, который принес напитки. Когда он ушел, я сказал: — Другая возможность мне даже в голову не приходила. Гвен, его точно не ранили. Либо он умер почти мгновенно, либо все это — инсценировка. Возможно ли такое? Конечно. Головидео в реальном времени, с минимумом декораций. — Я задумался. Почему персонал ресторана так быстро и исправно убрал все следы? Почему я не ощутил пресловутого прикосновения к плечу? — Гвен, я принимаю твое предложение. Если я нужен прокторам, они меня найдут. Но мне хотелось бы подробнее обсудить то, что случилось, а здесь это невозможно, как бы тихо мы ни говорили.

— Хорошо. — Она встала. — Я ненадолго, дорогой.

Она направилась в сторону туалетов.

Когда я поднялся, Моррис подал мне трость. Опираясь на нее, я последовал за Гвен. На самом деле я могу обходиться без трости — как вы уже знаете, я могу даже танцевать, — но с ней моя чертова нога меньше устает.

Выйдя из мужского туалета, я сел в вестибюле, чтобы подождать Гвен.

Я ждал и ждал ее.

Когда все это вышло за пределы разумного, я отыскал метрдотеля.

— Тони, ты не попросишь кого-нибудь из женщин заглянуть в дамский туалет и проверить, что с госпожой Новак? Возможно, ей стало плохо или у нее какие-то проблемы.

— Вы про свою спутницу, доктор Эймс?

— Да.

— Но она ушла двадцать минут назад. Я сам ее проводил.

— Вот как? Похоже, я неправильно ее понял. Спасибо. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, доктор. Ждем вас снова.

Выйдя из «Конца радуги», я немного постоял в общественном коридоре снаружи — кольцо номер тридцать, уровень с половинной силой тяжести, недалеко от радиуса двести семьдесят по часовой стрелке. Петтикоут-лейн[3] — достаточно оживленное место даже в час ночи. Я осмотрелся в поисках прокторов, подстерегающих меня, почти ожидая, что Гвен уже сидит в камере.

Прокторов нигде не было видно. Как и Гвен.

Я помню все старые шутки о женщинах и о по-

---

[3] Примечания: 3

Петтикоут-лейн — торговая улица в Лондоне, по имени которой названо место.

годе, «La donna è mobile»[4] и так далее, но считаю их неудачными. Гвен не могла внезапно взять и передумать. По какой-то причине — и весьма серьезной — она ушла одна и теперь ждет меня у себя дома.

По крайней мере, так я сказал сам себе.

А потом я пришел домой, и… трам-тарарам!

Гвен мирно спала в моей постели.

Тихо отойдя от кровати, я бесшумно разделся, вошел в ванную и запер за собой дверь. Хотя она не пропускала звуков — жилище было роскошным, — я все же старался не слишком шуметь, принимая душ. У меня имелись сомнения насчет звуконепроницаемости. Когда я стал настолько чистым и благоуханным, насколько самец безволосой обезьяны может добиться этого без хирургической операции, я тихо вернулся в спальню и осторожно забрался в постель. Гвен пошевелилась, но не проснулась.

Проснувшись ночью, я выключил будильник, но утром все равно встал в обычное время: мочевой пузырь не выключишь. Я встал, сделал свои дела, принял душ и, решив, что мне хочется

---

[4] Примечания: 4

Женщина непостоянна *(ит.)*. Слова из арии герцога из оперы Дж. Верди «Риголетто», больше известные в другом переводе: «Сердце красавицы склонно к измене».

жить, натянул комбинезон, неслышно прошел в гостиную и открыл кладовку, изучая свои запасы. Особому гостю подобает особый завтрак.

Я оставил дверь в комнату открытой, чтобы видеть Гвен. Думаю, ее разбудил аромат кофе.

— Доброе утро, красавица, — крикнул я, увидев, что она открыла глаза. — Вставай и чисти зубы — завтрак готов.

— Я уже почистила час назад. Давай обратно в постель.

— Нимфоманка. Апельсиновый сок, черешню или то и другое?

— Гм… и то, и то. Не уходи от темы. Иди сюда и встреть свою судьбу, как подобает мужчине.

— Сперва поешь.

— Ричард — слабак, Ричард — маменькин сынок!

— Еще какой трус. Сколько вафель ты можешь съесть?

— Гм… ну и проблема. Ты что, не можешь размораживать их по одной?

— Они не замороженные. Еще несколько минут назад они были живые и пели. Я сам убил их и освежевал. Говори, или я съем все сам.

— Боже, стыд и позор! Мне отказано в вафлях. Остается только уйти в монастырь. Две.

— Три. Ты имеешь в виду женский монастырь?

— Я знаю, что я имею в виду. — Гвен встала, пошла под душ и быстро оттуда вышла в одном из моих халатов, из-под которого то тут, то там проступали аппетитные куски ее тела. Я протянул ей стакан сока, и она сделала два глотка, прежде чем продолжить: — Буль-буль. Господи, до чего хорошо. Ричард, когда мы поженимся, ты будешь каждое утро готовить мне завтрак?

— Твой вопрос содержит в себе намеки, которые я не готов обсуждать…

— И это после того, как я доверилась тебе и отдала все!

— …но я признаю без всяких обсуждений, что приготовлю завтрак для двоих настолько же охотно, как и для одного. Но с чего ты предположила, будто я собираюсь на тебе жениться? Чем ты можешь меня соблазнить? Будешь вафлю?

— Ну, знаешь ли, не все мужчины настолько взыскательны! Некоторые готовы жениться на бабушке. Мне уже предлагали. Да, вафлю буду.

— Передай тарелку, — улыбнулся я. — Если ты бабушка, то у меня две ноги. Ты должна была зачать после первых же месячных, а твое потомство — мгновенно разродиться.

— Ни то ни другое, и все же я бабушка. Ричард,

я пытаюсь объяснить две вещи. Нет, даже три. Во-первых, я серьезно хочу выйти за тебя замуж, если ты согласишься… а если нет, оставлю тебя в качестве домашнего зверька и буду готовить тебе завтрак. Во-вторых, я действительно бабушка. В-третьих, если, несмотря на мой почтенный возраст, ты захочешь иметь от меня детей, я вполне способна на это благодаря чудесам современной микробиологии, которые заодно позволяют обходиться без морщин. Если пожелаешь меня обрюхатить, это будет не так уж сложно.

— Пожалуй, я смог бы себя заставить. Здесь кленовый сироп, а здесь черничный. Может, это уже случилось прошлой ночью?

— Дата не сходится, по крайней мере на неделю… А если бы я ответила: «В яблочко!» — что бы ты сказал?

— Хватит шуток. И доедай вафлю. Готова еще одна.

— Ты чудовище, ты садист. И урод.

— Вовсе не урод, — возразил я. — Я не родился без ноги, мне ее ампутировали. Моя иммунная система наотрез отказывается принимать трансплантаты, так что… Кстати, это одна из причин того, почему я живу в условиях низкой гравитации.

Гвен внезапно посерьезнела:

— Дорогой! Я вовсе не имела в виду твою ногу. Господи, твоя нога вовсе ни при чем… разве что теперь я буду осторожнее, чтобы не слишком тебя напрягать.

— Извини, но вернемся к исходному пункту. Почему я урод?

Она тут же повеселела:

— Сам не знаешь? Ты мне так все растянул, что вряд ли я теперь сгожусь для нормального мужчины. А теперь еще и жениться не хочешь. Давай обратно в постель.

— Сначала закончим завтракать и решим этот вопрос. У тебя что, совсем нет чувства сострадания? Я не говорил, что не хочу на тебе жениться… и ничего тебе не растягивал.

— О, какая вопиющая ложь! Передай, пожалуйста, масло. Ты и впрямь урод! Какой длины этот твой набалдашник с костью внутри? Двадцать пять сантиметров? Больше? А в поперечнике? Если бы я его сперва увидела, ни за что бы не рискнула.

— Вздор! В нем нет и двадцати сантиметров. Я ничего тебе не растягивал — размер вполне себе средний. Видела бы ты моего дядю Джока. Еще кофе?

— Да, спасибо. Но ты и вправду мне все растянул! Гм… а у твоего дяди Джока и впрямь больше?

— Намного.

— Гм… где он живет?

— Доедай вафлю. Все еще хочешь затащить меня обратно в постель? Или собираешься написать дяде Джоку?

— А может, сделать и то и другое? Да, еще немного бекона, спасибо. Ричард, ты хорошо готовишь. Я не хочу замуж за дядю Джока, мне просто любопытно.

— Только не проси его показать свое достоинство без серьезных намерений, у него-то они всегда серьезные. Когда ему было двенадцать, он соблазнил жену своего скаутмастера и сбежал вместе с ней. В Южной Айове было по этому поводу много шума, поскольку женщина не хотела с ним расставаться. Сто с лишним лет назад к таким делам относились очень серьезно — по крайней мере в Айове.

— Ричард, ты хочешь сказать, что дяде Джоку больше ста лет и он сохранил мужскую силу?

— Сто шестнадцать. До сих пор кувыркается с женами, дочерьми, мамашами и скотиной своих приятелей. И еще у него три собственные жены

в соответствии с законом Айовы о сожительстве пожилых граждан. Одна из них, моя тетя Сисси, еще учится в средней школе.

— Ричард, порой мне кажется, что ты не всегда правдив. У тебя некоторая склонность к преувеличениям.

— Разве можно так говорить со своим будущим мужем, женщина? Позади тебя терминал. Набери Гриннел, Айова — дядя Джок живет неподалеку от него. Давай позвоним ему? Если скажешь ему пару ласковых слов, он, возможно, покажет тебе предмет своей гордости. Ну так что, дорогая?

— Это увертка, чтобы не затаскивать меня в постель.

— Еще вафлю?

— Не пытайся меня подкупить. Гм… ну, может, половинку. Поделимся?

— Нет. Каждому по одной.

— Аве, Цезарь! Ты тот самый дурной пример, в котором я всегда нуждалась. Как только поженимся, я тут же растолстею.

— Рад, что ты об этом сказала. Не решался тебе говорить, но ты действительно слегка худощава. Острые углы, синяки… Не помешало бы немного прослойки.

Последующие слова Гвен я опущу — они звуча-

ли цветисто, даже лирично, но, по моему мнению, не подобали женщине. И поскольку это не в ее стиле, пусть они останутся тайной.

— По правде говоря, это несущественно, — сказал я. — Меня восхищают твой ум и твоя ангельская душа. Твоя прекрасная душа. Не будем о телесном.

И вновь я опущу то, что услышал в ответ.

— Ладно, — согласился я. — Как хочешь. Возвращайся в постель и начинай думать о телесном. А я пока выключу вафельницу.

Чуть позже я спросил:

— Хочешь венчаться в церкви?

— Ух ты! Надо будет одеться в белое? Ричард, а ты принадлежишь к какой-нибудь церкви?

— Нет.

— И я тоже. Церковь — не самое подходящее для нас место.

— Согласен. Но тогда какой свадьбы ты хочешь? Насколько мне известно, другого способа заключить брак в «Золотом правиле» нет. В предписаниях Управляющего ничего об этом не говорится. Юридически института брака здесь не существует.

— Но, Ричард, многие как-то женятся.

— Но как, дорогая? Понимаю, что они вступают

в брак, но если не посредством церкви, то каким образом? Никогда не пытался выяснить. Может, летят в Луна-Сити? Или на шарик? Как?

— Как захотят. Нанимают зал и какую-нибудь важную персону, чтобы этот человек связал молодоженов узами брака в присутствии толпы гостей, с музыкой и пышным празднеством… или дома, в кругу близких друзей. Или какой-нибудь промежуточный вариант. Выбирать тебе, Ричард.

— Ох нет, только не мне. Выбирай сама. Я просто не стану возражать. По-моему, лучше всего, когда женщина не вполне уверена в своем статусе. Это позволяет держать ее в легком напряжении. Эй! Перестань!

— Тогда не надо меня злить. Если не хочешь запеть сопрано на собственной свадьбе.

— Еще раз так сделаешь, и никакой свадьбы не будет. Какую свадьбу ты бы хотела, дорогая?

— Ричард, я не желаю свадебной церемонии и не нуждаюсь в свидетелях. Просто хочу пообещать тебе все то, что должна обещать жена.

— Уверена, Гвен? Не слишком ли ты спешишь?

Черт побери, обещания, сделанные женщиной в постели, не должны ни к чему обязывать.

— Я вовсе не спешу. Я решила выйти за тебя

больше года назад.

— В самом деле? Что ж, я… эй, мы ведь познакомились меньше года назад. На балу в честь Первого дня, двадцатого июля. Я помню.

— Верно.

— Ну и?…

— Что за «ну и», дорогой? Я решила выйти за тебя замуж еще до того, как мы познакомились. У тебя с этим проблемы? У меня их нет. И не было.

— Знаешь, я должен тебе кое-что сказать. В моем прошлом есть эпизоды, которыми я не могу похвастаться. Ну не то чтобы откровенно бесчестные, но довольно-таки темные дела. И Эймс — вовсе не та фамилия, которую я получил при рождении.

— Ричард, я буду только гордиться, если ко мне станут обращаться «миссис Эймс». Или… «миссис Кэмпбелл»… Колин Кэмпбелл.

— Что еще тебе известно? — поинтересовался я после паузы.

Она смотрела мне прямо в глаза, без тени улыбки на лице.

— Все, что мне нужно знать. Полковник Колин Кэмпбелл, которого его подчиненные и составители официальных отчетов называют «Убийца Кэмпбелл». Ангел-спаситель студентов академии

имени Персиваля Лоуэлла. Среди них была моя старшая дочь. Знаешь об этом, Ричард — или Колин?

— Будь я навеки проклят…

— Сомневаюсь, что это произойдет.

— И только поэтому ты намерена выйти за меня замуж?

— Нет, дорогой. Этой причины было достаточно год назад. Но в моем распоряжении было несколько месяцев, чтобы разглядеть за сказочным героем человека. И… вчера я поспешила затащить тебя в постель, но мы с тобой женимся не только из-за этого. Хочешь знать о моем темном прошлом? Я расскажу.

— Нет. — Я повернулся к ней и взял ее руки в свои. — Гвендолин, я хочу, чтобы ты стала моей женой. Хочешь, чтобы я стал твоим мужем?

— Хочу.

— Я, Колин Ричард, беру тебя, Гвендолин, в жены и клянусь обладать тобой, любить и заботиться до тех пор, пока ты желаешь оставаться со мной.

— Я, Сэди Гвендолин, беру тебя, Колин Ричард, в мужья и клянусь любить и заботиться о тебе до конца моей жизни.

— Уф! Полагаю, этого достаточно.

— Да. Но поцелуй же меня.

Я послушно подчинился.

— А откуда взялась «Сэди»?

— Мое настоящее имя — Сэди Липшиц. Мне оно не нравилось, и я его поменяла. Ричард, для того, чтобы наш брак стал официальным, осталось лишь объявить о нем. И я хочу сделать это, пока ты еще плохо соображаешь.

— Ладно. И как мы об этом объявим?

— Можно воспользоваться твоим терминалом?

— *Нашим* терминалом. Тебе незачем спрашивать разрешения.

— Нашим терминалом. Спасибо, дорогой. — Встав, она подошла к терминалу, вызвала справочник, а затем позвонила в «Вестник „Золотого правила“» и попросила переключить на редактора отдела светской хроники. — Запишите, пожалуйста: доктор Ричард Эймс и госпожа Гвендолин Новак счастливы объявить о своем сегодняшнем бракосочетании. Никаких подарков и цветов. Прошу подтвердить.

Она отключилась. Оттуда сразу же перезвонили, я ответил и подтвердил сообщение.

— Ричард, возможно, я нажала на тебя, — вздохнула она, — но у меня не было другого выхода. Теперь ни один суд не может потребовать, что-

бы я свидетельствовала против тебя. И я хочу помочь тебе, чем могу. Почему ты убил его, дорогой? И как?

2

Чтобы разбудить тигра, возьми палку подлиннее.

Мао Цзэдун (1893–1976)

Я задумчиво посмотрел на свою новобрачную.

— Ты весьма любезна, дорогая, и я благодарен тебе за то, что ты не хочешь свидетельствовать против меня. Но сомневаюсь, что упомянутый тобой принцип действует в здешней юрисдикции.

— Но это же всеобщий закон, Ричард. Никто не может принудить жену свидетельствовать против мужа. Все это знают.

— Вопрос в том, знает ли об этом Управляющий. Компания исходит из того, что на данной орбитальной станции существует только один закон, Золотое правило[5], и утверждает, что предписания Управляющего — всего лишь практическая интерпретация этого закона, базовые принципы, которые могут меняться прямо во время судебного заседания и иметь обратную силу, если Управляющий так решит. Гвен, я не

---

[5] Примечания: 5

Имеется в виду библейский принцип: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7: 12).

знаю. Заместитель Управляющего может посчитать, что ты — ключевой свидетель Компании.

— Я не стану свидетельствовать против тебя! Не стану!

— Спасибо, любовь моя. Но давай все же выясним, как выглядели бы твои показания, если бы ты стала свидетелем по делу… как мы его назовем? Ну… допустим, меня обвиняют в том, что мои незаконные действия стали причиной смерти… гм… господина Икс, незнакомца, который вчера вечером подошел к нашему столику, когда ты удалилась в дамскую комнату. Что ты видела?

— Ричард, я видела, как ты его убил. Видела!

— Прокурор захочет подробностей. Ты видела, как он подошел к нашему столику?

— Нет. Я его не видела, пока не вышла из туалета и не направилась к столику… и меня удивило, что на моем месте кто-то сидит.

— Ладно, вернись немного назад и расскажи о том, что именно ты видела.

— Гм… я вышла из дамской комнаты и свернула налево, к нашему столику. Как ты помнишь, ты был ко мне спиной…

— Не важно, что помню я, — рассказывай то, что помнишь ты. Как далеко ты находилась?

— Ну… не знаю. Может, метрах в десяти. Могу пойти туда и померить. Это так важно?

— Если окажется, что это важно, можешь померить. Ты видела меня с расстояния в десять метров. Что я делал? Стоял? Сидел? Двигался?

— Ты сидел ко мне спиной.

— Ты видела только мою спину, к тому же света было маловато. Как ты поняла, что это я?

— Слушай, Ричард, по-моему, ты намеренно все усложняешь.

— Да, поскольку именно так поступают прокуроры. Как ты меня узнала?

— Гм… это в самом деле был ты, Ричард. Твой затылок я знаю не хуже, чем твое лицо. Так или иначе, именно твое лицо я увидела, когда ты встал и двинулся с места.

— Именно это я и сделал в следующий момент? Встал?

— Нет-нет. Я увидела, что ты сидишь за нашим столиком, а потом остановилась, когда заметила, что напротив тебя, на моем стуле, кто-то сидит. Я просто стояла и смотрела на вас.

— Ты его узнала?

— Нет. Думаю, я никогда его не видела.

— Опиши его.

— Гм… не очень получается.

— Низкий? Высокий? Возраст? Бородатый? Цвет кожи? Как одет?

— Я не видела его стоящим. Не молодой, но и не старый. И вряд ли у него была борода.

— Усы?

— Не знаю.

(Я-то знал — безусый, лет тридцати.)

— Цвет кожи?

— Белый. Светлокожий, но не блондин, как шведы. Ричард, у меня не было времени запомнить все подробности. Он угрожал тебе каким-то оружием, ты выстрелил в него и вскочил, как только подошел официант. А я отошла подальше и ждала, пока не забрали труп.

— Куда его забрали?

— Точно не знаю. Я вернулась в дамскую комнату и заперла за собой дверь. Может, его унесли в мужской туалет, прямо напротив женского. Но в конце коридора есть еще одна дверь с табличкой «Только для персонала».

— Говоришь, он угрожал мне оружием?

— Да. Потом ты выстрелил в него, вскочил, схватил его оружие и сунул в карман в тот самый момент, когда с другой стороны подошел наш официант.

(Ого!)

— В какой карман я его положил?

— Дай подумать… Так, сейчас мысленно повернусь в ту сторону… В левый карман. В левый наружный карман пиджака.

— Как я был одет вчера вечером?

— В вечерний костюм — мы пришли прямо с балета. Белый свитер с высоким воротником, красно-коричневый пиджак, черные брюки.

— Гвен, поскольку в спальне спала ты, я разделся вчера здесь, в гостиной, и повесил одежду в тот шкаф, что у входной двери, хотел перевесить ее позже. Будь любезна, открой его, найди пиджак, который был на мне вчера, и достань из левого наружного кармана «оружие», которое я положил туда у тебя на глазах.

— Но… — Гвен замолчала и с серьезным видом выполнила мою просьбу. Мгновение спустя она вернулась. — Вот все, что было в том кармане. — Она протянула мне бумажник незнакомца. Я взял его.

— Это и есть оружие, которым он мне угрожал. — Затем я показал ей собственный правый указательный палец. — А это оружие, из которого я его застрелил, когда он нацелил бумажник на меня.

— Не понимаю.

— Милая, именно поэтому криминалисты больше верят косвенным уликам, чем показаниям очевидцев. Ты идеальная свидетельница — умная, искренняя, отзывчивая и честная. То, о чем ты рассказала, — мешанина из того, что ты видела, того, что тебе показалось, того, чего ты не заметила, хотя оно было прямо у тебя перед носом, и того, что додумывает твой разум, пытаясь связать то, что ты видела, и то, что тебе показалось. И теперь эта мешанина прочно засела у тебя в мозгу, приняв облик истинных воспоминаний очевидца. Но на самом деле все было не так.

— Но, Ричард, я и вправду видела…

— Ты видела, как убили того несчастного клоуна. Но ты не видела, как он мне угрожал, не видела, как я в него стрелял. Его застрелил некто третий с помощью разрывной иглы. Поскольку он сидел лицом к тебе и удар пришелся в грудь, игла должна была пролететь рядом с тобой. Не заметила никого, кто встал со своего места?

— Нет. Ну да, вокруг носились официанты, их помощники и метрдотель, а люди вставали и садились. Хочу сказать, что я не заметила никого в особенности, и уж точно не заметила, чтобы кто-нибудь стрелял. Кстати, из чего?

— Гвен, возможно, эта вещь не была похожа

на пистолет. Замаскированное оружие наемного убийцы для стрельбы иглами с близкого расстояния может выглядеть как угодно, лишь бы одна из его сторон имела в длину сантиметров пятнадцать. Дамская сумочка, фотоаппарат, театральный бинокль — бесконечный список совершенно невинных предметов. От этого нет толку: я сидел спиной, а ты не видела ничего необычного. Игла, вероятно, прилетела из-за твоей спины. Поэтому забудь. Попробуем лучше выяснить, кем был убитый или за кого он себя выдавал.

Я извлек содержимое всех отделений бумажника, включая плохо спрятанное «секретное», где лежали выпущенные цюрихским банком золотые сертификаты стоимостью примерно семнадцать тысяч крон — судя по всему, они предназначались на случай поспешного бегства.

В бумажнике лежало также удостоверение личности, выдаваемое «Золотым правилом» каждому прибывающему на центральный модуль станции. Оно говорит лишь о том, что его владелец обладает лицом, назвался неким именем и заявил о своем гражданстве, возрасте, месте рождения и так далее, а также оставил в залог Компании обратный билет или эквивалент-

ную сумму наличными и оплатил потребление воздуха за девяносто дней. По большому счету Компанию интересуют только последние два пункта.

Не знаю наверняка, вышвырнет ли Компания в космос того, кто по недосмотру оказался без обратного билета и денег на оплату воздуха. Возможно, ему позволят отдать себя в кабалу, но я бы на это не рассчитывал. Лично я не стал бы рисковать, зная, что в случае чего придется глотать вакуум.

Удостоверение выдали на имя Энрико Шульца, тридцати двух лет, гражданина Белиза, родившегося в Сьюдад-Кастро, бухгалтера по профессии. На фото был тот самый бедолага, который погиб из-за того, что решил встретиться со мной в слишком людном месте. Я в очередной раз удивился тому, что он мне не позвонил и не договорился о встрече с глазу на глаз. В справочник я занесен как «доктор Эймс», и если бы он сказал «Уокер Эванс», его выслушали бы внимательно.

Я показал удостоверение Гвен.

— Это и есть наш приятель?

— Кажется, да. Хотя не уверена.

— Зато я уверен, так как несколько минут общался с ним лицом к лицу.

Самым странным в бумажнике Шульца оказалось то, чего там не было. Кроме швейцарских золотых сертификатов, в нем лежали восемьсот тридцать одна крона наличными и удостоверение, то самое.

И больше ничего.

Ни кредитных карт, ни лицензии пилота, ни страховых полисов, ни карточек профсоюза или гильдии, ни других удостоверений личности, ни клубных карт — вообще ничего. Мужские бумажники подобны дамским сумочкам: в них собирается всевозможный хлам — фотографии, вырезки, списки покупок и так до бесконечности. Поэтому их приходится периодически чистить. Но десяток мелочей, без которых современный мужчина не в состоянии обойтись, остается на месте после любой чистки. А у моего приятеля Шульца ничего такого не оказалось.

Вывод: он не горел желанием афишировать свою реальную личность. Следствие: где-то на станции «Золотое правило» имелся тайник с его личными документами — еще одним удостоверением на другое имя, паспортом, почти наверняка выданным не властями Белиза, и прочим, что позволило бы узнать о его прошлом, его мотивах и, возможно, о том, откуда ему было известно имя

Уокера Эванса.

Можно ли их отыскать?

Мои мысли занимал еще один вопрос, связанный с золотыми сертификатами на семнадцать тысяч. Вдруг Шульц рассчитывал посредством такой мизерной суммы нанять меня для убийства Толливера? Если так, мне следовало бы обидеться. Лучше думать, что он надеялся убедить меня совершить убийство для блага общества.

— Хочешь со мной развестись? — спросила Гвен.

— Гм?

— Ведь я сама тебя к этому подтолкнула. У меня были благие намерения, честно! А оказалось, что я поступила глупо.

— Ох, Гвен, ты хочешь, чтобы я женился и развелся в тот же самый день? Да никогда в жизни. Если действительно хочешь от меня избавиться, потерпи до завтра. Хотя, если честно, стоило бы устроить мне испытательный срок на месяц или как минимум на полмесяца. И позволить мне устроить такой же срок тебе. Пока что ты прекрасно справляешься со своими обязанностями, как в горизонтальном, так и в вертикальном положении. Если меня что-то не устроит, я скажу. Согласна?

— Вполне. Хотя я могла бы побить тебя насмерть твоей собственной софистикой.

— Избиение мужа до смерти — привилегия каждой замужней женщины… если это происходит не на виду у всех. Сбавь обороты, дорогая, у меня и без того хватает проблем. Можешь придумать хоть одну причину, по которой следует убить Толливера?

— Рона Толливера? Нет. Хотя не могу придумать причины, по которой он должен остаться в живых. Грубиян и невежа.

— Кто бы спорил. Не будь он одним из партнеров Компании, ему давно велели бы забрать свой обратный билет и проваливать. Но я не говорил «Рон Толливер», я сказал просто «Толливер».

— Их что, много таких? Надеюсь, что нет.

— Посмотрим. — Я подошел к терминалу, вызвал справочник и пролистал до буквы «Т». — Ронсон Х. Толливер, Ронсон К. — это его сын, — а вот и жена, Стелла М. Толливер. Ха! Тут еще говорится: «См. также „Тальяферро“».

— Это изначальное написание, — сказала Гвен. — Но произносится все равно «Толливер».

— Уверена?

— Вполне. По крайней мере, к югу от линии

Мэйсона-Диксона[6] на шарике. Считается, что «Толливер» пишет только белое быдло, не знающее орфографии, а те, кто пишет по-старому и потом выговаривает все буквы, — из новоприбывших янки, носивших раньше фамилию Липшиц или вроде того. Настоящие же плантаторы-аристократы, которые хлестали негров и трахали их девок, писали по-старому, а произносили по-новому.

— Жаль, что ты все это мне рассказала.

— Почему, дорогой?

— Здесь перечислены трое мужчин и одна женщина, которые пишут эту фамилию по-старому, «Тальяферро». Я никого из них не знаю. Соответственно, не знаю, кого мне убивать.

— А тебе обязательно кого-то убивать?

— Не знаю. Гм… пора ввести тебя в курс дела. Если, конечно, ты планируешь оставаться моей женой как минимум две недели. Да?

— Конечно! Две недели и всю оставшуюся жизнь! А ты — мужская шовинистическая свинья!

— Полностью оплаченное пожизненное членство в клубе.

---

[6] Примечания: 6

Линия Мэйсона-Диксона — символическая граница между северными и южными штатами США до Гражданской войны.

— Еще и дразнишься!

— Мне тоже кажется, что ты симпатичная. Хочешь обратно в постельку?

— Нет. Сначала реши, кого собираешься убить.

— На это может потребоваться время. — Я постарался как можно более подробно и бесстрастно изложить историю моего короткого знакомства с тем, кто пользовался фамилией Шульц. — И это все, что мне известно. Он умер слишком быстро, не дав мне узнать больше, и оставил после себя бесчисленные вопросы.

Снова повернувшись к терминалу, я переключил его в режим текстового редактора и создал новый файл, словно приступая к очередной халтуре:

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

НЕВЕРНО НАПИСАННОЙ ФАМИЛИИ

Вопросы, требующие ответа:

1. Толливер или Тальяферро?
2. Почему Т. должен умереть?
3. Почему «умрем мы все», если Т. не умрет к полудню воскресенья?
4. Кто тот покойник, называвший себя Шульцем?

5. Почему я — естественная кандидатура на роль убийцы Т.?

6. Необходимо ли данное убийство?

7. Кто из Общества памяти Уокера Эванса натравил на меня этого болвана? И зачем?

8. Кто убил Шульца? И зачем?

9. Почему персонал «Конца радуги» сразу же скрыл все следы убийства?

10. (Вопрос общего характера) Почему Гвен ушла раньше меня, почему она пришла сюда, а не к себе, и как она сюда попала?

— Будем рассматривать по порядку? — спросила Гвен. — Номер десятый — единственный, на который я могу ответить.

— Я добавил его только что, — сказал я. — Что касается первых девяти — если я сумею найти ответы на любые три из них, то смогу путем умозаключений ответить и на остальные.

Я продолжил набирать текст на экране:

ВОЗМОЖНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Если опасность или тупик -
бегай кругами, погромче крик

— И что, помогает? — спросила Гвен.

— Каждый раз! Спроси любого старого вояку. А теперь — вопросы по порядку.

В. 1 — Позвонить каждому Тальяферро в справочнике. Узнать желаемое произношение фамилии. Вычеркнуть всех, кто произносит в ней каждую букву.

В. 2 — Откопать информацию обо всех оставшихся. Начать с архивов «Вестника».

В. 3 — Занимаясь вопросом номер 2, не упускать из виду любых событий, ожидающихся в воскресный полдень или запланированных на это время.

В. 4 — Если ты прибываешь на орбитальную станцию «Золотое правило» и хочешь скрыть свою личность, но должен иметь доступ к паспорту и другим документам, чтобы улететь отсюда, — где ты их спрячешь? Намек: выяснить, когда будущий покойный прибыл на «Золотое правило». Затем проверить отели, камеры хранения, депозитные ячейки, почту до востребования и т. д.

В. 5 — отложить.

В. 6 — отложить.

В. 7 — Постараться позвонить каждому, кто связан «Клятвой Уокера Эванса». Продолжать,

пока один из них не проговорится. Примечание: возможно, кто-то со студнем вместо мозгов слишком много болтал, сам о том не догадываясь.

В. 8 — Моррис, или метрдотель, или помощник официанта, или все они, или кто-то двое из них знают, кто убил Шульца. Кто-то из них явно этого ожидал. Так что поищем ключик к каждому из них — выпивку, наркотики, деньги, секс (comme ci ou comme ça[7]), — и еще, как тебя звали на шарике, дружок? Уж не разыскивают ли тебя? Найти слабое место и надавить. Проделать это со всеми троими, а потом посмотреть, сходятся ли их рассказы. В каждом шкафу есть свой скелет. Таков закон природы — и поэтому надо найти все эти скелеты.

В. 9 — Деньги (вполне убедительное предположение, пока не доказано обратное).

(Вопрос: во что мне все это обойдется? Смогу ли я это себе позволить? Контрвопрос: могу ли я позволить себе *не* заниматься этим?)

— Вот что интересно, — задумчиво проговорила Гвен. — Когда я сунула нос в твои дела, я думала, у тебя серьезные проблемы. Но, похоже, у тебя все в порядке. Зачем тебе вообще что-то

---

[7] Примечания: 7
Или так, или этак *(фр.)*.

делать, муженек?

— Я должен его убить.

— Что?! Но ты же не знаешь, о каком Толливере идет речь! И о том, почему он должен умереть. Если вообще должен.

— Нет-нет, я не о Толливере. Хотя в итоге может оказаться, что Толливер все-таки должен умереть. Нет, дорогая, я о том, кто убил Шульца. Я должен найти его и убить.

— О, я, конечно, понимаю, что убийца заслуживает смерти. Но почему этим должен заниматься *ты*? Ты не знаком ни с тем, ни с другим — ни с убитым, ни с тем, кто его убил. Собственно, это никак тебя не касается. Разве нет?

— Еще как касается! Шульца, или как его там, убили после того, как я пригласил его за свой столик. Такого оскорбления я не потерплю. Гвен, любовь моя, если вы терпите дурные манеры, они становятся только хуже. Наша приятная во всех отношениях станция может превратиться в трущобы наподобие «Эль-пять»: толкотня, хамство, шум и сквернословие. Я должен найти того, кто это сделал, объяснить ему, в чем он виноват, дать возможность принести извинения, а затем убить его.

3

Мы должны прощать наших врагов, но не раньше, чем их повесят.

Генрих Гейне (1797–1856)

Моя прекрасная супруга уставилась на меня.

— Ты способен убить человека за дурные манеры?

— А ты знаешь повод получше? Хочешь, чтобы я мирился с хамством?

— Нет, но… я могу понять, когда казнят за убийство — я вовсе не противница смертной казни. Но разве это не дело прокторов и здешнего руководства? Зачем тебе брать закон в свои руки?

— Гвен, я выразился неточно. Моя цель — не наказывать, а выпалывать сорняки… и еще получать эстетическое наслаждение от воздаяния за хамское поведение. Возможно, у неизвестного убийцы имелись веские причины прикончить того, кто называл себя Шульцем… но убийство в присутствии людей, занятых едой, так же оскорбительно, как публичная ссора между супругами. Проступок усугубляется тем, что убитый был моим гостем… поэтому воздаяние — не только

мое право, но и обязанность. Меня не волнует тот факт, что убийство само по себе может считаться преступлением. Но раз уж речь зашла о том, что это дело прокторов и руководства, — тебе известен хоть один местный закон, запрещающий убийство?

— Что? Ричард, он наверняка существует.

— Никогда не слышал ни о чем подобном. Полагаю, Управляющий может счесть убийство нарушением Золотого правила…

— Да я в этом почти уверена!

— Правда? Лично я никогда не уверен в том, что может подумать Управляющий. Но, дорогая моя Гвен, убийство — не всегда преступление. Чаще всего оно не является таковым. Если Управляющий и обратит внимание на эту расправу, он может счесть ее вполне оправданной — преступлением против нравов, но не против морали. Но, — продолжил я, снова повернувшись к терминалу, — возможно, Управляющий уже решил данную проблему. Посмотрим, что пишут в «Вестнике».

Я вновь вызвал газету, перешел к свежему номеру и выбрал раздел с информацией о рождениях, браках, разводах и смертях.

Первым стояло объявление о бракосочетании

Эймса и Новак. Я остановил прокрутку, увеличил текст, отправил на печать, оторвал листок и протянул супруге.

— Отправь своим внукам — пусть знают, что их бабуля больше не живет во грехе.

— Спасибо, дорогой. Ты так любезен… или мне только кажется?

— А еще я умею готовить.

Я прокрутил газету дальше, до некрологов. Обычно я читаю их первыми — всегда есть шанс на то, что какой-нибудь порадует меня.

Увы — только не сегодня. Ни одной знакомой фамилии, не говоря уже о Шульце. Никаких неопознанных тел. Никаких смертей «в популярном ресторане». Ничего, кроме обычного печального перечня незнакомцев, скончавшихся естественным образом, и одной жертвы несчастного случая. Перейдя к общим новостям станции, я начал просматривать строки, плывущие по экрану.

Ничего, кроме бесчисленных рутинных событий, от прибытия и отправления кораблей до главной новости: последнее дополнение станции, кольца 130–140, приведены во вращение, и если все пойдет по плану, их доставят на место, а с восьми ноль-ноль шестого числа начнут прива-

ривать к основному цилиндру.

И здесь не было ничего о Шульце, никаких упоминаний о Толливере или Тальяферро и никаких неопознанных трупов. Вновь вернувшись к содержанию, я вызвал перечень событий на ближайшее воскресенье. Оказалось, что на полдень запланировано единственное мероприятие — проходящий по головидению круглый стол с участием представителей Гааги, Токио, Луна-Сити, «Эль-четыре», «Золотого правила», Тель-Авива и Агры на тему: «Кризис веры: современный мир на перепутье». Вести его будут председатель Гуманистического общества и далай-лама. Я пожелал им удачи.

— Пока что полный ноль. Гвен, как вежливо поинтересоваться у незнакомого человека насчет произношения его фамилии?

— Дай-ка попробую, дорогой. Я бы сказала: «Миз Толливух, это Глория Мид Кэлхун с Саванна. У вас есть в Чальстоне кузина Стэйси Мэй?» Если она поправит мое произношение, я извинюсь и отключусь. Но если она — или он — не станет возражать против упрощенной формы и при этом скажет, что не знает ни о какой Стэйси Мэй, я отвечу: «Вот я и сомневалась. Собственно, она говорила „Тальяферро“… но я знала, что это

неправильно». И что тогда, Ричард? Договориться о встрече или «случайно» отключиться?

— Договориться, если возможно.

— О встрече с тобой? Или со мной?

— С тобой. Я пойду тоже. Но сначала мне придется купить шляпу.

— Шляпу?

— Такую смешную штуку, которую носят на верхней части головы. По крайней мере, так делают на шарике.

— Я знаю, что такое шляпа! Я тоже родилась на шарике, как и ты. Но сомневаюсь, что за пределами Земли хоть один человек видел шляпу. И где ты ее найдешь?

— Не знаю, дорогая, но могу тебе сказать, где она понадобится. Я вежливо приподниму ее при встрече и скажу: «Сэр или мадам, умоляю, расскажите мне, почему кто-то желает вашей смерти к полудню воскресенья». Гвен, меня беспокоит вопрос, с чего начать такую беседу. Общепринятые формы вежливости существуют почти для всех случаев — от предложения верной жене совершить адюльтер до вымогательства взятки. Но с чего начать разговор на *эту* тему?

— Разве нельзя просто сказать: «Не удивляйтесь, но вас хотят убить»?

— Нет, это будет неправильно. Я ведь не собираюсь предупреждать этого парня, что кто-то хочет его пристрелить. Я пытаюсь выяснить, *зачем* это кому-то понадобилось. А когда выясню, то возможно, всем сердцем поддержу эту идею и не стану ничего предпринимать… или даже могу настолько ею вдохновиться, что сам исполню намерение покойного господина Шульца, оказав услугу всему человечеству.

С другой стороны, мне это может настолько не понравиться, что я вмешаюсь и добровольно отдам все силы и саму жизнь предотвращению этого убийства. Если, конечно, цель — не Рон Толливер. Но сейчас рано решать, на чью сторону становиться, — нужно понять, что происходит. Гвен, любовь моя, профессиональный убийца не имеет права сперва убивать, а потом задавать вопросы. Людей это раздражает. — Я снова повернулся к терминалу и уставился на него, не дотрагиваясь до клавиш. — Гвен, прежде чем мы займемся местными звонками, надо бы заказать шесть звонков с временно́й задержкой, чтобы поговорить с каждым из «друзей Уокера Эванса». В любом случае, главная улика для меня — тот факт, что Шульц упомянул эту фамилию. Ее сообщил кто-то из шестерых… и он должен знать,

почему Шульц так трясся от страха.

— С временно́й задержкой? Они все далеко?

— Не знаю. Один, вероятно, на Марсе, еще двое могут находиться в Поясе астероидов. Кто-то может даже пребывать на шарике, но под фальшивым именем, как и я. Гвен, поражение, которое вынудило меня оставить веселую профессию военного и сделало этих шестерых моими братьями по крови… скажем так, пахло весьма дурно, с точки зрения публики. Я мог бы сказать, что репортеры, не присутствовавшие при этом, вряд ли поняли, почему так случилось. Я мог бы честно сказать, что то, что мы сделали, было моральным поступком — в том месте, в то время и с учетом тех обстоятельств. Я мог бы… не важно, дорогая. Скажу лишь, что моим братьям приходится скрываться. Разыскать всех — долгий и тяжкий труд.

— Но ты ведь хочешь поговорить только с одним? С тем, кто общался с Шульцем?

— Да, но я не знаю, кто это.

— Ричард, не проще ли отыскать его, идя по следу Шульца, чем заниматься поисками шестерых, которые скрываются под вымышленными именами и раскиданы по всей Солнечной системе? Или даже находятся за ее пределами?

Я обдумал это.

— Возможно. Но как мне найти след Шульца? Есть идеи, любовь моя?

— Ни одной. Но помню, что, когда я прибыла на станцию, в центральном модуле меня не только спросили, где я живу, и проверили данные по паспорту, но и стали выяснять, откуда я прилетела, и смотреть визовые штампы. Их интересовало не только то, что я прибыла с Луны — почти все прилетают сюда с Луны, — но и то, как я на Луне оказалась. Тебя об этом не спрашивали?

— Нет. Но у меня был паспорт Свободной Луны, где говорилось, что я являюсь ее уроженцем.

— Я думала, ты родился на Земле.

— Гвен, на шарике родился Колин Кэмпбелл. Ричард Эймс родился в Гонконге-Лунном — так тут написано.

— Ах вот как…

— Но пожалуй, действительно стоит поискать следы Шульца, прежде чем пытаться найти всех шестерых. Если бы я знал, что Шульц никогда не бывал дальше земной орбиты, я бы в первую очередь порылся вблизи — на Луне, шарике и всех орбитальных станциях в окрестностях Терры или Луны. Но не в Поясе астероидов, даже не на Марсе.

— Ричард? Что, если… Нет, это глупо.

— Что глупо, дорогая? Может, все-таки расскажешь?

— Ну предположим, что этот заговор, или как его назвать, направлен не против Рона Толливера или какого-нибудь другого Толливера, а против тебя и шестерых «друзей Уокера Эванса». Может, кто-то хочет, чтобы ты приложил все усилия для установления связи с остальными? Тогда заговорщики, кем бы они ни были, смогли бы добраться до всех семерых. Что, если это вендетта? Вдруг кто-то устроил вендетту против всех вас?

У меня засосало под ложечкой.

— Да, вполне возможно. Хотя нет, вряд ли. В этом случае непонятно, зачем убили Шульца.

— Я и говорю, что это глупо.

— Погоди… а его в самом деле убили?

— Мы же оба видели это, Ричард.

— Точно? Да, мне так показалось. Но надо признать, что это могло быть инсценировкой. То, что я видел, очень похоже на смерть от разрывной иглы. Но… Гвен, достаточно лишь двух простых приспособлений. Одно — для того, чтобы на рубашке Шульца появилось темное пятнышко. Второе — небольшой резиновый пузырь с фальшивой кровью, спрятанный за щекой. Он прокусывает пузырь в нужный момент, и изо рта

течет «кровь». Дальше начинается спектакль… включая странное поведение Морриса и остального персонала. «Мертвеца» быстро уносят… за дверь с надписью «Только для персонала»… дают ему чистую рубашку и поспешно выпускают через служебный выход.

— Думаешь, все так и было?

— Гм… нет, черт побери! Гвен, я видел множество смертей, и он был от меня так близко, как ты сейчас. Вряд ли это была инсценировка. Думаю, я видел настоящую смерть.

Я злился на себя самого — неужели я мог так ошибиться? Конечно мог! Я вовсе не супергений, наделенный пси-способностями, и в качестве очевидца вполне мог ошибиться так же легко, как и Гвен.

— Гвен, — вздохнул я, — действительно я ничего не знаю. Для меня это выглядело как смерть от разрывной иглы… но если бы они хотели устроить спектакль и хорошо его подготовили, тогда, разумеется, все выглядело бы точно так же. По крайней мере, тогда понятно, почему персонал «Конца радуги» быстро убрал все следы. Иначе такое поведение выглядит невероятным. — Я снова задумался. — Любовь моя, я ни в чем не уверен. Может, кто-то пытается свести меня с ума?

Гвен восприняла мой вопрос как риторический, каким он и был — надеюсь, что был.

— Итак, что же мы будем делать?

— Гм… попробуем выяснить хоть что-то о Шульце. Насчет дальнейшего пока не беспокойся.

— И как же?

— Путем подкупа, любовь моя. С помощью лжи и денег. На первом можно не экономить, в отличие от второго — если только ты не богата. Мне как-то не пришло в голову спросить об этом до того, как я на тебе женился.

— Ты на мне женился? — Гвен широко раскрыла глаза. — Ричард, это я вышла за *тебя* замуж, ради *твоих* денег.

— Что, правда? Значит, тебя обманули. Хочешь встретиться с адвокатом?

— Пожалуй, да. Есть тут такое понятие, как «изнасилование по статутному праву»?[8]

— Нет, «статутное изнасилование» — это соитие со статуей… вообще-то, никогда не понимал, почему это должно кого-то волновать? Не думаю, что здесь это противозаконно. — Я снова повернулся к терминалу. — Так тебе нужен адвокат? Или поищем Шульца?

---

[8] Примечания: 8

Изнасилованием по статутному праву считается связь с несовершеннолетним лицом. — *Примеч. С. В. Голд.*

— Э-э-э… Ричард, у нас с тобой очень странный медовый месяц. Давай вернемся в постель.

— Постель может подождать. Но никто не мешает тебе съесть еще вафлю, пока я пытаюсь найти Шульца.

Снова вызвав справочник, я прокрутил его до фамилии «Шульц». Нашлось девятнадцать упоминаний, но ни одного Энрико Шульца, что, впрочем, не было удивительно. Однако обнаружился один Хендрик Шульц, и я нажал на клавишу, чтобы раскрыть детали:

«Преподобный доктор Хендрик Хадсон Шульц, BS, MA, DD, DHL, KGB[9], бывший великий магистр Королевского астрологического общества. Научные гороскопы по умеренным ценам. Торжественные бракосочетания. Консультации по семейным вопросам. Эклектическая и холистическая терапия. Консультации по вложению капиталов. Прием ставок на выгодных условиях в любое время. Петтикоут-лейн, кольцо 95, возле „Мадам Помпадур“». Сверху красовалось его голографическое изображение. Доктор с улыбкой

[9] Примечания: 9

BS — бакалавр естественных наук, *MA* — магистр гуманитарных наук, *DD* — доктор богословия, *DHL* — популярная служба доставки, *KGB* — не менее известный Комитет государственной безопасности. — *Примеч. С. В. Голд.*

повторял: «Я — отец Шульц, готов всегда прийти на помощь. Для меня нет ни слишком больших, ни слишком мелких проблем. Полная гарантия».

Гарантия чего? Хендрик Шульц походил на Санта-Клауса без бороды и нисколько не походил на моего приятеля Энрико, так что я стер его с экрана, хоть и с неохотой, поскольку ощутил некоторое родство душ с преподобным доктором.

— Гвен, его нет в справочнике — по крайней мере, под именем, которое стоит в удостоверении «Золотого правила». Значит ли это, что его никогда там не было? Или его имя удалили прошлой ночью, еще до того, как труп остыл?

— Ждешь ответа? Или просто размышляешь вслух?

— Пожалуй, ни то ни другое. Следующий шаг — запросить центральный модуль.

Найдя в справочнике номер, я позвонил в службу иммиграции, располагавшуюся в центральном модуле.

— Говорит доктор Ричард Эймс. Я ищу жителя по имени Энрико Шульц. Не могли бы вы дать мне его адрес?

— Почему бы вам не поискать в справочнике? — Голос звучал точь-в-точь как у моей учительницы в третьем классе, что отнюдь не

является похвалой.

— В справочнике его нет. Он турист, а не абонент. Мне просто нужен его адрес в «Золотом правиле». Отель, пансионат — что угодно.

— Ну-ну. Вы же прекрасно знаете, что мы не сообщаем личную информацию, даже о чьих-либо координатах. Если его нет в списке, значит он честно за это заплатил. Поступайте с другими так, как хотите, чтобы поступали с вами, доктор. — С этими словами она отключилась.

— И где теперь будем спрашивать? — поинтересовалась Гвен.

— Там же, у той же офисной крысы, только с наличными и при личной встрече. Терминалы — это удобно… но не для взяток размером менее сотни тысяч. Чтобы слегка подмазать, куда практичнее явиться лично и с деньгами. Идешь со мной?

— Думаешь, тебе удастся от меня отделаться? В день нашего бракосочетания? Только попробуй, негодяй ты этакий!

— Может, наденешь что-нибудь на себя?

— Ты стыдишься, как я выгляжу?

— Вовсе нет. Идем.

— Сдаюсь. Погоди секунду, только найду туфли. Ричард, может, по пути заглянем ко мне? Вчера,

на балете, я смотрелась очень шикарно, но вряд ли мое платье подходит для визита в учреждение в это время дня. Я хотела бы переодеться.

— Ваше желание — закон. Но у меня возникла вот какая мысль: не хочешь перебраться ко мне?

— А ты этого хочешь?

— Гвен, мой опыт говорит, что супруги могут жить на две кровати, но почти никогда — на две квартиры.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Ага, заметила все-таки. Гвен, у меня есть одна отвратительная привычка, из-за которой со мной тяжело жить. Я пишу.

Моя любимая озадаченно взглянула на меня:

— Ты уже говорил. Но почему «отвратительная»?

— Гм… Гвен, дорогая, я не собираюсь извиняться за свое писательство… как и за свою недостающую ногу… по правде говоря, одно привело к другому. Когда я распрощался с профессией военного, мне нужно было что-то есть. Ничему другому я не учился, а дома вместо меня уже разносил газеты другой парень. Но писательство — законный способ не работать, не занимаясь при этом воровством, к тому же для него не нужны ни талант, ни знания.

Однако оно делает человека малообщительным, поскольку требует одиночества, как мастурбация. Стоит потревожить писателя, когда он пребывает в муках творчества, и он, скорее всего, повернется и прокусит тебе руку до кости… не отдавая себе в этом отчета. Об этом, к своему ужасу, зачастую узнают мужья и жены писателей.

И еще — слушай внимательно, Гвен! — писателя невозможно приручить, привить ему цивилизованные манеры. Или хотя бы вылечить. Если в доме живет больше одного человека, включая писателя, единственное известное науке решение — предоставить пациенту изолированное помещение, где он может находиться в периоды обострения, и подавать ему еду на палке. Потому что если побеспокоить его в такие моменты, он может разразиться рыданиями или прийти в ярость. Порой он вообще никого не слышит, пребывая в таком состоянии, а если потрясти его — укусит. — Я изобразил лучшую из своих улыбок. — Не волнуйся, любовь моя. Прямо сейчас я ничего не пишу и не собираюсь начинать, пока мы не выделим изолированное помещение для моей работы. Здесь слишком мало места, как и у тебя. Гм… пожалуй, еще до того, как мы отправимся в центр, я позвоню в Управ-

ление и узнаю, есть ли жилые модули побольше. Нам также понадобятся два терминала.

— Зачем два, дорогой? Я не особо пользуюсь терминалом.

— Но когда пользуешься, он тебе нужен. А если этот терминал работает в режиме текстового редактора, его нельзя использовать для другого — ни газет, ни почты, ни покупок, ни программ, ни личных звонков, вообще ничего. Поверь мне, дорогая, я страдаю этой болезнью уже много лет и знаю, как с ней справляться. Дайте мне комнатку с терминалом, где можно запереться, и я ничем не стану отличаться от обычного здорового мужа, который каждое утро уходит на работу и занимается там всем, что положено делать на работе. Не знаю, правда, чем: я никогда особо не интересовался этим.

— Да, дорогой. Ричард, тебе нравится писать?

— Писать никому не нравится.

— Ясно. В таком случае признаюсь, что не сказала всей правды, заявив, будто вышла за тебя ради твоих денег.

— А я не слишком тебе поверил. Мы квиты.

— Да, дорогой. Я в состоянии содержать тебя как домашнего питомца. Нет, яхты тебе я, конечно, не куплю, но мы можем вполне комфортно жить

в «Золотом правиле» — не самом дешевом месте в Солнечной системе. И писать тебе не придется.

Я одарил ее долгим нежным поцелуем:

— Рад, что я на тебе женился. Но на самом деле я не могу не писать.

— Но тебе же это не нравится, а деньги нам не нужны. Нет, правда, не нужны!

— Спасибо, любовь моя. Но я еще не сказал о другом коварном свойстве писательства. От него невозможно отказаться. Писатели продолжают писать даже после того, как в этом отпадает финансовая необходимость… поскольку, когда пишешь, страдаешь намного меньше, чем когда не пишешь.

— Не понимаю.

— Я тоже не понимал, пока не сделал первого рокового шага — это был всего лишь короткий рассказ, и я искренне полагал, что могу его бросить в любой момент. Не важно, дорогая. Лет через десять поймешь сама. Просто не обращай внимания на мое нытье. Оно ничего не значит — всего лишь болезненная привычка, от которой нельзя избавиться.

— О, Ричард, а если обратиться к психоаналитику?

— Не хочу рисковать. Я знал писателя, кото-

рый попробовал этот способ. Да, его излечили от писательства, но не от потребности писать. Последний раз, когда я его видел, он сидел на корточках в углу и весь дрожал — считалось, что он находится в спокойном состоянии. Но один лишь вид текстового редактора вызывал у него припадок.

— Э-э-э… Это опять твоя склонность к легкому преувеличению?

— Да что ты, Гвен! Могу сводить тебя к нему — показать его могилу. Не важно, дорогая. Сейчас позвоню в Управление, в отдел размещения.

Я повернулся к терминалу, и в то же мгновение он вспыхнул, словно рождественская елка, издавая тревожный звон. Я нажал клавишу ответа.

— Эймс слушает! У нас пробоина?

Помимо голоса, по экрану побежали буквы, а принтер начал печатать без моей команды — ненавижу, когда он так делает.

— Официальное сообщение для доктора Ричарда Эймса. Ввиду срочной необходимости Управление предлагает незамедлительно освободить занимаемый вами жилой модуль семьсот пятнадцать тысяч триста один по адресу шесть-десят пять-пятнадцать-ноль четыре. Арендная плата будет перечислена на ваш счет вместе с

необлагаемым бонусом в размере пятидесяти крон за доставленные неудобства. Распоряжение подписано Артуром Мидлгеффом, заместителем Управляющего по вопросам размещения. Приятного дня!

4

Я продолжаю работать по той же причине, по которой курица продолжает нести яйца.

Генри Луис Менкен*[10] *(1880–1956)

Я вытаращил глаза.

— Ох какие пусечки! Целых пятьдесят крон — ну и ну! Гвен! Теперь можешь выйти за меня замуж ради моих денег!

— Ты в своем уме, дорогой? Вчера ты заплатил больше за бутылку вина. По-моему, это свинство с их стороны. Оскорбление в чистом виде.

— Конечно, дорогая. Им хочется разозлить меня, ну и, конечно, доставить неудобства, связанные с переездом. Но у них ничего не выйдет.

— Ты не будешь переезжать?

— Нет-нет. Тотчас же перееду. Есть разные способы бороться с властями, но отказ переезжать к ним не относится — пока заместитель Управляющего может отключить электричество,

---

[10] Примечания: 10

Генри Луис Менкен — один из самых влиятельных американских журналистов и критиков начала XX века. На русский язык переводился мало и бессистемно. — *Примеч. С. В. Голд.*

вентиляцию, воду и канализацию. Нет, дорогая, они намерены разозлить меня, чтобы я перестал трезво мыслить и начал угрожать им, хотя все угрозы окажутся пустыми. — Я улыбнулся своей любимой. — Так что я не стану злиться и сразу же выеду, покорный, как ягненок… а злость моя останется внутри, невидимая для других, пока она не сможет приносить пользу. К тому же это ничего не меняет, ведь я все равно собирался просить модуль побольше для нас двоих. Хотя бы с одной дополнительной комнатой. Сейчас перезвоню ему — в смысле, уважаемому господину Мидлгеффу.

Я снова вызвал справочник, не помня номера отдела по размещению, и нажал клавишу «ввод». На экране появилась надпись:

ТЕРМИНАЛ НЕ ОБСЛУЖИВАЕТСЯ

Я уставился на него, считая от десяти до одного на санскрите. Уважаемый господин Мидлгефф, или сам Управляющий, или кто-то еще изо всех сил пытался вывести меня из себя, чего я никак не мог допустить. Я старался думать спокойно, не спеша, словно факир, лежащий на доске с гвоздями. Хотя, пожалуй, я с удовольствием представил бы себе поджаренные на обед яйца виновника

случившегося, если бы узнал его имя. С соевым соусом? Или в чесночном масле с щепоткой соли?

Размышления на кулинарную тему слегка успокоили меня. Поэтому я нисколько не удивился и не ощутил особой досады, когда надпись «ТЕРМИНАЛ НЕ ОБСЛУЖИВАЕТСЯ» сменилась другой — «ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЕ И ЗАВИСИМЫЕ ОТ НЕГО СЛУЖБЫ БУДУТ ОТКЛЮЧЕНЫ В 13:00». Затем надпись сменили часы с крупными цифрами «12:31», на моих глазах превратившимися в «12:32».

— Ричард, что они творят, черт побери?

— Полагаю, все еще пытаются вывести меня из себя. Но мы им этого не позволим. Лучше потратим двадцать восемь минут — нет, двадцать семь — на то, чтобы избавиться от накопившегося за пять лет хлама.

— Есть, сэр. Чем могу помочь?

— Умная девочка! Вываливай все из этого шкафчика и большого в спальне на эту кровать. В большом шкафу, на полке, лежит большая дорожная сумка. Пихай все туда, и как можно плотнее. Ничего не сортируй. Возьми халат, в котором завтракала, сделай из него узел и засунь туда все, что не поместится в сумку, а потом завяжи поясом.

— А твои туалетные принадлежности?

— Ах да! В кладовой есть автомат с пластиковыми пакетами, возьми один — просто кинь их туда и сунь пакет в тот же узел. Милая, из тебя получится чудесная жена!

— Ты совершенно прав. У меня долгая практика, дорогой, — из вдов всегда получаются лучшие жены. Рассказать тебе про моих мужей?

— Да, но не сейчас. Прибереги для какого-нибудь долгого вечера, когда у тебя будет болеть голова, а я слишком устану.

Свалив девяносто процентов работы на Гвен, я занялся остальными десятью, самыми трудными, — своими деловыми записями и файлами.

Писатели, как правило, те еще барахольщики, тогда как профессиональные военные учатся путешествовать налегке — опять же, как правило. От подобной двойственности впору было стать шизофреником, если бы не лучшее изобретение для писателей со времен карандаша с резинкой: электронные файлы.

Я пользуюсь мегадисками «Сони», диаметром в два сантиметра и толщиной в три миллиметра, объемом в полмиллиона слов. Информация упакована так плотно, что даже трудно представить. Сев за терминал, я снял протез (или, если угодно, искусственную ногу) и открыл его верх. Затем

извлек из селектора терминала все диски памяти, вложил их в цилиндр, являющийся «берцовой костью» протеза, закрыл его и снова надел.

Теперь при мне находились все файлы, необходимые для моего бизнеса, — контракты, деловые письма, копии моих работ, защищенных авторским правом, общая переписка, заметки для будущих рассказов, налоговые выписки и так далее, et cetera, ad nauseam[11]. В прежнюю, доэлектронную эпоху эти записи потребовали бы полторы тонны бумаги и полтонны стали для хранилища объемом в несколько кубометров. Теперь же они весили несколько граммов и занимали столько же места, сколько мой средний палец, — двадцать миллионов слов в заархивированных файлах.

«Кость», в которой лежали диски, надежно защищала их от кражи, потери и повреждений. Кто стал бы воровать чужой протез? Как может инвалид забыть свою искусственную ногу? Допустим, он снимает ее на ночь, но утром, вставая с постели, первым делом тянется за ней.

Даже грабители не обращают внимания на протезы. Что касается моего, то большинство людей

---

[11] Примечания: 11
И так далее, до тошноты *(лат.)*.

вообще не догадывались о нем. Я расставался с ним лишь однажды — мой коллега (не друг) забрал протез, заперев меня на ночь после того, как мы разошлись во мнениях по одному деловому вопросу. Но я сумел выбраться, прыгая на одной ноге, настучал ему по башке каминной кочергой, взял свою ногу вместе с кое-какими бумагами и ушел. Будни писателя — это, как правило, сидячая работа, но порой жизнь их разнообразит.

Когда часы на терминале показывали 12:54, мы уже почти закончили сборы. Книг — переплетенных и отпечатанных на бумаге — у меня было немного: все необходимые мне данные я добывал из терминала. Гвен сунула книги в узел, сделанный из моего халата.

— Что еще? — спросила она.

— Пожалуй, все. Сейчас осмотрюсь по-быстрому. Если мы что-то упустили, вынесем в коридор, а потом решим, что с этим делать, после того как отключат свет.

— Как насчет этого деревца-бонсай? — поинтересовалась Гвен, глядя на мой сахарный клен, лет восьмидесяти от роду, высотой всего тридцать девять сантиметров.

— Его никак не упакуешь, дорогая. К тому же его нужно поливать несколько раз в день. Самое

разумное — оставить его следующему жильцу.

— Хрен тебе, шеф. Понесешь его на руках ко мне, а я поволоку остальной багаж.

Вообще-то, я собирался добавить, что это «самое разумное» мне тоже не по душе.

— Мы что, идем к тебе?

— А куда еще, дорогой? Нам, конечно, нужно жилье побольше, но сейчас сгодится любая крыша над головой. Судя по всему, к вечеру выпадет снег.

— Что ж, значит, так тому и быть! Гвен, напомни, чтобы я сказал тебе, как я рад, что решил жениться на тебе.

— Ничего подобного. Мужчинам это никогда не приходит в голову.

— Серьезно?

— Истинная правда. Но я все равно напомню.

— Напомни. Я рад, что ты решила выйти за меня. И рад, что ты вышла за меня. Обещаешь проследить за тем, чтобы я больше не делал ничего разумного?

Пообещать она не успела — свет дважды мигнул, и у нас внезапно появилась куча дел. Гвен выносила все в коридор, пока я в последний раз лихорадочно озирался вокруг. Свет снова мигнул, я схватил трость и выскочил наружу за мгнове-

ние до того, как дверь захлопнулась за мной.

— Ух!

— Спокойно, босс. Дыши медленнее. Сосчитай до десяти и не спеша выдохни, — посоветовала Гвен и похлопала меня по спине.

— Надо было нам поехать на Ниагарский водопад. Я тебе говорил. Говорил.

— Да, Ричард. Бери деревце. При здешней силе тяжести я могу нести и сумку, и узел: сумка в одной руке, узел — в другой. Прямо наверх, в зону невесомости?

— Да, но я понесу сумку и дерево. Трость привяжу к сумке.

— Не строй из себя мачо, Ричард. У нас нет времени.

— «Мачо» звучит унизительно, Гвен. Еще раз так скажешь, и я тебя отшлепаю, а в третий раз поколочу вот этой тростью. Черт побери, я могу быть мачо, когда мне хочется.

— Да, сэр. Я Джейн, ты Тарзан. Возьми дерево. Пожалуйста.

В конце концов, мы пришли к компромиссу. Я нес сумку, опираясь на трость, а Гвен держала узел в одной руке и клен-бонсай в другой. Узел, естественно, перевешивал, и ей приходилось то и дело менять руки. Должен признать, что предло-

женный Гвен вариант выглядел разумнее — при здешней силе тяжести вес поклажи был не так уж велик, к тому же он постепенно уменьшался по мере подъема к зоне невесомости. Я испытывал легкое чувство стыда… но калеке всегда хочется доказать, особенно женщинам, что он способен на что угодно. Глупо — ведь все понимают, что это не так. Вообще-то, я редко поддаюсь этому искушению.

Оказавшись в невесомости возле оси, мы двинулись вдоль нее, буксируя за собой багаж: я — сумку, Гвен узел и деревце. Когда мы добрались до ее кольца, она забрала у меня сумку, против чего я не стал возражать. Путешествие заняло менее получаса. Я мог заказать грузовую кабину, но, возможно, ее пришлось бы ждать до сих пор. «Экономящее усилия приспособление» зачастую не экономит ничего. Поставив свою ношу, Гвен обратилась к двери.

Дверь не открылась.

— Госпожа Новак, — послышалось в ответ, — прошу немедленно связаться с отделом по размещению Управления. Ближайший общественный терминал находится на кольце сто пять, радиус сто тридцать пять градусов, сила тяжести шесть десятых, возле транспортера для

персонала. Вызов через данный терминал будет для вас бесплатным, за счет «Золотого правила».

Не могу сказать, что я сильно удивился, но признаюсь: разочарование мое не знало границ. Быть бездомным — примерно то же самое, что голодать. Может, даже хуже.

Гвен повела себя так, будто вообще не расслышала зловещего объявления.

— Сядь на сумку, Ричард, — сказала она мне, — и расслабься. Вряд ли это надолго.

Порывшись в сумочке, она достала пилочку для ногтей и кусок проволоки — думаю, это была скрепка для бумаг. Монотонно напевая себе под нос, она начала возиться с дверью. Я помог ей тем, что не давал никаких советов — ни единого слова. Мне было трудно, но я справился. Наконец Гвен перестала напевать и выпрямилась.

— Есть! — объявила она. Дверь широко распахнулась. Гвен подняла с пола мой клен-бонсай — наш клен-бонсай. — Входи, дорогой. Сумку пока поставь на пороге, чтобы дверь не захлопнулась. Внутри темно.

Я последовал за ней. В помещении было темно, светился только экран терминала с надписью:

ОБСЛУЖИВАНИЕ ПРИОСТАНОВЛЕНО

Не обращая на него внимания, Гвен снова полезла в сумочку, достала пальчиковый фонарик, порылась в ящике внутри кладовки, вынула длинную тонкую отвертку, пару пинцетов «Автолок», безымянный — возможно, самодельный — инструмент и пару защитных перчаток, пришедшихся ей впору.

— Ричард, не подержишь фонарик?

Щиток, до которого она хотела добраться, находился высоко над микроволновой плитой. Он был заперт и украшен обычными знаками, запрещающими жильцам не то чтобы прикоснуться — даже косо взглянуть на него, и заклинаниями вроде «Опасно! Не открывать — вызвать ремонтную службу» и т. п. Забравшись наверх, Гвен уселась на плиту и, едва коснувшись щитка, открыла его — видимо, замок вышел из строя еще раньше.

Она принялась копаться в нем, почти беззвучно, если не считать уже знакомого монотонного напева и периодических просьб направить луч фонарика в другое место. В какой-то момент она устроила довольно впечатляющий фейерверк и укоризненно пробормотала: «Фу, нехороший! Нельзя так поступать с Гвен». После этого ее движения стали более плавными. Затем вспыхнул свет, сопровождавшийся обычным для жилых

модулей тихим гудением — заработали микродвигатели, система подачи воздуха и так далее.

Гвен закрыла щиток:

— Поможешь мне спуститься, дорогой?

Я опустил ее обеими руками на пол и крепко обнял, за что был награжден поцелуем.

— Спасибо, сэр! — улыбнулась она. — Уже забыла, как это приятно — быть замужем. Нам стоит почаще жениться.

— Что, прямо сейчас?

— Нет. Сейчас — обед. Завтрак был отменным, но сейчас четырнадцать с лишним. Хочешь есть?

— Неплохо бы, — согласился я. — Как насчет сэндвич-бара «Ленивый Джо» на Аппиевой дороге, возле сто пятого кольца? Или ты предпочитаешь высокую кухню?

— «Ленивый Джо» вполне сойдет — я не настолько привередлива, дорогой. Но не стоит выходить наружу: что, если мы не попадем обратно?

— Почему? Ты так легко разобралась с дверным замком.

— Ричард, во второй раз все может оказаться сложнее. Сейчас они просто не заметили, что блокировка не сработала. Но когда заметят, могут

приварить к ней стальную плиту. Впрочем, это вряд ли понадобится — я вовсе не против переселения, как и ты. Давай пообедаем, а потом я соберу вещи. Что приготовить?

Выяснилось, что Гвен прихватила из моей кладовой кое-какие деликатесы — замороженные или в стерильной упаковке. Я люблю держать про запас необычную провизию: вдруг посреди ночи, пока ты корпишь над рассказом, тебе зверски захочется съесть мороженого с моллюсками? Заранее никогда не знаешь. Имеет смысл держать нужные ингредиенты под рукой, иначе может возникнуть искушение бросить работу и нарушить свое уединение, чтобы поискать их, а это грозит банкротством.

Гвен соорудила шведский стол из своих и моих — вернее, наших — припасов, и мы пообедали, обсуждая за едой наш следующий ход… ход, без которого было не обойтись. Я сказал, что намерен позвонить уважаемому господину Мидлгеффу, как только мы завершим трапезу. Гвен задумчиво посмотрела на меня.

— Давай я сперва соберусь.

— Как хочешь. Но почему?

— Ричард, мы стали прокаженными, это же очевидно. Думаю, это как-то связано с убийством

Шульца, но точно сказать нельзя. В любом случае, когда мы высунем отсюда нос, лучше, чтобы мои вещи были уже собраны, как и твои. Может быть, мы уже не вернемся сюда. — Она кивнула в сторону светящегося терминала, на котором все еще светилось сообщение: «ОБСЛУЖИВАНИЕ ПРИОСТАНОВЛЕНО». — Чтобы он снова заработал, недостаточно подкрутить пару соленоидов, ведь сам компьютер стоит в другом месте. Отсюда мы не сможем бросить вызов Мидлгеффу. А значит, нужно покончить со всеми делами, прежде чем выйти за дверь.

— Пока ты собираешься, я могу выскочить наружу и позвонить ему.

— Только через мой труп.

— Что? Гвен, будь благоразумна.

— Я такая благоразумная, что дальше некуда. Колин Ричард, ты мой новоиспеченный муж, и я рассчитываю, что тебя хватит на многие годы. Поэтому, пока наши проблемы не закончились, я не выпущу тебя из виду. Ты можешь исчезнуть, как Шульц. Любимый, если они решат тебя застрелить, им придется сперва застрелить меня. — Я попытался урезонить Гвен, но она закрыла уши ладонями. — Не собираюсь с тобой спорить. Я тебя не слышу, я тебя не слышу! — Она убрала ла-

дони. — Помоги мне собрать вещи, пожалуйста.

— Да, дорогая.

Гвен собралась быстрее, чем это сделал я у себя в модуле, хотя я помогал ей в основном тем, что не путался у нее под ногами. Я не слишком привык жить с женщинами. Военная служба не благоприятствует домашней жизни, и я стремился избежать женитьбы, не считая краткосрочных контактов с подругами-амазонками, автоматически прекращавшихся с получением приказа о переводе в другое место. Когда я выбился в старшие офицеры, у меня парочку раз — а может, и шесть — были женщины-ординарцы, но я не думаю, что наши отношения походили на брак, принятый у гражданских.

Суть в том, что я написал множество романтических историй под сотней с лишним женских псевдонимов, но мало что знаю о женщинах. Когда я только учился литературному надувательству, я сказал об этом редактору, который покупал у меня рассказы о грехе, страданиях и покаянии. Редактор, Ивлин Фингерхат, был мрачным мужчиной средних лет с лысиной, нервным тиком и неизменной сигарой в зубах.

— Не пытайся что-нибудь узнавать о бабах, — буркнул он. — Только хуже себе сделаешь.

— Но ведь рассказы должны выглядеть правдиво, — возразил я.

— Они и есть правдивые. Каждый сопровождается клятвенным заверением: «Основано на реальных фактах». — Он ткнул пальцем в принесенную мной рукопись. — Ты прикрепил к ней листок с надписью «Факт». Значит, это неправда? Ты не хочешь, чтобы тебе заплатили?

Конечно, я хотел, чтобы мне заплатили. Лучшим образцом прозы для меня является простая изящная фраза: «На ваш счет поступило…»

— Собственно, с этим рассказом проблем нет, — поспешно ответил я. — С той женщиной я не знаком, но мне рассказывала о ней мать — они вместе учились в школе. Девушка действительно вышла замуж за младшего брата собственной матери. Она была уже беременна, когда выяснилась правда… и перед ней возникла чудовищная дилемма, которую я и описал: либо совершить грех аборта, либо родить ребенка, у которого из-за кровосмешения, возможно, будет две головы и не будет подбородка. Все это факты, Ивлин, но я слегка их приукрасил. Оказалось, что Бет-Лу не была кровной родственницей своего дяди, как я написал, но и ребенок был не от мужа. Это я опустил.

— Тогда переделай все заново и оставь это, а то, другое, убери. И не забудь поменять имена и место действия — мне не нужны жалобы.

Чуть позже я так и сделал, продав Фингерхату и эту версию. Но он так никогда и не узнал, что все это вовсе не случилось со школьной подругой моей матери, а было содрано из книги, взятой у моей тети Эбби, — либретто «Кольца Нибелунгов» Рихарда Вагнера. Ему надо было заняться только музыкой и найти себе кого-нибудь вроде Уильяма Гилберта[12], чтобы тот писал для него либретто. Писателем Вагнер был просто ужасным.

Однако его нелепые сюжеты отлично годились на роль «реальных историй из жизни» — немного смягчить тональность, убрать жесткие моменты и, естественно, поменять имена героев и названия мест. Я вовсе не воровал сюжеты, или почти не воровал. Все они находятся в общественном достоянии, срок действия авторских прав истек, а самое главное, эти сюжеты Вагнер сам у кого-то стащил.

Я мог неплохо жить, обходясь одними вагнеровскими сюжетами, но они мне наскучили. Когда Фингерхат ушел на пенсию, купил ранчо и стал

---

[12] Примечания: 12

Уильям Гилберт (1836–1911) — британский драматург, либреттист, поэт и иллюстратор.

разводить индеек, я оставил «истории из жизни» и начал писать рассказы о войне, что оказалось несколько сложнее. Какое-то время я жил почти впроголодь. Все-таки в военном деле я немного разбираюсь, а от этого, по словам Фингерхата, может быть только хуже.

Вскоре я научился скрывать собственные познания, не давая им вмешиваться в сюжет. Но с «историями из жизни» у меня таких проблем не возникало, поскольку ни Фингерхат, ни я, ни Вагнер ничего, совсем ничего не знали о женщинах.

И особенно — о Гвен. Отчего-то я был убежден, что женщинам для путешествия требуется не меньше семи вьючных мулов. Или их эквивалент в виде больших чемоданов. И конечно, что женщины — по своей природе существа неорганизованные. Так я считал.

Гвен уложилась в один большой чемодан — меньше, чем мой вещевой мешок, — с аккуратно сложенной одеждой, и второй, полегче, с… в общем, не с одеждой. С другими вещами. Выстроив в ряд наши пожитки — сумку, узел, большой чемодан, чемодан поменьше, ее сумочку, мою трость, деревце-бонсай, — она задумчиво посмотрела на них.

— Сейчас придумаю, как все это дотащить, —

сказала она.

— Не понимаю как. У нас всего четыре руки, — возразил я. — Закажу лучше грузовую кабину.

— Как хочешь, Ричард.

— Сейчас. — Я повернулся к терминалу… и замер. — Гм…

Гвен не сводила взгляда с нашего маленького клена.

— Гм… — повторил я. — Гвен, придется тебе смириться. Я добегу до ближайшей будки с терминалом и тут же вернусь.

— Нет, Ричард.

— Но почему? Я только…

— Нет, Ричард.

— И что ты предлагаешь? — спросил я, испустив тяжкий вздох.

— Ричард, я готова на все, но только если мы не станем разлучаться. Оставим вещи внутри и будем надеяться, что снова попадем туда. Либо выставим все за дверь и пойдем заказывать грузовую кабину. И звонить мистеру Мидлгеффу.

— А когда вернемся, тут ничего не останется. Или в этих краях не водятся двуногие крысы?

Это был всего лишь сарказм — на любой орбитальной станции есть невидимые обитатели, которые не могут себе позволить оставаться в

космосе, но и не хотят, чтобы их вернули на Землю. Подозреваю, что в «Золотом правиле» тех, кого удается поймать, просто вышвыривают за борт… хотя до меня доходили и более мрачные слухи, из-за которых я перестал употреблять свиной фарш в любом виде.

— Есть и третий вариант, который позволит нам добраться до той будки. Дальше все равно не уйти, пока отдел по размещению не выделит новое жилье. Узнав наш новый адрес, мы сможем вызвать кабину и дождаться ее. До будки недалеко. Раньше ты говорил, что можешь нести и свою сумку, и узел, привязав трость к сумке. Расстояние небольшое, так что я не против. Я понесу свои чемоданы, по одному в каждой руке, а сумочку повешу на плечо. Остается деревце. Ричард, ты видел в «Нэшнл джиогрэфик» фотографии туземок, которые носят тюки на голове?

Не дожидаясь моего ответа, она подняла горшок с деревцем, поставила его на макушку, убрала руки, улыбнулась мне, а затем, держась прямо, согнула колени и подняла оба чемодана.

Пройдясь от стены до стены, она повернулась ко мне. Я зааплодировал.

— Спасибо, сэр. Еще кое-что: в коридорах бывает людно. Если меня толкнут, я сделаю так. — Гвен

пошатнулась, словно от толчка, выронила оба чемодана, поймала падающее деревце, вновь поставила его на макушку и подхватила багаж. — Примерно так.

— А я брошу свои сумки, схвачу трость и как следует поколочу его, того придурка, который тебя толкнул. Не насмерть, просто в назидание. Если, конечно, это совершеннолетний мужчина, — добавил я. — Если нет, наказание будет соответствовать полу и возрасту.

— Не сомневаюсь, дорогой. Но если честно, вряд ли меня станут толкать, ведь ты будешь прокладывать мне путь. Ладно?

— Ладно. Но тебе не мешало бы раздеться до пояса.

— Что, серьезно?

— На фото в «Нэшнл джиографик» женщины всегда обнажены по пояс. Поэтому их туда и ставят.

— Хорошо, как скажешь. Правда, у меня не слишком подходящая фигура.

— Хватит нарываться на комплименты, обезьянка. Все у тебя как надо и где надо. Но ты и впрямь чересчур хороша для простого народа, так что рубашку оставь.

— Мне все равно. Если ты и в самом деле так

считаешь…

— Что-то ты слишком сговорчива. Поступай как хочешь, но я тебя совсем не принуждаю, слышишь, совсем. Неужели все женщины — экс-гибиционистки?

— Да.

Дискуссию завершил звонок в дверь. Гвен удивленно посмотрела на меня.

— Дай мне, — сказал я и, шагнув к двери, коснулся кнопки включения микрофона. — Да?

— Сообщение от Управляющего!

Убрав палец с кнопки, я взглянул на Гвен.

— Открыть?

— Думаю, придется.

Я нажал на кнопку открывания двери, и та распахнулась. Вошел мужчина в форме проктора. Дверь закрылась за ним. Он протянул мне планшетку с листом бумаги.

— Распишитесь здесь, сенатор. — Он забрал листок. — Вы ведь сенатор из «Стандард ойл»?

5

Он один из тех, кого смерть сделает намного лучше.

Гектор Хью Манро*[13] *(1870–1916)

— Давайте-ка наоборот, — сказал я. — Кто *вы* такой? Представьтесь.

— Э-э? Если вы не сенатор, не берите в голову. Ошибся адресом.

Незнакомец попятился, ткнулся задницей в дверь, удивленно обернулся и потянулся к кнопке, но я ударил его по руке.

— Я просил вас представиться. Ваш клоунский костюм ничего не значит. Мне нужны ваши документы. Гвен, прикрой меня!

— Есть, сенатор!

Незнакомец полез в карман брюк и быстро вытащил оттуда какой-то предмет, который Гвен тут же пинком выбила из его руки. Я ударил его ребром ладони по левой стороне шеи. Планшетка с бумагой отлетела в сторону, а ее обладатель со странным изяществом, которое придает людям

---

[13] Примечания: 13

Гектор Хью Манро — английский писатель и журналист, более известный под псевдонимом Саки. — *Примеч. С. В. Голд.*

низкая сила тяжести, повалился на пол. Я присел рядом с ним.

— Продолжай меня прикрывать, Гвен.

— Одну секунду, сенатор. Следи за ним! — (Я отодвинулся и немного подождал.) — Все, теперь нормально. Только не попади под мой выстрел.

— Принято.

Я не сводил взгляда с нашего гостя, безвольно лежащего на полу. Судя по неуклюжей позе, он потерял сознание, но, возможно, все же прикидывался — не так уж сильно я его ударил. Приложив большой палец к болевой точке в левой нижней части затылка, я с силой надавил на нее. Будь этот человек в сознании, он тут же заорал бы и подпрыгнул до потолка. Но он не пошевелился.

Тогда я его обыскал. Сначала задние карманы, потом перевернул. Брюки не вполне соответствовали кителю, и на них не хватало галуна, который есть на форменных брюках прокторов. Китель явно был сшит не по мерке. В карманах нашлись бумажные кроны, лотерейный билет и пять патронов «шкода» калибра шесть с половиной миллиметра, с разрывными безоболочными пулями, которые подходят для пистолетов, автоматов и винтовок и запрещены к применению почти везде. Ни бумажника, ни удостоверения

— ничего.

Еще ему явно не помешало бы помыться.

— Держи его под прицелом, Гвен, — сказал я, поднимаясь на ноги. — Думаю, он из ночных бродяг.

— Мне тоже так кажется. Взгляни-ка на это, пока я держу его на мушке. — Гвен показала на пистолет, лежавший на полу.

«Пистолет» — слишком громкое название для этой штуки: скорее самоделка, известная как «самопал». Я осмотрел оружие как можно тщательнее, не дотрагиваясь до него. Ствол представлял собой металлическую трубку с такими тонкими стенками, что я засомневался, стреляли ли из него хоть раз. Пластиковая рукоятка была обточена или обстругана так, чтобы помещаться в кулак. Спусковой механизм скрывался под металлической крышкой, которую удерживали на месте — хотите верьте, хотите нет — обычные резинки. Оружие явно было однозарядным, но из-за хлипкого ствола вполне могло стать одноразовым. Похоже, для стрелка оно было не менее опасно, чем для цели.

— Мерзкая штучка, — сказал я. — Даже прикасаться к ней не хочу. Ничем не лучше мины-ловушки.

Я посмотрел на Гвен. Она целилась в незнакомца из оружия, столь же смертоносного, но при этом вобравшего в себя лучшие современные достижения, — девятизарядного «мияко».

— Почему ты не выстрелила, когда он вытащил свой самострел? Почему ты рисковала, пытаясь его разоружить? Ты же могла погибнуть!

— Потому что.

— Как это «потому что»? Если человек стоит перед тобой и вдруг выхватывает пистолет, убивай его на месте. По возможности.

— Я не могла. Когда ты велел мне прикрыть тебя, моя сумочка лежала вон там. Я прикрывала тебя вот этим. — В другой руке Гвен что-то блеснуло, и мне показалось, будто она собирается стрелять из двух стволов, но это оказалась всего лишь авторучка, которую она снова убрала в нагрудный карман. — Меня застигли врасплох, босс. Извини.

— Как я мог так ошибиться! Когда я попросил прикрыть меня, я просто пытался его отвлечь. Я не знал, что у тебя есть оружие.

— Я же сказала: «Извини». Как только я добралась до сумочки, я тут же извлекла из нее убедительный аргумент. Но сначала нужно было разоружить нашего приятеля.

Я вдруг представил, на что способен полевой командир с тысячей таких солдат, как Гвен. Она весит около пятидесяти килограммов, а ростом немногим выше полутора метров — примерно метр шестьдесят без обуви. Но размер не имеет значения, в чем давным-давно убедился Голиаф. Правда, если подумать, вряд ли где-то найдется тысяча Гвен, и это, возможно, к лучшему.

— Вчера вечером у тебя в сумочке тоже лежал «мияко»?

Гвен ответила не сразу:

— Если бы он там был, все могло бы закончиться печально. Тебе так не кажется?

— Вопрос снимается. Похоже, наш друг приходит в себя. Держи его на мушке, пока я выясняю подробности.

Я снова ткнул незнакомца большим пальцем, и тот взвизгнул.

— Сядь, — сказал я. — Не пытайся встать. Просто сядь и положи руки на затылок. Как тебя зовут?

Он сделал мне немыслимое и непристойное предложение.

— Ну-ну, — упрекнул я его. — Без грубостей.

Госпожа Хардести[14], — я посмотрел прямо на Гвен, — не могли бы вы слегка подстрелить его? Небольшого ранения вполне хватит, чтобы научить его вежливости.

— Как скажете, сенатор. Прямо сейчас?

— Ладно… простим ему одну ошибку. Но второго шанса не будет. Постарайтесь не убить его — он должен заговорить. Можете попасть ему в мягкую часть бедра? Так, чтобы не задеть кость?

— Попробую.

— О большем я и не прошу. Если попадете в кость, он будет знать, что это вовсе не со зла. Итак, начнем. Как тебя зовут?

— Э… Билл.

— Билл, а дальше?

— Просто Билл. Больше ничего.

— Может, ранить его, сенатор? — спросила Гвен. — Чтобы освежить память?

— Пожалуй. Куда хочешь, Билл? В левую ногу? Или в правую?

— Ни в какую! Послушайте, сенатор, меня и вправду зовут просто Билл. И пусть она уберет от

---

[14] Примечания: 14

Госпожа Хардести (Mistress Hardesty). — Конечно, Хардести — обычная фамилия (см., например, рассказ Р. Э. Хайнлайна «Угроза с Земли», где героя зовут Джефф Хардести), но более вероятно, что здесь это производное от «hardest»: госпожа Жестокость. — *Примеч. С. В. Голд.*

меня эту штуку, ну пожалуйста!

— Держите его под прицелом, госпожа Хардести. Билл, она не станет в тебя стрелять, если ты не будешь упрямиться. Что стряслось с твоей фамилией?

— У меня ее никогда не было. В приюте Святого Имени меня звали «Билл номер шесть». Это на шарике, в Новом Орлеане.

— Ясно. Кажется, я начинаю понимать. Но что стояло в твоем паспорте, когда ты сюда прилетел?

— У меня его не было, только рабочая карточка. Там написано «Уильям — среднее имя отсутствует — Джонсон». Но это выдумал вербовщик. Эй, она опять на меня пушку наставила!

— Тогда не делай ничего, что может ее раздражать. Сам знаешь, каковы женщины.

— Еще бы! Им вообще нельзя давать огнестрельное оружие!

— Интересная мысль. Кстати, о твоем оружии: мне хотелось бы его разрядить, но я боюсь, что оно взорвется у меня в руке. Рискнем твоей рукой. Не вставая, повернись спиной к госпоже Хардести. Я подтолкну твой пугач, чтобы ты до него дотянулся. Когда я разрешу — но не раньше! — можешь опустить руки и разрядить его,

а затем снова положи руки за голову. И внимательно выслушай то, что я скажу сейчас. Госпожа Хардести, когда Билл повернется, прицельтесь ему в позвоночник, чуть ниже шеи. При любом подозрительном движении стреляйте на поражение. Не ждите команды, не давайте ему второго шанса, не наносите раны — убейте на месте.

— С превеликим удовольствием, сенатор!

Билл издал протяжный стон.

— Ладно, Билл, поворачивайся. Без рук, только с помощью силы воли.

Он развернулся на заднице, царапая пол каблуками. Я с удовлетворением отметил, что Гвен крепко держит пистолет обеими руками. Взяв трость, я подтолкнул самопальное оружие Билла, и оно оказалось прямо перед ним.

— Билл, не делай резких движений. Опусти руки. Разряди свой пистолет. Оставь затвор открытым и положи патрон рядом. Затем снова руки за голову.

Стоя рядом с Гвен и опираясь на трость, я затаил дыхание на то время, пока Билл выполнял мои инструкции. Я убил бы его без угрызений совести и не сомневался, что так же поступила бы и Гвен, стоило ему попытаться направить на нас свой самопал.

Но меня беспокоил вопрос о том, что делать с телом. Мне не хотелось его смерти. За пределами поля боя или госпиталя не так-то легко объяснить наличие трупа: оно создает ненужные проблемы. Управлению это точно не понравится. Поэтому я облегченно вздохнул, когда он выполнил данное ему задание и снова заложил руки за голову.

Орудуя тростью, я подтянул к себе его мерзкий пистолетик и единственный патрон к нему, после чего спрятал патрон в карман, наступил каблуком на ствол, сплющив дуло, и раздавил спусковой механизм.

— Можете немного расслабиться, — сказал я Гвен. — Нет необходимости убивать его прямо сейчас. Достаточно ранения, как и раньше.

— Так точно, сенатор. Можно мне его ранить?

— Нет-нет! Только если он будет плохо себя вести. Билл, ты ведь будешь хорошо себя вести?

— А я что, плохо себя вел? Сенатор, пусть она хотя бы поставит пушку на предохранитель!

— Ну-ну! У твоей предохранителя не было. И ты не в том положении, чтобы чего-то требовать. Билл, что ты сделал с проктором, которому ты дал по башке?

— Э-э, что?

— Да брось. Ты являешься сюда в кителе прокто-

ра, который тебе явно не впору, а штаны вообще к нему не подходят. Я прошу тебя предъявить документы, а ты хватаешься за пушку — к тому же еще и самопал, ради всего святого! И как давно ты принимал ванну? Но сперва скажи, что ты сделал с владельцем кителя. Он мертв? Или ты просто оглушил его и запихнул в шкаф? Отвечай быстрее, или я попрошу госпожу Хардести дать тебе стимулятор памяти. Так где он?

— Не знаю! Я ничего такого не делал!

— Ну-ну, мальчик мой, только не надо врать.

— Это правда! Клянусь честью матери, истинная правда!

Насчет чести его матери у меня имелись сомнения, но высказывать их вслух было бы невежливо, особенно с учетом того, насколько жалкий тип валялся передо мной.

— Билл, — мягко сказал я, — ты не проктор. Надо ли объяснять, почему я в этом так уверен? — (Главный проктор Франко — известный во всей Солнечной системе солдафон. Если кто-нибудь из его шестерок явится на утреннюю поверку в таком виде и воняя, как этот несчастный придурок, ему повезет, если все закончится отправкой на шарик с первым же кораблем.) — Но если настаиваешь, объясню. Тебе когда-нибудь засовывали

булавку под ноготь, нагревая потом ее конец? Отлично освежает память.

— Лучше заколку для волос, сенатор, — живо подсказала Гвен. — Больше масса, лучше сохраняется тепло. У меня есть с собой. Можно я займусь им? Можно?

— Вы хотели сказать «Разрешите мне»? Нет, детка, прошу вас держать Билла на мушке. Если придется прибегнуть к подобным мерам, я не стану просить об этом даму.

— Ох, сенатор, вы такой мягкосердечный! Вы отпустите его, когда он будет готов все выложить. Зато я не такая. Давайте я покажу, ну пожалуйста!

— Ну…

— Уберите от меня эту кровожадную суку! — пронзительно завопил Билл.

— Билл! Немедленно извинись перед дамой. Иначе я позволю ей делать с тобой что угодно.

Он снова застонал:

— Прошу прощения, леди. Извините. Но вы чертовски меня пугаете. Прошу вас, не засаживайте мне заколку под ноготь — я видел, как это проделали с одним парнем.

— Могло быть и хуже, — весело заверила его Гвен. — Медный провод двенадцатого размера

проводит тепло куда лучше, а в мужском теле хватает интересных мест, куда его можно приложить. Намного действеннее, и результат достигается быстрее. Сенатор, — задумчиво добавила она, — у меня в маленьком чемодане есть медный провод. Если вы минутку подержите пистолет, я достану.

— Спасибо, дорогая, но, возможно, мы обойдемся без этого. Кажется, Билл хочет что-то сказать.

— Никаких проблем, сэр. Но вы же хотите, чтобы я держала провод наготове?

— Может быть. Посмотрим. Билл, что ты сделал с тем проктором?

— Я ничего не делал, я вообще его не видел! Просто два чувака сказали, что у них есть для меня работенка за налик. Я их не знаю и раньше не видел, они не из наших, но все время появляются новенькие, и Фингерс сказал, что с ними все норм. Он…

— Погоди. Кто такой этот Фингерс?

— Э-э… мэр нашего закоулка. Пойдет?

— Подробнее. Вашего закоулка?

— Нужно же человеку где-то спать? У важных шишек вроде вас есть жилой модуль с именем на двери. Если бы мне так повезло! Дом ведь там, где живешь.

— Полагаю, ты хочешь сказать, что ваш закоулок и есть твой дом. Где это? Кольцо, радиус, сила тяжести?

— Э-э… не совсем так.

— Рассуди здраво, Билл. Если нечто находится внутри главного цилиндра, а не снаружи, в одном из придатков, его местоположение можно описать именно таким образом.

— Может, и так, но описать не получится — туда попадают иначе. И я вас туда не проведу, потому что… — Его лицо исказилось от неподдельного ужаса, отчего он, казалось, постарел лет на десять. — Только пусть она не пытает меня раскаленной проволокой и не отстреливает от меня кусочки! Пожалуйста! Просто вышвырните меня в космос, и покончим с этим, ладно?

— Сенатор?

— Да, госпожа Хардести?

— Билл боится, что если ему сделают слишком больно, он расскажет, где ночует. Все дело в том, что там ночуют и другие бродяги, а «Золотое правило», как мне кажется, недостаточно велико, чтобы он мог от них спрятаться. Если он выдаст место их ночлега, они его убьют. И вероятно, будут убивать медленно.

— Билл, ты поэтому упрямишься?

— Я и так много наговорил. Вышвырните меня в космос.

— Пока ты жив, Билл, ни за что не вышвырну. Ты знаешь то, что нужно мне, и я намерен вытянуть это из тебя, даже если придется применять медный провод и самые причудливые идеи госпожи Хардести. Но, возможно, я обойдусь без ответа на вопрос, который тебе задал. Что с тобой случится, если ты расскажешь или покажешь мне, где находится ваш закоулок?

Билл медлил с ответом, но я его не торопил. Наконец он проговорил, понизив голос:

— Семь месяцев назад ищейки поймали и раскололи одного чувака. Слава Иисусу, не из моего закоулка, а из служебной зоны возле сто десятого кольца, внизу, где полная сила тяжести. В общем, ищейки пустили туда газ, и куча пацанов погибла… но этого чувака они отпустили. Только это мало ему помогло — не прошло и суток, как его схватили и заперли вместе с крысами. Голодными крысами.

— Понятно. — Я посмотрел на Гвен.

— Только не крысы, сенатор, — сглотнув, прошептала она. — Терпеть не могу крыс. Пожалуйста.

— Билл, вопрос насчет вашего закоулка — тво-

его укрытия — снимается. И я не прошу тебя назвать других бродяг. Но на все прочие вопросы я ожидаю полного и быстрого ответа. Хватит тянуть резину и впустую тратить время. Согласен?

— Да, сэр.

— Начнем сначала. Двое незнакомцев предложили тебе работу. Расскажи, что это за работа.

— Ну… они сказали, что дел всего на пару минут, ничего особенного. Надеть китель, притвориться ищейкой, позвонить в эту дверь, спросить вас и сказать: «Сообщение от Управляющего». Дальше вы и сами знаете. И когда я скажу: «Эй, вы же не сенатор! Или все-таки сенатор?» — они должны были ворваться и арестовать вас. — Билл укоризненно посмотрел на меня. — А вы все испортили. Вы, а не я. Вы все делали не так, как ожидалось. Захлопнули дверь у меня за спиной — а не должны были. А еще оказалось, что вы и в самом деле сенатор… и она тут еще с вами. — При упоминании Гвен его тон сделался особенно горьким.

Я хорошо понимал его негодование. Как честному преступнику тяжким трудом добиться успеха в своей профессии, если жертва не хочет сотрудничать? Исход почти любого преступления зависит от поведения жертвы. Если жертва отказывается от назначенной ей роли, преступ-

ник остается в невыгодном положении, порой настолько серьезном, что помочь ему может лишь понимающий, полный сочувствия судья. Я нарушил правила, оказав сопротивление.

— Тебе определенно не повезло, Билл. Давай-ка взглянем, что это за «сообщение от Управляющего», которое ты должен был доставить. Продолжайте держать его на мушке, госпожа Хардести.

— Можно мне опустить руки?

— Нет.

Планшетка все так же лежала на столе между Гвен и Биллом, но чуть ближе ко мне — я мог дотянуться до нее, не пересекая линии огня. Я поднял ее. К планшетке была прикреплена квитанция о приеме сообщений с местом для моей (или чьей-то еще) подписи, а рядом — знакомый голубой конверт фирмы «Маккей с Трех планет». Я открыл его.

Зашифрованное сообщение состояло примерно из полусотни пятибуквенных групп. При помощи шифра был записан даже адрес, над которым виднелся рукописный текст: «Сен. Кантор, Станд. ойл».

Я молча убрал конверт в карман. Гвен вопросительно взглянула на меня, но я сделал вид, будто

ничего не заметил.

— Госпожа Хардести, как мы поступим с Биллом?

— Замочим!

— Гм? В смысле «прикончим»? Или вы готовы его искупать? Может, еще и спинку потереть?

— О небеса, да нет же! Предлагаю запихнуть его в освежитель и оставить там, пока не станет чистеньким — чтобы принял горячий душ с мылом, вымыл волосы с шампунем, привел в порядок ногти на руках и ногах и так далее. Не выпускать, пока он не начнет сиять чистотой.

— Вы позволите ему воспользоваться вашей кабинкой?

— Учитывая все обстоятельства, вряд ли она мне пригодится. Сенатор, я устала от его вони.

— Да-да, вспоминается сгнившая картошка в жаркий день на Гольфстриме. Раздевайся, Билл.

Криминальный класс — самая консервативная группа любого общества. Билл не желал оголяться в присутствии дамы, точно так же как не желал говорить, где укрываются его дружки-изгои. Мое предложение потрясло его до глубины души, а то обстоятельство, что дама отнюдь не возражала против такого бесстыдства, прямо-таки повергло в ужас. Что касается последнего, то еще вчера я,

возможно, думал бы так же… но теперь знал, что Гвен нелегко обескуражить. Похоже, ей это даже нравилось.

По мере того как Билл разоблачался, он вызывал у меня все больше сочувствия. Он напоминал ощипанного цыпленка, а его горестный вид еще больше усиливал сходство. Когда на нем остались лишь серые от грязи трусы, он остановился и посмотрел на меня.

— До конца, — коротко бросил я. — А потом — марш в кабинку, и за дело. Если результат меня не устроит, начнешь сначала. Если высунешь нос раньше чем через полчаса, даже проверять не стану и отправлю обратно. Стаскивай портки, живо!

Повернувшись спиной к Гвен, Билл снял трусы, бочком скользнул в кабинку, тщетно пытаясь сохранить остатки достоинства, и запер за собой дверь.

Гвен убрала пистолет в сумочку и размяла пальцы:

— Рука затекла. Могу я взять те патроны, дорогой?

— Что?

— Те, которые ты забрал у Билла. Шесть, правильно? Пять и еще один.

— Конечно. Если хочешь.

Стоило ли говорить ей, что мне они тоже могли пригодиться? Нет. Такими сведениями делятся лишь при необходимости. Достав патроны, я протянул их Гвен. Та осмотрела их, кивнула, снова вынула свой изящный пистолетик, извлекла обойму, вставила в нее шесть конфискованных патронов, установила обойму на место, дослала патрон в ствол, поставила оружие на предохранитель и убрала его в сумочку.

— Поправь меня, если я ошибаюсь, — медленно проговорил я. — Когда я в первый раз попросил прикрыть меня, ты воспользовалась авторучкой. А потом, когда разоружила Билла, ты целилась в него из незаряженного пистолета. Правильно?

— Ричард, он застиг меня врасплох. Я сделала все, что могла.

— Я вовсе не критикую, напротив!

— Как-то не нашлось подходящего момента, чтобы тебе сказать. — Гвен сменила тему. — Дорогой, можешь поделиться штанами и рубашкой? Они лежат в твоей сумке сверху.

— Думаю, да. Для нашего проблемного отпрыска?

— Угу. Хочу выбросить его грязную одежду в мусоропровод: пусть ее отправят на переработку.

Пока мы не избавимся от нее, вонь отсюда не выветрится.

— Так давай избавимся от нее. — Я запихнул всю одежду Билла, кроме ботинок, в люк мусоропровода и вымыл руки под краном, стоявшим в кладовой. — Гвен, вряд ли я вытяну что-то еще из этого болвана. Можем оставить ему какую-нибудь одежду и уйти. Или… уйти прямо сейчас и ничего не оставлять.

Гвен удивленно посмотрела на меня.

— Но его тут же схватят прокторы.

— Именно. Дорогая, этот парень — прирожденный неудачник, он все равно попадется в лапы прокторов. Как сейчас поступают с бродягами? Не слышала?

— Нет. По крайней мере, не слышала ничего похожего на правду.

— Не думаю, чтобы их отправляли на Землю. Это слишком дорого обошлось бы Компании и стало бы нарушением Золотого правила в его здешнем понимании. В «Золотом правиле» нет тюрем, так что возможных вариантов немного. Что тогда?

Во взгляде Гвен появилась тревога.

— Мне это не слишком нравится.

— Все еще хуже. За этой дверью, вероятно не на

самом виду, а поблизости, притаилась парочка бандитов. Ничего хорошего нам или, по крайней мере, мне ждать не приходится. Если Билл выйдет отсюда, не выполнив задания, что с ним будет? Его скормят крысам!

— Бррр!

— Вот именно, «бррр». Как говорил мой дядя, никогда не подбирай бродячего котенка, если не готов стать его собственностью. Ну так что, Гвен?

— Мне кажется, он хороший мальчик, — вздохнула Гвен. — Я имею в виду, он мог бы таким стать, если бы им кто-то занялся.

Мне оставалось лишь вздохнуть вслед за ней.

— Есть только один способ выяснить это.

6

Не запирай амбар после того, как из него все вынесли.

***Хартли М. Болдуин*[15]**

Не так-то просто врезать человеку по носу, используя терминал.

Даже если ты не собираешься прибегать к такому непосредственному методу убеждения, дискуссия через терминал зачастую не дает результатов. Одним нажатием клавиши твой оппонент может отключить тебя или передать своему подчиненному. Но если ты физически присутствуешь в его кабинете, ты можешь успешно приводить самые убедительные аргументы, просто проявив чуть больше упрямства, чем он. Сиди на месте и отвечай «нет» — или даже молчи. В конце концов, ему придется либо согласиться с твоими требованиями — конечно же, разумными! — либо вышвырнуть тебя за дверь.

---

[15] Примечания: 15

Хартли М. Болдуин — доктор наук, он же Котелок Болдуин, он же Два Костыля (19?? — 2093?). Лидер анклава homo novus на Земле, позднее руководитель частного охранного предприятия «Систем энтерпрайзис» (см. у Р. Э. Хайнлайна повесть «Бездна» и роман «Фрайди»). — *Примеч. С. В. Голд.*

Но последнее может повредить его имиджу.

По вышеуказанным причинам я решил не звонить ни Мидлгеффу, ни кому-либо еще из отдела размещения, а лично отправился в Управление. Я не рассчитывал повлиять на Мидлгеффа, который явно получил указания сверху и с равнодушием бюрократа воплощал их в жизнь (вот уж действительно «приятного дня»!). Я почти не надеялся добиться чего-то от Управляющего — но, по крайней мере, отказ с его стороны позволил бы мне не тратить время на обращение в вышестоящие инстанции. В «Золотом правиле», частной компании, которая не находилась под юрисдикцией ни одного суверенного государства (и соответственно, сама обладала суверенитетом), Управляющий был высшей властью, а всемогущий Бог не мог считаться даже его младшим партнером.

Решения, принятые Управляющим, могли выглядеть полным произволом… но при этом являлись окончательными. Ни многолетних тяжб, ни вышестоящего суда, который мог бы отменить решение, — затяжные процессы, наносившие серьезный ущерб функционированию «правосудия» в демократических государствах на шарике, здесь были невозможны. За те пять лет, что я прожил здесь, смертную казнь применяли

всего несколько раз… но в каждом из процессов судьей был сам Управляющий, и приговоренного вышвыривали в космос в тот же день.

При такой системе понятие судебной ошибки лишалось всякого смысла.

Добавим к этому, что занятие юриспруденцией, как и проституцией, здесь не запрещено и не требует лицензии. В итоге судебная система мало напоминает безумное нагромождение прецедентов и традиций, именуемое на шарике правосудием. Возможно, правосудие в «Золотом правиле» страдает астигматизмом, если не полностью слепо, но неспешным оно быть не может.

Мы оставили Билла в фойе Управления вместе с нашим багажом — моей сумкой и моим узлом, чемоданами Гвен и кленом-бонсай (который мы полили, прежде чем покинуть жилище Гвен), — велев ему сидеть на сумке, охранять бонсай ценой собственной жизни (по выражению Гвен) и следить за остальными вещами. Потом мы прошли внутрь. Указав наши фамилии на стойке в приемной, мы нашли свободные кресла. Гвен достала из сумочки игровую консоль «Касио».

— Во что сыграем, дорогой? Шахматы, криббедж, нарды, го, что-нибудь еще?

— Думаешь, придется долго ждать?

— Да, сэр. Хотя… знаешь, как раньше подгоняли упрямого мула? Подпаливали ему брюхо. Может, придумать что-нибудь в этом роде?

— Пожалуй, ты права. Есть мысли насчет того, как подпалить мулу брюхо? Так, чтобы не поджечь повозку. Хотя, черт побери, можно и поджечь. Но как?

— Мы могли бы прибегнуть к старому приему: «Мой муж знает все». Или «Твоя жена все узнала». Но тут нужно что-нибудь новенькое: у классических вариантов слишком длинная борода. — Подумав, она добавила: — Я могу начать рожать. Это всегда привлекает внимание.

— Ты не похожа на беременную.

— Готов поспорить? Пока еще никто не разглядел меня как следует. Видишь дамскую уборную напротив? Дай мне пять минут побыть там одной, и никто не усомнится, что я на девятом месяце. Ричард, я научилась этому много лет назад, когда занималась расследованием исков в страховой компании. Так можно проникнуть куда угодно.

— Здорово было бы взглянуть, как ты это делаешь, — согласился я. — Но надо не только проникнуть внутрь, а еще и оставаться там до тех пор, пока этот тип не выслушает наши доводы.

— Доктор Эймс…

— Да, миссис Эймс?

— Управляющий не станет выслушивать наши доводы.

— Подробнее, пожалуйста.

— Я приветствовала твое решение отправиться на самый верх. Мне стало понятно, что мы сразу узнаем все плохие новости и сэкономим время и слезы. Мы прокаженные, это ясно — судя по тому, что с нами произошло. Управляющий не просто хочет, чтобы мы переехали, он собирается вышвырнуть нас из «Золотого правила». Не знаю почему, но знать и не нужно — просто это так. Я поняла все это и успокоилась. Когда и ты поймешь это, дорогой, мы сможем строить планы. Полетим на шарик, на Луну, в Землю Обетованную, на «Эль-четыре», Цереру, Марс… куда угодно, любимый. Куда ты, туда и я.

— На Луну.

— Что, сэр?

— По крайней мере, на время. Свободное государство Луны — не такой уж плохой вариант. Сейчас оно искореняет анархию и насаждает бюрократию, но еще не до конца нарастило мускулы. Там все еще достаточно свободы для тех, кто привык к практическому подходу. И на Луне пока хватает места, как и внутри ее. Да, Гвен,

нам придется улететь отсюда — я и раньше это подозревал, а теперь точно знаю. Мы могли бы отправиться прямо в космопорт, но мне все же хочется увидеть Управляющего. Черт побери, я хочу услышать все из его собственных лживых уст! А потом можно с чистой совестью прибегнуть к яду.

— Ты намерен отравить его, дорогой?

— Всего лишь фигура речи. Я намерен включить его в свой список, а потом он быстро станет жертвой кармического возмездия.

— О, возможно, я могла бы посодействовать.

— Незачем. Занесенные в список долго не живут.

— И все-таки мне было бы приятно. «Мне отмщение, говорит Господь». Но в исправленной версии звучит это так: «Отмщение Гвен… и Мне, лишь если Гвен оставит Мне его».

— А кто мне говорил «не брать закон в свои руки»? — усмехнулся я.

— Но я же говорила про *тебя*, и ни слова про себя. Обожаю ускорять действие кармы, даже если все и так идет быстро. Это мое любимое хобби.

— Дорогая, счастлив сказать, что ты и впрямь плохая девочка. И как, по-твоему, он должен умереть? От крапивницы? От заусениц на ногтях?

От икоты?

— Я подумываю о том, чтобы не давать ему спать, пока он не умрет. Бессонница намного хуже всего, что ты перечислил, дорогой, если она длится достаточно долго. Рассудок жертвы рассыпается еще до того, как она перестает дышать. Начинаются галлюцинации, проявляются худшие фобии. Человек умирает внутри собственного ада, из которого невозможно бежать.

— Гвен, создается впечатление, будто ты уже пользовалась этим методом. — (Она промолчала. Я пожал плечами.) — Ну, что бы ты ни решила, дай мне знать, чем я могу помочь.

— Непременно, сэр. Мм… я склоняюсь к тому, чтобы утопить его в гусеницах. Но не знаю, где взять столько гусениц, разве что заказать на Земле. Хотя… всегда можно воздействовать с помощью бессонницы. А под конец сделать так, что обреченный породит собственных гусениц, стоит лишь намекнуть. — Она вздрогнула. — Schrecklich![16] Но только не крысы, Ричард. Ни за что. Даже воображаемые.

— Милая женушка, я рад, что для тебя существуют хоть какие-то границы.

---

[16] Примечания: 16
Ужасно! *(нем.)*

— Конечно существуют! Любимый, ты удивил меня, когда сказал, что дурные манеры — преступление, которое должно караться смертью. Меня больше заботит зло как таковое, чем дурные манеры. Я считаю, что зло не должно оставаться безнаказанным. Бог не спешит наказывать за него, и это меня не устраивает. Я хочу, чтобы все свершилось здесь и сейчас. Возьмем, к примеру, грабителя: когда он пойман, надо тут же его вешать. А поджигателей — сжигать на костре на месте устроенного ими пожара, лучше всего на неостывшем пепелище. Ну а насильников…

О том, какую замысловатую казнь Гвен уготовила насильникам, я так и не узнал, поскольку перед нами возник вежливый бюрократ — седой мужчина с перхотью и приклеенной улыбкой.

— Доктор Эймс?

— Он самый.

— Мангерсон Фиттс, помощник заместителя администратора отдела дополнительной статистики. Я вами займусь. Вы наверняка понимаете, что Управление сейчас целиком поглощено введением в строй нового сегмента. Приходится решать множество вопросов, связанных с временным переселением и нарушениями привычного порядка вещей, прежде чем все мы

сможем начать новую жизнь в более обширном и более совершенном «Золотом правиле». — Он победоносно улыбнулся. — Как я понимаю, вы хотите видеть Управляющего?

— Совершенно верно.

— Прекрасно. Ввиду нынешних чрезвычайных обстоятельств я помогаю сохранить на время реконструкции высокое качество обслуживания гостей «Золотого правила», которым мы так гордимся. Я уполномочен исполнять обязанности Управляющего. Можете считать меня его вторым «я»… ибо я и есть Управляющий во всех отношениях. Эта дама… возможно, с вами?

— Да.

— Мое почтение, мэм. Очень приятно. А теперь, друзья, прошу пройти со мной…

— Нет.

— Простите?

— Я хочу видеть Управляющего.

— Но я же вам объяснил…

— Я подожду.

— Видимо, вы меня плохо поняли. Прошу про…

— Нет.

В этот момент Фиттсу следовало схватить меня за шиворот и вышвырнуть пинком под зад. Конечно, со мной такое легко не пройдет — я

обучался боевым искусствам у дорсаев[17], — но поступить он должен был именно так. Однако ему мешали традиции, привычки и установленные правила.

— Гм… — Фиттс озадаченно уставился на меня. — Но вы должны, вы же понимаете…

— Нет, не понимаю.

— Я пытаюсь объяснить вам…

— Я хочу видеть Управляющего. Он не говорил вам, как надо поступать с сенатором Кантором?

— Сенатором Кантором? Сейчас… это сенатор из… гм…

— Если вы даже не знаете, кто это, откуда вам известно, как с ним поступать?

— Э-э-э… погодите минуту, я проконсультируюсь…

— Лучше возьмите нас с собой. Похоже, для решения этого крайне важного вопроса ваших полномочий недостаточно.

— Э-э-э… прошу подождать здесь.

— Нет. — Я встал. — Лучше я вернусь. Возможно, сенатор уже ищет меня. Передайте Управляющему, что, к сожалению, я не сумел решить этот вопрос. — Я повернулся к Гвен. — Идемте, мадам.

---

[17] Примечания: 17

Дорсаи — народ воинов с планеты Дорсай из произведений американского фантаста Гордона Диксона.

Не будем заставлять его ждать.

Интересно, заметил ли Мангерсон, что местоимение «его» могло относиться к кому угодно?

Гвен тоже встала и взяла меня за руку.

— Прошу вас, друзья, — поспешно сказал Мангерсон, — не уходите! Гм… пойдемте со мной. — Он двинулся в сторону двери без таблички. — Подождите минуту, пожалуйста.

Он отсутствовал больше минуты, но все равно недолго. Когда Фиттс вернулся, лицо его кривилось в улыбке, — именно это выражение будет самым подходящим.

— Сюда, пожалуйста! — сказал он и провел нас в дверь без таблички. Пройдя по короткому коридору, мы оказались в кабинете Управляющего.

Хозяин кабинета сидел за столом. На его лице не было привычного отеческого выражения, знакомого всем по «Слову Управляющего», которое так часто появлялось на всех терминалах. Наоборот, мистер Сетос выглядел так, словно ему попалась какая-то гадость в овсянке.

Не обращая внимания на прохладный прием, я остановился в дверях. Гвен встала рядом со мной. Когда-то я делил свое жилище с весьма привередливым котом (а бывают ли другие?): когда ему предлагали еду, не полностью соответствовав-

шую его вкусам, он застывал и со сдержанным достоинством демонстрировал оскорбленные чувства — что не так-то просто для существа, чья морда целиком покрыта шерстью, поэтому в основном он использовал язык тела. Вспомнив того кота, я проделал то же самое перед мистером Сетосом: я стоял… и ждал.

Сетос долго таращился на нас, потом все же встал, слегка поклонился и произнес:

— Мадам… не соизволите ли сесть?

При этих словах сели мы оба. Один-ноль в нашу пользу. Без Гвен у меня ничего бы не вышло, но она оказала мне неоценимую услугу. Стоило моей заднице коснуться кресла, как Сетос никакими силами не вытащил бы меня оттуда, пока я не добьюсь желаемого.

Я сидел неподвижно и молча ждал.

— Ну? — спросил Сетос, когда его кровяное давление достигло критического уровня. — Вам удалось с боем прорваться ко мне в кабинет. Что это за чушь насчет сенатора Кантора?

— Полагаю, вы мне сами расскажете. Это вы переселили сенатора Кантора в жилой модуль моей жены?

— Гм? Не смешите. У госпожи Новак однокомнатный модуль с минимальными удобствами,

самый маленький в первом классе. Если бы сюда прибыл сенатор из «Стандард ойл», ему, разумеется, выделили бы люксовые апартаменты.

— Вероятно, мои? Потому вы меня и выселили? Ради сенатора?

— Что? Не искажайте моих слов. Сенатора здесь нет. Мы были вынуждены попросить некоторых гостей, в том числе вас, переселиться в другие модули. Вы же понимаете: для установки нового сегмента нужно эвакуировать все жилые модули и общественные пространства, примыкающие к кольцу номер сто тридцать. Придется временно потесниться, чтобы предоставить жилье перемещенным гостям. Насколько я помню, в вашем модуле разместят три семьи. Само собой, ненадолго.

— Ясно. Значит, мне лишь по недосмотру не сообщили, куда я должен переехать?

— О, я уверен, что вам сообщили.

— Я точно знаю, что нет. Не могли бы вы дать мой новый адрес?

— Доктор, вы полагаете, будто я держу в голове всю информацию о предоставленном жилье? Подождите за дверью, и я распоряжусь, чтобы вам выдали все нужные сведения.

Я сделал вид, будто пропустил его предложение

— или приказ — мимо ушей.

— Да, я действительно полагаю, что вся информация у вас в голове.

— Население станции составляет сто восемьдесят с лишним тысяч человек, — фыркнул он. — Для таких подробностей у меня есть помощники и компьютеры.

— Не сомневаюсь. Но вы только что дали мне веский повод думать, что вы храните подробности в голове… когда они вас интересуют. Приведу пример. Мою жену вам не представили. Мангерсон Фиттс не знает, как ее зовут, сказать этого он не мог. Но вы и без этого знали, как ее зовут и в каком модуле она живет. Вернее, жила, пока вы не заблокировали ей вход. Вот как вы соблюдаете Золотое правило, мистер Сетос? Вышвыриваете своих гостей, не соблаговолив предупредить их заранее?

— Доктор, вы пытаетесь ввязаться в драку?

— Нет, я пытаюсь выяснить, почему вы нас достаете. Травите нас. Преследуете. Мы оба прекрасно знаем, что временное переселение из-за нового сегмента тут ни при чем. Это совершенно точно: новый сегмент строят уже три с лишним года, и вы как минимум год знаете, когда его введут в строй. Но при этом вы вышвырнули

меня из моего жилища, предупредив менее чем за полчаса. С моей женой вы поступили еще хуже — попросту заблокировали ее дверь без всякого предупреждения. Сетос, все это никак не связано с новым сегментом. Иначе нас предупредили бы по крайней мере за месяц, сообщили временные адреса и даты переезда в постоянное жилье. Нет, вы пытаетесь изгнать нас со станции «Золотое правило»… и мне хотелось бы знать почему!

— Убирайтесь из моего кабинета. Я прикажу кому-нибудь взять вас за руку и отвести в ваше новое — временное — жилище.

— В этом нет необходимости. Просто назовите координаты и номер жилого модуля. Я подожду, пока вы не найдете их.

— Господи, вам и впрямь хочется, чтобы вас вышвырнули из «Золотого правила»!

— Нет, мне здесь вполне комфортно. Я с радостью останусь… если вы скажете, где нам переночевать сегодня, и сообщите наш новый постоянный адрес, место, где мы будем жить, когда новый сегмент установят и заполнят воздухом. Нам нужны трехкомнатные апартаменты вместо моей двухкомнатной квартиры и однокомнатной, которую занимала миссис Эймс. Два терминала, по одному на каждого, как и раньше.

И низкая сила тяжести — предпочтительно четыре десятых, но не больше половины нормальной.

— А слона в шоколаде не хотите? Зачем вам два терминала? Потребуется дополнительная проводка.

— Я заплачу. Дело в том, что я писатель и использую один терминал в качестве текстового редактора и для поиска информации. Другой нужен миссис Эймс для хозяйственных дел.

— Ого! Так вы намерены использовать жилое помещение в коммерческих целях? Будете платить как коммерсант, а не как обычный жилец.

— И сколько же?

— Нужно посчитать. Для каждого вида коммерческого использования есть свой коэффициент. Магазины, рестораны, банки и тому подобные предприятия платят примерно втрое больше за кубический метр, чем жильцы. Производственные площади стоят дешевле торговых, но к ним могут применяться надбавки — например, за вредность. Складские помещения стоят лишь немногим дороже жилых. По-видимому, вам придется платить по ставке для офисов, коэффициент три с половиной. Но мне нужно уточнить у главного бухгалтера.

— Господин Управляющий, я правильно пони-

маю: вы собираетесь брать с нас в три с половиной раза больше, чем мы оба платили до этого?

— Примерно так. Может, поменьше — в три раза.

— Ну и ну. Я не скрывал того факта, что я писатель: это указано в моем паспорте, и именно как писатель я значился в вашем справочнике в течение последних пяти лет. Почему вы вдруг озаботились тем, как я использую терминал? Какая разница, пишу я письма домой или сочиняю рассказы?

Сетос издал некое подобие смеха:

— Доктор, «Золотое правило» — коммерческое предприятие, целью которого является получение прибыли. Ради прибыли я руковожу им от имени своих партнеров. Никто не обязан ни жить здесь, ни заниматься бизнесом. Я устанавливаю плату с тем расчетом, чтобы Компания получила максимальную прибыль, согласно своим представлениям. Если вам не нравится, можете вести свой бизнес в другом месте.

Я собрался сменить тему дискуссии, понимая, что его доводы сильнее моих, но тут неожиданно заговорила Гвен:

— Мистер Сетос!

— Гм? Да, госпожа Новак… миссис Эймс?

— Когда вы начали заниматься сводничеством, продавая своих сестер?

Лицо Сетоса приобрело легкий баклажанный оттенок. В конце концов, самообладание вернулось к нему настолько, что он спросил:

— Миссис Эймс, вы намеренно пытаетесь меня оскорбить?

— Разве это не очевидно? Не знаю, есть ли у вас сестры, но мне кажется, это занятие очень вам подходит. В любом случае вы обидели нас без всяких причин. Мы пришли к вам с просьбой удовлетворить нашу жалобу. Вы стали выкручиваться, лгать, уходить от ответа, а потом еще и занялись вымогательством, неуклюже оправдывая его свободой предпринимательства. Сколько вы обычно брали за своих сестер? Сколько оставляли себе в качестве комиссии? Половину? Или больше?

— Мадам, вынужден попросить вас покинуть мой кабинет… и эту станцию. Вы не из тех, кого мы хотим здесь видеть.

— С удовольствием, — невозмутимо ответила Гвен. — Как только вы рассчитаетесь со мной. И с моим мужем.

— УБИРАЙТЕСЬ!

Гвен протянула ему руку, ладонью вверх:

— Сперва деньги, наглый мошенник. Остаток на наших счетах плюс депозиты за обратный билет, которые мы оба оставили по прибытии сюда. Если мы покинем этот кабинет без денег, вы вряд ли вернете то, что нам должны. Верни наши деньги, и мы уйдем. Улетим на Луну с первым же челноком — но верни их прямо сейчас! Иначе тебе придется вышвырнуть меня в космос, чтобы я заткнулась. Если позовешь своих головорезов, лживая морда, я закричу, и очень громко. Показать, как?

Гвен закинула назад голову и издала вопль, от которого у меня заболели зубы. У Сетоса, видимо, тоже — я заметил, как он вздрогнул. Он долго смотрел на нее, затем нажал кнопку на столе.

— Игнациус, закрой счета доктора Ричарда Эймса и госпожи Гвендолин Новак… э-э-э… — лишь мгновение поколебавшись, он правильно назвал номера наших модулей, — и немедленно неси их в мой кабинет вместе с наличными для выплаты и квитанциями. Никаких чеков. Что? Слушай меня. Если провозишься больше десяти минут, мы устроим всестороннюю проверку твоего отдела… и посмотрим, кого надо уволить, а кого просто понизить.

Он отключился, не глядя на нас.

Гвен достала свою игровую консоль и запустила крестики-нолики, что вполне меня устраивало — ни на что другое мой интеллект сейчас не годился. Она выиграла четыре раза, хотя дважды первый ход был за мной. Правда, голова у меня все еще побаливала от ее сверхзвукового вопля.

За временем я не следил, но, вероятно, счета принесли минут через десять. Взглянув на бумаги, Сетос передал их нам. Мой, похоже, был в полном порядке, и я уже собирался поставить свою подпись, когда Гвен вдруг спросила:

— Как насчет процентов на мой депозит?

— Что? О чем вы?

— Об оплате обратного билета на шарик. Мне пришлось внести всю сумму на депозит наличными, без всяких долговых расписок. Ваш банк выдает кредиты частным лицам под девять процентов, поэтому он должен начислять на замороженные деньги сумму, как минимум равную проценту по сберегательному счету. Но еще правильнее начислять тот же процент, что и для срочных вкладов. Я пробыла здесь больше года, так что… посмотрим… — Гвен достала карманный калькулятор, на котором мы играли в крестики-нолики. — Вы должны мне восемьсот семьдесят одну крону и, если округлить, еще

восемьсот семьдесят одну в виде процентов. В швейцарских золотых это будет…

— Мы платим кронами, а не швейцарскими деньгами.

— Ладно, пускай кронами.

— И мы не платим проценты на деньги за обратный билет — они просто хранятся на условном депозите.

Внезапно я насторожился:

— Не платите? Дорогая, не дашь свою машинку? Так, посмотрим… сто восемьдесят тысяч человек… а билет эконом-класса в один конец до Мауи, если лететь «Пан-Амом» или «Кантасом», стоит…

— Семь тысяч двести, — подсказала Гвен. — Кроме выходных и праздников.

— Так… — Я ввел все необходимые данные. — Гм… миллиард крон с лишним! Тысяча двести девяносто шесть и еще шесть нулей. До чего интересно и познавательно! Сетос, старина, да ты можешь получать по сотне миллионов в год, не платя налогов — просто вложив все средства, которые берешь у лохов вроде нас, в ценные бумаги Луна-Сити. Но ты, наверное, не поступаешь так — по крайней мере, не со всеми деньгами. Отчего-то мне кажется, что ты содержишь свою

лавочку на чужие деньги… без ведома и согласия их владельцев. Я прав?

Лакей (Игнациус?) с нескрываемым интересом слушал нас.

— Подписывайте квитанции и проваливайте! — рявкнул Сетос.

— С удовольствием!

— Только выплати наши проценты, — добавила Гвен.

— Нет, Гвен… — Я покачал головой. — В любом другом месте мы могли бы подать на него в суд. Но здесь он и закон, и судья в одном лице. Впрочем, я не в обиде, господин Управляющий: вы подсказали мне превосходную и вполне продаваемую идею для статьи в «Ридерс дайджест» или «Форчун». Гм… я назову ее «Журавль в небе, или Как разбогатеть на чужих деньгах. Экономика частных орбитальных станций». Одна лишь станция «Золотое правило» обкрадывает общество на сто миллионов в год или что-то в этом роде.

— Только попробуйте опубликовать, и я вас засужу. Останетесь без штанов!

— Правда? Ладно, увидимся в суде, старина. Хотя сомневаюсь, что тебе захочется полоскать свое грязное белье в любом суде, где дело рассматриваешь не ты. Кстати, у меня возникла

интересная мысль. Ты заканчиваешь постройку очень дорогого сегмента, и насколько я помню, в «Уолл-стрит джорнал» писали, что ты обошелся без продажи облигаций. Сколько из так называемых условно-депозитных денег крутится в виде колец, от сто тридцатого до сто сорокового? И сколько человек должны улететь в течение одной недели, чтобы разорить твой банк? Ты можешь выплатить деньги по первому требованию, Сетос? Или эти депозиты мошеннические, как и все твои махинации?

— Скажете это на публику, и я засужу вас во всех судах системы! Подписывайте квитанцию и уходите.

Гвен потребовала, чтобы деньги пересчитали в нашем присутствии, после чего поставила свою подпись. То же самое сделал и я.

Пока мы получали деньги, ожил терминал на столе у Сетоса. Экран был виден только ему, но я сразу же узнал голос главного проктора Франко.

— Мистер Сетос!

— Я занят.

— Это срочно! В Рона Толливера стреляли. Я…

— Что?!

— Только что! Я в его кабинете. Он тяжело ранен. Скорее всего, не выживет. Но у меня есть

свидетели. Это дело рук того мнимого доктора, Ричарда Эймса…

— Заткнись!

— Но, босс…

— Заткнись, тупой никчемный идиот! Немедленно ко мне! — Сетос вновь переключился на нас. — А теперь убирайтесь.

— Пожалуй, я лучше подожду и познакомлюсь с этими свидетелями.

— Убирайтесь! Вон со станции!

Я подал руку Гвен.

7

Честного человека не обманешь. Нужно, чтобы воровство сперва поселилось в его душе

Клод Уильям Дюкенфилд*[18] *(1880–1946)

В коридоре мы обнаружили Билла, который все так же сидел на моей сумке, держа в руках деревце. Он встал, неуверенно глядя на нас, но когда Гвен ему улыбнулась, ухмыльнулся в ответ.

— Есть проблемы, Билл? — спросил я.

— Никаких, босс. Э-э… одно чмо пыталось купить у меня деревце.

— Почему ты его не продал?

Он ошеломленно уставился на меня:

— Чего?! Оно ведь *ее*?

— Именно. Если бы ты продал его, знаешь, что она сделала бы с тобой? Утопила бы в гусеницах, вот что. Ты не решился ее прогневать и поступил умно. Но зато — никаких крыс. Пока ты рядом с ней, крыс можешь не бояться. Верно, госпожа Хардести?

---

[18] Примечания: 18

Клод Уильям Дюкенфилд — американский актер, комик, фокусник и писатель, более известен как У. К. Филдс. — *Примеч. С. В. Голд.*

— Верно, сенатор. Никаких крыс, ни за что. Билл, я горжусь, что ты не дал ввести себя в искушение. Но я хочу, чтобы ты оставил свой жаргон. Кто-нибудь услышит и примет тебя за бродягу, а нам это совсем ни к чему. Не говори «чмо пыталось купить деревце», говори «мужчина пытался».

— Ну, ваще-то это была чувиха. Ну… телка. Сечете?

— Да. Попробуем еще раз. Скажи «женщина».

— Ладно. Это чмо было женщиной. — Он застенчиво улыбнулся. — Вы совсем как сестры, которые учили нас в Святом Имени на шарике.

— Я принимаю это как комплимент, Билл… и буду приставать к тебе с грамматикой, произношением и выбором слов даже сильнее, чем они, пока ты не научишься изъясняться так же красиво, как сенатор. Потому что много лет назад один мудрец и циник доказал, что успех в жизни в основном зависит от умения говорить. Понимаешь?

— Гм… не очень.

— Всему сразу научиться невозможно, и я этого от тебя не жду. Билл, если ты будешь каждый день мыться и правильно разговаривать, мир решит, что ты победитель, и станет относиться к

тебе соответственно. Поэтому будем стараться.

— А пока что надо срочно убраться из этого гадюшника, — сказал я.

— Сенатор, это не менее срочное дело.

— Да-да, старое правило: «Как приучить щенка к улице». Понимаю. Но давайте двигаться.

— Да, сэр. Прямо в космопорт?

— Пока нет. По Эль-Камино-Реал, проверяя по дороге все терминалы: нам нужен такой, который принимает монеты. У вас есть монеты?

— Немного. Возможно, хватит на короткий звонок.

— Хорошо. Но посматривайте заодно, не попадется ли разменный автомат. Наши кредитные коды теперь недействительны, и придется обходиться монетами.

Вновь забрав наш груз, мы двинулись в путь.

— Не хочу, чтобы Билл слышал это, — тихо сказала Гвен, — но не так уж трудно убедить общественный терминал в том, что ты используешь верный кредитный код, хотя у тебя его вообще нет.

— Попробуем, если честный способ не сработает, — так же тихо ответил я. — Дорогая, сколько еще мелких уловок припрятано у тебя в рукаве?

— Не понимаю, о чем вы, сэр. Вон там, в ста

метрах справа, кажется, стоит будка с желтым знаком. Почему так мало общественных будок, принимающих монеты?

— Потому что Большому Брату хочется знать, кто кому звонит… А если использовать кредитный код, выйдет, что мы почти умоляем его узнать наши секреты. Да, на этой будке есть знак. Сколько у нас монет?

Преподобный доктор Хендрик Хадсон Шульц ответил почти сразу же. Похожий на Санта-Клауса, он оценивающе уставился на меня, одновременно подсчитывая деньги в моем бумажнике.

— Отец Шульц?

— Он самый. Чем могу служить, сэр?

Вместо ответа я достал банкноту в тысячу крон и подержал перед его лицом. Взглянув на нее, доктор Шульц удивленно поднял щетинистые брови.

— Вы меня заинтересовали, сэр.

Бросив взгляд налево и направо, я постучал по уху, затем изобразил трех обезьянок[19].

— Что ж, я как раз собирался выпить чашечку кофе, — ответил он. — Не хотите ли присоединиться? Одну минуту…

---

[19] Примечания: 19

Имеется в виду буддийский символ отказа от зла («ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не скажу»).

Вскоре он показал листок бумаги, на котором было выведено большими печатными буквами:

ФЕРМА СТАРОГО МАКДОНАЛЬДА

— Может быть, встретимся в гриль-баре «Сан-Суси» на Петтикоут-лейн, прямо напротив моего офиса? — предложил доктор. — Скажем, минут через десять?

Продолжая говорить, он раз за разом тыкал пальцем в листок.

— Отлично! — сказал я и отключился.

Я не очень люблю бывать в сельской местности: моя больная нога плохо сочетается с полной силой тяжести, а фермам без нее не обойтись. Вернее, все не совсем так. Возможно, в системе больше станций, где ведут сельское хозяйство при меньшей силе тяжести, такой, какая им нравится (или такой, на которую рассчитаны мутировавшие растения), чем станций, где используют естественный солнечный свет и нормальную гравитацию. Так или иначе, на «Золотом правиле» основную часть свежих продуктов получают под воздействием солнечного света и при полной гравитации, хотя там есть территории с искусственным освещением и нестандартной силой тяжести — не знаю, сколь-

ко именно. Однако огромное пространство от пятидесятого кольца до семидесятого — это одна открытая площадка, где нет ничего, кроме опор, подавителей вибрации и дорожек, соединяющих основные коридоры.

На этих восьмистах метрах радиусы 0-60, 120–180 и 240–300 пропускают солнечный свет, а радиусы 60-120, 180–240 и 300-0 заняты сельскохозяйственными угодьями. Между сто восьмидесятым и двести сороковым радиусами, на кольцах 50–70 находится «Ферма старого Макдональда».

Это большая ферма. Здесь легко можно заблудиться, особенно в полях, где кукуруза даже выше, чем в Айове. И доктор Шульц польстил мне, предположив, что я знаю место нашей встречи — популярный открытый ресторан-бар «Сельская кухня», прямо посреди фермы: кольцо 60, радиус 210 и (естественно) полная сила тяжести.

Чтобы попасть в ресторан, нам сначала пришлось спуститься по лестнице вперед на пятидесятое кольцо, затем пройти назад (при полной гравитации, черт бы ее побрал!) четыреста метров до шестидесятого. Расстояние, конечно, небольшое — около четырех городских кварталов, — но попробуйте преодолеть его на искусственной ноге, с культей, натруженной за день ходьбы, и с

багажом в руках.

Похоже, Гвен тоже заметила это — по моему голосу, или выражению лица, или походке, или еще чему-нибудь, а может, просто прочитала мои мысли; подозреваю, что она это умеет, — и остановилась.

Я тоже остановился:

— Проблемы, дорогая?

— Да. Сенатор, поставьте узел на землю. Древосан я удержу на голове, а узел дайте мне.

— Со мной все в порядке.

— Да, сэр. Конечно в порядке, и я постараюсь, чтобы так оставалось и впредь. Вы имеете право строить из себя мачо, когда вам вздумается… а я имею право строить из себя слабую неразумную женщину. Так что прямо сейчас я собираюсь лишиться чувств. И не приду в себя, пока вы не отдадите мне узел. Поколотить меня вы сможете позже.

— Гм… когда придет моя очередь победить в споре?

— В ваш день рождения, сэр. То есть не сегодня. Так что дайте мне узел. Пожалуйста.

Спор был не из тех, в которых мне хотелось бы победить, и я отдал узел. Билл и Гвен шли впереди, причем Билл возглавлял процессию,

прокладывая путь. Гвен ни разу не уронила груз, который несла на голове, хотя мы шагали не по гладкому полу коридора, а по настоящей грунтовой дороге. Ненужное бахвальство, на мой взгляд.

Я ковылял позади, тяжело опираясь на трость и стараясь не нагружать культю. Когда мы добрались до открытого ресторана, я чувствовал себя уже намного лучше.

Доктор Шульц стоял, облокотившись на барную стойку. Он узнал меня, но не показал этого, пока я не подошел к нему вплотную.

— Доктор Шульц?

— Да-да! — Он даже не стал спрашивать, как меня зовут. — Поищем местечко поспокойнее? Мне очень по душе тишина, царящая в яблоневом саду. Попросим нашего гостеприимного хозяина поставить среди деревьев столик и пару стульев?

— Да. Но только три стула, а не два.

К нам присоединилась Гвен.

— А не четыре?

— Нет. Пусть Билл охраняет наши пожитки, как и раньше. Вон там есть пустой столик. Можно положить вещи на него и рядом с ним.

Вскоре мы втроем устроились за столиком,

который по нашей просьбе перенесли в сад. Посоветовавшись с остальными, я заказал пиво для преподобного отца и себя, кока-колу для Гвен, а также велел официантке найти молодого человека с сумками и принести ему все, что он пожелает, — пиво, кока-колу, сэндвичи, что угодно. (Я внезапно сообразил, что Билл, наверное, ничего не ел с утра.)

Когда официантка ушла, я достал из кармана ту самую банкноту в тысячу крон и протянул ее доктору Шульцу. Она тут же исчезла у него в руках.

— Желаете расписку, сэр?

— Нет.

— По-джентльменски, да? Итак, чем могу помочь?

Сорок минут спустя доктору Шульцу было известно о наших проблемах почти столько же, сколько и мне: я ничего не утаил. Мне казалось, что он может помочь нам, лишь зная всю подноготную — в той же мере, что и я.

— Говорите, в Рона Толливера стреляли? — наконец сказал он.

— Я не видел, только слышал, как об этом говорил главный проктор. Вернее, слышал человека с голосом, похожим на голос Франко, и Управляющий обращался с ним так же, как с Франко.

— Хорошо. Если раздается стук копыт, стоит ждать лошадей, а не зебр. Но пока я добирался сюда, об этом ничего не говорили, и я не заметил никаких признаков волнения среди публики в этом ресторане — а убийство или попытка убийства второго по значимости акционера этой суверенной территории обязательно вызвали бы волнение. Когда вы пришли, я уже несколько минут стоял возле бара, но не слышал ни слова на эту тему, хотя именно в барах первыми узнают новости: там всегда висит экран, настроенный на новостной канал. Гм… А Управляющий не мог скрыть это происшествие?

— Этот лживый змей способен на что угодно.

— Я не имею в виду его моральный облик, хотя и согласен с вами, но лишь физическую возможность такого поступка. Попытку убийства скрыть непросто — кровь, шум, мертвая или раненая жертва. К тому же вы упомянули о свидетелях — вернее, о них упомянул Франко. Тем не менее судья Сетос полностью контролирует единственную газету, терминалы и прокторов. При желании он мог бы долго держать все в тайне. Посмотрим, что и как. Я сообщу обо всем, когда вы доберетесь до Луна-Сити.

— Возможно, нас там не будет. Мне придется

вам позвонить.

— Разумно ли это, полковник? Возможно, нам удалось сохранить наш секрет… если только некое заинтересованное лицо, знающее и вас, и меня, не заметило, как мы вдвоем стояли возле бара. Нам действительно повезло, что в прошлом нас ничто не связывало, и ни одного из нас не обнаружат, если пойдут по следу другого. Конечно, вы можете мне позвонить… но нужно исходить из предположения, что мой терминал взломан, или в мою студию подсадили «жучка», или случилось и то и другое — такое уже бывало. Лучше воспользоваться почтой, если нет ничего крайне срочного.

— Но почту можно вскрыть. Кстати, прошу учесть, что я доктор Эймс, а не полковник Кэмпбелл. И еще: юноша, который пришел с нами, знает меня как «сенатора», а миссис Эймс — как «госпожу Хардести». Это последствия той кутерьмы, о которой я рассказал.

— Я запомню. За свою жизнь нам приходится играть множество ролей. Хотите верьте, хотите нет, но некогда я был известен как «младший капрал Финнеган из Имперской морской пехоты».

— Верю.

— Ну вот, сами видите. А я никогда им не был.

Но мне приходилось заниматься куда более странными делами. Да, почту можно вскрыть. Но если я доставлю письмо к челноку прямо перед его отлетом из нашего космопорта к Луна-Сити, маловероятно, что оно попадет к тому, кто захотел бы его вскрыть. Ну а обратное письмо, адресованное Генриетте ван Лоон, «Мадам Помпадур», Петтикоут-лейн, двадцать тысяч двенадцать, доберется до меня почти без задержек. Старая опытная мадам имеет многолетний опыт аккуратного обращения с чужими секретами. Полагаю, человек должен кому-нибудь доверять. Искусство заключается в том, чтобы знать, кому именно.

— Док, полагаю, вам я могу доверять.

— Дорогой мой сэр, — усмехнулся он, — я с радостью продал бы вам вашу собственную шляпу, если бы вы оставили ее у меня на столе. Но по сути, вы правы. Я согласился, чтобы вы стали моим клиентом, и вы можете полностью мне доверять. Работа двойным агентом вызывает язву желудка… а я, как истинный гурман, не желаю заниматься тем, что может помешать мне наслаждаться хорошей едой. — Он задумчиво посмотрел на меня. — Можно еще раз взглянуть на тот бумажник? Бумажник Энрико Шульца?

Я протянул бумажник. Доктор извлек оттуда удостоверение.

— Так, значит, это его фотография?

— Один в один.

— Доктор Эймс, надеюсь, вы понимаете, что фамилия Шульц сразу же привлекла мое внимание. Но, возможно, вы не догадываетесь, что в силу моих разнообразных интересов я отмечаю каждого, кто прибывает на станцию. Я ежедневно читаю «Вестник», проглядывая все подряд и уделяя особое внимание информации личного характера. И могу с уверенностью утверждать, что этот человек прибыл на станцию «Золотое правило» не под фамилией Шульц. Любая другая фамилия могла бы ускользнуть от меня, но моя собственная? Невозможно.

— Но именно эту фамилию он, похоже, сообщил по прибытии.

— Именно что «похоже». — Шульц взглянул на удостоверение. — В своем офисе я за двадцать минут — ладно, за полчаса — изготовлю удостоверение с этой же фотографией и такого же качества. И в нем будет написано, что владельца зовут Альберт Эйнштейн.

— Хотите сказать, что удостоверение не поможет проследить его путь?

— Погодите, я этого вовсе не говорил. Вы утверждаете, что фотография подлинная. Это хорошая отправная точка. Намного лучше имени, стоящего в документе. Этого человека наверняка видели многие, некоторые даже знают, кто он такой. Кое-кто вполне может знать, почему его убили, если его в самом деле убили. Вы поступили осмотрительно, не став утверждать определенно.

— Ну… в основном из-за танцев с бубнами, устроенных сразу после того, как его застрелили — если застрелили. Никакой суматохи, никакого замешательства. Те четверо вели себя так, будто отрепетировали все заранее.

— Хорошо, попробую разузнать с помощью кнута и пряника. Из человека с нечистой совестью или страстью к деньгам — а у большинства людей есть и то и другое — можно вытянуть то, что ему известно. Что ж, похоже, мы все обговорили. Но давайте убедимся как следует: у нас вряд ли будет возможность устроить еще одну консультацию. Вы занимаетесь всем, что связано с Уокером Эвансом, а я — остальными вопросами в вашем списке. Будем обмениваться любыми сведениями, особенно если след ведет в «Золотое правило» или за его пределы. Что-нибудь еще? Ах да, то самое зашифрованное сообщение… вы

намеревались им заняться?

— У вас есть мысли на этот счет?

— Предлагаю оставить его себе и отнести в главный офис компании «Маккей» в Луна-Сити. Если они сумеют опознать шифр, вопрос лишь в оплате — законной или незаконной — за его расшифровку. Из содержания сообщения будет ясно, нужно оно мне или нет. Если «Маккей» окажется бессилен, попробуйте показать его доктору Джейкобу Раскобу из университета Галилео. Он занимается криптографией на факультете информатики. Если даже он не поймет, что с этим делать, останется лишь молиться. Можно я оставлю себе фото моего кузена Энрико?

— Конечно. Но пришлите мне, пожалуйста, копию — она может понадобиться, когда я займусь вопросом Уокера Эванса. Да, пожалуй, наверняка понадобится. Доктор, нам нужно кое-что еще, о чем я не упоминал.

— Да?

— Ваше преподобие, юноша, который пришел с нами — призрак, ночной бродяга. И к тому же совсем голый. Нам хотелось бы его прикрыть. Не знаете никого, кто мог бы этим заняться, причем прямо сейчас? Хотелось бы успеть на ближайший челнок.

— Минуту, сэр! Следует ли понимать, что ваш носильщик, молодой человек с вашим багажом, — тот негодяй, который притворялся проктором?

— Разве я плохо разъяснил?

— Возможно, я не расслышал. Что ж, приму это к сведению… хотя вынужден признать, что весьма удивлен. Хотите, чтобы я снабдил его документами? Чтобы он мог передвигаться по «Золотому правилу», не опасаясь прокторов?

— Не совсем. Мне нужно нечто большее — паспорт. Чтобы он мог покинуть «Золотое правило» и попасть на Свободную Луну.

Доктор Шульц потянул себя за губу.

— Что он собирается там делать? Впрочем, нет, вопрос снимается. Это ваше дело, а не мое. Или его.

— Я собираюсь слепить из него что-то стоящее, отец Шульц, — сказала Гвен. — Он должен научиться держать ногти в чистоте и не путать слова. И ему недостает твердости характера, которую я намерена ему передать.

Шульц задумчиво посмотрел на Гвен:

— Да, пожалуй, у вас ее хватит на двоих. Разрешите сказать, мадам, что я бы ни за что не взялся за такое, но безмерно вами восхищаюсь!

— Терпеть не могу, когда что-то пропадает впустую. Думаю, Биллу лет двадцать пять, но он ведет себя и разговаривает так, будто ему десять или двенадцать. Но он вовсе не дурак, — улыбнулась она. — Уж я-то поучу его уму-разуму, пусть даже придется расколотить эту глупую башку!

— Желаю успехов, — вежливо кивнул Шульц. — А что, если он и впрямь окажется просто тупым? Неспособным повзрослеть?

— Тогда, — вздохнула Гвен, — я немного поплачу и найду для него спокойное местечко, где он сможет заниматься чем хочет и быть кем хочет, в покое и уюте. Ваше преподобие, я не могу отправить его обратно в мир грязи, голода и страха — и крыс. Такая жизнь хуже смерти.

— Да, ибо смерти не следует бояться: она несет окончательное утешение, о чем рано или поздно узнаем мы все. Что ж, значит, Биллу нужен чистый паспорт. Придется найти одну даму и узнать, может ли она принять срочный заказ. — Он нахмурился. — Сделать это до ближайшего челнока будет непросто. К тому же мне нужна фотография Билла. Проклятье! Без похода в мой офис не обойтись, а это лишнее время и лишний риск для вас обоих.

Гвен пошарила в сумочке и достала камеру

«Мини-Гельвеция» — в большинстве мест для владения ею требовалась лицензия, но, вероятно, предписания Управляющего на нее не распространялись.

— Доктор Шульц, я знаю, что фотография будет слишком мала для паспорта, но нельзя ли ее увеличить?

— Наверняка можно. Гм… впечатляющая камера.

— Мне она нравится. Когда-то я работала на… одно агентство, где пользовались такими камерами, а уволившись, обнаружила, что потеряла ее… Пришлось возместить стоимость. — Она озорно улыбнулась. — А потом камера нашлась. Все это время она лежала в моей сумочке… на дне, среди всякого хлама. Ладно, сейчас сбегаю и щелкну Билла.

— Используй нейтральный фон, — поспешно добавил я.

— Думаешь, у меня совсем котелок не варит? Извини, пожалуйста. Вернусь через секунду.

Вернулась она через несколько минут, и фотография уже начала проявляться. Еще через минуту фото обрело резкость, и Гвен подала его доктору Шульцу.

— Подойдет?

— Отлично! Но что это за фон, можно поинтересоваться?

— Барное полотенце. Фрэнки и Хуанита натянули его за головой Билла.

— Фрэнки и Хуанита, — повторил я. — Это кто такие?

— Главный бармен и управляющий. Отличные ребята.

— Гвен, не знал, что у тебя здесь знакомые. Могут быть проблемы.

— Никаких знакомых у меня тут нет — я раньше здесь не бывала, дорогой. Обычно я ходила в «Полевую кухню» на ранчо «Ленивая восьмерка», у девяностого радиуса. Там отлично танцуют сквэр-данс[20].

Гвен посмотрела вверх, щурясь в солнечных лучах, — величественно вращавшаяся станция приняла положение, при котором Солнце находилось прямо над «Фермой старого Макдональда». Она показала куда-то ввысь, примерно под углом в шестьдесят градусов.

— Вон там видна «Полевая кухня», а танцпол как раз над ней, в стороне Солнца. Видите, там

---

[20] Примечания: 20

Сквэр-данс — американский народный танец, основу которого составляют фигуры традиционных плясок, привезенных эмигрантами из Европы.

танцуют? Опора частично загораживает вид.

— Слишком далеко, — признался я.

— Танцуют, — сказал доктор Шульц. — Кажется, «Техасскую звезду». Да, тот самый стиль. Ах, молодость, молодость! Я давно уже не танцую, однако бывал приглашенным коллером[21] в «Полевой кухне». Мы с вами там не встречались, миссис Эймс? Скорее всего, нет.

— А я думаю, что да, — ответила Гвен. — Но тогда я была в маске. Мне понравилось, как вы вели танец, доктор. У вас настоящий талант, прямо как у Папаши Шоу[22].

— Это самая большая похвала, на которую может надеяться коллер. В маске? Случайно, не в бело-зеленом платье в полоску? И с широкой юбкой?

— И не просто широкой: когда партнер крутил меня, она шла волнами и люди жаловались на морскую болезнь. У вас великолепная память, сэр.

— А вы великолепная танцовщица, мэм.

---

[21] Примечания: 21

Коллер — человек, который руководит танцем в сквэр-дансе, но сам в нем не участвует.

[22] Примечания: 22

Папаша Шоу — прозвище Ллойда Шоу (1890–1958), преподавателя танцев, возродившего культуру народного танца в США.

— Может, закончим вечер воспоминаний? — прервал их я, придя в легкое раздражение. — Есть более срочные дела, и я все еще надеюсь успеть на двадцатичасовой челнок.

— Двадцатичасовой? — покачал головой Шульц. — Никак не получится, сэр.

— Почему не получится? Еще три часа с лишним. Мне не нравится идея ждать следующего: Франко может послать за нами своих головорезов.

— Вы просили паспорт для Билла. Доктор Эймс, даже на самое жалкое подобие паспорта нужно больше времени. — Он замолчал, напоминая теперь не столько Санта-Клауса, сколько усталого, полного забот старика. — Но ваша главная цель — забрать Билла с этой станции на Луну?

— Да.

— Что, если он отправится с вами в качестве раба?

— Что?!! В Свободное государство Луны нельзя ввозить рабов.

— И да и нет. Вы можете привезти раба на Луну… но он автоматически становится свободным, отныне и навеки, как только ступит на ее поверхность. Именно об этом в первую очередь объявили тамошние бывшие каторжники, до-

бившись свободы. Доктор Эймс, я уверен, что к вечернему челноку сумею снабдить вас купчей на кабальный контракт Билла. У меня есть его фотография, есть комплект официальных бланков — подлинных, добытых незаконным путем, — и есть время на то, чтобы смять и состарить документ. Уверяю вас, это намного безопаснее, чем пытаться в спешке соорудить паспорт.

— Полагаюсь на ваше мнение профессионала. Как, когда и где мне забрать документ?

— Гм… только не в моей студии. Знаете маленькое бистро рядом с космопортом, на одной десятой *g* у трехсотого радиуса? «Вдова астронавта»?

Я уже собирался ответить «нет», добавив, что в любом случае найду его, когда вмешалась Гвен:

— Я знаю, где это. За товарным складом фирмы «Мэйси». Без вывески.

— Совершенно верно. Собственно, это частный клуб, но я дам вам карточку. Можете там отдохнуть и перекусить. Никто вас не побеспокоит. Члены клуба стараются не лезть в чужие дела — им хватает своих.

(Вот только дела эти довольно темные, вроде контрабанды, — но говорить об этом вслух я не стал.)

— Это меня устроит.

Преподобный доктор достал карточку и начал писать, но тут же остановился.

— Под какими именами?

— Госпожа Хардести, — тотчас же ответила Гвен.

— Согласен, — серьезно кивнул доктор Шульц. — Разумная предосторожность. Сенатор, а как звучит ваша фамилия?

— «Кантор» не подойдет — можно наткнуться на того, кто знает в лицо сенатора Кантора. Гм… Хардести?

— Нет, она ваша секретарша, а не жена. Пусть будет «Джонсон». Сенаторов с этой фамилией больше, чем с любой другой, и она не вызовет подозрений, а кроме того, у Билла такая же… что может оказаться полезным. — Заполнив карточку, он протянул ее мне. — Хозяина заведения зовут Тигр Кондо, и в свободное время он обучает всевозможным способам быстрого убийства. Можете на него положиться.

— Спасибо, сэр. — Я бросил взгляд на карточку и убрал ее в карман. — Желаете получить очередную часть гонорара, доктор?

— Нет-нет, — весело улыбнулся он. — Я еще не решил, сколько из вас можно выжать. Мой девиз

— «Бери, сколько дают», но я никогда не довожу своих клиентов до анемии.

— Разумно. Тогда до встречи. Нам не стоит уходить отсюда всем вместе.

— Согласен. Предлагаю встретиться в девятнадцать часов. Дорогие друзья, было очень приятно пообщаться с вами. И не забудем о самом важном событии сегодняшнего дня. Мои наилучшие пожелания, мэм. Мои поздравления, сэр. Пусть ваша совместная жизнь будет долгой, мирной и полной любви.

Гвен поцеловала его, поднявшись на цыпочки, и оба прослезились. Ну, и я тоже.

8

Всегда чего-нибудь не хватает — если не печенья, так сиропа.

Лазарус Лонг (1912-?)

Гвен повела нас прямо во «Вдову астронавта». Заведение приткнулось, как она и говорила, за складами «Мэйси», в одном из странных уголков, возникших из-за того, что станция имеет форму цилиндра: если не знать, что оно там, ты вряд ли найдешь его. После толп на том конце оси, где помещался космопорт, местечко показалось нам вполне уютным.

Вообще-то, этот конец предназначен только для пассажирских кораблей — грузовики собираются на противоположном. Но из-за монтажа и раскрутки нового сегмента весь транспортный поток перенаправили в конец, обращенный к Луне. Его называют «передним», поскольку длина «Золотого правила» достаточно велика для возникновения легкого приливного эффекта, и этот эффект усилится после установки нового сегмента. Я не хочу сказать, что там ежедневно происходят приливы и отливы. Там есть нечто

иное…

(Возможно, я сообщаю слишком много подробностей. Все зависит от того, насколько вам приходилось иметь дело с орбитальными станциями. Можете спокойно пропустить эту часть.)

Итак, там наблюдается приливной захват — передний конец станции постоянно направлен в сторону Луны. Если бы «Золотое правило» было размером с корабль-челнок или находилось так же далеко, как «Эль-пять», ничего подобного не случилось бы. Но станция пятикилометровой длины движется по орбите вокруг центра масс, отстоящего от нее всего на пару тысяч километров. Естественно, это лишь одна четырехсотая от радиуса орбиты, но квадратичной зависимости никто не отменял, и в отсутствие трения эффект длится вечно. Приливное воздействие, которое Земля оказывает на Луну, лишь вчетверо сильнее — и даже меньше, если учесть, что Луна круглая, как теннисный мяч, а «Золотое правило» больше похоже на сигару.

У «Золотого правила» есть еще одна особенность. Его орбита проходит над полюсами (конечно, это знают все, так что прошу прощения), но этот почти идеальный круг полностью открыт Солнцу, то есть плоскость орбиты всегда обраще-

на к Солнцу, а Луна вращается под ней. Отчасти напоминает маятник Фуко или патрулирующие Землю спутники-шпионы.

Иными словами, «Золотое правило» просто следует за терминатором, линией, отделяющей лунный день от ночи, совершая нескончаемое движение по кругу и никогда не уходя в тень. Если уж быть совсем точным, станция оказывается в тени во время лунных затмений, и только.

Такая конфигурация не может быть жесткой, она лишь метастабильна — на станцию воздействует что угодно, даже Сатурн и Юпитер. Однако маленький автопилот «Золотого правила» делает так, чтобы ее орбита всегда была полностью обращена к Солнцу: это и позволяет получать обильные урожаи на «Ферме старого Макдональда». Коррекция орбиты почти не требует энергии — лишь едва заметных толчков при обнаружении крошечных отклонений.

Надеюсь, вы пропустили все вышеизложенное. Небесная механика интересна лишь тем, кто применяет ее на практике.

Мистер Кондо — невысокого роста и явно японского происхождения — отличался предельной вежливостью. Мускулы его лоснились под кожей, словно у ягуара, и в манере двигаться было что-то

от зверя. Даже без подсказки от доктора Шульца сразу становилось ясно, что с Тигром Кондо лучше не встречаться в темном переулке — если только он не оказался там, чтобы защитить тебя.

Поначалу он лишь слегка приоткрыл дверь, но когда я показал карточку доктора Шульца, нам тотчас же оказали довольно официальный, но теплый прием. Небольшое заведение было заполнено лишь наполовину. Основную часть посетителей составляли мужчины; не все из присутствующих здесь женщин были их женами, но и особами легкого поведения не являлись. Чувствовалось, что они профессиональные партнеры. Окинув взглядом нашу троицу, хозяин решил, что нам не место в главном зале, с обычными клиентами, и провел нас в маленькую комнатку или кабинку, где едва хватало места для трех человек вместе с багажом. Там он принял заказ. Я спросил, можно ли пообедать.

— И да и нет, — ответил он. — Есть суси, а также сукияки, которое готовит на месте моя старшая дочь. Могу предложить гамбургеры и хот-доги. Имеется также пицца, но замороженная, — мы не делаем ее сами и никому не рекомендуем. В основном это бар: мы подаем еду, но посетители не обязаны ничего есть. Можете играть всю ночь в

го, шахматы или карты и ничего не заказывать.

Гвен дотронулась до моей руки:

— Можно мне?

— Пожалуйста.

Они с хозяином говорили о чем-то довольно долго, но я не понял ни слова. Однако лицо его просветлело, он поклонился и ушел.

— И что это значит? — поинтересовался я.

— Я спросила, не мог бы он обслужить нас так же, как меня в прошлый раз. Это не конкретное блюдо, а просьба: пусть мама-сан посмотрит, что есть под рукой, и приготовит блюдо на свой вкус. Если бы я не сказала, он никогда не подал бы виду, что я тут бывала — в тот раз я приходила с другим мужчиной. Еще он сообщил, что наш маленький питомец — лучший экземпляр сахарного клена, виденный им за пределами Японии. Я попросила его опрыскать для меня деревце, прежде чем мы уйдем. Он согласился.

— Ты сказала ему, что мы женаты?

— Не было необходимости. Когда я говорила о тебе, то использовала идиому, которая это подразумевает.

Мне захотелось спросить, где и как она выучила японский, но я не стал делать этого: Гвен сама расскажет, когда сочтет нужным. (Сколько бра-

ков разрушилось из-за неодолимого стремления знать всю подноготную супруга? Как человек, сочинивший множество «историй из жизни», могу заверить вас, что необузданное любопытство в отношении прошлого мужа или жены — прямой путь к семейной трагедии.)

Вместо этого я обратился к Биллу:

— Билл, это твой последний шанс. Если хочешь остаться в «Золотом правиле», самое время уйти. Когда пообедаешь, конечно. Но после обеда мы отправляемся на Луну. Хочешь, лети с нами, хочешь, оставайся здесь.

Билл удивленно уставился на меня:

— Она сказала, что я могу выбирать?

— Конечно можешь! — резко сказала Гвен. — Можешь полететь с нами… но тогда я потребую, чтобы ты вел себя как цивилизованный человек. А можешь остаться в «Золотом правиле», вернуться в свое болото и рассказать Фингерсу, как ты провалил задание.

— Ничего я не провалил! Это все *он*!

Имелся в виду, естественно, я.

— Все ясно, Гвен, — сказал я. — Я ему не нравлюсь. Не хочу даже находиться рядом с ним, а тем более помогать ему. Однажды ночью он подсыплет отраву мне в суп.

— Билл на такое не способен. Правда, Билл?

— В самом деле? — усмехнулся я. — Заметила, как быстро он отозвался? Гвен, сегодня днем он пытался меня застрелить. Почему я должен мириться с такими грубыми манерами?

— Ричард, прошу тебя! Не может же он сразу исправиться!

Бессмысленную дискуссию прервал мистер Кондо, вернувшийся к нашему столику, чтобы накрыть его к ужину… включая держатели для нашего деревца. Одной десятой земной силы тяжести вполне достаточно, чтобы еда оставалась на тарелке, а ноги касались пола — но лишь едва-едва. Стулья были прикреплены к полу и снабжены привязными ремнями. Я не стал пристегиваться, но ремень бывает нужен, когда приходится резать жесткий бифштекс. К стаканам и чашкам прилагались крышки и носики для питья. Последние были самым полезным приспособлением: когда берешь чашку кофе при силе тяжести в одну десятую, запросто можно ошпариться. Вес почти отсутствует, зато инерция нисколько не изменилась… и все выплескивается на тебя.

Раскладывая рядом со мной тарелки и палочки, Кондо тихо проговорил мне на ухо:

— Сенатор, а вы не участвовали в высадке у Солис Лакус?[23]

— Конечно, дружище! — искренне ответил я. — Тоже там были?

— Имел честь, — поклонился он.

— Какое подразделение?

— «Неудержимые», Оаху.

— Старики «Неудержимые»… — уважительно проговорил я. — Больше всего наград в истории. Гордитесь!

— Благодарю от имени моих товарищей. А вы, сэр?

— Я высаживался с… «Убийцами Кэмпбелла».

Мистер Кондо втянул воздух сквозь зубы.

— Ах вот как! И впрямь можно гордиться.

Снова поклонившись, он быстро скрылся в кухне.

Я мрачно уставился в тарелку. Это был провал. Кондо узнал меня. Но если наступит день, когда в ответ на прямой вопрос я отрекусь от своих товарищей, можете не проверять мой пульс, можете даже не кремировать: просто выплесните вместе

---

[23] Примечания: 23

Солис Лакус — озеро Солнца, темная область на поверхности Марса размерами 500×800 км, из-за формы иногда называется «Окулусом» или «Оком Марса». Неподалеку от Солис Лакус в 1986 году высаживалась Первая марсианская экспедиция (единственный выживший — Валентайн Майкл Смит). — *Примеч. С. В. Голд.*

с помоями.

— Ричард?

— Гм? Да, дорогая?

— Ты не против, если я отойду?

— Конечно. У тебя все в порядке?

— Да, спасибо, но нужно кое-что сделать.

Гвен легкой походкой направилась в сторону коридора, который вел к туалетам и выходу. Это было похоже не столько на движение вперед, сколько на танец: при одной десятой *g* ходить по-настоящему можно либо в туфлях с магнитными подошвами, либо после очень долгой практики. Кондо обходился без магнитных туфель, скользя по-кошачьи.

— Сенатор?

— Да, Билл?

— Она злится на меня?

— Вряд ли. — Я собирался добавить, что буду очень недоволен, если он станет продолжать в том же духе, но промолчал. Угрожать Биллу, что его оставят здесь, — примерно то же самое, что бить младенца, не способного защититься. — Просто она хочет, чтобы ты вел себя достойно и не сваливал на других вину за свои поступки. И не искал оправданий.

Высказав свою любимую банальность, я вновь

предался мрачному самоанализу. Я искал для себя оправданий, пусть и не вслух. Но все равно это поиск оправданий. Что бы ты ни делал, где бы ты ни был — вина, приятель, твоя и только твоя, на сто процентов.

Или заслуга. Вот только заслуг было чертовски мало. Давай признаемся честно.

Но стоит лишь посмотреть, с чего я начинал… и тем не менее пробился наверх, дослужившись до полковника.

В самой распутной и грязной банде воров и разбойников со времен крестовых походов.

Не смей говорить так про свой полк!

Ладно. Но это ведь и не Колдстримская гвардия[24].

Эх, парни! Да всего лишь один взвод «Убийц Кэмпбелла»…

Дерьмо.

Гвен отсутствовала довольно долго. Я не посмотрел на часы, когда она уходила, но сейчас было почти восемнадцать. Я попытался встать, что не так-то просто, когда стол и стул привинчены к полу.

---

[24] Примечания: 24

Колдстримская гвардия — старейшее подразделение британской армии, основано в 1650 году по приказу О. Кромвеля.

— Вы не стали обедать без меня? — спросила она.

— Нисколько. Мы поели и выбросили остатки на корм свиньям.

— Ладно, мама-сан не даст мне остаться голодной.

— А папа-сан не станет нас обслуживать без тебя.

— Ричард, я сделала кое-что, не посоветовавшись с тобой.

— Нигде не написано, что ты обязана со мной советоваться. Ну как, мы договоримся с копами?

— Речь вовсе не об этом. Ты видел, что сегодня в городе полно людей в фесках? Это экскурсанты с конвента храмовников[25] в Луна-Сити.

— Так вот кто они такие! А я-то думал, к нам вторглись турки.

— Думай что хочешь. Но ты сам видел, как они шляются по Петтикоут-лейн и Эль-Камино, покупая все, что не кусается. Мне кажется, большинство не останутся на ночь — у них плотная программа в Луна-Сити, номера в отелях уже оплачены. Вечерние челноки наверняка будут

---

[25] Примечания: 25

Храмовники — члены «Древнего арабского ордена благородных адептов Таинственного храма», американского общества, известного своей благотворительной деятельностью.

забиты до отказа…

— Пьяными турками, блюющими в собственные фески. И на сиденья.

— Можно не сомневаться. Мне пришло в голову, что даже на двадцатичасовом челноке вскоре может не оказаться мест, так что я купила для нас билеты и забронировала места.

— А теперь рассчитываешь, что я верну тебе деньги? Подай заявку, и я передам ее в свой юридический отдел.

— Ричард, я боялась, что сегодня мы вообще отсюда не выберемся.

— Госпожа Хардести, вы не перестаете меня удивлять. Какова сумма?

— О финансах поговорим потом. Мне просто показалось, что обед пройдет в более приятной обстановке, если я буду точно знать, что мы улетим сразу же после него. И… гм… — Она замолчала и посмотрела на Билла. — Билл?

— Да, мэм?

— Мы собираемся обедать. Вымой руки.

— Чего?

— Не ворчи. Делай что сказано.

— Да, мэм. — Билл послушно встал и вышел.

Гвен снова повернулась ко мне:

— Я немного нервничала… из-за лимбургского

сыра.

— Какого еще сыра?

— Твоего, дорогой. Я взяла сыр у тебя в кладовке, а перед обедом положила на поднос с сыром и фруктами. Когда мы поели, остался стограммовый клинышек в обертке. Я не стала его выбрасывать, а вместо этого положила в сумочку. Вдруг мы захотим перекусить, подумала я…

— Гвен…

— Ладно, ладно! Я оставила сыр специально: мне уже доводилось применять его в войне разведок. Куда приятнее некоторых других вещей из списка. Ты не поверишь, насколько отвратительным бывает…

— Гвен, список составил я. Вернемся к нашим баранам.

— Как ты помнишь, в кабинете Сетоса я сидела почти у стены, прямо под выходным отверстием главного вентилятора. Теплый воздух неприятно дул мне в ноги, и я подумала…

— Гвен…

— Везде на станции одинаковые вентиляторы: и тепло, и поток воздуха регулируются на месте, а решетка держится на одних защелках. Пока бухгалтерия готовила окончательную выписку с наших счетов, Управляющий старательно

не обращал на нас внимания. Я уменьшила поток воздуха, поставила регулятор тепла в нейтральное положение, сняла решетку, намазала лимбургским сыром лопатки теплообменника, зашвырнула остатки как можно дальше в воздуховод и поставила решетку на место. А потом, перед самым уходом, перевела регулятор в положение «холод» и увеличила воздушный поток. — Она с тревогой посмотрела на меня. — Тебе за меня стыдно?

— Нет. Но я рад, что ты на моей стороне. Гм… а ты в самом деле на моей?

— Ричард!

— Но еще больше я рад тому, что у нас забронированы места на следующем челноке. Интересно, как скоро Сетосу станет прохладно и он включит подачу тепла?

Обед был восхитительным, но я не знал названий блюд, так что ограничусь общим замечанием. Мы уже достигли стадии сытой отрыжки, когда из кухни вышел Кондо и, наклонившись к моему уху, проговорил:

— Прошу пройти со мной, сэр.

Я последовал за ним в кухню. Мама-сан лишь на мгновение оторвалась от своих дел и больше не обращала на нас внимания. Меня ждал пре-

подобный доктор Шульц, взгляд которого был полон тревоги.

— Что, есть проблемы? — спросил я.

— Одну минуту. Вот ваша фотография Энрико, я ее скопировал. А вот документы для Билла — прошу ознакомиться.

Бумаги лежали в потертом конверте — мятые, пожелтевшие, местами покрытые жирными пятнами. Кадровое агентство «Геркулес мэнпауэр, инкорпорейтед» наняло Уильяма Без-среднего-имени Джонсона из Нового Орлеана, герцогство Миссисипи, республика Одинокой звезды[26], после чего продало его контракт строительной корпорации «Бехтель хай констракшн» с разрешением на работу в космосе, невесомости и вакууме, которая, в свою очередь, продала контракт доктору Ричарду Эймсу со станции «Золотое правило» на орбите Луны, и так далее, и тому подобное — юридические закорючки. К контракту было приложено очень похожее на настоящее свидетельство о рождении, где указывалось, что Билл — найденыш, оставленный кем-то в прихо-

[26] Примечания: 26

Одинокая звезда — официальный символ и прозвище штата Техас. — *Примеч. С. В. Голд.*

де Метайри[27], предположительно родившийся за три дня до того, как его обнаружили.

— По большей части это правда, — сказал доктор Шульц. — Я выцарапал старые данные из главного компьютера.

— А есть разница, правда это или нет?

— Почти нет… если сведения выглядят достаточно убедительно, чтобы вытащить отсюда Билла.

Гвен, которая вошла на кухню следом за мной, взяла у меня бумаги и просмотрела их.

— По мне, все убедительно. Отец Шульц, вы настоящий мастер своего дела.

— Это моя знакомая дама — мастер своего дела. Я передам ей ваш комплимент. А теперь, друзья, перейдем к плохим новостям. Тэцу, покажи им.

Кондо прошел в заднюю часть кухни. Мама-сан, то есть миссис Кондо, посторонилась, и Кондо включил терминал. Вызвав «Вестник», он промотал его дальше — видимо, до раздела экстренных новостей, — и я вдруг увидел себя.

Рядом со мной, на другой половине разделенного надвое экрана, виднелось не слишком качественное изображение Гвен. Я бы не узнал

---

[27] Примечания: 27
Метайри — пригород Нового Орлеана.

ее, если бы не голос, который твердил:

— …Эймса. Госпожа Гвендолин Новак — печально известная мошенница, обокравшая немало жертв, в основном мужчин, к которым втиралась в доверие в барах и ресторанах на Петтикоутлейн. Самозваный «доктор» Ричард Эймс, не имеющий видимых средств к существованию, исчез из своего жилища, расположенного по адресу: кольцо шестьдесят пять, пятнадцатый радиус, уровень ноль целых четыре десятых *g*. Покушение со стрельбой было совершено сегодня в шестнадцать двадцать, в кабинете партнера «Золотого правила» Толливера…

— Эй! — сказал я. — Время не то. Мы были…

— Да, вы были со мной, на Ферме. Слушайте дальше.

— …согласно показаниям свидетелей, стреляли оба убийцы. Вероятно, они вооружены и опасны. При попытке задержать их соблюдайте крайнюю осторожность. Управляющий, убитый горем из-за потери старого друга, предложил награду в десять тысяч крон за…

Доктор Шульц протянул руку и выключил терминал.

— Дальше все повторяется. Но, похоже, экстренное сообщение передают по всем каналам.

И на данный момент многие обитатели станции наверняка уже видели и слышали его.

— Спасибо, что предупредили. Гвен, ты не придумала ничего лучше, чем стрелять в людей? Нехорошая девочка!

— Прошу прощения, сэр. Попала в дурную компанию.

— Опять оправдания. Ваше преподобие, что нам делать, черт возьми? Этот сукин сын вышвырнет нас в космос еще до наступления ночи.

— Об этом я тоже подумал. Вот, примерьте.

С этими словами он извлек феску из недр своей внушительной фигуры. Я надел ее.

— Сидит отлично.

— А теперь это.

«Этим» оказалась черная бархатная наглазная повязка на резинке. Надев ее, я решил, что ходить с одним закрытым глазом не слишком приятно, но промолчал. Папаша Шульц явно приложил немало усилий и воображения, чтобы мне не пришлось дышать вакуумом.

— Господи! — воскликнула Гвен. — То, что надо!

— Да, — согласился доктор Шульц. — Повязка на глазу привлекает внимание большинства людей — настолько, что разглядеть черты лица

можно лишь с помощью осознанного усилия воли. Я всегда держу такую повязку под рукой. Та феска и присутствие здесь адептов Таинственного храма — лишь счастливое совпадение.

— А феска у вас тоже всегда под рукой?

— Не совсем. У нее был другой владелец. Когда он проснется, то, возможно, хватится ее… но вряд ли он проснется скоро. Его… гм… опекает мой друг Микки Финн. Но вам следует избегать любых храмовников из святилища Аль-Мицар. В этом смысле может помочь их акцент — они из Алабамы.

— Доктор, я постараюсь избегать любых храмовников. И наверное, поднимусь на борт в последнюю минуту. Но что насчет Гвен?

Преподобный доктор извлек еще одну феску:

— Примерьте, милая леди.

Гвен примерила феску, которая закрывала ей глаза, словно абажур — лампу, и тут же ее сняла.

— Думаю, не подойдет — не гармонирует с цветом лица. Что скажешь?

— Боюсь, вы правы.

— Доктор, — сказал я, — храмовники вдвое крупнее Гвен по любому измерению, и выступающие части тела у них размещены иначе. Наверняка есть другие варианты. Грим?

Шульц покачал головой:

— Грим всегда выглядит как грим.

— В терминал загрузили очень плохое изображение. Тот, кто посмотрел новости, не узнает ее.

— Спасибо, дорогой. Увы, в «Золотом правиле» довольно многие знают, как я выгляжу. Если всего лишь один из них окажется возле посадочного шлюза, продолжительность моей жизни резко сократится. Гм… приложив немного усилий, я могу выглядеть на свой возраст, без всякого грима. Папа Шульц?

— Сколько вам лет на самом деле, уважаемая?

Бросив на меня быстрый взгляд, она поднялась на цыпочки и прошептала что-то на ухо Шульцу.

— Не верю, — удивленно проговорил он. — И — нет, это не сработает. Нужно кое-что получше.

Миссис Кондо что-то быстро сказала мужу. Тот внезапно насторожился, и они обменялись несколькими фразами на японском, после чего Кондо перешел на английский:

— Прошу прощения, но моя жена только что заметила, что у госпожи Гвен рост и фигура почти такие же, как у нашей дочери Наоми. К тому же любое кимоно легко растягивается.

Улыбка исчезла с лица Гвен.

— Это мысль… Спасибо вам обоим. Но я не по-

хожа на японку — нос, глаза, кожа…

Вновь последовал обмен репликами, быстрый, но многословный — на этот раз в нем участвовали трое. Наконец Гвен сказала:

— Возможно, это продлит мне жизнь. Прошу меня извинить.

Она вышла вместе с мамой-сан. Кондо вернулся в главный зал — уже несколько минут вспыхивали огоньки, означавшие, что посетители требуют обслуживания, но хозяин не обращал на них внимания. Я обратился к доброму доктору:

— Вы уже продлили нам жизнь, найдя для нас убежище у Тигра Кондо. Как по-вашему, мы сможем скрываться достаточно долго, чтобы попасть на челнок?

— Надеюсь. Что я могу еще сказать?

— Пожалуй, ничего.

Папаша Шульц полез в карман.

— Мне посчастливилось раздобыть для вас туристическую карточку джентльмена, который одолжил феску. Я стер с карты его имя. Что поставить вместо него? Естественно, не «Эймс» — но что именно?

— Гм… Гвен забронировала для нас места. Купила билеты.

— На ваши настоящие фамилии?

— Не уверен.

— Надеюсь, что нет. Если она использовала «Эймс» и «Новак», лучше вам оказаться первыми в списке не явившихся на рейс. А мне лучше поспешить в кассу и забронировать места на фамилии «Джонсон» и…

— Док…

— Прошу прощения? Если на этот челнок все билеты проданы, тогда на следующий.

— Вам нельзя этого делать. Стоит *вам* забронировать места для *нас*, и — фьють! Вы за бортом. Возможно, они сообразят лишь завтра, но сообразят обязательно.

— Но…

— Подождем и выясним, что сделала Гвен. Если они не вернутся через пять минут, попрошу мистера Кондо вытащить их оттуда.

Несколько минут спустя вошла молодая женщина.

— Как я понимаю, вы Наоми? — поклонившись, спросил отец Шульц. — Или Юмико? В любом случае рад снова видеть вас.

Девушка хихикнула, шмыгнула носом и сделала поясной поклон. Она походила на куклу — изящное кимоно, маленькие шелковые туфельки, белый макияж на лице, удивительная

японская прическа.

— Итибан гейся я, — ответила она. — Мой англрийский осень прохой.

— Гвен! — воскликнул я.

— Извиняйте?

— Гвен, это великолепно! Но скажи нам поскорее, на какие фамилии ты забронировала билеты?

— Эймс и Новак. Как указано в паспортах.

— Это финиш. Что будем делать, док?

Гвен перевела взгляд с одного на другого.

— В чем, собственно, проблема?

Я объяснил.

— Итак, мы идем к выходу на посадку, хорошо замаскировавшись, и предъявляем билеты на имя Эймса и Новак. Занавес. Без цветов.

— Ричард, я не все тебе рассказала.

— Гвендолин, ты никогда ничего не рассказываешь до конца. Опять лимбургский сыр?

— Нет, дорогой. Я понимала, что все может обернуться именно так. Ну… ты имеешь полное право сказать, что я выкинула на ветер кучу денег. Но я… в общем, заказав билеты, которые теперь пропадут, я пошла к прокатным конторам и оставила залог за тачку. «Вольво колибри».

— Под каким именем? — спросил Шульц.

— Сколько? — спросил я.

— Под моим настоящим…

— Боже милостивый! — выдохнул Шульц.

— Одну минуту, сэр. Мое настоящее имя — Сэди Липшиц… и его знает только Ричард, а теперь и вы. Пожалуйста, не произносите его вслух: оно мне не нравится. Под именем Сэди Липшиц я зарезервировала «вольво» для моего работодателя, сенатора Ричарда Джонсона, и оставила залог — шесть тысяч крон.

— За «вольво»? — присвистнул я. — Такое впечатление, что ты его купила.

— Да, я его купила, дорогой. У меня не было другого выхода. И плату за прокат, и залог пришлось внести наличными, ведь кредитки у меня не было. Вернее, карточки есть — хватит на целый пасьянс. Но у Сэди Липшиц нет счета в банке. Так что мне пришлось заплатить шесть тысяч, просто чтобы зарезервировать машину — взять напрокат, но с заключением договора купли-продажи. Я пыталась торговаться, но из-за всех этих храмовников служащий был уверен, что настоит на своем.

— Вероятно, он был прав.

— Скорее всего. Если мы возьмем машину, нам придется доплатить до цены по прейскуранту,

еще девятнадцать тысяч крон…

— Господи!

— …плюс страховка и комиссионные. Но мы получим обратно неиспользованные деньги, если вернем ее здесь, в Луна-Сити или Гонконге-Лунном, в течение тридцати дней. Мистер Доквейлер объяснил, для чего нужен договор купли-продажи. Рудокопы, или, скорее, старатели на астероидах, брали машины напрокат, не платя полную стоимость, отводили их в какой-нибудь тайник на Луне и переделывали для горных работ.

— «Вольво»? Единственный способ переправить «вольво» в Пояс астероидов — доставить его туда в грузовом отсеке «кукушки»[28]. Но девятнадцать… нет, двадцать пять тысяч крон? Плюс страховка и взятка? Откровенный, наглый грабеж.

— Друг мой Эймс, полагаю, хватит вести себя как шотландец из анекдотов, оказавшийся перед платным туалетом, — резко бросил Шульц. — Вы согласны с тем, как миссис Эймс все устроила? Или предпочитаете прогулку на свежем воздухе

---

[28] Примечания: 28

«Кукушка» — по словам Роджера Стоуна, героя романа Р. Э. Хайнлайна «Космическое семейство Стоун», это «небольшая спортивная машинка». *— Примеч. С. В. Голд.*

по приказу Управляющего? Свежем, но весьма разреженном?

Я глубоко вздохнул:

— Прошу прощения. Вы правы, деньгами не надышишься. Просто терпеть не могу, когда меня пытаются надуть. Гвен, извини. Ладно, где тут контора «Герца»? Что-то я не ориентируюсь.

— Не «Герц», дорогой. «Бюджет-джетс». У «Герца» не осталось ни одной свободной машины.

9

Мерфи был оптимистом.

(Комментарий О'Тула к закону Мерфи[29]; цитируется по А. Блоху)

Чтобы добраться до офиса «Бюджет-джетс», пришлось обогнуть снаружи зал ожидания космопорта, войти в него на оси вращения, а там уже двигаться напрямую к двери прокатной конторы. В зале ожидания царила обычная толчея, которая усугублялась присутствием храмовников и их жен. Большинство пристегнулись к настенным опорам, но некоторые парили в невесомости. И еще прокторы — слишком много прокторов.

Видимо, надо пояснить, что зал ожидания, а также кассы, шлюз, ведущий в пассажирский туннель, и прокатные конторы пребывают в состоянии невесомости, не принимая участия в постоянном вращении, которое создает на станции искусственную силу тяжести. Зал ожидания и смежные помещения представляют собой ци-

---

[29] Примечания: 29

Закон Мерфи звучит следующим образом: «Все, что может пойти не так, пойдет не так». Комментарий «Мерфи был оптимистом» принадлежит Леонарду Джеймсу Каллагэну. — *Примеч. С. В. Голд.*

линдр, размещенный внутри другого, гораздо большего цилиндра — самой станции. Они словно ось и колесо, которое на оси вращается.

Поэтому на обшивке станции, в том месте, где соприкасаются оба цилиндра, устанавливают вакуумное уплотнение — вероятно, ртутного типа, но я никогда его не видел. Суть в том, что, несмотря на вращение станции, космопорт внутри нее вращаться *не должен*, поскольку челноку (или лайнеру, или грузовику, или даже «вольво») для стыковки требуется неподвижный причал, пребывающий в невесомости. Причальные гнезда прокатных контор расположены в виде розетки вокруг главного стыковочного узла.

Проплывая через зал ожидания, я избегал людских взглядов, направляясь прямо к цели — двери в переднем углу. За мной неотрывно следовали Гвен и Билл. Повесив сумочку на шею, Гвен одной рукой придерживала клен-бонсай, а другой крепко держалась за мою лодыжку; за ее лодыжку, в свою очередь, держался Билл, буксируя за собой сверток, упакованный в фирменную бумагу «Мэйси» с логотипом компании. Уж не знаю, что было в нее завернуто до того, но теперь она скрывала чемодан Гвен — тот, что поменьше, не для одежды.

Куда мы дели остальной багаж? Следуя первому принципу спасения собственной шкуры, мы от него избавились. Он сразу же выдал бы нас — храмовники, отправляясь на однодневную экскурсию, не таскают с собой кучу поклажи. Чемодан Гвен мы сумели спасти: в обертке от «Мэйси» он мало чем отличался от приобретений, которые явно совершали многие храмовники. Это же касалось и деревца — дурацкая покупка из тех, которые охотно совершают туристы. Но остальной багаж пришлось бросить.

Возможно, когда-нибудь мы получили бы его, если бы нашелся безопасный способ пересылки. Но я заранее списал наше имущество со счетов. Упрекнув меня в недовольном ворчании из-за того, что Гвен слишком потратилась, доктор Шульц помог мне сориентироваться. Я слишком размяк, сидя дома, доктор же вернул меня к реальности, в которой существуют лишь две разновидности людей — быстрые и мертвые.

Пересекая зал ожидания, я вновь остро осознал истинность этого утверждения: позади нас появился главный проктор Франко. Похоже, он не обращал на нас внимания, а я изо всех сил делал вид, что не обращаю внимания на него. Казалось, главный проктор хотел лишь одного: добрать-

ся до группы своих подчиненных, охранявших шлюз перед пассажирским туннелем. Он устремился прямо к ним, в то время как я буксировал свое небольшое семейство, двигаясь вдоль леера, который тянулся от входа до нужного мне угла.

Когда мы туда добрались и дверь «Бюджет-джетс» закрылась за нами, я вновь обрел способность дышать, а мой желудок наконец-то вернулся на место.

В офисе «Бюджет-джетс» мы обнаружили местного управляющего, мистера Доквейлера, который сидел, пристегнувшись, за столом, курил сигару и читал лунный выпуск «Ежедневного бюллетеня скачек».

— Прошу прощения, друзья, — сказал он, отрываясь от чтения, — но у меня нет ничего напрокат или на продажу. Даже ведьмовской метлы.

Вспомнив, кто я такой — сенатор Ричард Джонсон, представитель невероятно богатого и известного во всей системе синдиката почивающих на лаврах, один из самых могущественных воротил в Гааге, — я позволил сенатору говорить за меня.

— Сынок, я сенатор Джонсон. Насколько мне известно, моя сотрудница забронировала сегодня на мое имя… «кукушку-супер».

— О! Рад познакомиться, сенатор, — он при-

крепил зажимом газету к столу и отстегнул ремень. — Да, у меня есть ваша бронь. Но это не «супер», а «вольво».

— Что?! Я же ясно сказал той девушке… Ладно, не важно. Поменяйте, пожалуйста.

— С удовольствием, сэр, но ничего другого нет.

— Жаль. Не будете ли вы так любезны проконсультироваться с вашими конкурентами и найти мне…

— Сенатор, во всем «Золотом правиле» не осталось ни одной машины напрокат. «Моррис-гараж», «Локхид-фольксваген», «Герц», «Интерплэнет» — в течение последнего часа все посылают друг другу запросы. Никаких шансов. Полный ноль. Машин нет.

Пришло время для философского настроения.

— Что ж, придется брать «вольво». Верно, сынок?

Сенатор вновь пришел в легкую ярость, когда от него потребовали оплатить полную стоимость машины — судя по всему, сильно подержанной. Я пожаловался на грязные пепельницы и велел вычистить их пылесосом… но когда терминал за головой Доквейлера перестал твердить про Эймса и Новак, махнул рукой и сказал:

— Проверим массу и доступную дельту-вэ. Я

хотел бы стартовать.

Для измерения массы «Бюджет-джетс» использует не центрифугу, а эластичный инерциометр, более новый, быстрый, дешевый и намного более удобный прибор; не знаю, правда, превосходит ли он центрифугу в точности. Доквейлер велел нам забраться в сетку (деревце-бонсай он лишь встряхнул и записал, что его вес равен двум килограммам — похоже на правду), попросил нас крепко обнять пакет от «Мэйси», нажал на кнопку, и эластичное основание затряслось так, что у нас едва не вылетели зубы. Затем он объявил, что наша общая стартовая масса составляет двести тринадцать и шесть десятых килограмма.

Несколько минут спустя мы пристегнулись к сиденьям, и Доквейлер закрыл носовой, а затем внутренний люк причального гнезда. Он не стал спрашивать у нас удостоверений, туристических карточек, паспортов или лицензий пилота космобиля, зато пересчитал те девятнадцать тысяч дважды. Плюс страховка и чаевые.

Я ввел в автопилот «213,6 кг», затем взглянул на приборную панель. Датчик топлива показывал полную заправку, и все идиотские огоньки горели зеленым. Я нажал кнопку «готово» и стал ждать.

— Удачной посадки! — послышался в динамике голос Доквейлера.

— Спасибо.

Пневматика сказала «уффф!», и мы вылетели из гнезда на яркий солнечный свет. Впереди и вокруг нас виднелась внешняя часть космопорта. Я задал разворот на сто восемьдесят градусов, и в моем левом иллюминаторе появилась удаляющаяся станция, а впереди возник приближающийся челнок. Я не обращал на него внимания, это он должен был сторониться меня, ведь я отчаливал. В правом же иллюминаторе возникло самое эффектное зрелище во всей системе — Луна крупным планом, всего в трехстах километрах. Казалось, что до нее рукой подать.

Все складывалось просто великолепно.

Подлые негодяи-убийцы остались позади, и мы стали навеки недосягаемы для непредсказуемого тирана Сетоса. Поначалу жизнь в «Золотом правиле» казалась счастливой, свободной и беззаботной, но теперь я кое-что понял: на шее монарха всегда должна быть затянута петля — это помогает держать голову высоко поднятой.

Я занял кресло пилота, Гвен расположилась на месте второго пилота справа от меня. Взглянув в ее сторону, я вдруг понял, что мой глаз до сих пор

прикрыт дурацкой повязкой. Хотя нет, вычеркните «дурацкой», — возможно, она спасла мне жизнь. Я снял повязку и сунул в карман, затем стащил с головы феску и, оглядевшись в поисках подходящего места, запихнул ее под ремень на груди.

— Посмотрим, все ли в порядке, — сказал я.

— Не слишком ли поздно, Ричард?

— Я всегда устраиваю проверку после старта, — ответил я. — Вот такой я оптимист. Как там сумочка и пакет от «Мэйси» — хорошо закреплены?

— Пока нет. Если не будешь дергать машину туда-сюда, я сейчас отстегнусь и привяжу их как следует. — Она начала возиться с застежкой.

— Эй! Прежде чем отстегнуться, нужно получить разрешение пилота.

— Я думала, оно у меня есть.

— Теперь есть. Но не повторяй снова той же ошибки. Мистер Кристиан[30], на корабле его величества «Баунти» царит и будет царить дисциплина. Билл! Как ты там?

— Все норм.

— Пристегнулся как следует? Ничего не болта-

---

[30] Примечания: 30

Флетчер Кристиан (1764–1793) — помощник капитана корабля «Баунти», возглавивший мятеж на судне (1789).

ется? Не хочется, чтобы при крутом повороте по кабине стала летать всякая мелочь.

— Он надежно пристегнут, — заверила меня Гвен. — Я проверяла. Он крепко прижимает к животу Древо-сан. Я пообещала, что если он хоть на мгновение отпустит горшок, мы похороним его без лишних церемоний.

— Не уверен, что деревце выдержит перегрузку.

— Я тоже, но его все равно было не упаковать. По крайней мере, оно будет находиться в нужном положении, а я заодно прочту пару заклинаний. Дорогой, что мне делать с париком? Наоми пользуется им для выступлений, и он немало стоит. Она уговорила меня надеть его — полагаю, в качестве последнего убедительного штриха. Это очень мило с ее стороны, но я не знаю, как его уберечь. Он чувствителен к перегрузкам не меньше, чем Древо-сан.

— Не имею ни малейшего понятия: вот мое официальное мнение. Но сомневаюсь, что придется разгонять эту колымагу больше чем до двух *g*. — Я задумался. — Как насчет бардачка? Вытащи из дозатора все салфетки и напихай вокруг парика. И внутрь тоже. Пойдет?

— Думаю, да. Времени хватает?

— Полно. Я прикинул в офисе мистера Доквейлера: чтобы сесть в порту Гонконга-Лунного, надо начать переход на более низкую орбиту примерно в двадцать один час. У нас куча времени. Так что действуй, пока я сообщу автопилоту о том, что собираюсь делать. Гвен, видишь со своего места показания всех приборов?

— Да, сэр.

— Ладно. Твоя задача — следить за ними и смотреть в иллюминатор по правому борту. Я займусь тягой, позиционированием и этим крошечным компьютером. Кстати, у тебя ведь есть лицензия, верно?

— Сейчас немного поздновато об этом спрашивать. Но пусть душа твоя будет спокойна, дорогой: я водила разный космический хлам, еще когда училась в средней школе.

— Хорошо.

Я не стал просить Гвен, чтобы она показала лицензию, — по ее верному замечанию, было уже слишком поздно.

Еще я запомнил, что на мой вопрос она так и не ответила.

(Если небесная механика вас утомляет — можете снова пропустить.)

Полный оборот вокруг Луны на бреющем по-

лете (допустим, на лунной поверхности есть что сбривать, хоть это и маловероятно) занимает один час сорок восемь минут и несколько секунд. «Золотое правило» находится в трехстах километрах от поверхности, и потому проходит путь больше диаметра Луны (10 919 километров), а именно 12 805 километров. Из-за разницы почти в две тысячи километров его скорость должна быть выше. Верно?

Неверно. Я вас обманул.

Самая странная и сложная, полностью противоречащая здравому смыслу особенность орбитального полета состоит в следующем: чтобы ускориться, нужно замедлиться, а чтобы замедлиться, нужно ускориться.

Прошу прощения, но так уж получается.

Мы находились на той же орбите, что и «Золотое правило», в трехстах километрах над Луной, и парили вместе со станцией, двигаясь со скоростью полтора километра в секунду (в автопилот я ввел 1,5477 км/с: так говорилось в шпаргалке, выданной у Доквейлера). Чтобы опуститься на поверхность, следовало перейти на более низкую (и более быструю) орбиту… а для этого требовалось замедлиться.

На самом же деле все было еще сложнее. Посад-

ка в безвоздушном пространстве подразумевает спуск на самую низкую (и самую быструю) орбиту. Но скорость нужно сбросить, чтобы коснуться поверхности с нулевой относительной скоростью. Нужно уменьшать ее так, чтобы опуститься на планету вертикально, без толчка (или с едва заметным толчком) и без скольжения (или с едва заметным скольжением). Это называют «синергической орбитой»: даже написать эти два слова не так-то легко, а рассчитать орбиту еще труднее.

И тем не менее это вполне реально. У Армстронга и Олдрина получилось с первого раза (второго шанса не было!) Но несмотря на тщательные математические расчеты, оказалось, что на их пути находится чертовски огромная скала. Лишь благодаря виртуозным действиям и нескольким литрам лишнего топлива им удалось сесть целыми и невредимыми. (Без этих излишков топлива освоение космоса, возможно, затормозилось бы лет на пятьдесят или около того. Мы недостаточно чтим наших первопроходцев.)

А вот другой способ посадки: зависнуть прямо над нужным местом и падать как камень, тормозя двигателем с точностью жонглера, ловящего яйца на тарелку.

Есть, однако, маленькая сложность: повороты под прямым углом противоречат всем принципам пилотирования. «Дельта-вэ» позорно тратится впустую — скорее всего, на корабле для этого не хватит топлива. («Дельта-вэ» на жаргоне пилотов означает «изменение скорости», поскольку в уравнениях греческая буква «дельта» обозначает относительное изменение, а латинская буква «вэ» — скорость. Не стоит также забывать, что скорость включает в себя и направление, и поэтому космический корабль не способен развернуться на сто восемьдесят градусов.)

Я стал заносить в маленький автопилот «вольво» программу того, что напоминало синергическую посадку Армстронга и Олдрина, только в упрощенном варианте. В основном все свелось к тому, что я попросил компьютер автопилота вызвать из долговременной памяти обобщенную программу посадки с окололунной орбиты, он послушно согласился, заявив, что знает, как это делается, и мне осталось лишь ввести данные для конкретной посадки, используя шпаргалку от «Бюджет-джетс».

Покончив с этим, я велел автопилоту проверить введенные данные. Тот с неохотой признал,

что получил все необходимое для посадки в Гонконге-Лунном в двадцать два часа семнадцать минут и сорок восемь и три десятых секунды.

Часы компьютера показывали 19:57. Всего двадцать часов назад незнакомец, называвший себя Энрико Шульцем, сел без приглашения за мой столик в «Конце радуги», а пять минут спустя его застрелили. С тех пор мы с Гвен успели пожениться, лишиться жилья, «усыновить» бесполезного иждивенца и, заполучив обвинение в убийстве, бежать, чтобы спасти наши жизни. Весьма насыщенный день — а ведь он еще не закончился.

Я слишком долго прожил в тишине и покое. Ничто не делает жизнь настолько пикантной, как бегство ради спасения своей шкуры.

— Второй пилот!

— Второй пилот слушает!

— До чего же здорово! Спасибо, что вышла за меня замуж.

— Принято, дорогой мой капитан! Взаимно!

Да, это был день везения, чего уж тут сомневаться! Счастливое стечение обстоятельств спасло нам жизнь. В это мгновение Франко наверняка проверял каждого, кто садился на двадцатичасовой челнок, ожидая, когда зарегистрируются доктор Эймс и госпожа Новак, — а мы уже вышли

через боковую дверь. Но даже после этого госпожа Удача продолжала раздавать награды.

Каким образом? С орбиты «Золотого правила» проще всего было сесть на Луну, опустившись на линии раздела дня и ночи, — при минимальном потреблении топлива и минимальной «дельта-вэ». Почему? Мы уже находились на этой линии, летя от полюса к полюсу, с юга на север и с севера на юг, и садиться проще всего было прямо на ней, не меняя курса.

Для посадки в направлении восток-запад потребовалось бы сбросить скорость, затем еще больше увеличить «дельту-вэ», совершая дурацкий поворот под прямым углом и наконец начать программирование посадки. Возможно, банковский счет и выдержал бы подобное расточительство, но не космобиль: вполне можно оказаться без топлива, когда под вами будет только вакуум и куча камней внизу. Не слишком привлекательно.

Конечно, чтобы спасти наши шкуры, я был готов сесть на Луне где угодно… но одной из наград от госпожи Удачи стала также посадка в подходящем месте (Гонконг-Лунный) как раз во время рассвета: мы провели бы на орбите всего час в ожидании, когда можно будет дать автопилоту

команду на снижение. Чего еще я мог пожелать?

Мы парили над задницей Луны, рифленой, как задница аллигатора. Пилоты-любители не садятся на обратной стороне Луны по двум причинам: 1) горы — по сравнению с ними Альпы могут показаться канзасскими прериями; 2) поселения — там нет ни одного, достойного упоминания. О недостойных упоминания говорить не будем, чтобы не злить их обитателей.

Через сорок минут мы должны были оказаться над Гонконгом-Лунным, как раз в тот момент, когда до него доберется рассвет. До этого времени я мог запросить разрешение на посадку и доверить последнюю, самую сложную ее часть, центру управления полетами (ЦУП), а потом два часа кружить над Луной, постепенно снижаясь. После этого надо было отдаться на волю ЦУПа Гонконга-Лунного, но я пообещал себе оставить ручное управление и отработать посадку самостоятельно, для тренировки. Сколько лет прошло с тех пор, как я в последний раз совершал посадку в безвоздушном пространстве? Кажется, на Каллисто? В каком году? Слишком уж давно!

В 20:12 мы пролетели над северным полюсом Луны, полюбовавшись земным восходом — картина захватывающая, даже если ты видел ее не

раз. Мать-Земля пребывала в половинной фазе (поскольку сами мы находились на лунной линии раздела дня и ночи), и ее освещенная половина располагалась слева от нас. Прошло всего несколько дней после летнего солнцестояния, и северная полярная шапка ослепительно сверкала в лучах солнца. Такой же яркой выглядела и Северная Америка, покрытая густыми облаками, кроме части западного побережья Мексики.

Внезапно я понял, что затаил дыхание, а Гвен сжимает мою руку. Я едва не забыл связаться с ЦУПом Гонконга-Лунного.

— «Вольво» Би-Джей-семнадцать вызывает ЦУП Гонконга-Лунного. Слышите меня?

— Би-Джей-семнадцать, подтверждаю. Продолжайте.

— Запрашиваю разрешение на посадку приблизительно в двадцать два семнадцать сорок восемь. Запрашиваю управление с поверхности с возможностью переключения на ручное. Вылетел с «Золотого правила», нахожусь на его орбите, примерно в шести километрах к западу от него. Прием.

— «Вольво» Би-Джей-семнадцать, разрешаю посадку в Гонконге-Лунном приблизительно в двадцать два семнадцать сорок восемь. Пере-

ключитесь на тринадцатый спутниковый канал не позднее двадцати одного сорока девяти и будьте готовы передать управление нам. Предупреждение: вы должны запустить стандартную программу спуска с орбиты в двадцать один ноль шесть девятнадцать и выполнять ее в точности. При отклонении более трех процентов по вектору или четырех километров по высоте возможен отказ в приеме управления. ЦУП Гонконга-Лунного, конец связи.

— Принято, — ответил я. — Спорим, ты не догадался, что говоришь с Капитаном Полночь[31], самым крутым пилотом в Солнечной системе, — добавил я, предварительно отключив микрофон.

Видимо, мне лишь показалось, что я отключил его, — в ответ донеслось:

— А с вами говорит капитан Геморрой, самый мерзкий диспетчер лунной службы управления полетами. Купите мне литр «Гленливета», когда я вас посажу. Если, конечно, вообще посажу.

Я проверил выключатель микрофона — похоже, все было в порядке — и решил не подтверждать прием. Известно, что телепатия лучше всего ра-

---

[31] Примечания: 31

Капитан Полночь (*англ.* Captain Midnight) — позывной авиатора Джима Олбрайта, героя комиксов, телесериалов и радиопостановок. — *Примеч. С. В. Голд.*

ботает в вакууме… но ведь простой парень как-то должен защищаться от суперменов.

(Например, держать язык за зубами, когда это необходимо.)

Поставив таймер на двадцать один час, я направил машину вертикально вниз и в течение последующего часа наслаждался полетом, держась за руки с новоиспеченной женой. Впереди под нами проплывали невероятные, трагически пустынные лунные горы, выше и острее Гималаев. Тишину нарушали только тихое жужжание компьютера, вздохи воздухоочистителя — и постоянное надоедливое шмыганье Билла. Я отключился от всех посторонних шумов, отдавшись чувствам, которые переполняли мою душу. Ни у Гвен, ни у меня не возникало желания говорить. Счастливая интерлюдия, мирная, словно ручей у старой мельницы[32].

— Ричард! Проснись!

— А? Я вовсе не спал.

— Спал, дорогой. Уже двадцать один час.

Гм… и правда. Двадцать один час одна минута. Что случилось с таймером? Впрочем, не важно

---

[32] Примечания: 32

«Down by the Old Mill Stream» («По ручью у старой мельницы») — популярная в первой половине XX в. лирическая песня Т. Тэйлора. —*Примеч. С. В. Голд.*

— у меня было пять минут и ноль секунд на проверку того, вовремя ли стартовала программа спуска. Я нажал кнопку вращения, и аппарат встал горизонтально, брюхом вниз: так проще всего снижаться, хотя можно делать это на спине и даже на боку. В любом случае сопло должно быть направлено против движения, чтобы уменьшить скорость при запуске посадочной программы — с точки зрения пилота, космобиль движется задом, словно птица филлилу[33]. (Но мне больше по душе естественный вид горизонта, поэтому я предпочитаю снижаться «на брюхе», задом наперед.)

Почувствовав, что «вольво» поворачивается, я спросил компьютер, готов ли он запустить программу посадки, используя стандартный код из списка, выгравированного на его корпусе.

Ответа не последовало. Пустой экран. Ни звука.

Я неодобрительно отозвался о его предках.

— Ты нажал кнопку «пуск»? — спросила Гвен.

— Само собой!

Я снова надавил на нее. Экран загорелся, и раздался звук такой громкий, что у меня заболели

[33] Примечания: 33

Птица филлилу — персонаж фольклора североамериканских лесорубов, летает хвостом вперед.

зубы.

— Как правильно пишется «комфорт»? Умные граждане Луны, страдающие от переработок, перенапряжения и стресса, знают, что правильное название К-О-М-Ф-И-С — «Комфис»! Специалисты рекомендуют «Комфис» тем, кто страдает от повышенной кислотности желудка, изжоги, язвы, спазма кишечника и просто от болей в животе. «Комфис»! Он способен на большее! Производитель — фирма «Тигровый бальзам», Гонконг-Лунный: создатель лекарств, на которые можно положиться! К-О-М-Ф-И-С! Он способен на большее! Спрашивайте у своего врача.

Послышалось визгливое пение, превозносящее прелести «Комфиса».

— Этот чертов ящик не выключается!

— Стукни по нему!

— Гм?

— Стукни по нему, Ричард.

Никакой логики я в этом не видел, но выплеснуть эмоции хотелось, и я с размаху шлепнул по корпусу компьютера. Проклятая железка продолжала извергать бессмыслицу, рекламируя пищевую соду по безумной цене.

— Дорогой, нужно бить сильнее. Электроны — робкая мелюзга, но бывают упертыми. Они

должны знать, кто тут главный. Дай-ка я попробую.

Гвен врезала по компьютеру так, что его корпус, казалось, сейчас треснет. На экране тут же появился текст:

«Готов к снижению. Начало отсчета: 21:06:17,0»

Часы компьютера показывали 21:05:42,7.

Я едва-едва успел посмотреть на радар-высотомер (показывавший ровно 298 километров над поверхностью) и на допплеровский счетчик: стало ясно, что мы ориентированы вдоль линии нашего движения — вполне приемлемо для ЦУП… хотя не знаю, что я смог бы сделать за десять с небольшим секунд. Для управления пространственным положением в «вольво» используются не спаренные сопла, а гироскопы: они дешевле двенадцати маленьких двигателей и множества сопутствующей техники, но и работают медленнее.

А потом часы неожиданно показали «время ноль»: двигатель заработал, вдавив нас в сиденья, и на экране появилась программа включений:

21:06:17,0 — 19,0 секунды

21:06:36,0

Двигатель послушно отключился через девятнадцать секунд, даже не закашлявшись.

— Вот видишь? — сказала Гвен. — Нужно просто обращаться с ним жестче.

— Я не верю в анимизм.

— Не веришь? Как же ты обходишься с… извини, дорогой, не важно. Гвен сама обо всем позаботится.

Капитан Полночь не ответил. Не могу сказать, что у меня так уж испортилось настроение, но, черт побери, анимизм — чистой воды суеверие. (Если только речь не идет об оружии.)

Я переключился на тринадцатый канал. Близился момент пятого включения, и я уже готовился передать управление ЦУПу Гонконга-Лунного (капитану Геморрою), когда у нашего драгоценного электронного идиота сдохло ОЗУ — оперативное запоминающее устройство, где хранилась программа посадки. Таблица включений на экране потускнела, дрогнула, сжалась в точку и исчезла. Я лихорадочно нажал кнопку сброса, но ничего не произошло.

Капитан Полночь, конечно, знал, что нужно делать:

— Гвен! — закричал я. — Комп потерял программу!

Гвен замахнулась и стукнула по его корпусу. График включений вернулся — сдохшее ОЗУ, как и лопнувший мыльный пузырь, восстановлению не подлежит, — но компьютер все-таки перезагрузился, и в верхнем левом углу экрана возник вопросительно мигающий курсор.

— Когда следующее включение, дорогой? — спросила Гвен. — И сколько оно продолжается?

— В двадцать один сорок семь семнадцать. Кажется, одиннадцать секунд. Почти наверняка одиннадцать.

— Подтверждаю обе цифры. Введи их вручную, а потом попроси компьютер заново вычислить потерянные данные.

— Сейчас. — Я ввел данные включения. — После этого я готов передать управление Гонконгу.

— Если так, самое страшное позади, дорогой: одно ручное включение, и нами займется ЦУП. Но для надежности все-таки пересчитаем.

Ее тон был куда более оптимистичным, чем мое настроение. Я никак не мог вспомнить, при каком направлении и на какой высоте нас должен перехватить ЦУП. Но времени на беспокойство не оставалось — нужно было задать параметры

включения двигателя. Я ввел данные:

21:47:17,0 — 11,0 секунды
21:47:28,0

Я отсчитывал секунды, глядя на часы. Ровно через семнадцать секунд после 21:47 я вдавил кнопку пуска. Запустился двигатель, то ли от нажатия кнопки, то ли по команде компьютера. Ровно через одиннадцать секунд я отпустил кнопку.

Двигатель продолжал работать.

«…бегай кругами, погромче крик!»

«Бегай кругами и громче кричи!» Я пошевелил кнопку пуска — нет, ее не заело. Я стукнул по корпусу. Рев двигателя не смолкал, нас все сильнее вдавливало в сиденья.

Гвен протянула руку и отключила питание компьютера. Двигатель внезапно затих.

Я попытался унять дрожь.

— Спасибо, второй пилот.

— Да, сэр.

Взглянув в иллюминатор, я решил, что поверхность Луны чуть ближе, чем хотелось бы, и проверил показания радара-высотомера. Девяносто с чем-то — третья цифра постоянно

менялась.

— Гвен, мне кажется, мы летим не в Гонконг-Лунный.

— И мне тоже.

— Теперь проблема в том, чтобы посадить эту колымагу, не разбив ее.

— Согласна, сэр.

— Так где же мы? Хотя бы приблизительно. Чудес я не жду.

Впереди — вернее, позади, поскольку мы все еще тормозили, — простиралась такая же неровная и каменистая местность, как и на обратной стороне Луны. Совсем неподходящая для аварийной посадки.

— Может, развернемся? — предложила Гвен. — Если увидим «Золотое правило», поймем хоть что-нибудь.

— Ладно. Посмотрим, реагирует ли машина. — Взявшись за ручку позиционирования, я задал разворот на сто восемьдесят градусов, в ходе которого космобиль вновь перевернулся вверх ногами. Поверхность заметно приблизилась. Слева и справа тянулась линия горизонта, но небо находилось «внизу», что слегка раздражало… Так или иначе, мне всего лишь хотелось взглянуть на свой бывший дом, станцию «Золотое прави-

ло». — Видишь станцию?

— Нет, Ричард.

— Она должна быть где-то над горизонтом. Ничего удивительного: в последний раз она находилась довольно далеко, а последнее включение было неудачным — слишком долгим. Так где же мы?

— Когда мы пролетали над тем большим кратером… Аристотеля?

— Не Платона?

— Нет, сэр. Платон, по всей видимости, западнее нашей траектории, и все еще в тени. Возможно, это незнакомый мне лунный цирк… но, судя по довольно ровной площадке к югу от нас, мне кажется, что это Аристотель.

— Гвен, не важно, Платон или Аристотель: я попробую посадить наш тарантас на ту ровную площадку. Довольно ровную. Или у тебя есть идея получше?

— Нет, сэр. Мы падаем. Если мы разгонимся, чтобы выйти на круговую орбиту на этой высоте, нам может не хватить топлива для посадки. Мне так кажется.

Я посмотрел на датчик топлива — из-за последнего ошибочного включения немалая часть доступной «дельты-вэ» пропала впустую. Про-

странства для маневра не оставалось.

— Похоже, ты права. Будем садиться. Посмотрим, сумеет ли наш дружок рассчитать параболическую траекторию спуска для этой высоты. Я намерен полностью сбросить скорость и дать ему свободно падать, как только мы окажемся над ровной площадкой. Что скажешь?

— Гм… надеюсь, нам хватит топлива.

— Я тоже. Гвен?

— Да, сэр?

— До чего же мне было здорово с тобой, милая!

— О да, Ричард!

— Эм… кажись, я больше не могу… — сдавленно проговорил Билл.

Я разворачивал машину, вновь переводя ее в позицию для торможения.

— Тихо, Билл, сейчас не до тебя!

Высотомер показывал восемьдесят с небольшим — сколько времени займет падение с восьмидесяти километров при ускорении в одну шестую *g*? А если снова включить компьютер автопилота и спросить его? Или посчитать в уме? Вдруг компьютер опять запустит двигатель, если подать на него питание?

Лучше не рисковать. Что даст приблизительный расчет падения по прямой? Так, посмотрим…

расстояние равно половине ускорения, умноженного на квадрат времени, все это в сантиметрах и секундах. Значит, восемьдесят километров — это будет… гм… восемьдесят тысяч… нет, восемьсот… нет, восемь миллионов сантиметров.

Одна шестая *g*… нет, половина от ста шестидесяти и двух тысячных. Переносим в другую часть и берем квадратный корень…

Сто секунд?

— Гвен, сколько осталось до столкновения?

— Около семнадцати минут. Я округлила в уме.

Быстро пошевелив мозгами в очередной раз, я понял, что с учетом направленного вперед вектора скорости мой «приблизительный расчет» и близко не лежал с реальностью.

— Что-то около того. Наблюдай за допплером — я слегка сброшу скорость. Только проследи, чтобы я не уменьшил ее до нуля: может, придется кружить над поверхностью.

— Есть, шкипер!

Я включил питание компьютера, двигатель тут же заработал. Через пять секунд я отключил питание. Двигатель всхлипнул и смолк.

— Чертовски сложный способ управляться с дроссельной заслонкой, — мрачно проговорил я. — Гвен?

— Ползем еле-еле. Можно развернуться, чтобы посмотреть, куда мы летим?

— Конечно.

— Сенатор…

— Билл, заткнись! — Я снова развернулся на сто восемьдесят градусов. — Видишь впереди красивую ровную лужайку?

— С виду она ровная, Ричард, но мы в семидесяти километрах от нее. Что, если спуститься пониже, прежде чем полностью сбросить скорость? Чтобы видеть скалы?

— Разумно. Пониже… а насколько?

— Гм… как насчет одного километра?

— Достаточно низко, чтобы услышать шорох крыльев ангела смерти. Сколько секунд до столкновения? Я имею в виду, при высоте в один километр?

— Гм… квадратный корень из тысячи двухсот с небольшим. Будем считать, тридцать пять секунд.

— Ладно. Продолжай следить за высотой и местностью. Примерно на двух километрах я начну сбрасывать скорость. Должно остаться время, чтобы развернуться еще на девяносто градусов, хвостом вниз. Гвен, не надо было сегодня вылезать из постели.

— Я пыталась сказать об этом, сэр. Но я в вас верю.

— Что значит вера без дел?[34] Жаль, что я не в Падуке[35]. Время?

— Примерно шесть минут.

— Сенатор…

— Билл, заткнись! Сбросим скорость наполовину?

— Три секунды?

Я запустил двигатель на три секунды, применив все тот же дурацкий способ.

— Две минуты, сэр.

— Следи за допплером. Скажешь, когда тормозить.

Я запустил двигатель.

— Давай!

Резко остановив двигатель, я начал разворачиваться: хвост направлен вниз, «лобовое стекло» — вверх.

— Что с приборами?

---

[34] Примечания: 34

Аллюзия на библейскую цитату «Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? Может ли эта вера спасти его?» (Иак. 2: 14).

[35] Примечания: 35

Падука — город в штате Кентукки, известный, в числе прочего, сражением во время Гражданской войны.

— Мы сбросили ход настолько, насколько можно таким способом. И я бы не советовала пытаться скинуть еще: посмотри на датчик топлива.

Я посмотрел, и увиденное мне не понравилось.

— Ладно, больше никаких включений, пока не окажемся совсем близко. — Мы зависли носом вверх. Перед нами не было ничего, кроме неба. Слева виднелась поверхность Луны, наклоненная примерно на сорок пять градусов. Справа, если глядеть мимо Гвен, — она же, но довольно далеко и под неудобным углом: смотреть туда не было смысла. — Гвен, какова длина этой таратайки?

— Никогда не видела их вне причального гнезда. Это важно?

— Чертовски важно. Надо оценить расстояние до поверхности, глядя через плечо.

— Я думала, тебе нужны точные цифры. Считай, что примерно тридцать метров. Одну минуту, сэр.

Я уже собирался ненадолго запустить двигатель, когда Билла прорвало. Оказалось, что несчастный страдает космической болезнью, но в то мгновение я хотел, чтобы он сдох. Съеденный им обед пролетел между нашими головами и размазался по переднему иллюминатору.

— Билл! — заорал я. — Прекрати!

(Вряд ли стоит пояснять, что я требовал невыполнимого.)

Билл сделал все, что мог, повернув голову влево, и второй залп угодил в левый иллюминатор. Теперь оставалось только лететь вслепую, что я и попытался сделать. Глядя на высотомер, я на мгновение включил двигатель, и остался вообще без навигации. Рано или поздно появятся приборы, дающие точные показания на малой высоте при включенном двигателе и помехах, которые создает поверхность. Я слишком рано родился, только и всего.

— Гвен, я ничего не вижу!

— Зато я вижу, сэр, — сказала Гвен спокойно, хладнокровно и расслабленно, как и подобает помощнику Капитана Полночь. Она смотрела вправо, на лунную почву, держа левую руку на выключателе питания компьютера автопилота, нашей аварийной «дроссельной заслонки». — Пятнадцать секунд… десять… пять… — Она повернула выключатель.

Двигатель ненадолго включился, я ощутил легчайший толчок, и мы вновь обрели вес.

Гвен повернулась ко мне и улыбнулась:

— Второй пилот докладывает…

Но улыбка тут же исчезла с ее лица, сменившись

удивленным выражением, и мы почувствовали, как машина закачалась.

Вы играли в детстве с волчком? Знаете, как он ведет себя, сбавляя обороты? Наклоняется все ниже и ниже, затем ложится набок и останавливается. Именно это и случилось с проклятым «вольво».

Наконец машина легла набок и перевернулась. Мы повисли на ремнях, целые и невредимые, — но вниз головой.

— …докладывает о посадке, — закончила Гвен.

— Спасибо, второй пилот.

10

Овцам бессмысленно принимать резолюции в пользу вегетарианства, когда волки придерживаются иного мнения.

Уильям Ральф Индж, доктор богословия[36] (1860–1954)

Каждую минуту кто-нибудь рождается.

Финеас Тейлор Барнум[37] (1810–1891)

— Прекрасная посадка, Гвен, — добавил я. — Даже в «Пан-Аме» не сажают корабли так мягко.

Гвен выглянула из складок своего кимоно.

— Не такая уж и прекрасная. Просто топливо закончилось.

— Не скромничай. Больше всего меня восхитил маленький гавот, после которого машина легла

---

[36] Примечания: 36

Уильям Ральф Индж — английский священник и писатель. На русский язык переведены только его афоризмы. — *Примеч. С. В. Голд.*

[37] Примечания: 37

Финеас Тейлор Барнум — крупнейший деятель американского шоубизнеса XIX века, мистификатор с титулом «Король надувательства», известен также цирком своего имени. Ему приписывается фраза «Каждую минуту рождается лох», но, согласно «Википедии», ее произнес банкир Дэвид Ханнум. — *Примеч. С. В. Голд.*

плашмя. Удобно, ведь передвижных трапов тут нет.

— Ричард, из-за чего так получилось?

— Трудно сказать. Может, из-за прецессии гироскопа… который пошел вразнос. Нет данных, нет и мнения. Дорогая, ты восхитительно смотришься в этой позе. Тристрам Шенди[38] был прав: женщина выглядит лучше всего с юбками, задранными на голову.

— Не думаю, чтобы Тристрам Шенди говорил такое.

— Ну и зря. У тебя прелестные ножки, дорогая.

— Спасибо. Наверное. А теперь будь добр, вытащи меня отсюда. Кимоно запуталось в ремне, мне его не расстегнуть.

— Ты не против, если я сперва тебя сфотографирую?

Гвен порой возражает в несвойственных дамам выражениях, и тогда лучше сменить тему. Справившись с собственным ремнем, я быстро и умело спустился на потолок, упав лицом вниз, встал и занялся освобождением Гвен. Как оказалось, проблема была не в пряжке ремня, а в том, что Гвен ее не видела. Расстегнув ремень, я подхватил

---

[38] Примечания: 38

Тристрам Шенди — герой романа Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена».

Гвен, поставил на ноги и потребовал в награду поцелуй. Меня переполняла эйфория — всего несколько минут назад я и ломаного гроша бы не поставил на то, что мы останемся в живых.

Гвен вознаградила меня с лихвой.

— А теперь давай освободим Билла.

— Почему он не может…

— У него руки заняты, Ричард.

Отпустив жену и взглянув в ту сторону, я понял, что она имеет в виду. Билл висел вниз головой со страдальческим выражением на лице. Мой… наш клен-бонсай, который он прижимал к животу, нисколько не пострадал. Билл печально посмотрел на Гвен.

— Я его не выронил, — словно оправдываясь, проговорил он.

Я молча отпустил Биллу грехи за то, что его стошнило во время посадки. Любой человек, способный исполнять свой долг (пусть даже самый простой) во время острого приступа космической болезни, достоин похвалы. (Однако он сам должен будет все отчистить — отпущение грехов вовсе не означало, что я стану за ним убирать. Наверное, не стала бы и Гвен, а если бы стала, я превратился бы в безрассудного тирана-мачо.)

Взяв клен, Гвен поставила его на нижнюю по-

верхность компьютера. Пока Билл расстегивал ремень, я держал его за лодыжки, а потом опустил на потолок и дал возможность выпрямиться.

— Гвен, отдай Биллу горшок. Пусть продолжает о нем заботиться и не путается под ногами — мне нужно добраться до компьютера и приборной панели.

Стоило ли говорить о том, что меня беспокоило? Нет, Билла могло снова стошнить… а Гвен все поняла сама. Я лег на спину, заполз под компьютер и включил его. Послышался знакомый металлический голос:

— …семнадцать, слышите меня? «Вольво» Би-Джей-семнадцать, ответьте. ЦУП Гонконга-Лунного вызывает «вольво» Би-Джей-семнадцать…

— Говорит Би-Джей-семнадцать, Капитан Полночь. Слышу вас, Гонконг.

— Почему, черт побери, вы не остались на тринадцатом канале, Би-Джей? Вы опоздали к контрольной точке. Я не могу вас посадить.

— Никто не может, капитан Геморрой, — я *уже* сел. Аварийная посадка. Отказ компьютера. Отказ гироскопа. Отказ радио. Отказ двигателя. Потеря видимости. При посадке все пошло наперекосяк. Топливо закончилось, и мы все равно не можем поднять аппарат. А теперь еще сдох очиститель

воздуха.

Последовала довольно долгая пауза.

— *Tovarishch*, вы уже помолились Богу?

— Не успел, был чертовски занят!

— Гм… понимаю. Какое давление в кабине?

— Эта дурацкая лампочка светится зеленым. А манометра здесь нет.

— Где вы?

— Не знаю. Все пошло не так в двадцать один сорок семь, когда я собирался передать вам управление. После этого думал только о том, как бы сесть на задницу. Не знаю точно, где мы, но явно где-то на трассе орбиты «Золотого правила» — мы тщательно следили за тем, куда направлять импульсы двигателя. Мы вроде бы пролетели над Аристотелем, в… гм…

— Двадцать один пятьдесят восемь, — подсказала Гвен.

— Двадцать один пятьдесят восемь — мой второй пилот вел запись. Я посадил машину в «море» к югу от него. В Озере Сновидений?[39]

— Погодите. Вы оставались на терминаторе?

---

[39] Примечания: 39

Озеро Сновидений расположено в правой верхней части видимой Луны, на северо-востоке от Моря Ясности. К юго-востоку от Моря Ясности, на лунном экваторе, расположено Море Спокойствия. — *Примеч. С. В. Голд.*

— Да, и остаемся на нем. Солнце у самого горизонта.

— Значит, вы не можете быть так далеко на востоке. Время посадки?

Я не мог сказать ничего, но Гвен прошептала:

— Двадцать два ноль три сорок одна.

— Двадцать два ноль три сорок одна, — повторил я.

— Гм… так, посмотрим… Скорее всего, вы находитесь к югу от Евдокса, в северной части Моря Спокойствия. Горы на западе есть?

— Есть. Большие.

— Кавказский хребет. Вам повезло — есть шанс дожить до повешения. Недалеко от вас есть две обитаемые гермозоны. Возможно, кто-нибудь заинтересуется вашим спасением… за фунт плоти[40] плюс десять процентов.

— Я заплачу.

— Ну еще бы! Если вас спасут, не забудьте получить счет и за наши услуги, — возможно, мы вам еще понадобимся. Ладно, передам им. Ждите. Надеюсь, это не очередная дурацкая шутка наподобие Капитана Полночь? Если да, то я поджарю

---

[40] Примечания: 40

Фунт плоти — отсылка к пьесе У. Шекспира «Венецианский мавр». Шейлок то ли шутит, то ли говорит серьезно, что за просроченный долг он будет брать с должника Антонио по фунту его плоти.

вашу печенку.

— Капитан Геморрой, приношу искренние извинения. Я просто шутил со своим вторым пилотом, думая, что микрофон выключен. Так и должно было быть, я проверял. С этой грудой металлолома одни проблемы.

— Не стоит шутить во время маневров.

— Знаю. Но… Да черт побери, мы с моим пилотом сегодня поженились, и мне с самого утра хочется смеяться и шутить. Такой уж нынче день.

— Тогда ладно. Мои поздравления. Но надеюсь, что вы позже предъявите мне доказательства. И еще: меня зовут Марси, а не Геморрой. Капитан Марси Чой-Му. Я передам данные, и мы попытаемся найти вас с орбиты. А пока перейдите на одиннадцатый канал, предназначенный для экстренных вызовов, и затягивайте «Мэйдэй»[41]. У меня и без вас хлопот хватает, так что…

— Капитан Марси! — обратилась к нему Гвен, стоявшая на четвереньках рядом со мной.

— Э-э? Да?

— Я на самом деле его жена и он на самом деле только сегодня на мне женился, и не будь он

---

[41] Примечания: 41

«Мэйдэй» — сигнал бедствия при передаче голосом, аналог SOS.

крутым пилотом, я бы сейчас с вами не разговаривала. Все пошло не так, как и сказал мой муж. Это все равно что управлять бочкой в Ниагарском водопаде.

— Никогда не видел Ниагарского водопада, но вас понял. Мои наилучшие пожелания, миссис Полночь. Желаю вам долгой и счастливой жизни и множества детей.

— Спасибо, сэр! Если нас найдут раньше, чем закончится воздух, так и будет.

Мы с Гвен включили одиннадцатый канал и начали по очереди кричать «Мэйдэй, Мэйдэй!». В свободную минуту я проверил, как укомплектован старый добрый драндулет «вольво» Би-Джей-17. В соответствии с Бразильским протоколом, такой космобиль должен был иметь запас воды, воздуха и еды, аптечку первой помощи второго класса, минимальные санитарные удобства и аварийные скафандры (спецификация Космофлота ООН номер 10007А) в расчете на максимальное количество человек (четверо, включая пилота).

Билл очищал иллюминаторы и прочие места с помощью салфеток, взятых из бардачка, — парик Наоми нисколько не пострадал. Но у бедняги едва не лопнул мочевой пузырь, прежде чем он набрался смелости и спросил меня,

что делать. Затем мне пришлось научить его пользоваться резиновым баллоном… поскольку «минимальные санитарные удобства» космобиля ограничивались небольшим набором примитивных средств и инструкцией по их применению. Прочие аварийные средства были выполнены по таким же высоким стандартам.

Двухлитровая канистра с питьевой водой (она нашлась под сиденьем пилота) была почти полная. Больше ничего. Но беспокоиться вряд ли стоило: запасов воздуха не было тоже, и мы скончались бы от удушья раньше, чем от жажды. Воздухоочиститель все так же не работал. Правда, его можно было привести в действие с помощью рукоятки, но ее тоже не оказалось. Еда? Шутите, что ли? В сумочке Гвен нашелся шоколадный батончик «Херши», который она разделила на три части. Настоящий деликатес!

Скафандры и шлемы занимали большую часть багажного отделения за пассажирскими сиденьями. Тех и других было по четыре штуки, согласно инструкции. Оказалось, что это спасательные скафандры из армейских излишков в фабричной упаковке. На каждой стояло название поставщика (АО «Мишлен тайерс») и дата (двадцать девять лет назад).

Если не считать того, что все шланги, уплотнители и так далее давно утратили герметичность, и того, что некий жулик или шутник забыл снабдить скафандры баллонами с воздухом, они выглядели просто великолепно — для бала-маскарада.

И тем не менее я был готов доверить свою жизнь одному из этих клоунских костюмов на пять или даже десять минут, если бы передо мной встал выбор: сделать это или выставить свою незащищенную физиономию в вакуум.

Но если бы альтернативой была всего лишь схватка с медведем-гризли, я бы тут же взревел:

— А ну, подавайте сюда мишку!

На связь вышел капитан Марси, сообщивший, что, по данным спутниковой камеры, мы находимся на тридцати пяти градусах семнадцати минутах северной широты и четырнадцати градусах семи секундах западной долготы.

— Я известил гермозоны «Высохшие кости» и «Сломанный нос», они ближе всего, — закончил он. — Удачи.

Я решил выжать из компьютера список абонентов Луны, но железный ящик по-прежнему хандрил, и я не получил даже списка его собственных файлов. Тогда я стал проделывать

простые тесты. Компьютер настаивал, что 2 + 2 = 3,999999999999999999999. Когда я попытался убедить его, что 4 = 2 + 2, он разозлился и заявил, что 4 = = 3,14159265358979323846264338327950288419716939937511… В конце концов, я сдался.

Оставив одиннадцатый канал включенным на полную громкость, я встал с потолка и обнаружил, что Гвен одета в серо-голубой обтягивающий комбинезон с шарфом огненного цвета на шее. Весьма соблазнительно.

— Любовь моя, — сказал я, — я думал, твоя одежда осталась в «Золотом правиле».

— Я запихала эти вещи в маленький чемодан, когда мы решили бросить багаж. Не могу притворяться японкой после того, как вымыла лицо. Надеюсь, ты это заметил?

— Не так уж хорошо ты его вымыла. Особенно уши.

— Ну и привереда! Я слегка смочила платок в нашей драгоценной питьевой воде. Любимый, я не смогла взять костюм для сафари или что-нибудь в этом роде, но у меня есть для тебя чистые шорты и пара носков.

— Гвен, ты не только полезна, но и сообразительна.

— «Полезна»?!

— Ну да, дорогая. Именно потому я на тебе женился.

Гвен злобно фыркнула:

— Когда пойму, как именно ты меня оскорбил и насколько сильно, тебе придется за это платить… платить, платить, платить и платить!

Бесплодную дискуссию прервал голос по радио:

— «Вольво» Би-Джей-семнадцать, это ваш «мэйдэй»? Прием.

— Да, конечно!

— Говорит Джинкс Хендерсон, служба спасения «Счастливый шанс», гермозона «Высохшие кости». Что вам нужно?

Я описал наше положение, затем назвал широту и долготу.

— Вы ведь получили эту развалину от «Бюджета»? — ответил Хендерсон. — Насколько я понимаю, вы не взяли ее напрокат, а приобрели по договору выкупа. Знаю я это жулье. Теперь она принадлежит вам. Верно?

Я признал, что являюсь ее официальным владельцем.

— Собираетесь взлететь и доставить ее в Гонконг? Если так, что вам нужно?

Обдумывание перспектив заняло у меня при-

мерно секунды три.

— Вряд ли этот космобиль отсюда взлетит. Он нуждается в капитальном ремонте.

— Значит, вам нужно отбуксировать его по поверхности в Гонконг? Ну да, это я могу сделать. Долгая поездка и серьезная работа. А пока что речь идет о спасении двух человек.

— Трех.

— Ладно, трех. Готовы подписать контракт?

Его прервал женский голос:

— Стоп, Джинкс. Би-Джей-семнадцать, говорит Мэгги Снодграсс, главный оператор и управляющий полицейской и спасательной команды «Красный дьявол», гермозона «Сломанный нос». Ничего не предпринимайте, пока не узнаете мои условия… дело в том, что Джинкс хочет вас ограбить.

— Привет, Мэгги! Как Джоэл?

— Здоров как бык и такой же норовистый. Как Ингрид?

— Все такая же красавица. Скоро снова будет рожать.

— Что ж, неплохо! Поздравляю! Когда ждать радостного события?

— На Рождество или на Новый год. Около того.

— Надо повидать ее до этого. А теперь, пожа-

луйста, не мешай мне по-честному договориться с этим джентльменом. Иначе я изрешечу твою скорлупу и выпущу из нее воздух. Да, я тебя вижу, ты только что показался на перевале. Я выехала одновременно с тобой, как только Марси сообщил координаты. И я сказала Джоэлу: «Это наша территория, но лживый негодяй Джинкс, того и гляди, попробует стащить добычу прямо из-под носа». И ты меня не подвел, парниша, вот он ты.

— Да, и собираюсь остаться здесь, Мэгги, — а если станешь плохо себя вести, кину маленькое неядерное напоминание прямо тебе под гусеницы. Правила ты знаешь: на поверхности ничто никому не принадлежит… разве что ты сидишь прямо на нем или создал гермозону над ним или под ним.

— Это ты так толкуешь правила, а не я. Все это выдумки адвокатов из Луна-Сити, но я с ними не знаюсь и знаться не хочу. Давай переключимся на четвертый канал, если ты не хочешь, чтобы весь Конг слышал твои мольбы о пощаде и твой последний вздох.

— Хорошо, четвертый канал, Мэгги. Ты старая вонючая задница.

— Четвертый канал. Кого ты нанял, чтобы заделать того ребенка, Джинкс? Если ты всерьез

собрался уволочь отсюда этот металлолом, то поехал бы на транспортере, как и я, а не на своем луноходике.

Я переключился на четвертый канал одновременно с ними, но пока молчал. Оба появились на горизонте почти одновременно — Мэгги с юго-запада, Джинкс с северо-запада. Наш главный иллюминатор был обращен на запад, и мы отчетливо видели обоих. С северо-запада приближался луноход-грузовик (судя по разговору, с Хендерсоном внутри), он был чуть ближе; прямо перед его кабиной было установлено нечто вроде базуки. Транспортер Мэгги был очень длинным, с гусеницами на обеих концах и мощным краном сзади. Базуки я на нем не заметил, зато мне бросилась в глаза полуавтоматическая пушка «браунинг» дюймового калибра.

— Мэгги, я поспешил сюда на луноходе из соображений гуманности… тебе не понять. Но Вольф, мой сынок, ведет сюда мой транспортер, а его сестра Гретхен устроилась в орудийной башне. Скоро они будут здесь. Давай я свяжусь с ними и скажу, что надо возвращаться домой? Или попрошу поторопиться и отомстить за папочку?

— Джинкс, ты всерьез думаешь, что я продырявлю твою кабину?

— Да, Мэгги, очень даже всерьез. У меня едва останется время на то, чтобы один раз выстрелить тебе под гусеницы: я целюсь в них прямо сейчас. Спуск на «кнопке мертвеца». Да, я погибну… а ты застрянешь тут, не в силах двинуться с места, и тебе останется лишь ждать, что сделают с тобой мои детишки — моя пушка стреляет втрое дальше, чем твоя пукалка. Поэтому я и установил ее, когда с Хоуи произошел тот несчастный случай.

— Джинкс, опять хочешь поднять шум из-за той старой истории? Хоуи был моим *партнером*. Тебе должно быть стыдно.

— Я ни в чем тебя не виню, дорогая. Просто осторожничаю. Ну так как? Ждем моих детишек и я забираю все? Или честно делимся?

Мне хотелось только одного — чтобы эти полные энтузиазма предприниматели наконец взялись за дело. Огонек датчика давления мигал красным, и я ощущал легкое головокружение. Вероятно, космобиль дал небольшую течь, когда мы начали кувыркаться после посадки. Я разрывался между желанием поторопить их и осознанием того, что в этом случае моя и без того слабая позиция на торгах опустится до нуля или даже свалится в минус.

— Послушай, Джинкс, — задумчиво прогово-

рила госпожа Снодграсс, — не стоит тащить этот хлам в твою гермозону, раз она севернее моей. Если ехать до Конга южнее, по моей территории, будет километров на тридцать меньше.

— Простая арифметика, Мэгги. И у меня хватит места еще для троих… а ты, пожалуй, не сможешь взять трех пассажиров, даже если ты их уложишь штабелем.

— Справлюсь. Хотя ты прав: места у тебя больше. Ладно, забирай троих пострадавших и сдери с них столько, сколько позволит совесть… а я возьму брошенный металлолом и сниму с него все, что можно. Если, конечно, там есть что-нибудь полезное.

— О нет, Мэгги! Ты чересчур щедра. Не хочу тебя обманывать. Пятьдесят на пятьдесят. Составим договор при свидетелях.

— Джинкс, ты решил, что я способна обмануть тебя?

— Не будем спорить, Мэгги, от этого станет только хуже. Космобиль вовсе не брошен — его владелец сейчас внутри. Чтобы сдвинуть его с места, нужно разрешение владельца, основанное на письменном договоре. Если ты не будешь благоразумна, он дождется моего транспортера и не оставит тут своего имущества. Никакой платы

за спасение, лишь за перевозку… плюс даровой транспорт для владельца и его гостей.

— Мистер Как-вас-там, не позволяйте Джинксу вас одурачить. Он доставит вас с машиной в свою гермозону, а потом обдерет как луковицу, так что от вас один запах останется. Предлагаю тысячу крон наличными, прямо сейчас, за металлолом, в котором вы сидите.

— Две тысячи, — парировал Хендерсон, — и я доставляю вас в гермозону. Не давайте надуть себя. Один компьютер стоит больше того, что она предложила.

Я молчал, пока двое стервятников обсуждали, сколько шкур с нас содрать. Когда они наконец пришли к согласию, я посопротивлялся для виду, возразив, что цена чересчур высока.

— Не хотите — не надо, — заявила госпожа Снодграсс.

— Я не затем вылез из теплой постели, чтобы терять деньги, — сказал Джинкс Хендерсон.

И я согласился.

Мы облачились в дурацкие лежалые скафандры, по герметичности близкие к плетеной корзине. Гвен заявила, что Древо-сан не выдержит вакуума, но я велел ей замолчать и не говорить глупостей — несколько мгновений в вакууме

не погубят маленький клен, а воздух все равно заканчивается, так что выбора нет. Потом она сказала, что понесет его сама, но в итоге отдала Биллу, занявшись кое-чем другим, то есть мной.

Дело в том, что если скафандр не изготовлен специально для меня, я могу надеть его, только сняв протез. Пришлось так и сделать — и прыгать на одной ноге. Ничего страшного: я к этому привык, а при силе тяжести в одну шестую *g* проблем и вовсе нет. Но Гвен хотела заботиться обо мне.

И мы пошли: впереди — Билл с Древом-сан, которому Гвен велела как можно быстрее добраться до транспортера и попросить у Хендерсона воды, чтобы опрыскать деревце, затем мы с Гвен, похожие на сиамских близнецов. В левой руке она несла чемодан, а правой обнимала меня за пояс. Повесив искусственную ногу на плечо, я опирался на трость, обхватив Гвен за плечи левой рукой. Разве я мог сказать, что без ее помощи чувствовал бы себя намного устойчивее? Я держал язык за зубами и не мешал ей помогать мне.

Хендерсон провел нас в кабину, плотно закрыл люк и щедро повернул кран баллона с воздухом сразу на несколько оборотов. Сам он ехал в вакууме, надев скафандр. Я отдал должное тому, как щедро он расходует воздушную смесь — кислород

с немалым трудом добывали из лунной породы, а азот доставляли с Земли, — когда через день увидел счет на приличную сумму.

Хендерсон помог Мэгги погрузить старый «Би-Джей-17» на ее транспортер, манипулируя краном, пока она управляла гусеницами, а затем повез нас в «Высохшие кости». По пути я размышлял о том, во сколько мне это обойдется. Мне пришлось отказаться от прав на космобиль — в сумме чуть меньше двадцати семи тысяч. Спасение обошлось в три тысячи за каждого, правда, сумму скинули до восьми тысяч в качестве любезности… плюс по пятьсот с человека за ночлег и завтрак… плюс (как я узнал позже) тысяча восемьсот за будущую поездку в гермозону «Счастливый дракон», ближайшее место, откуда ходил лунобус до Гонконга-Лунного.

На Луне дешевле умереть.

И все же я был рад остаться в живых — любой ценой. У меня была Гвен, а деньги я как-нибудь достану.

Ингрид Хендерсон оказалась необычайно приветливой хозяйкой — улыбчивой, симпатичной и полненькой (она явно ожидала того самого ребенка). Она тепло встретила нас, разбудила дочь, соорудила ей импровизированную постель

рядом с родителями, разместила меня с Гвен в комнате Гретхен, а Билла отправила к Вольфу. Только теперь я понял, что угрозы Джинкса в адрес Мэгги были пустыми… и что это меня не касается.

Хозяйка пожелала нам спокойной ночи, сказала, что на всякий случай не станет выключать свет в душе, и ушла. Прежде чем погасить свет в комнате, я посмотрел на часы.

Двадцать четыре часа назад незнакомец, называвший себя Шульцем, подсел за мой столик.

Книга вторая
Смертоносное оружие

11

Господи, дай мне целомудрие и воздержание… только не сейчас.
О Господи, только не сейчас!

Святой Августин (354–430)

Чертова феска!

Дурацкая подделка под восточный головной убор составляла половину маскировки, которая спасла мне жизнь. Но холодный прагматичный расчет требовал уничтожить ее сразу же после использования.

Я этого не сделал. В феске я чувствовал себя довольно неловко: во-первых, я не какой-то масон, тем более не храмовник, а во-вторых, она была не моя, она была краденая.

Можно украсть трон, или королевский выкуп, или марсианскую принцессу, и пребывать на седьмом небе от счастья. Но шапка? Украсть шапку — это низко. Нет, я не вдавался в такие рассуждения, просто мне было неловко перед мистером Клейтоном Расмуссеном (его имя было на внутренней стороне фески), и я собирался вернуть ему причудливый головной убор. Когда-

нибудь… как-нибудь… когда получится… после дождичка…

Когда мы покидали «Золотое правило», я сунул феску за ремень и забыл о ней. После прилунения, когда я отстегнулся, она незаметно для меня упала на потолок. Пока мы втроем забирались в продуваемые всеми ветрами скафандры, Гвен подобрала ее и отдала мне. Я спрятал феску на груди, под скафандром, и застегнул его на молнию.

Потом мы добрались до дома Хендерсонов в гермозоне «Высохшие кости», и нам показали, где спать. Я раздевался с полузакрытыми глазами, плохо соображая от усталости. Может, феска выпала именно тогда — точно не знаю. Притулившись к Гвен, я тут же заснул… и провел свою брачную ночь, проспав без перерыва восемь часов.

Полагаю, моя новобрачная спала так же крепко. Впрочем, не важно — прошлой ночью мы успели отлично попрактиковаться.

За завтраком Билл протянул мне феску.

— Сенатор, вы уронили свою шапку на пол в кабинке.

За столом присутствовали Гвен, Хендерсоны — Ингрид, Джинкс, Гретхен и Вольф, — двое квартирантов, Элоиза и Эйс, и трое маленьких детей.

Подходящий момент, чтобы сочинить историю о том, откуда у меня взялась эта смешная шапка. Но я лишь ответил:

— Спасибо, Билл.

Джинкс и Эйс переглянулись, и Джинкс послал мне знак, по которому масоны опознают друг друга — по крайней мере, так я думаю. Тогда мне просто показалось, будто он почесывается. В конце концов, все лунари чешутся, потому что у всех лунарей зудит. Ничего не поделаешь — воды не хватает, мыться приходится нечасто.

После завтрака Джинкс выждал, пока я не останусь один, и заговорил со мной.

— Достопочтенный… — начал он.

— Гм? — ответил я (чудеса находчивости!)

— Я заметил, что за столом вы предпочли не признать во мне брата. И Эйс тоже это заметила. Может, вы считаете, что вчерашняя сделка не была безусловно честной?

(Джинкс, ты бессовестно содрал с меня семь шкур.)

— Ничего подобного. Жаловаться не на что.

(Сделка есть сделка, хитрец ты наш. Я всегда держу слово.)

— Уверены? Я ни разу не обманывал собрата по ложе — да и чужаков, если уж на то пошло.

Но я готов окружить особой заботой любого сына вдовы, точно так же, как своего родственника. Если вы считаете, что заплатили слишком много за спасение, дайте столько, сколько сочтете нужным. А можете и вообще не платить. — Помолчав, он добавил: — Не могу пока говорить от имени Мэгги Снодграсс, но она выпишет мне счет, и он будет справедливым: Мэгги не способна на подлость. Но не рассчитывайте, что ваш металлолом принесет много прибыли. Возможно, с его продажи Мэгги даже понесет убыток, потому что… вы ведь знаете, где «Бюджет» берет ту рухлядь, которую сдает в аренду?

Я признался, что мне об этом неизвестно.

— Каждый год солидные компании вроде «Герца» или «Интерплэнет» распродают свои подержанные машины, — продолжил он. — Те, что в полном порядке, покупают частные лица, в основном лунари. Те, что требуют серьезного ремонта, достаются старателям. Весь остальной хлам «Бюджет-джетс» покупает по бросовой цене и перебирает в своих мастерских возле Луна-Сити, сооружая из трех машин, скажем, две. Все, что не пригодилось, продается на металлолом. За драндулет, в котором вы свалились, они взяли по прейскуранту двадцать шесть тысяч… но если

«Бюджет» вложил в него хотя бы пять, я отдам вам разницу и поставлю выпивку. Факт.

Теперь Мэгги собирается отремонтировать его. Но она сделает это как надо, даст гарантию и выставит реальный ценник на эту машину, не новую и переделанную. Возможно, удастся выручить десять тысяч грязными. Но если после вычета расходов на запчасти и работу я получу от нее больше трех тысяч, то очень удивлюсь. А может, мы вообще уйдем в минус. Риск есть риск.

Несколько раз правдоподобно солгав, я сумел (как мне кажется) убедить Джинкса, что мы не братья по ложе, что я не прошу скидок и что феска оказалась у меня случайно — я нашел ее в прокатном «вольво».

(Невысказанное предположение: мистер Расмуссен взял эту колымагу напрокат в Луна-Сити и оставил в ней головной убор, когда возвращал «вольво» в «Золотом правиле».)

Я также добавил, что на феске есть имя владельца и я намерен вернуть ее.

— У вас есть его адрес? — спросил Джинкс.

Я сказал, что адреса нет — только вышитое на феске название храма.

— Отдайте ее мне, — сказал Джинкс, протягивая руку. — Могу избавить вас от проблем… и

расходов по отправке посылки на Землю.

— Как это?

— Так уж вышло, что я знаю одного человека, который в субботу летит на прыгунке в Луна-Сити. Там, в воскресенье, сразу после освящения больницы для детей с врожденными дефектами и инвалидов, закрывается конвент Благородных адептов. В конференц-центре должен быть стол находок, и раз на феске есть фамилия владельца, он получит ее еще до вечера субботы, когда состоятся соревнования. Ведь все знают, что участник без фески — как девица из бара без мини-бикини.

Я отдал ему красную шапку.

И решил, что больше мне не придется вспоминать о ней.

Перед путешествием в гермозону «Счастливый дракон», возникла очередная проблема — у нас не было скафандров.

— Вчера я не возражал, чтобы вы надели те дырявые сита, поскольку перед нами стоял выбор Хобсона[42]: либо рискнуть, либо оставить вас умирать, — сказал Джинкс. — Сегодня мы можем

---

[42] Примечания: 42

«Выбор Хобсона» — выражение, подразумевающее, что выбор состоит в совершении действия или отказе от него.

поступить так же — или просто завести машину в ангар и погрузить вас в нее без скафандров. Конечно, масса воздуха будет израсходована впустую. Потом повторить то же самое в конце поездки… но воздуха понадобится еще больше, поскольку их ангар крупнее.

Я ответил, что заплачу. (Я не видел способа избежать этого.)

— Дело в другом. Вчера вы провели в кабине двадцать минут и израсходовали целый баллон. Тогда солнце только всходило, но сегодня утром оно уже поднялось на пять градусов. На всем пути до «Счастливого дракона» в борт кабины будут бить прямые солнечные лучи. Гретхен, конечно, постарается ехать в тени — мы не растим детей дураками. Но воздух внутри кабины нагреется, увеличится в объеме и начнет просачиваться сквозь щели. Поэтому герметичным обычно остается скафандр, но не кабина, которая служит лишь укрытием от солнца.

Скажу честно: будь у меня скафандры на продажу, я бы настоял, чтобы вы купили три новых. Но у меня их нет. Ни у кого в этой гермозоне нет скафандров на продажу. Я знаю точно, ведь нас меньше полутора сотен. Мы покупаем скафандры в Конге. Вам надо сделать то же самое.

— Но я не в Конге.

У меня не было своего скафандра уже пять с лишним лет. Большинство жителей «Золотого правила» не имеют скафандров — те попросту не нужны, поскольку никто не выходит наружу. Конечно, персонал станции и ремонтники держат скафандры под рукой, как бостонец — галоши. Но обычные жители, пожилые и обеспеченные, не имеют скафандров, не нуждаются в них и даже не знают, как их надевать.

Лунари — другое дело. Даже сегодня, когда население Луна-Сити превысило миллион человек и многие обитатели города редко выходят за его пределы — а некоторые не выходят никогда, — каждый лунарь владеет собственным скафандром. Даже лунарь из большого города с младенчества знает, что его надежная, теплая и хорошо освещенная гермозона может получить пробоину — из-за метеора, бомбы, террориста, землетрясения или иной непредсказуемой опасности.

Если он принадлежит к породе первопроходцев, как Джинкс, то привык к скафандру не меньше, чем рудокоп с астероидов. Джинкс даже не работал на своей туннельной ферме — этим занимались члены его семьи. Сам он

был механиком по тяжелым конструкциям и обычно трудился снаружи, в скафандре. «Счастливый шанс» был лишь одним из дюжины его предприятий. Ему принадлежали также «Ледяная компания „Высохшие кости“», «Компания лунных перевозок Хендерсона», «Сверлильные, сварочные и монтажные работы Джона Генри»… Не было названия, для которого Джинкс не придумал бы подходящую компанию.

(А еще — «Меняльная лавка Ингрид», где продавалось все, от стальных профилей до домашнего печенья. Но не скафандры.)

Джинкс придумал, как доставить нас в «Счастливый дракон». Ингрид и Гвен были примерно одинаковых габаритов, разве что первая временно разрослась в области экватора. У Ингрид имелся скафандр для беременных с внешним корсетом, который можно было распустить, а также обычный скафандр, тот, что она носила до беременности. Сейчас она в него не влезала, зато Гвен могла влезть.

Мы с Джинксом были примерно одного роста. У него было два первоклассных скафандра производства компании «Гудрич-Луна». Я понимал, что Джинкс не готов одолжить ни один, как столяр-краснодеревщик не готов одолжить свои

инструменты. Но нужно было что-то делать, иначе мы поселились бы у него за деньги… а потом бесплатно, ведь деньги рано или поздно вышли бы. Наконец, у Хендерсонов попросту не было для нас места, и это уже не зависело от денег.

На следующее утро, в начале одиннадцатого, мы облачились в скафандры и забрались в луноход. Я надел скафандр Джинкса, тот, что похуже, Гвен — скафандр Ингрид для небеременных, а Билл — отреставрированный антикварный костюм Супи Маккланахана, основателя гермозоны «Высохшие кости», который прибыл на Луну давным-давно, еще до революции, не по своей воле оказавшись гостем правительства.

План состоял в том, что мы получим другие временные скафандры в гермозоне «Счастливый дракон», в них доедем до Гонконга и отправим их назад с рейсовым лунобусом, а те, что сейчас на нас, Гретхен вернет отцу после того, как отвезет нас в «Счастливый дракон». Оказавшись в Гонконге-Лунном на следующий день, мы сможем купить себе подходящие скафандры.

Я завел с Джинксом разговор об оплате, почти слыша, как в его голове щелкают цифры.

— Сенатор, — наконец ответил он, — вот что я вам скажу. Скафандры, которые прилагались к

вашей груде металлолома, почти ничего не стоят. Но кое-какие детали шлемов и металлическая фурнитура могут пойти на запчасти. Пришлите мне три моих скафандра в том же состоянии, в каком получили их, и мы квиты. Если вы, конечно, согласны.

Само собой, я был согласен. Возможно, скафандры от «Мишлена» были хороши двадцать лет назад. Теперь же, по-моему, они не стоили вообще ничего.

Оставалась лишь одна проблема — Древо-сан.

Я думал, что мне придется повести себя твердо с женой — намерение, которое не всегда выполнимо. Но оказалось, что, пока мы с Джинксом думали о скафандрах, Гвен думала о нашем клене… вместе с Эйсом. У меня нет причин полагать, что Гвен соблазнила Эйса, но я уверен, что Элоиза считала именно так. Однако у лунарей есть свои сексуальные обыкновения еще с тех пор, когда мужчин было вшестеро больше женщин. Согласно им, право выбора принадлежит женщинам, мужчинам же — никогда. Элоиза, похоже, не очень злилась, а наоборот, веселилась, и я решил, что это меня не касается.

Так или иначе, Эйс раздобыл баллон из силиконовой резины с разрезом в боку, поместил в

него Древо-сан вместе с горшком и всем прочим, а потом запаял разрез, приделав к нему шланг для литрового баллона с воздухом. Денег он не взял даже за баллон. Я предложил заплатить, но Эйс лишь улыбнулся Гвен и покачал головой. Не знаю, было ли что-нибудь между ними, и не хочу выяснять.

Ингрид поцеловала нас на прощание, заставив каждого пообещать, что мы еще вернемся. Маловероятно, но в качестве идеи это было неплохо.

Всю дорогу Гретхен задавала вопросы и, казалось, даже не глядела, куда ведет машину. Будучи на несколько сантиметров выше матери, она выглядела еще ребенком — по-детски пухлая, с ямочками на щеках и заплетенными в косичку светлыми волосами. Рассказы о наших путешествиях произвели на нее немалое впечатление — сама она была только в Гонконге два раза и один раз в Новолене, где люди говорят с забавным акцентом. Но в следующем году ей исполнялось четырнадцать, и она собиралась в Луна-Сити — поглядеть на тамошних парней, а может, и привезти мужа.

— Мама не хочет, чтобы я заводила ребенка от мужчин из «Высохших костей» или даже из «Счастливого дракона». Говорит, что мой долг

перед детьми — привезти немного свежих генов. Знаете, что это значит? Свежие гены?

Гвен заверила ее, что мы знаем и что она согласна с Ингрид: неродственные браки вполне разумны и даже необходимы. Я не стал комментировать, но тоже согласился — полутора сотен человек недостаточно для здорового генофонда.

— Именно так мама нашла папу: сама поехала его искать. Папа родился в Аризоне, это часть Швеции, там, на Земле. Он приехал на Луну как субподрядчик Пикардийской трансмутационной фабрики, мама познакомилась с ним на бале-маскараде, дала ему нашу родовую фамилию, когда уже была уверена — в смысле насчет Вольфа, — забрала его в «Высохшие кости» и помогла открыть свое дело. — (Мы разговаривали через микрофоны внутри скафандров, но удачно падавший свет позволял мне видеть сквозь стекло шлема ямочки на ее щеках.) — Я тоже помогу мужу, взяв свою семейную долю. Но мама говорит, что нельзя хватать первого же парня, готового отдаться, — будто я собираюсь! — что надо не спешить и не беспокоиться, даже если я в восемнадцать останусь старой девой. И я не буду спешить. Нужно найти хорошего мужчину, как папа.

Я подумал про себя, что искать, возможно, придется долго. Джинкс Хендерсон, урожденный Джон Черный Орел, — мужчина каких мало.

Когда впереди показалась парковка «Счастливого дракона», солнце почти зашло: я хочу сказать, в Стамбуле, как мог видеть каждый, Земля находилась почти прямо к югу от нас, на высоте примерно в шестьдесят градусов, линия раздела дня и ночи проходила через пустыню на севере Африки, греческие острова и Турцию. Солнце все еще висело низко в небе, градусах в девяти-десяти, и продолжало подниматься. «Счастливому дракону» предстояло еще около двух недель наслаждаться солнечным светом до очередного наступления долгой тьмы. Я спросил Гретхен, собирается ли она сразу ехать назад.

— Нет, что вы, — заверила она меня. — Маме это не понравится. Переночую здесь — в багажнике есть спальный мешок — и поеду завтра, хорошо отдохнув. После того, как вы сядете в лунобус.

— Это совсем не обязательно, Гретхен, — ответил я. — В гермозоне мы сразу же вернем тебе скафандры. Ждать нет смысла.

— Мистер Ричард, вам очень хочется, чтобы меня отшлепали?

— Тебя? Отшлепали? Твой отец так не поступит.

В конце концов, ты почти взрослая женщина.

— Скажите это маме. Да, папа уже много лет так не делал, но мама говорит, что это всегда может случиться, пока я не выйду замуж. Мама — сущий дьявол, прямой потомок Хейзел Стоун. Вот что она сказала: «Грет, позаботься о скафандрах для наших гостей. Отведи их к Чарли, другие могут обмануть. Если у Чарли ничего не найдется, пусть едут в наших скафандрах до Конга. Договорись с Лилибет, чтобы она привезла их. И проследи за тем, чтобы они сели в лунобус».

— Но, Гретхен, — сказала Гвен, — твой отец предупреждал нас, что лунобус должен набрать пассажиров. А это может занять день или два, даже несколько дней.

— Ну и что? — хихикнула Гретхен. — Устрою себе каникулы. Заодно досмотрю «Другого мужа Сильвии». Пусть все жалеют бедняжку Гретхен! Госпожа Гвен, если хотите, звоните маме прямо сейчас… но у меня есть четкие указания.

Гвен замолчала, — видимо, слова Гретхен ее убедили. Мы остановились метрах в пятидесяти от шлюза «Счастливого дракона», врезанного в склон холма. «Счастливый дракон» расположен в южных предгорьях Кавказского хребта, на тридцати двух градусах и двадцати семи минутах

северной широты. Я ждал, стоя на одной ноге и опираясь на трость, пока Билл и Гвен помогали юной леди растянуть наклонный тент, чтобы уберечь луноход от прямых солнечных лучей в течение ближайших суток (или около того). Правда, та нисколько не нуждалась в помощи.

Затем Гретхен включила радиостанцию лунохода, связалась с матерью, доложила о нашем прибытии и пообещала снова выйти на связь утром. Мы прошли через шлюз. Гвен несла чемодан и сумочку, поддерживая меня, словно ребенка, Билл тащил Древо-сан и пакет с париком Наоми, а у Гретхен был громадный спальный мешок. Оказавшись внутри, мы помогли друг другу разоблачиться, и я снова надел протез, пока Гретхен вешала два скафандра, мой и свой, на длинные вешалки напротив шлюза. Туда же повесили свои облачения Билл и Гвен.

Гвен с Биллом взяли поклажу и зашагали к общественному туалету, устроенному справа от шлюза, за углом. Гретхен хотела пойти вслед за ними, но я остановил ее.

— Гретхен, давай я подожду тут, пока вы трое не вернетесь?

— Зачем, мистер сенатор?

— Скафандр твоего папы стоит дорого, как и

тот, который сняла госпожа Гвен. Может, вокруг нас одни только честные люди… но скафандры все-таки не мои.

— Да, может, вокруг нас одни только честные люди, но не рассчитывайте на это, как говорит папа. Не надо оставлять здесь ваше милое деревце, но за скафандры не волнуйтесь — лунарь никогда не притронется к скафандру другого лунаря. Иначе его выкинут через ближайший шлюз. Оправдания не принимаются.

— Гм… даже так?

— Да, сэр. Вообще-то, такого не бывает: дураков нет. Но я знаю об одном случае, еще до моего рождения, — новичок, который мог не знать здешних порядков. Но больше он так не делал — его догнали и вернули скафандр. А его самого не вернули, оставили сохнуть на камнях. Я видела то, что от него осталось. Кошмар. — Гретхен наморщила нос, и на ее щеках вновь появились ямочки. — Теперь прошу извинить меня, сэр, я скоро намочу свои трусики.

— Извини!

(Ну и дурак же я. В мужском скафандре все это устроено неплохо, хотя и не идеально. А то, что выдающиеся умы изобрели для женщин, «неплохим» никак не назовешь. По моему впечатлению,

большинство женщин готовы терпеть страшные неудобства, лишь бы не пользоваться системой скафандра. Я как-то раз слышал, что его презрительно называют «ящик с песком».)

У дверей туалета меня ждала жена, протягивая мне монетку в полкроны.

— Не знаю, есть ли у тебя деньги, дорогой.

— Гм?

— Это за туалет. Насчет воздуха я позаботилась: Гретхен оплатила суточную норму для всех нас, и я отдала ей деньги. Мы вернулись в цивилизованный мир, дорогой, — «дармовой закуски не бывает».

Да и вообще не бывает ничего дармового. Я поблагодарил ее.

Я пригласил Гретхен поужинать с нами.

— Спасибо, сэр, — ответила она. — Принимаю ваше приглашение — мама сказала, что можно. Но, может, пока обойдемся мороженым? Мама дала на него денег. До ужина нужно сделать еще кое-что.

— Конечно. Мы в твоих руках, Гретхен. У тебя есть опыт, а мы всего лишь неофиты.

— Что такое «неофит»?

— Новичок.

— Ясно. Сперва нужно пойти в туннель «Спо-

койные сны» и разложить спальные мешки, чтобы ночью мы все оказались рядом. — (Я понял, почему у Гретхен такой огромный спальный мешок: ее мать вновь проявила предусмотрительность.) — Но до того хорошо бы записаться у Лилибет на лунобус… а до того давайте купим мороженого, если вы проголодались, как я. И последнее, что надо сделать перед ужином: встретиться с Чарли и поговорить насчет скафандров.

Мороженое продавалось поблизости, в том же туннеле, где находились вешалки, — два шарика «Бородин» с сиропом и другими штучками. Нас обслуживал сам Келли Бородин, предложивший мне (кроме большой порции мороженого) старые журналы с Земли, почти новые журналы из Луна-Сити и Тихо-Нижнего, конфеты, лотерейные билеты, гороскопы, «Lunaya Pravda», «Лунатик Луна-Сити», поздравительные открытки (подделка под «Холлмарк», неотличимая от оригинала), таблетки, гарантированно восстанавливающие мужскую силу, а также надежное средство от похмелья, составленное по древнему цыганскому рецепту. Затем он предложил мне сыграть в кости за цену мороженого: если я проиграю, плачу в двойном размере, а если выиграю, не плачу ничего. Гретхен поймала мой взгляд и едва заметно

покачала головой. Когда мы отошли подальше, она сказала:

— У Келли два набора костей, один для чужаков, другой для знакомых. Но он не знает, что я знаю об этом. Сэр, вы заплатили за мороженое… позвольте теперь вернуть вам деньги, иначе мама меня отшлепает. Потому что мама обязательно спросит, и мне придется все рассказать.

— Гретхен, — задумчиво проговорил я, — не верится, что мать накажет тебя за то, что сделал я.

— Конечно накажет, сэр! Надо было держать деньги под рукой, скажет она. И будет права.

— Она больно тебя шлепает? По голой попке?

— Ой да! Зверски.

— Звучит интригующе. Представляю, как краснеет твоя попка, пока ты плачешь…

— Я не плачу! Ну… немножко.

— Ричард?

— Да, Гвен?

— Прекрати.

— Слушай, женщина, как ты смеешь вмешиваться в мои отношения с другой женщиной? Я…

— Ричард!

— Ты что-то сказала, дорогая?

— Мама шлепает всерьез.

Я взял у Гретхен деньги за мороженое. Должно

быть, я подкаблучник.

Вывеска гласила:

ЛУНОБУСНАЯ КОМПАНИЯ
«АПОКАЛИПСИС
И ЦАРСТВИЕ НЕБЕСНОЕ»
Регулярные рейсы до Гонконга-Лунного
Минимальное количество пассажиров — двенадцать (12) человек
Чартерные рейсы В ЛЮБОЕ МЕСТО по договоренности
Ближайший рейс до Гонконга-Лунного не ранее чем завтра в полдень, 3 июля

Под вывеской сидела, покачиваясь, пожилая черная леди и вязала на спицах.

— Привет, тетя Лилибет! — обратилась к ней Гретхен.

Женщина подняла взгляд, отложила вязание и улыбнулась.

— Гретхен, милая! Как твоя мама?

— Все в порядке. С каждым днем все толще. Тетя Лилибет, познакомься с моими друзьями, мистером сенатором Ричардом, миссис Гвен и мистером Биллом. Им нужно в Конг.

— Приятно познакомиться, друзья. С удовольствием доставлю вас в Конг. Отправляемся завтра в полдень. Вместе с вами будет десять пассажиров, а если к полудню не появятся еще двое, я смогу заменить их грузом. Устроит?

Я заверил ее, что нас это вполне устроит и мы придем до полудня в скафандрах и в полной готовности. Затем она мягко предложила заплатить наличными авансом, заметив, что еще остались места на теневой стороне: несколько пассажиров забронировали поездку, но пока не оплатили. И я заплатил — тысячу двести крон за троих.

Затем мы отправились в туннель «Спокойные сны». Не знаю, достоин ли он именоваться отелем — скорее уж ночлежкой. Туннель шириной чуть более трех метров уходил на пятьдесят с лишним метров в толщу скалы и заканчивался тупиком. Справа шла дорожка, на полметра ниже остальной части туннеля. Слева вдоль туннеля тянулась каменная полка, на полметра выше дорожки, идущей справа. Полка была размечена на спальные места — полосками на камне и большими цифрами на стене. Ближайшее к коридору место имело номер «50». Примерно половина мест была занята матрасами или спальными мешками.

В центре туннеля, с правой стороны, горел зе-

леный огонек, каким обычно отмечают туалет.

У входа в туннель стоял стол, за которым читал книгу китаец в костюме, вышедшем из моды еще до того, как Армстронг сделал свой «маленький шаг». Очки на его носу смотрелись так же старомодно, как и одежда, а сам он выглядел на девяносто лет старше и вдвое величественнее Господа Бога. Когда мы подошли ближе, он отложил книгу и улыбнулся Гретхен:

— Гретхен, рад тебя видеть. Как твои глубокоуважаемые родители?

Гретхен присела в реверансе.

— У них все хорошо, доктор Чань. Передают вам привет. Разрешите представить наших гостей: мистера сенатора Ричарда, госпожу Гвен и мистера Билла.

Он поклонился, не вставая, и пожал руку самому себе.

— Всегда рад приветствовать гостей семьи Хендерсон в моем доме.

Гвен присела, я поклонился, а за мной и Билл, когда я ткнул его под ребра; доктор Чань явно заметил это, хотя и не подал виду. Я пробормотал подходящую формулу вежливости.

— Нам хотелось бы сегодня переночевать у вас, доктор Чань, — продолжала Гвен, — если, конеч-

но, вы нас примете. В этом случае не найдется ли четырех мест так, чтобы они были рядом?

— Найдется. Твоя любезная матушка уже говорила со мной. Ваши места — номер четыре, три, два и один.

— Отлично! Спасибо, дедушка Чань.

Я заплатил — за троих, а не за четверых. Не знаю, что сделала Гретхен — заплатила наличными, или чеком, или еще как-нибудь; я не видел, чтобы деньги переходили из рук в руки. Пять крон с человека за ночь, включая туалет, душ — еще две кроны, вода в душе без ограничений. Дополнительное мыло — полкроны.

— А вашему деревцу-бонсай не нужна вода? — спросил доктор Чань, покончив с делами.

Мы хором согласились: конечно нужна! Наш гостеприимный хозяин внимательно оглядел пластиковую пленку, разрезал ее и с величайшей осторожностью извлек деревце и горшок. Ваза на его столе оказалась графином с водой; наполнив стакан, он погрузил в него кончики пальцев и несколько раз опрыскал бонсай. Пока он проделывал все это, я не устоял перед любопытством и взглянул на его книгу. Это оказалось «Отступле-

ние десяти тысяч»[43] на греческом языке.

Мы оставили у него Древо-сан, а также чемодан Гвен.

Следующим пунктом маршрута был «Стейк-хаус Джейка». Джейк был китайцем, как и доктор Чань, но принадлежал к другому поколению, что чувствовалось по его манерам. Он встретил нас словами:

— Привет, ребята. Что будем? Гамбургеры? Или омлет? Кофе или пиво?

Гретхен заговорила с ним на каком-то тональном языке — вероятно, на кантонском диалекте. Джейк с досадой возразил, Гретхен ответила, и последовал ожесточенный обмен репликами. Наконец он буркнул с недовольным видом: «Ладно. Сорок минут», повернулся и вышел.

— Идем, — сказала Гретхен. — Поговорим с Чарли Ваном насчет скафандров.

Когда мы отошли подальше, она добавила, понизив голос:

— Джейк отказывался готовить свои лучшие блюда, потому что с ними больше возни. Но сильнее всего мы поспорили о цене. Он хотел взять с

---

[43] Примечания: 43

«Отступление десяти тысяч» («Анабасис») — главное сочинение Ксенофонта.

вас как с туристов и чтобы я при этом молчала. Я сказала, что если он возьмет с вас больше, чем взял бы с папы, тот явится сюда, отрежет Джейку уши и скормит ему сырыми. Джейк знает, что папа именно так и поступит. — Гретхен улыбнулась смущенно, но гордо. — Папу очень уважают в «Счастливом драконе». Когда я была маленькой, он прикончил тут одного старателя, который вздумал не заплатить девушке-чансань[44]. Об этом все помнят. Девушки-чансань «Счастливого дракона» приняли нас с мамой в почетные члены своей гильдии.

Табличка гласила: «Ван Чай-Ли, мужская и женская одежда на заказ. Профессиональный ремонт скафандров». Гретхен снова представила нас и объяснила, что нужно сделать. Чарли Ван кивнул.

— Лунобус отходит в полдень? Приходите сюда в десять тридцать. В Конге вернете скафандры моему двоюродному брату Джонни Вану в «Сирс Монтгомери», отдел скафандров. Я ему позвоню.

Затем мы снова отправились в «Стейк-хаус Джейка». То, что нам подали, не было ни стейком, ни чоп-суем, ни чоу-мейном, но прямо-таки таяло

---

[44] Примечания: 44

Девушки-чансань — китайские куртизанки, аналог японских гейш.

во рту. Мы наелись до отвала.

Когда мы вернулись в туннель «Спокойные сны», верхний свет уже погасили и многие места были заняты постояльцами. Вдоль боковой стороны полки со спальными местами тянулась светящаяся полоса: свет не попадал в глаза спящим, но позволял видеть проход. На столе доктора Чаня горел ночник, с одной стороны прикрытый колпаком, чтобы не мешать уснувшим гостям. Похоже, он корпел над бухгалтерскими записями: одна рука — на клавишах терминала, другая — на костяшках счетов. Чань беззвучно поздоровался с нами, и мы шепотом пожелали ему спокойной ночи.

Под руководством Гретхен мы приготовились ко сну, положив вместо подушки под голову свернутую одежду с обувью. Я добавил к этому свою пробковую ногу, но остался в трусах, увидев, что Гвен и Гретхен не сняли трусиков. Билл заметил это слишком поздно — и снова натянул трусы. Затем мы все направились в туалет.

Даже эту относительную дань скромности мы отдавали недолго — под душ встали все вместе. Войдя, мы обнаружили в душевой троих мужчин, совсем раздетых. Мы вспомнили древнюю заповедь: «Наготу часто видят, но никогда на нее не

смотрят». Ну а те трое строго следовали правилу: «Нас тут не было, мы невидимки». (Правда, я уверен, что ни один мужчина не в состоянии полностью игнорировать Гвен и Гретхен.)

Что до меня, я не мог совсем уж не замечать Гретхен, да и не пытался. Раздетая, она выглядела на несколько лет старше и восхитительно соблазнительной. Думаю, свой загар она получила под ультрафиолетовой лампой. Я обнаружил у нее ямочки там, где раньше их не видел. Не вижу смысла вдаваться в подробности — все женщины прекрасны в пору созревания, а красоту Гретхен дополняли отличная фигура и жизнерадостность. В самый раз, чтобы искушать святого Антония.

Гвен протянула мне мыло:

— Ладно, дорогой, можешь потереть ей спинку, но спереди она управится сама.

— Не понимаю, о чем ты, — с достоинством ответил я. — Я не собираюсь никому мыть спину: мне нужна свободная рука, чтобы держаться. Забыла, что я будущая мать?

— Вот именно, «мать». Ничего больше на ум не приходит.

— Что еще за матерные разговоры? Буду крайне признателен, если ты постараешься держаться в рамках приличия.

— Ричард, вести такие разговоры — ниже моего достоинства. Гретхен, потри ему спину, так будет безопаснее. А я побуду арбитром.

В итоге каждый мыл те места, до которых мог дотянуться, даже Билл: толку вышло мало, зато было много веселья и смеха. Когда вокруг тебя особы противоположного пола — это само по себе весело.

К двадцати часам мы расположились на ночлег — Гретхен у стены, рядом с ней Гвен, затем я и Билл. При одной шестой *g* каменная полка кажется мягче матраса из пенки в Айове, и я быстро заснул.

Какое-то время спустя — час, два? — я проснулся от прикосновения теплого тела.

— Что, прямо сейчас, дорогая? — прошептал я, после чего совсем проснулся. — Гвен?

— Это я, мистер Ричард. Хотите *в самом деле* увидеть, как краснеет моя попка? И услышать, как я плачу?

— Вернись к стенке, милая, — напряженно прошептал я.

— Ну пожалуйста.

— Нет, дорогая моя.

— Гретхен, — мягко сказала Гвен, — вернись на свое место, дорогая… пока не разбудила других. Я

помогу тебе перебраться через меня.

И она действительно помогла Гретхен, а потом обняла ее, словно ребенка, и стала о чем-то с ней говорить. В конце концов, они (как мне кажется) заснули.

Но сам я заснул далеко не сразу.

12

Мы слишком горды, чтобы сражаться.
Томас Вудро Вильсон[45] (1856–1924)

Насилие никогда ничего не решает.
Чингисхан (1162–1227)

Мыши решили повесить на кота колокольчик.
Эзоп (ок. 620 — ок. 560 до н. э.)

Прощальные поцелуи в герметичных скафандрах удручающе антисептичны. Я так считаю и уверен, что Гретхен тоже. Но так уж вышло.

Прошлой ночью Гвен спасла меня от «участи хуже смерти», за что я ей благодарен… скажем так, более или менее благодарен. Старик, который крутит шашни с едва созревшей девушкой (Гретхен исполнялось четырнадцать лишь через два месяца), выглядит смешным и достоин презрения здравомыслящих людей. Но с той ночи, когда Гретхен дала понять, что не считает меня таким уж старым, я начал чувствовать себя все моложе и моложе и опасался, что к заходу солнца

---

[45] Примечания: 45
Томас Вудро Вильсон — 28-й президент США. — *Примеч. С. В. Голд.*

окончательно впаду в детство.

Поэтому я заявляю, что я благодарен ей. Это официальная версия.

Не сомневаюсь, что Гвен вздохнула с облегчением, когда в полдень Гретхен помахала нам из кабины отцовского грузовика-лунохода, и мы покатили на юг в лунобусе тетушки Лилибет под названием «Услышь меня, Иисус».

«Услышь меня» был намного больше грузовика Джинкса и выглядел куда красочней, весь расписанный пейзажами Святой земли и цитатами из Библии. В нем помещалось восемнадцать пассажиров, а также груз, водитель и ружье, установленное в башенке над креслом водителя. Громадные шины, вдвое больше моего роста, возвышались над салоном, пол которого располагался вровень с осями, то есть на высоте моей головы. К дверям между передними и задними шинами с обеих сторон поднимались лесенки.

Из-за больших шин сквозь боковые окна не было видно почти ничего. Лунарей, однако, мало интересуют пейзажи: Луна выглядит интересно лишь с орбиты. Поверхность Моря Спокойствия между Кавказом и Гемскими горами, где пролегал наш маршрут, обладает скрытым очарованием — тщательно скрытым. Большей частью плоская,

словно блин, она представляет такой же интерес, как остывшие блины без масла или сиропа.

Несмотря на все это, я был рад, что тетушка Лилибет посадила нас в первом ряду справа: у окна — Гвен, затем я, слева от меня — Билл. Мы видели то же самое, что видел водитель, глядя перед собой, и кое-что справа, недоступное его взгляду, — передняя ось проходила за нашими местами, и шина не полностью загораживала обзор. Вид справа был мутноватым — герметичное пластмассовое окно потрескалось и пожелтело от старости. Однако тетушка Лилибет подняла лобовое стекло и закрепила его в этом положении, поэтому мы все прекрасно видели — насколько позволяли шлемы. Снаряжение, взятое напрокат у Чарли Вана, принимало на себя яростный удар солнечных лучей, почти не уменьшая видимости, как хорошие солнцезащитные очки.

Мы мало разговаривали: радио в скафандрах пассажиров было настроено на общую частоту, и получилось настоящее вавилонское столпотворение. Поэтому мы отключили связь. Мы с Гвен могли разговаривать, соприкасаясь шлемами, но это было неудобно. И я развлекался в основном тем, что пытался отслеживать наш путь. На Луне бесполезны и магнитные, и гироскопические

компасы. Магнетизм (обычно отсутствующий) скорее указывает на наличие залежей руды, чем определяет направление, а вращение Луны (один оборот в месяц!) слишком неспешно воздействует на гирокомпас. Здесь пригодился бы инерциальный трекер, но хороший прибор почему-то стоит очень дорого, хотя этот принцип издавна применяется в управляемых ракетах.

На этой стороне Луны всегда видно Землю, которую можно использовать в качестве ориентира, а половину времени — и Солнце. Звезды? Звезды, само собой, видны всегда — здесь не бывает ни дождей, ни облаков, ни смога. Конечно же! Так вот, землеройки, у меня есть новость для вас: в Айове звезды увидеть легче, чем на Луне.

Вы ведь будете в скафандре. В шлеме есть лицевой щиток и забрало, которые защищают ваши глаза — считайте, что это встроенный смог. Если Солнце высоко в небе, забудьте о звездах: лицевой щиток темнеет, предохраняя зрение. Если же Солнца нет, Земля находится в фазе между половинной и полной, испуская ослепительный свет. Обладая в восемь раз большей отражающей поверхностью и в пять раз большим альбедо, Земля светит в сорок с лишним раз ярче, чем Луна на Земле.

Да, звезды никуда не деваются, яркие и четкие; Луна — прекрасное место для астрономических наблюдений. Но чтобы увидеть звезды «невооруженным» глазом (находясь в скафандре с его шлемом), нужно найти метр-другой печной трубы… ой! простите — на Луне нет печей. Ладно, возьмем пару метров воздуховода и взглянем сквозь него — он скрывает ослепительный свет, и звезды блестят подобно «добрым делам в злом мире»[46].

Передо мной висела Земля, только что миновавшая половинную фазу. Слева поднималось Солнце, которое находилось на высоте полутора суток — двадцать градусов или чуть меньше. В его ярком свете любые неровности на пустынной плоской поверхности отбрасывали длинные тени, облегчая задачу тетушке Лилибет. Судя по карте, висевшей в шлюзе гермозоны «Счастливый дракон», мы стартовали из точки с координатами тридцать два градуса двадцать семь минут северной широты и шесть градусов пятьдесят шесть минут восточной долготы, направляясь в точку с координатами четырнадцать градусов

[46] Примечания: 46

«Как далеко свеча бросает луч! Так добрые дела блестят в злом мире» — цитата из пьесы У. Шекспира «Венецианский купец» (перев. Т. Щепкиной-Куперник).

одиннадцать минут восточной долготы и семнадцать градусов тридцать две минуты северной широты, возле кратера Менелай. Курс лежал в основном на юг, с отклонением к востоку примерно в двадцать пять градусов, если верить карте; расстояние составляло около пятисот пятидесяти километров. Неудивительно, что прибытие ожидалось на следующий день, в три часа утра!

Дороги как таковой не было. Похоже, у тетушки Лилибет не имелось ни трекера, ни других навигационных приборов — только одометр и спидометр. Казалось, она ведет машину так же, как раньше прокладывали путь речные лоцманы — за счет знания маршрута. Может, так оно и было, но я обратил внимание, что в течение первого часа вдоль пути стояли вешки. Как только мы оказывались возле одной из них, далеко на горизонте тут же появлялась другая.

Вчера я не замечал никаких путеводных знаков. Думаю, их не было и Гретхен вела машину в стиле Марка Твена[47]. Скорее всего, так же поступала и тетушка Лилибет — нередко она не приближалась к знаку, просто проезжая мимо. Вероятно, ориентиры предназначались для

[47] Примечания: 47
Марк Твен некоторое время работал лоцманом на Миссисипи.

случайных водителей или для ее сменщиков на «Услышь меня».

Я старался разглядеть каждый знак, придумав для себя игру: если пропущу один — очко не в мою пользу. Два пропуска подряд означали смерть человека, заблудившегося на Луне, что раньше случалось довольно часто… а порой случается и сегодня. Луна огромна, она больше Африки, почти равна Азии — и каждый квадратный метр несет смерть, стоит совершить хотя бы крошечную ошибку.

Определение лунаря: человек любой расы, любого роста и любого пола, который *никогда* не совершает ошибок в серьезных делах.

Ко времени нашей первой остановки я «умер» дважды.

В пятнадцать часов пять минут тетушка Лилибет остановила лунобус, и на стекле загорелась надпись: «ОСТАНОВКА — ДВАДЦАТЬ МИНУТ», и ниже: «Штраф за опоздание — одна крона в минуту».

Мы все вышли наружу. Билл схватил тетушку Лилибет за руку и прижался стеклом к ее шлему. Сперва она попыталась его стряхнуть, но затем принялась слушать. Я не стал выяснять, в чем дело; двадцать минут — не так уж и много,

если ты возишься со скафандром. Естественно, для женщин это еще сложнее, чем для мужчин, и требует больше времени. Среди пассажиров была женщина с тремя детьми, правый рукав ее скафандра заканчивался крючком чуть ниже локтя. Как она только справлялась? Я решил пропустить ее вперед: пусть штраф за опоздание возьмут с меня.

«Туалет» был просто ужасен: шлюз перед дырой в камне, которая вела к дому поселенца, занимавшегося туннельным фермерством и добычей льда. Газ внутри туалета, возможно, содержал кислород, но сказать точно было нельзя из-за вони. Я вспомнил отхожее место в замке, где квартировал во время Трехнедельной войны, — на Рейне, возле Ремагена. Там была глубокая выгребная яма, вырубленная в камне, которую, как говорили, не чистили девятьсот с лишним лет.

За опоздание никого не оштрафовали: наша водительница пришла позже всех, как и Билл. Доктор Чань запечатал Древо-сан и прикрепил какую-то защелку, упрощавшую поливку, так что Билл попросил помощи у тетушки Лилибет. Вместе они справились с задачей, но далеко не сразу. Не знаю, успел Билл отлить или нет. Тетушка, конечно же, успела — «Услышь меня» не

сдвинулся бы с места до ее возвращения.

Примерно в девятнадцать тридцать мы остановились перекусить в маленькой гермозоне на четыре семьи под названием «Роб Рой». По сравнению с предыдущим местом все было очень цивилизованно: чисто, в воздухе пахнет как полагается, вас встречают дружелюбные, гостеприимные люди. Меню не отличалось разнообразием — цыпленок с клецками и пирог с луникой, — а цена была о-го-го какой! Но чего еще ждать посреди лунной пустыни? Имелся также прилавок с сувенирами ручной работы, за которым сидел маленький мальчик. Я купил ненужный мне вышитый кошелек для мелочи, просто из желания порадовать добрых людей. Надпись на кошельке гласила: «Роб-Рой-Сити, столица Моря Спокойствия». Я его подарил жене.

Гвен, помогавшая однорукой женщине с тремя детьми, выяснила, что они возвращаются домой, в Конг, навестив дедушку и бабушку детей, родителей их отца, которые живут в «Счастливом драконе». Мать звали Екатерина О'Тул, а детей — Патрик, Бригид и Игорь, восьми, семи и пяти лет. Еще в лунобусе ехала леди Диана Керр-Шепли с двумя мужьями — богачи, не склонные общаться с плебеями вроде нас. Оба ее мужчины носили

пистолеты — под скафандрами. Не понимаю, какой в этом был смысл.

Дальше местность стала неровной, и мне показалось, что тетушка теперь точнее придерживается ориентиров. Однако мчалась она с прежней скоростью, и нас подбрасывало на громадных шинах-пончиках низкого давления так, что я вновь забеспокоился о желудке Билла. По крайней мере, Древо-сан ему держать не приходилось: тетушка помогла закрепить деревце в грузовом отсеке, позади салона. Я пожелал Биллу удачи — меня однажды стошнило в шлем, чуть ли не целое поколение тому назад. Бррр!

Незадолго до полуночи мы сделали еще одну остановку. Как раз вовремя. Солнце поднялось еще на несколько градусов и продолжало восходить. Тетушка сказала, что нам осталось сто пятнадцать километров и мы прибудем в Конг вовремя с Божьей помощью.

Но тетушка так и не дождалась от Бога заслуженной помощи. Мы ехали около часа, когда словно из ниоткуда (из-за скопления камней?) появился луноход, меньше и быстрее нашего, и устремился по диагонали, наперерез нам.

Я хлопнул Билла по руке, схватил Гвен за плечи, и мы упали на пол под лобовым стеклом, чтобы

хоть как-то укрыться за стальным бортом лунобуса. Падая, я успел заметить вспышку, исходящую со стороны чужой машины.

Наш лунобус затормозил прямо перед ней. Тетушка поднялась со своего места.

Тут-то ее и уложили.

Гвен, уперев свой «мияко» о борт лунобуса, достала стрелка, уложившего тетушку, пробив ему лицевой щиток — лучший способ разделаться с человеком в скафандре, если ты используешь пули, а не лазер. Я тщательно прицелился, поскольку моя трость стреляет только пять раз, а ближайшие боеприпасы находились в «Золотом правиле» (в моей сумке, чтоб ей провалиться), и попал в водителя. Из атаковавшей нас машины справа и слева стали выскакивать люди в скафандрах. Гвен чуть привстала и продолжила стрелять.

Все это происходило в призрачной тишине вакуума.

Я поддержал Гвен огнем, и тут появилась еще одна машина, не луноход, но что-то вроде: раньше я таких не видел. У нее была только одна шина, исполинский пончик диаметром метров восемь, а то и все десять. В отверстии пончика было что-то установлено — вероятно, приводной

механизм. С обеих сторон из ступицы торчали на кронштейнах платформы, на каждой из которых сидел пристегнутый к седлу стрелок. Под стрелками сидели пилоты, водители или инженеры, по одному с каждой стороны. Даже не спрашивайте меня, как они координировали свои действия.

Впрочем, тогда меня не интересовали подробности — я был слишком занят. Прицелившись в стрелка с той стороны, которая была мне видна, я уже собирался выпустить одну из своих драгоценных пуль, но тут вдруг понял, что его оружие нацелено вниз — он атаковал тех, кто напал на нас. Судя по всему, оно было энергетическим — лазер, пучок частиц, я не знаю, что именно, — все, что я видел, это паразитные вспышки от выстрелов… и их результаты.

Большой пончик развернулся на четверть оборота; я увидел вторую пару водитель-стрелок, и этот стрелок целился в нас. Сверкнул излучатель…

Я попал ему в лицевой щиток.

Затем я попытался поразить своей пулей водителя и попал (как мне кажется) в шейное сочленение. Не так удачно, как дыра в стекле, но если он не был готов быстро наложить заплатку — что не так-то просто, — то задохнулся бы через

несколько секунд.

Пончик сделал полный разворот. Когда он остановился, я прикончил второго стрелка за наносекунду до того, как тот успел бы прикончить меня. Я попробовал прицелиться в водителя, но цель прыгала перед глазами, а впустую тратить патроны я не мог. Пончик покатился прочь, уходя на восток. Набирая скорость, он ударился о валун, высоко подпрыгнул и скрылся за горизонтом.

Я посмотрел вниз, на другой луноход. Кроме двух убитых во время первой перестрелки, все так же лежавших в машине, на земле валялись пять тел — два по правому борту, три по левому. Судя по их виду, все были мертвы, окончательно и бесповоротно. Я прижался шлемом к шлему Гвен.

— Это все? Других нет?

Она резко ткнула меня в бок. Я повернулся и увидел голову в шлеме, только что появившуюся в проеме левой двери. Прицелившись из трости, я проделал звездообразную дыру в стекле шлема, и человек исчез. Вспрыгнув на чьи-то ноги, я выглянул наружу — слева никого больше не было, — повернулся и увидел еще одного: он карабкался, собираясь проникнуть внутрь через правую дверь. Я выстрелил в него…

Поправка: *попытался* выстрелить — патроны закончились. Тогда я метнулся к нему, выставив перед собой трость. Он схватился за ее конец, и это была ошибка: я потянул за трость, обнажив двадцать сантиметров шеффилдской стали, которая прошла через скафандр и вонзилась между ребер. Выдернув трость, я снова нанес удар. Стилет с треугольным лезвием шириной всего в полсантиметра, с кровостоками со всех сторон, не всегда убивает сразу, но второй удар отвлек внимание умирающего и не дал ему прикончить меня.

Он обмяк, повиснув на пороге двери, и выронил ту часть моей трости, которая служила ножнами. Я подобрал ножны и вернул их на место, затем вытолкнул труп наружу, схватился за ближайшее сиденье, подтянулся, упираясь ногой, доковылял до своего места и сел, ощущая крайнюю усталость, хотя заварушка длилась минуты две-три. Это все адреналин — после него я всегда чувствую опустошение.

На этом все завершилось. И очень хорошо: у нас с Гвен не осталось патронов, а трюк со спрятанным лезвием можно проделать лишь однажды — и только в том случае, если ты вынуждаешь противника схватиться за наконечник трости. Все девять человек из вражеского лунохода бы-

ли мертвы. Мы с Гвен прикончили пятерых, остальных четверых убили стрелки с гигантского пончика. Считать было легко: дырку от пули не спутаешь с ожогом от лазера.

Двоих или троих членов команды суперпончика, застреленных мной, я не учитываю: он скрылся за горизонтом, не оставив трупов для подсчета.

Мы потеряли четверых.

Первым был наш стрелок, сидевший в башенке с ружьем над водителем. Забравшись наверх — при одной шестой *g* я могу подняться по отвесной лестнице так же легко, как и любой другой, — я обнаружил, что стрелок мертв: вероятно, его сожгли самым первым выстрелом. Заснул на посту? Кто знает, да и какая разница? Теперь он мертв.

Второй жертвой была тетушка Лилибет, но она осталась жива благодаря Биллу. Он быстро наложил ей две герметичные заплатки — одну на левую руку, другую на макушку шлема, смекнув, что перед этим надо перекрыть воздух, — а затем отсчитал шестьдесят секунд и повернул вентиль, чтобы скафандр вновь надулся. И тем самым спас ей жизнь.

Впервые за все время стало ясно, что Билл не так глуп, как могло показаться. Он заметил, где

лежит коробка с заплатками — рядом с сиденьем водителя, — и проделал все так, словно был на учениях, без лишней суеты, не обращая внимания на перестрелку.

Пожалуй, удивляться не стоило — я знал, что Билл работал на строительстве орбитальной станции, прошел обучение работе в скафандре и тренировки по технике безопасности. Но одной лишь подготовки недостаточно: в критической ситуации не обойтись без сообразительности и хладнокровия, которые не даст никакая тренировка.

Билл показал нам, что сделал, — не для того, чтобы похвастаться, он понимал, что кое-что, возможно, придется переделать. Поспешно заделывая скафандр тетушки, он не мог добраться до раны на ее руке, чтобы остановить кровотечение, и не знал, прижег ли лазерный луч рану. Если рана кровоточила, следовало снова вскрыть скафандр, наложить на рану бинт, закрыть скафандр, и все это в невероятно быстром темпе. Так как тетушку ранили в руку, сделать это можно было только одним способом: разрезать ткань скафандра, увеличив дыру, добраться до руки, остановить кровотечение, заделать дыру, а затем отсчитывать секунды в течение одной беско-

нечной минуты, прежде чем подать давление в залатанный скафандр.

Пациент может находиться в вакууме, но очень недолго. Тетушку, старую и раненую, это ожидало во второй раз за день. Выдержит ли она?

О том, чтобы открыть шлем, нечего было и думать. Попавший в него заряд срезал кусок макушки с шлема, но не с головы — иначе мы не рассуждали бы, стоит разрезать рукав или нет.

Гвен прижалась шлемом к шлему тетушки, сумев привести ее в чувство и привлечь ее внимание. Идет ли у нее кровь?

Тетушка так не считала. Рука онемела, но болела не сильно. Добрались ли эти люди до него? До чего? До чего-то в грузовом отсеке. Гвен заверила ее, что бандитам ничего не досталось, и все они мертвы. Похоже, тетушку это удовлетворило.

— Машину может вести Тэдди, — добавила она и, похоже, задремала.

Третьей жертвой оказался один из мужей леди Дианы. Он скончался, но не от рук бандитов. По сути, он выстрелил себе в ногу.

Кажется, я уже говорил, что он был вооружен — но оружие находилось *внутри* скафандра. Когда началась заварушка, он полез за пистолетом, понял, что не может до него добраться, и открыл

переднюю часть скафандра.

Открыть и закрыть скафандр в вакууме можно — думаю, легендарный Гудини сумел бы освоить такой трюк. Но этот придурок пытался нашарить свой пистолет, пока не вырубился, а потом захлебнулся вакуумом. Второй муж оказался чуть умнее и не стал лезть за оружием, решив забрать пистолет у партнера, когда тот откинул сандалии. И забрал, но слишком поздно, когда все уже закончилось, — он выпрямился как раз в тот момент, когда я пробирался к своему месту, прирезав последнего бандита.

И я обнаружил, что этот кретин тычет стволом мне в лицо.

Я вовсе не собирался ломать ему запястье, просто хотел его разоружить. Ударив тростью по стволу, чтобы отвести его в сторону, я попал по запястью. Затем поймал пистолет, сунул его за пояс скафандра, прошел вперед и упал на сиденье. Я не знал, насколько сильным оказалось повреждение, — возможно, все обошлось синяком, — но угрызений совести не испытывал. Если не хочешь, чтобы тебе сломали запястье, не тычь стволом мне в лицо. Особенно когда я устал и слишком возбужден.

Потом я собрался с силами и попытался помочь

Гвен и Биллу.

Меньше всего мне хочется вспоминать о четвертой жертве — пятилетнем Игоре О'Туле.

Малыш сидел на заднем сиденье с матерью, а значит его убили не люди из лунохода — он был вне зоны обстрела. Лишь двое стрелков с суперпончика находились достаточно высоко, чтобы выпущенный ими заряд прошел через кабину водителя и попал в сидящего сзади. Более того, это мог быть только второй стрелок — первый был занят уничтожением бандитов. Потом пончик развернулся, и я увидел нацеленное на нас оружие, а затем вспышку; мгновение спустя я нажал на спуск и убил стрелка.

Я думал, он промахнулся. Если он стрелял в меня, так оно и было. Вряд ли он целился тщательно: зачем целиться в того, кто представляет наименьшую опасность, — в ребенка, фактически еще младенца, на заднем сиденье? Но увиденная мной вспышка сопровождала выстрел, который убил Игоря.

Если бы не смерть Игоря, я, возможно, испытывал бы смешанные чувства в отношении экипажа гигантского пончика — без их помощи мы наверняка не одержали бы верх. Но последний выстрел убедил меня, что они всего лишь

уничтожали конкурентов, прежде чем перейти к своей главной задаче — угону «Услышь меня».

Я жалею лишь о том, что не прикончил четвертого с того пончика.

Но все эти мысли пришли потом, а тогда мы видели лишь мертвого ребенка. Закончив возиться с тетушкой, мы огляделись. Екатерина сидела молча, держа на руках тело сына. Я пригляделся внимательнее, желая понять, что случилось, — но внутри скафандра не может быть живого ребенка, если стекло полностью расплавилось. Я заковылял к Екатерине, но Гвен добралась до нее первой. Я остановился за спиной Гвен, и тут меня схватила за рукав леди Диана, пытавшаяся что-то сказать.

Мы соприкоснулись шлемами.

— Вы что-то сказали?

— Я требую, чтобы вы приказали водителю ехать дальше! Вы что, по-английски не понимаете?

Жаль, что она не обратилась с этим к Гвен — та высказалась бы куда образнее и лиричнее. Но я настолько устал, что лишь бросил:

— Заткнись и сядь, дура набитая!

Ответа я ждать не стал.

Леди Ди направилась вперед, но Билл не дал

ей побеспокоить тетушку. Однако этого я уже не видел: когда я наклонился, пытаясь разглядеть, что случилось с ее супругом, который (чего я тогда не знал) убил себя с помощью собственного скафандра, его напарник попытался забрать у меня пистолет.

В ходе последовавшей борьбы я схватил его за (сломанное) запястье. Я не мог слышать его крик и видеть его лицо, но, судя по импровизированной пантомиме, мучения его были невыразимыми.

Могу сказать лишь одно: не тычьте стволом мне в лицо. Во мне сразу просыпается все самое худшее.

Я вернулся к Гвен и несчастной матери, и мы с Гвен соприкоснулись шлемами.

— Можно ей чем-нибудь помочь?

— Нет. Пока не доставим ее в гермозону, ничем. Да и потом — почти ничем.

— Что с остальными двоими?

Вероятно, дети плакали, но что делать, когда ничего не слышишь и не видишь?

— Ричард, думаю, лучше оставить их в покое. Не спускать с них глаз, но не трогать. Пока не доберемся до Конга.

— Да… до Конга. Кто такой Тэдди?

— Что?

— Тетя Лилибет сказала: «Машину может вести Тэдди».

— Думаю, она имела в виду стрелка. Ее племянника.

Я забрался на башенку, для чего пришлось выйти наружу, соблюдая меры предосторожности. Но мы не ошиблись — все нападавшие действительно были мертвы. Как и Тэдди, наш стрелок. Спустившись вниз, я вернулся в салон и сообщил Гвен и Биллу, что водителя-сменщика у нас нет.

— Билл, умеешь водить? — спросил я.

— Нет, сенатор. И вообще, я первый раз еду на этой штуке.

— Этого я и боялся. Что ж, я не сидел за рулем лунохода уже несколько лет, но знаю, как… Господи! Гвен, я не могу.

— Есть проблемы, дорогой?

Я вздохнул:

— Тут ножное управление, а моя вторая нога лежит возле сиденья. Мне никак ее не надеть… а с одной ногой я не смогу вести машину.

— Все в порядке, дорогой, — успокаивающе проговорила она. — Возьмешь на себя радио: думаю, нам придется подать сигнал бедствия. А я поведу.

— Ты умеешь водить это чудовище?

— Конечно. Мне просто не хотелось вызываться добровольцем, раз тут есть двое мужчин, но я с удовольствием сяду за руль. Ехать осталось часа два. Легко.

Три минуты спустя Гвен уже сидела за приборной панелью. Я расположился рядом с ней, пытаясь сообразить, как подключить мой скафандр к радиосети лунобуса. Две минуты из трех ушли на то, чтобы возложить на Билла новую обязанность: не позволять леди Ди вставать с места. До этого она снова явилась в переднюю часть машины и начала указывать, что и как делать. Похоже, леди спешила — она говорила о собрании совета директоров в «Эль-четыре» и требовала ехать как можно быстрее, чтобы нагнать упущенное время.

На этот раз мне удалось услышать комментарий Гвен, весьма душевный. У леди Ди отвисла челюсть, особенно когда Гвен посоветовала ей засунуть свои доверенности в одно место, свернув их так, чтобы получилось побольше острых углов.

Гвен включила сцепление. «Услышь меня» вздрогнул, дал задний ход, огибая другой луноход, и мы покатились прочь. В конце концов, я нашел нужные кнопки и настроил радио на нужный

— как мне показалось — канал:

— «…О-М-Ф-И-С — произносится „Комфис“ — идеальный ответ на стрессы современной жизни! Не берите домой проблемы вашего бизнеса! Найдите утешение в „Комфисе“, рекомендованном специалистами средстве для желудка, которое терапевты прописывают чаще, чем любое другое…»

Я попробовал другой канал.

13

Правда — единственное, во что никто не поверит.

Джордж Бернард Шоу (1856–1950)

Я продолжал искать одиннадцатый аварийный канал методом проб и ошибок. На дисплее виднелись обозначения каналов, но не цифровые — тетушка пользовалась собственными кодами. Окно с надписью «Помощь» означало вовсе не помощь в экстренных ситуациях, как я сначала предположил, а помощь в спасении души. Нажав на кнопку, я услышал:

— К вам обращается преподобный Герольд Ангел из молельного дома Тихо-Нижнего, обители Христа на Луне. Настройтесь на нас в воскресенье, в восемь часов, дабы узнать об истинном смысле библейских пророчеств… и пришлите в знак любви свой дар по адресу: почтовый ящик 99, станция Ангел, Тихо-Нижний. Наша сегодняшняя тема из Евангелия: «Как узнать Господа, когда он придет». А теперь присоединимся к хору молельного дома, исполнив вместе с ним «В объятиях Иисуса…»

Эта помощь запоздала минут на сорок, и я пере-

ключился на другой канал. Услышав знакомый голос, я сделал вывод, что это тринадцатый, и не стал терять времени зря:

— Капитан Полночь вызывает капитана Марси. Ответьте, капитан Марси.

— Говорит Марси, ЦУП Гонконга-Лунного. Что вы опять затеяли, Полночь, черт вас побери? Прием.

Я попробовал объяснить, не более чем в двадцати пяти словах, как я оказался на этой частоте. Он послушал, затем прервал меня:

— Полночь, что вы курили? Дайте поговорить с вашей женой — я верю ей больше.

— Она не может, потому что ведет этот самый лунобус.

— Погодите. Вы говорите, что едете как пассажир на луноходе «Услышь меня, Иисус». Это лунобус Лилибет Вашингтон. Почему им управляет ваша жена?

— Я же вам объяснял. Она ранена — тетушка Лилибет, а не моя жена. На нас напали бандиты.

— В этих краях нет бандитов.

— Совершенно верно, мы всех убили. Послушайте меня, капитан, и не делайте поспешных выводов. Нас атаковали. У нас трое убитых и двое раненых. А моя жена ведет машину. Из тех, кто

на борту, это умеет делать только она.

— Вы ранены?

— Нет.

— Вы сказали: из тех, кто на борту, управлять луноходом умеет только ваша жена.

— Да.

— Давайте разберемся. Позавчера вы пилотировали космическое судно… или не вы, а ваша жена?

— Пилотом был я. Что тут непонятного, капитан?

— Вы можете пилотировать космическое судно, но не можете управлять старым луноходом. Сложно в это поверить.

— Все просто. Я не могу пользоваться правой ногой.

— Но вы же сказали, что не ранены?

— Нет. Я просто лишился ноги, только и всего. Ну, не совсем «лишился» — она у меня на коленях, но я не могу ее использовать.

— Почему не можете?

Глубоко вздохнув, я попытался вспомнить эмпирические формулы Сиаччи для баллистических расчетов в атмосфере.

— Капитан Марси, в вашей организации, да и вообще в Гонконге-Лунном, есть тот, кого заинте-

ресует нападение бандитов на рейсовый лунобус, обслуживающий ваш город, в нескольких километрах от его гермозоны? Есть тот, кто может принять убитых и раненых, когда мы прибудем? Есть тот, кому все равно, что за водитель управляет машиной? Есть тот, кого не удивит, что человеку много лет назад ампутировали ногу?

— Что же вы сразу не сказали?

— Черт побери, капитан, это не ваше собачье дело!

Несколько секунд стояла тишина, затем послышался спокойный голос капитана Марси:

— Пожалуй, вы правы. Полночь, переключаю вас на майора Бозелла. Это оптовый торговец, который командует нашими добровольными силами охраны порядка. Вам надо поговорить с ним. Не отключайтесь.

Я ждал, глядя, как Гвен ведет машину. Когда мы тронулись с места, ее движения были резковатыми, как у любого, кто привыкает к незнакомой технике. Но теперь она вела луноход плавно, хотя, может, и не так лихо, как тетушка.

— Говорит Бозелл. Слышите меня?

Я ответил… и почти сразу же испытал кошмарное ощущение дежавю, когда он прервал меня:

— В этих краях нет никаких бандитов.

— Как вам угодно, майор, — вздохнул я. — Но в этих краях есть девять трупов и брошенный луноход. Возможно, кто-нибудь пожелает обыскать тела, забрать скафандры и оружие и заявить свои права на луноход… прежде чем все растащат мирные поселенцы, которые никогда не думали становиться бандитами.

— Гм… Чой-Му говорит, что ему сейчас передают спутниковые снимки с того места, где произошло предполагаемое нападение. Если там действительно есть брошенный луноход…

— Майор!

— Да?

— Мне все равно, чему вы верите, а чему нет. И меня нисколько не волнует, что станет с чужим имуществом. Мы будем у северного шлюза примерно в три тридцать. Можете сделать так, чтобы нас встретил врач с носилками и санитарами для госпожи Лилибет Вашингтон? Это…

— Знаю, она ездила по этому маршруту, когда я был мальчишкой. Дайте мне поговорить с ней.

— Я же сказал, она ранена. Сейчас она лежит и, надеюсь, спит. Но даже если не спит, я не стану ее беспокоить: может возобновиться кровотечение. Просто пришлите к шлюзу того, кто сможет о ней позаботиться. И заняться троими убитыми,

один из которых — маленький ребенок. С нами едет его мать, и она в шоке. Ее зовут Екатерина О'Тул, ее муж, Найджел О'Тул, живет в вашем городе. Не может ли кто-нибудь позвонить ему, чтобы он встретил своих родных? У меня все, майор. Когда вы вышли со мной на связь, я слегка беспокоился насчет бандитов. Но поскольку в этих краях никаких бандитов нет, мы не станем просить добровольцев охранять нас здесь, в Море Спокойствия, в этот прекрасный солнечный день. Прошу прощения, что разбудил вас.

— Ничего страшного — мы здесь для того, чтобы помогать людям, и ваш сарказм совершенно неуместен. С этого момента ваши слова записываются. Назовите свое полное имя и официальный адрес, затем повторяйте за мной: «Как представитель Лилибет Вашингтон из гермозоны „Счастливый дракон", владелицы транспортной компании „Апокалипсис и Царствие небесное", разрешаю майору Керку Бозеллу, командующему и управляющему добровольческими силами охраны порядка Гонконга-Лунного, предоставить…»

— Погодите. Что все это значит?

— Стандартный договор на личную охрану и сохранение имущества с гарантией оплаты. Вы

же не думаете, что можете поднять ночью с постели взвод добровольцев и не заплатить за это? Дарзанебы. Дармовой закуски не бывает.

— Гм… майор, у вас случайно нет под рукой мази от геморроя? «Препарейшн-эйч», «Пазо»?

— Вообще-то, я пользуюсь «Тигровым бальзамом». А что?

— Она вам понадобится. Возьмите свой стандартный договор и сверните так, чтобы получилось побольше острых углов…

Я остался на тринадцатом канале, отказавшись от дальнейших попыток найти канал для экстренных вызовов. Пока я не видел смысла кричать «Мэйдэй» на одиннадцатом, поскольку уже поговорил с единственным человеком, от кого могла прийти помощь. Прижавшись шлемом к шлему Гвен, я коротко обрисовал суть дела и добавил:

— Оба идиота настаивали, что никаких бандитов тут нет.

— Может, это были не бандиты, а всего лишь аграрии-реформаторы, пытавшиеся выступить с политическим заявлением. Надеюсь, мы не столкнемся с правыми экстремистами! Ричард, я лучше помолчу, пока сижу за рулем. Незнакомая машина, незнакомая дорога… если это называ-

ется дорогой.

— Извини, милая! Ты прекрасно справляешься. Я могу чем-нибудь помочь?

— Высматривай вешки. Это очень поможет мне.

— Конечно!

— Тогда я смогу все время следить за дорогой. Тут есть рытвины хуже, чем на Манхэттене.

— Не может быть.

Мы разработали систему, которая помогала Гвен, доставляя ей минимум беспокойства. Увидев ориентир, я сразу же указывал на него. Когда Гвен тоже замечала его — но не раньше, — она хлопала меня по колену. Больше мы не разговаривали: соприкосновение шлемов мешало ей вести машину.

Примерно через час впереди появился луноход, который на большой скорости устремился к нам. Гвен постучала у себя над ухом, и я прислонился к ней своим шлемом.

— Очередные аграрии-реформаторы? — сказала она.

— Может быть.

— У меня закончились патроны.

— У меня тоже, — вздохнул я. — Уговорим их сесть за стол переговоров. В конце концов, наси-

лие никогда ничего не решало.

Гвен выдала недостойный дамы комментарий и добавила:

— А как насчет той пушки, которую ты забрал у сэра Галахада[48]?

— Ох… милая, я даже не взглянул на нее. Подай мне дурацкий колпак.

— Ты вовсе не дурак, Ричард, просто чересчур одухотворенная личность. Проверь его.

Вытащив конфискованный пистолет из-за пояса скафандра, я внимательно его осмотрел, затем снова соприкоснулся шлемами с Гвен.

— Милая, ты не поверишь. Он не заряжен.

— Ха!

— Вот уж точно «ха». Других комментариев нет. Можешь меня процитировать.

Швырнув бесполезный пистолет в угол лунобуса, я посмотрел на быстро приближающийся луноход. Зачем носить незаряженное оружие? Безумная глупость!

Гвен снова постучала по уху, и я соприкоснулся с ней шлемами.

— Да?

— Могу поспорить, что патроны к пистолету

---

[48] Примечания: 48

Галахад — один из рыцарей Круглого стола, отличавшийся целомудрием и нравственной чистотой.

остались на трупе.

— Не стану спорить, я и сам сообразил. Гвен, если бы я собирался обыскать тот труп, пришлось бы сперва уложить двух других. Не слишком удачная мысль.

— Согласна. Да и времени нет. Вот они.

Но до нас они не доехали. Метров за двести чужой луноход свернул влево: водитель давал понять, что стремится избежать столкновения. Когда он проезжал мимо, я прочитал на борту надпись: «Добровольческая служба охраны правопорядка, Гонконг-Лунный».

Вскоре на связь вышел Марси.

— Бозелл говорит, что нашел вас, но не может связаться с вами по радио.

— Не знаю почему. Вы же со мной связались.

— Я сообразил, что вы не на том канале. Знаете, Полночь, что бы вы ни делали, вы обязательно делаете не так.

— Вы мне льстите. И что я должен был сделать на этот раз?

— Оставаться на втором канале, вот что. Он зарезервирован для наземных машин.

— Каждый день узнаю что-нибудь новое. Спасибо.

— Тот, кто этого не знает, вообще не должен

управлять транспортным средством на поверхности этой планеты.

— Вы совершенно правы, капитан.

С этими словами я отключился.

Гонконг-Лунный показался на горизонте задолго до того, как мы добрались до него, — пилон для экстренной посадки, большие тарелки для разговоров с Землей и другие, еще больше, для связи с Марсом и Поясом астероидов, решетки солнечных батарей. По мере приближения зрелище становилось все более впечатляющим. Естественно, все живут в подземельях… но я часто забываю о том, что большая часть лунной тяжелой промышленности находится на поверхности. Странно, что я об этом забываю, ведь большей частью своих богатств Луна обязана ослепительному солнечному свету, жестоким ночным морозам и бескрайнему вакууму. Но, как и сказала моя жена, я слишком одухотворенная личность.

Мы миновали новый комплекс «Ниссан-шелл» — гектары труб, крекинговых колонн, перегонных кубов, вентилей, насосов и пирамид Бассарда. Из-за длинных теней в лучах восходящего солнца картина напоминала творения Гюстава Доре и Питера Брейгеля-младшего в

аранжировке Сальвадора Дали. Сразу за ним мы обнаружили северный шлюз.

Из-за тетушки Лилибет нам разрешили воспользоваться малым шлюзом. Сперва прошел Билл с тетушкой — несомненно, он это заслужил, — а за ним, протолкнувшись вперед и оставив позади Екатерину с детьми, последовала леди Ди с оставшимся в живых мужем. Достопочтенная Диана вновь отличилась, потребовав, чтобы ее доставили в космопорт, а не к городскому шлюзу. Мы с Биллом не дали ей побеспокоить Гвен своими царственными повелениями, но ее популярность среди нас упала еще ниже (если такое было возможно). Я с радостью увидел, как они исчезают в шлюзе. Все сложилось отлично: муж Екатерины появился из главного шлюза как раз в тот момент, когда мы избавились от важных персон. Гвен обняла Екатерину, пообещав позвонить ей, и Найджел О'Тул увел свою семью (включая тельце несчастного мальчика) в тот же шлюз.

Потом настала наша очередь… и тут же выяснилось, что Древо-сан не проходит в малый шлюз. Пришлось отправиться к другому, более вместительному, но и более медленному. Я увидел, как один рабочий снимает труп с орудийной башенки «Услышь меня», а другие разгружают

лунобус под бдительным присмотром четырех вооруженных охранников. Мне стало интересно, что за груз мы везли, но меня это не касалось. (А может, и касалось — вдруг именно этот груз стал причиной бойни и смерти нескольких человек.) Мы вошли в шлюз вместе с кленом-бонсай, чемоданом, сумочкой, пакетом с париком, тростью и искусственной ногой.

За шлюзом тянулся длинный наклонный туннель с двумя гермодверями. У второй двери стоял автомат по продаже краткосрочных лицензий на воздух, но на нем висела табличка: «НЕ РАБОТАЕТ. Просьба оставить полкроны за 24 часа». На автомате стояло блюдце с монетками, и я положил туда крону — за Гвен и за себя.

Туннель заканчивался еще одной гермодверью, служившей выходом в город.

За ней стояли скамейки для тех, кто надевает или снимает скафандры. Облегченно вздохнув, я начал расстегивать застежки и вскоре прикрепил свой протез.

«Высохшие кости» можно назвать деревней, а «Счастливый дракон» — маленьким городком. Но Гонконг-Лунный — настоящий метрополис, уступающий лишь Луна-Сити. Больших толп я не увидел, но мы прибыли посреди ночи, когда не

спали лишь ночные работники. Самые ранние пташки должны были проснуться лишь часа через два, хотя снаружи светило яркое солнце.

Но даже в этом почти пустынном коридоре чувствовалось, что мы в большом городе. Над вешалкой для скафандров висела табличка:

МЫ НЕ НЕСЕМ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВЕЩИ, ОСТАВЛЕННЫЕ НА ВЕШАЛКЕ.
ОБРАЩАЙТЕСЬ В КАМЕРУ ХРАНЕНИЯ ЯНА — СОХРАННОСТЬ ГАРАНТИРОВАНА.
Один скафандр — одна крона.

Ниже было приписано от руки: «Не прогадай! Обращайся к Солу всего за полкроны — никакой гарантии, только честность!» Каждая надпись сопровождалась стрелками — одна налево, другая направо.

— Куда пойдем, дорогой? — спросила Гвен. — К Солу или к Яну?

— Ни к тому, ни к другому. Очень похоже на Луна-Сити, так что я знаю, как поступать… по крайней мере, мне так кажется. — Оглядевшись, я заметил красный огонек. — Вон там есть отель. Поскольку моя нога на месте, я могу взять под мышки два скафандра. Справишься с остальным?

— Конечно. А трость куда денешь?

— Засуну за пояс скафандра. Никаких проблем.

Мы направились к отелю.

За стойкой, лицом к коридору, сидела молодая женщина, изучавшая теорию трансгенеза, классический текст Сильвестра. Увидев нас, она подняла голову:

— Лучше сдать скафандры. Обратитесь к Солу, соседняя дверь.

— Нет, мне нужен большой номер с кроватью королевского размера. Скафандры мы сложим в углу.

Девушка взглянула на схему номеров.

— Есть одноместные, есть двухместные, есть апартаменты для влюбленных. Но того, что вы хотите, нет. Все занято.

— Сколько стоят апартаменты для влюбленных?

— Смотря какие. Есть с двумя королевскими кроватями и ванной, есть без кроватей, но с мягким полом и множеством подушек. И еще есть…

— Сколько за две королевские кровати?

— Восемьдесят крон.

— Послушайте, гражданочка, — терпеливо сказал я, — я сам лунарь. Мой дедушка был ранен на ступенях Бон Марше. Его отца сослали за

участие в незаконных профсоюзах. Я знаю цены в Луна-Сити, и вряд ли в Конге они настолько выше. Сколько мог бы стоить номер, который спрашивал я? Если бы нашелся один свободный?

— Ты меня не впечатлил, приятель: любой может заявить, будто его предки участвовали в революции. Большинство так и поступает. Мои предки встречали Нила Армстронга, когда он вышел из корабля. Найдется что возразить?

— Вряд ли, поэтому промолчу, — улыбнулся я. — Какова реальная цена номера с большой кроватью и кабинкой освежителя? Не та, что для туристов?

— Стандартный двухместный номер с большой кроватью и отдельной кабинкой стоит двадцать крон. Знаешь, приятель, у меня не слишком много шансов сдать апартаменты в такое позднее или такое раннее время. Бери номер для оргий за двадцать крон. Освободишь его в полдень.

— Десять крон.

— Да ты меня просто обворовываешь. Восемнадцать. Если будет меньше, я окажусь в убытке.

— Никакого убытка. Как вы сами заметили, в такое время вам его не сдать ни за какую цену. Пятнадцать крон.

— Покажи деньги. Но в полдень надо освобо-

дить номер.

— В тринадцать часов. Мы всю ночь не спали, и нам пришлось нелегко, — сказал я и отсчитал наличные.

— Знаю. — Она кивнула в сторону терминала. — О вас несколько раз говорили в «Гонконгском гонге». Ладно, в тринадцать, но если задержитесь, платите по полному тарифу либо переезжаете в обычный номер. Вы в самом деле встретили бандитов? По дороге из «Счастливого дракона»?

— Мне тут говорят, что бандитов в тех краях нет. Мы наткнулись на довольно недружелюбных незнакомцев, потеряли троих убитыми и двоих ранеными. Тех и других мы привезли с собой.

— Да, я видела. Квитанция нужна? За кроны сделаю настоящую, на любую сумму. И у меня есть три сообщения для вас.

— Как так? — удивленно моргнул я. — Никто не знал, что мы остановимся в вашем отеле. Мы и сами не знали.

— Никакой тайны, приятель. Тот, кто прибывает поздно ночью через северный шлюз, с вероятностью семь к двум оказывается в моей кровати… в одной из моих кроватей. И пожалуйста, без дурацких замечаний. — Она взглянула на терминал. — Если бы вы не получили эти сообще-

ния в ближайшие десять минут, копии полетели бы во все гостиницы гермозоны. А если бы вас не удалось найти, член совета, отвечающий за общественную безопасность, возможно, начал бы поиски. У нас редко бывают симпатичные незнакомцы, пережившие романтические приключения.

— Хватит крутить перед ним хвостом, дорогуша, — сказала Гвен. — Он устал, и у него нет времени. Давай сюда распечатки.

Управляющая отеля холодно посмотрела на Гвен и обратилась ко мне:

— Если ты ей еще не заплатил, приятель, могу найти для тебя кого-нибудь получше, помоложе и покрасивее, по доступной цене.

— Свою дочь? — любезно поинтересовалась Гвен. — Сообщения, пожалуйста.

Пожав плечами, девушка протянула мне сообщения. Я поблагодарил ее и сказал:

— Кстати, насчет вашего предложения… Моложе — возможно. Красивее — сомневаюсь. Дешевле вряд ли получится — я женился на ней ради ее денег. Таковы факты.

Она перевела взгляд с меня на Гвен:

— Что, правда? Он женился на тебе ради твоих денег? Надо сперва их заслужить. Скажи ему.

— Ну, он так говорит, — задумчиво ответила Гвен. — Я не уверена. Мы женаты всего три дня. Это наш медовый месяц.

— Меньше трех дней, дорогая, — возразил я. — Но кажется, что прошло больше времени.

— Эй, приятель, не разговаривай так с молодой женой! Ты грубиян, скотина и, наверное, скрываешься от властей.

— И то, и другое, и третье, — согласился я.

Не обращая на меня внимания, девушка вновь обратилась к Гвен:

— Дорогуша, если бы я знала, что это ваш медовый месяц, я не стала бы никого предлагать твоему мужу. Валяюсь в ногах и молю о прощении. Но когда этот чересчур разговорчивый дружок тебе наскучит, могу устроить то же самое для тебя, только в мужском варианте. По приемлемой цене. Симпатичный. Мужественный. Надежный. Страстный. Позвони и спроси Ся — это я. Полная гарантия: ты останешься довольна, а если нет, можешь не платить.

— Спасибо. Но сейчас мне хочется только позавтракать. И в постель.

— Завтрак по другой стороне коридора, прямо позади вас — «Нью-Йорк кафе» Сина. Рекомендую его «Особый похмельный» за полторы кроны. —

Оглянувшись на ряд ячеек, она выбрала две карточки. — Вот ваши ключи. Дорогуша, не попросишь Сина прислать мне горячий бутерброд с чеддером и кофе? И смотри, чтобы он не взял больше полутора крон за «Особый похмельный». Он обманывает клиентов просто ради развлечения.

Оставив багаж у Ся, мы пересекли коридор. «Особый похмельный» Сина оказался действительно хорош. Затем мы наконец вошли в свой номер — апартаменты для новобрачных. Ся вновь обошлась с нами весьма учтиво во всех отношениях — проводила нас в номер и выслушала наши охи и ахи: шампанское в ведерке со льдом, откинутое покрывало, пахнущие духами простыни, цветы (искусственные, но вполне убедительные на вид). Все это освещалось единственной лампой.

Новобрачная поцеловала Ся, Ся поцеловала новобрачную, обе всхлипнули — и хорошо, поскольку за короткое время случилось слишком многое и Гвен некогда было плакать. А женщинам порой нужно выплакаться.

Потом Ся поцеловала новобрачного, но новобрачный не заплакал и не попятился — Ся принадлежит к той породе восточных женщин,

которых Марко Поло якобы нашел в Ксанаду. И целовалась она весьма убедительно. Наконец она оторвалась от меня, чтобы глотнуть воздуха.

— Уф!

— Да уж, «уф!», — согласился я. — Ты что-то там говорила… а сама сколько берешь?

— Ах ты, болтунишка, — улыбнулась она, не став отстраняться. — Грубиян. Мерзавец. Я раздаю бесплатные образцы. Но не молодым мужьям. — Она высвободилась из моих объятий. — Отдыхайте, дорогие мои. Спите сколько хотите, и никаких «в тринадцать часов» — я скажу дневному управляющему.

— Ся, в двух сообщениях меня просят о встрече в жуткую рань. Можешь отключить наш терминал?

— Да, я подумала об этом — я уже прочитала их. Забудь. Даже если явится Задира Бозелл со своими бойскаутами, дневной управляющий не скажет, в каком вы номере.

— Не хочу, чтобы у тебя были проблемы с начальством.

— Разве я не говорила? Я владелица заведения. Вместе с «Банк Америка».

Она быстро клюнула меня в щеку и вышла.

— Ричард, — сказала Гвен, пока мы раздева-

лись, — она ждала, что ей предложат остаться. И она вовсе не наивная девочка, как Гретхен. Почему ты не пригласил ее?

— Черт побери, мамочка, я не знал, как это сделать.

— Ты мог стянуть с нее ченсам[49], пока она пыталась тебя задушить, — этого вполне бы хватило. Под ним ничего не было. Вернее, была Ся, но ничего больше. Но и этого, думаю, немало. Так почему же?

— Хочешь знать правду?

— Э-э-э… не уверена.

— Я хотел спать с *тобой* и ни на что больше не отвлекаться. Мне с тобой пока не наскучило. И дело не в твоем уме или твоих душевных сокровищах, которых у тебя почти нет. Я жажду твоего потного тельца.

— О, Ричард!

— До того, как помоемся? Или после?

— Э-э-э… и до, и после?

— Самое то, девочка моя!

---

[49] Примечания: 49

Ченсам — традиционное китайское платье.

14

Демократия может вынести все, за исключением демократов.

Джубал Харшоу[50] (1904-?)

Все короли дрянь.

Марк Твен (1835–1910)

— Ты меня удивила, милая, — сказал я, пока мы мылись. — Не знал, что ты умеешь водить луноход.

— А ты удивил меня куда больше, когда выяснилось, что твоя трость умеет стрелять.

— Ах да, кстати… тебе не сложно меня прикрыть?

— Конечно нет, Ричард, но как?

— Эта хитроумная трость перестанет быть защитой, если другие поймут, что там внутри. Но если все выстрелы припишут тебе, никто ничего не узнает.

— Не понимаю, — задумчиво ответила Гвен. —

---

[50] Примечания: 50

Джубал Харшоу — бакалавр юриспруденции, доктор медицины и доктор естественных наук, философ-неопессимист, сибарит, гурман и бонвиван, а заодно — сочинитель макулатурной беллетристики (см. роман Р. Э. Хайнлайна «Чужак в стране чужой»). — *Примеч. С. В. Голд.*

Все в лунобусе видели, что ты из нее стрелял.

— В самом деле? Все случилось в вакууме — в мертвой тишине. Выстрелов никто не слышал. Кто видел, как я стрелял? Тетушка? Ее ранили прежде, чем я вступил в бой, — всего за несколько секунд до этого, но речь именно о секундах *до*. Билл? Он был занят тетушкой. Екатерина и ее дети? Вряд ли дети хоть что-то поняли из того, что увидели, а их мать испытала самое страшное потрясение, которое может испытать мать, и не может считаться надежной свидетельницей. Леди Диана и ее супруги? Один из них мертв, другой был настолько не в себе, что принял меня за бандита, а сама леди Ди настолько эгоистична, что вообще не понимала, что происходит: для нее все это какие-то ненужные глупости, помешавшие ее священным капризам. Повернись, я потру тебе спину. — Гвен повернулась, и я продолжил: — Сделаем лучше: это я прикрою тебя, а не наоборот.

— Как именно?

— Моя трость и твой маленький «мияко» используют патроны одного калибра. Соответственно, стреляли только из «мияко», и делал это я, а не ты. Моя трость — просто трость. А ты — моя милая, невинная жена, которая никогда не

опустится до того, чтобы стрелять по незнакомцам. Устроит?

Гвен долго не отвечала, и мне даже показалось, будто я ее чем-то оскорбил.

— Ричард, возможно, никто из нас ни в кого не стрелял.

— То есть? Я заинтригован. Расскажи, в чем дело.

— Я так же неохотно признаюсь в том, что ношу оружие, как ты — в том, что твоя трость обладает потаенными талантами. Кое-где скрытое ношение оружия совсем не приветствуется… но пистолет, спрятанный в сумочке или под одеждой, не раз спасал мне жизнь, и я намерена всегда носить его с собой. Ричард, ты считаешь, что о твоей трости никто не узнал, но по этим же причинам никто не должен был узнать о «мияко». Ты крупнее меня, а я сидела у окна. Когда мы присели, никто не мог толком разглядеть меня — твою спину нельзя назвать прозрачной.

— Гм… может быть. А как насчет трупов и застрявших в них пуль? Длиной в шесть с половиной миллиметров, если быть точным?

— Их застрелили мясники с того большого колеса.

— Они жгли лазером, а не стреляли.

— Ричард! Ричард! Ты точно знаешь, что у них было только лучевое и никакого огнестрельного оружия? Я вот не знаю.

— Опять — гм… Милая, тебе стоило бы пойти в дипломаты.

— Я и есть дипломат. Дай мыло, пожалуйста. Ричард, не будем ничего говорить. Мы — всего лишь пассажиры, невинные свидетели, к тому же туповатые. Нас не касается то, как погибли аграрии-реформаторы. Мой папаша учил меня не раскрывать карты и никогда ни в чем не признаваться. Вот удобный случай применить его советы.

— Мой учил меня тому же самому. Гвен, почему ты не вышла за меня раньше?

— Нужно было время, чтобы слегка размягчить тебя, дорогой. Или наоборот. Готов идти под душ?

Вытирая ее, я вспомнил, что на мой вопрос она так и не ответила.

— Женушка моя, где же ты научилась водить луноход?

— Как это где? В Море Спокойствия.

— Гм?

— Я научилась, наблюдая за Гретхен и тетушкой. Сегодня я вела его впервые в жизни.

— Что же ты сразу не сказала?

Она начала растирать меня полотенцем:

— Любимый, ты бы стал понапрасну волноваться. Каждый раз, выходя замуж, я брала за правило не говорить мужу того, что встревожит его, когда можно ничего не говорить. — Она ангельски улыбнулась. — Так лучше. Мужчины часто беспокоятся попусту в отличие от женщин.

Из глубокого сна меня вырвал громкий стук.

— Открывайте!

Я не нашел веских причин, чтобы ответить, поэтому не стал отвечать — лишь широко зевнул, проследив, чтобы душа не сбежала через рот, и протянул руку вправо. Сон как рукой сняло — Гвен рядом не оказалось.

Вскочив с постели так быстро, что закружилась голова, я едва не упал и тряхнул головой, чтобы прочистить мозги, потом попрыгал на одной ноге в кабинку. Гвен не было и там. Стук не прекращался.

Не стоит пить шампанское в постели, а потом сразу отходить ко сну — мне пришлось слить почти литр отработанной жидкости, прежде чем я смог облегченно вздохнуть и подумать о других проблемах. Стук не прекращался, снова послышались крики.

Из протеза торчала записка от моей любимой. Умненькая девочка! Она могла бы прикрепить записку к зубной щетке, но так вышло даже лучше. Текст гласил:

Дорогой!

У меня приступ бессонницы, так что я встала и решила сделать пару дел. Сперва я иду в «Сирс Монтгомери», чтобы вернуть наши скафандры и заплатить за прокат. Заодно куплю носки и трусы тебе, нижнее белье себе и прочего по мелочи. Оставлю на стойке записку для Билла, чтобы он тоже вернул свой скафандр — да, он действительно появился после нас, и Ся поселила его в одноместный номер, как вы с ней договорились. Потом пойду в больницу имени Вайоминг Нотт навестить тетушку и позвоню Екатерине.

Ты спал сном младенца, и я надеюсь вернуться до того, как ты проснешься. Если нет и если куда-нибудь соберешься, оставь, пожалуйста, записку на стойке.

С любовью,
Гвендолин.

Стук продолжался. Я надел свою ногу, отметив

про себя, что наших скафандров нет там, где я видел их в последний раз, — на полу, разложенными в романтической позе: шутка моей бесстыдницы-жены. Надев единственную одежду, которая имелась у меня, я полил маленький клен, обнаружив, что земля впитала не так уж много воды. Видимо, его полила Гвен.

— Открывайте!

— Пошел к черту, — вежливо ответил я.

Вскоре стук сменился царапаньем, и я встал рядом с дверью, чуть в стороне. Дверь была не раздвижной, а более традиционной, на петлях.

Наконец она распахнулась, и ворвался мой горластый посетитель. Протянув руку, я отшвырнул его на другой конец комнаты. При силе тяжести в одну шестую *g* требуется осторожность — нужно упереться во что-нибудь ногой, иначе потеряешь опору и ничего не выйдет.

Отскочив от дальней стены, незваный гость приземлился на кровать.

— Убери свои грязные ноги с моей постели! — рявкнул я.

Он слез с кровати и встал.

— А теперь объясни, зачем ты вломился в мою спальню, — гневно продолжал я, — и побыстрее, пока я не оторвал тебе руку и не поколотил тебя

по башке этой самой рукой. Кто ты такой, чтобы будить гражданина, включившего табло «Не беспокоить»? Отвечай!

Я видел, кто он такой: какой-то городской клоун, напяливший полицейскую форму. Заносчивый, полный негодования ответ вполне соответствовал его внешности:

— Почему вы не открыли по моему приказу?

— С чего бы? Ты что, оплатил этот номер?

— Нет, но…

— Ты сам ответил. Убирайся!

— А теперь слушай. Я офицер службы безопасности суверенного города Гонконг-Лунный. Вам надлежит немедленно явиться к председателю городского совета, чтобы предоставить информацию, необходимую для обеспечения порядка и безопасности в городе.

— Вот так прямо надлежит? Покажи ордер.

— Ордер не требуется. Я в форме и на службе, и вы должны оказывать мне всяческое содействие. Постановление городских властей номер двести семнадцать дробь восемьдесят два, страница сорок один.

— У тебя есть ордер на то, чтобы взламывать дверь моей личной спальни? Только не пытайся заявлять, будто для этого он тоже не требуется. Я

подам на тебя в суд и сдеру с тебя все до последней кроны, и твой обезьяний костюмчик в придачу.

Желваки на его скулах дрогнули, но в ответ он лишь сказал:

— Пойдете добровольно или мне тащить вас силой?

— Два раунда из трех? — улыбнулся я. — Первый я выиграл. Продолжим? — Внезапно я понял, что мы не одни. — Доброе утро, Ся. Знаешь этого клоуна?

— Мистер Ричард, мне очень жаль, что так получилось. Мой дневной администратор пытался его остановить, но тот его не слушал. И я поспешила сюда.

Я заметил, что она босиком и без макияжа, — видимо, ее разбудили, как и меня.

— Ты ни в чем не виновата, дорогая, — мягко сказал я. — У него нет ордера. Вышвырнуть его отсюда?

— Ну… — Она в замешательстве потупилась.

— Понимаю. Кажется, понимаю. Владельцы гостиниц испокон веков вынуждены мириться с полицией. А полицейские испокон веков были ворами в душе, с хулиганскими манерами. Ладно, в знак любезности к тебе сохраню ему жизнь. — Я снова повернулся к копу. — Парень, можешь

мчаться со всех ног к своему боссу и сообщить ему, что я скоро появлюсь — после того как выпью не меньше двух чашек кофе. Если он желает видеть меня раньше, пусть присылает вооруженную команду. Ся, хочешь кофе? Посмотрим, есть ли у Сина кофе и датские булочки или что-нибудь в этом роде.

В то же мгновение наш Джо-штурмовик вынудил меня забрать у него пистолет. В меня могут стрелять — что и случалось много раз, — но только не те, кто считает, будто, целясь в меня, увеличивает свои шансы.

Пистолет меня не заинтересовал — хлам вроде того, что разыгрывают в лотереях на разных вечеринках. Я разрядил его, убедился, что патроны не подходят мне по калибру, бросил их в мусоропровод и вернул оружие владельцу.

Увидев, что стало с его боеприпасами, он начал орать как резаный, но я терпеливо объяснил, что с его пистолетиком все в порядке и он может им пользоваться не хуже, чем раньше, а вот если бы я оставил ему патроны, он мог бы случайно пораниться. Он продолжал вопить, поэтому я велел ему идти к своему боссу и вопить там, после чего повернулся к нему спиной. Наверняка он остался недоволен — впрочем, как и я.

Сорок минут спустя я чувствовал себя уже лучше, хотя глаза еще слипались. После приятной беседы с Ся за кофе и пончиками с повидлом я явился в кабинет достопочтенного Джефферсона Мао, председателя Совета избранных суверенного города Гонконг-Лунный — по крайней мере, так было написано на двери. Мне стало интересно, что думает Конгресс Свободной Луны по поводу слова «суверенный»; правда, меня это не касалось.

— Ваше имя? — спросила рыжеволосая женщина с раскосыми глазами (довольно интересное сочетание генов).

— Ричард Джонсон. Председатель хотел меня видеть.

Она бросила взгляд на монитор:

— Вы опоздали к назначенному времени, так что придется подождать. Можете присесть.

— Не могу. Я же сказал, что председатель хочет меня видеть. Я не говорил, что хочу видеть председателя. Поэтому нажмите кнопочку и сообщите ему, что я здесь.

— В ближайшие два часа он не сможет вас принять.

— Скажите ему, что я здесь. Если он не захочет меня видеть, я вас покину.

— Хорошо, приходите через два часа.

— Вы меня не поняли. Я вообще вас покину. Покину Конг и больше не вернусь.

Вообще-то, я блефовал, но, еще не договорив до конца, понял, что это вовсе не блеф. Изначально я собирался остаться в Конге на какое-то время. Но вдруг мне стало ясно: я ни за что не останусь в городе, где цивилизация пришла в невероятный упадок и коп может вломиться в спальню гражданина лишь потому, что того вызвал чиновник. Нет уж! У рядового в приличном, хорошо организованном и дисциплинированном подразделении больше свободы и личной жизни, чем у местных жителей. Гонконг-Лунный, воспетая поэтами и прозаиками колыбель лунной свободы, стал неподходящим местом для жизни.

Повернувшись, я направился к двери, но женщина крикнула мне вслед:

— Мистер Джонсон!

Я остановился в дверях:

— Да?

— Вернитесь!

— Зачем?

Судя по выражению ее лица, ответ доставил ей немалые мучения.

— Председатель сейчас примет вас.

— Прекрасно.

Когда я подошел к внутренней двери, та отъехала в сторону… но я оказался вовсе не в кабинете председателя. Пришлось преодолеть еще три двери, каждую из которых охранял его верный пес — и я узнал о нынешних властях Гонконга-Лунного больше, чем хотел.

Охранник, стоявший у последней двери, объявил о моем прибытии и проводил меня в кабинет. Мистер Мао едва взглянул на меня:

— Садитесь.

Я сел, прислонив трость к колену. Градоначальник перекладывал бумаги, не обращая на меня ни малейшего внимания. Через пять минут я встал и не спеша направился к двери, опираясь на трость. Мао поднял взгляд:

— Мистер Джонсон! Куда вы?

— Я ухожу.

— Вот как? Вы не желаете проявить лояльность?

— Я желаю заняться своими делами.

Он продолжал бесстрастно смотреть на меня:

— Если вы настаиваете, могу процитировать постановление, согласно которому вы должны оказывать мне содействие по первому требованию.

— Вы ссылаетесь на постановление городского совета номер двести семнадцать дробь восемьдесят два?

— Вижу, оно вам знакомо. Значит, вы не можете оправдывать свое поведение незнанием законов.

— Я не знаком с этим постановлением, знаю только его номер. Мне процитировал его клоун, который вломился в мою спальню. В постановлении говорится о праве вламываться в спальню?

— Ах да, воспрепятствование исполнению офицером службы безопасности его служебных обязанностей мы обсудим позже. Процитированное вами постановление — краеугольный камень нашей свободы. Граждане, постоянные жители и даже гости могут делать что угодно, и единственный их гражданский долг — содействовать избранным, назначенным и делегированным официальным лицам во время исполнения ими служебных обязанностей.

— А кто решает, когда, как и в каком объеме нужно содействовать?

— Разумеется, соответствующее официальное лицо.

— Я так и думал. Еще что-нибудь от меня хотите?

С этими словами я приблизился к двери.

— Сядьте. Да, хочу. И требую вашего содействия. Мне жаль, что приходится так поступать, но на вежливые просьбы вы, похоже, не реагируете.

— Какие просьбы? Это когда вы выломали мою дверь?

— Вы меня утомляете. Сядьте и заткнитесь. Я намерен вас допросить… как только прибудут двое свидетелей.

Я сел и заткнулся. Похоже, теперь я понял суть нового режима: абсолютная свобода… вот только любой чиновник, от ловца бродячих собак до верховного правителя, мог в любое время отдать любой приказ любому гражданину.

«Свобода», описанная Оруэллом и Кафкой, «свобода» в понимании Сталина и Гитлера, «свобода» расхаживать по клетке взад-вперед. Я гадал, будут ли при допросе применяться механические и электрические устройства или наркотики, и чувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Во время службы, когда я не раз рисковал попасть в плен, обладая секретной информацией, у меня всегда имелся с собой «прощальный друг» — яд в зубе или что-нибудь в этом роде. Сейчас у меня такой защиты не было.

Мне было страшно.

Вскоре явились два человека. Мао ответил на их приветствия и показал на стулья. Сразу же после них вошел третий.

— Дядя Джефф, я…

— Заткнись и сядь!

Это был тот самый придурок, из чьего пистолета я вытряхнул патроны. Он заткнулся и сел. Я посмотрел на него, и он тут же отвел взгляд.

Мао отложил бумаги в сторону.

— Спасибо, что пришли, майор Бозелл. И вам спасибо, капитан Марси. Майор, у вас возникли вопросы к некоему Ричарду Джонсону. Он сидит перед вами. Спрашивайте.

Низкорослый Бозелл отличался военной выправкой, коротко подстриженными рыжеватыми волосами и грубыми манерами.

— Ха! Давайте сразу к делу! Зачем вы послали меня на охоту за призраками?

— Какими еще призраками?

— Ха! Будете отрицать, что наплели мне небылицы про нападение бандитов? В краях, где никаких бандитов отродясь не бывало? Вы отрицаете, что вынудили меня послать туда спасательную команду? Зная, что я ничего не найду? Отвечайте!

— Кстати, никто не скажет, как дела у тетушки

Лилибет? — спросил я. — Поскольку мне велели прийти сюда, у меня не было времени, чтобы добраться до больницы.

— Ха! Не уходите от темы! Отвечайте!

— Я придерживаюсь темы, — спокойно возразил я. — Во время нападения, о котором я наплел небылицы, ранили пожилую даму. Она жива? Кто-нибудь знает?

Бозелл собрался было ответить, но его прервал Мао:

— Жива. Или была жива час назад. Джонсон, молитесь, чтобы она выжила. У меня есть показания, — он постучал по терминалу, — гражданки, в правдивости чьих слов не может быть сомнений: это один из наших главных акционеров, леди Диана Керр-Шепли. Она утверждает, что вы стреляли в госпожу Лилибет Вашингтон…

— Что?!

— …когда устроили террор на борту судна, в результате которого ваши действия привели к смерти от кислородного голодания ее мужа, достопочтенного Освальда Проганта. Более того, вы сломали запястье ее мужу, достопочтенному Брокману Хоггу, и подвергли саму леди Диану запугиваниям и неоднократным оскорблениям.

— Гм… она не говорила, кто убил ребенка О'Ту-

лов? И что насчет стрелка? Кто убил *его*?

— Она утверждает, что там царила суматоха, поэтому она многого не видела. Но вы вышли наружу, пока лунобус стоял неподвижно, и взобрались на орудийную башенку. Тогда вы, скорее всего, и прикончили несчастного парня.

— Насчет парня — это ваши слова или ее?

— Мои. Вполне логичное умозаключение. Леди Диана старалась не давать показаний о том, чего не видела собственными глазами, включая луноход-призрак, полный бандитов. Его она не видела.

— Собственно, все ясно, мистер председатель, — добавил Бозелл. — Этот разбойник расстрелял лунобус, убив троих и ранив еще двоих… и сочинил небылицу про бандитов, чтобы скрыть свои преступления. В тех краях нет бандитов, и все это знают.

— Одну минуту, председатель! — Я попытался вернуть их к реальности. — Здесь присутствует капитан Марси. Как я понимаю, у него есть фотография бандитского лунохода?

— Вопросы здесь задаю я, мистер Джонсон.

— А все-таки есть или нет?

— Хватит, Джонсон! Ведите себя прилично, или придется надеть на вас наручники.

— Что неприличного я делаю?

— Вы мешаете расследованию, упоминая о несущественных деталях. Ждите, когда вас спросят. Затем отвечайте на вопрос.

— Да, сэр. Какой вопрос?

— Я же велел вам молчать!

Я замолчал — как и все остальные.

Наконец Мао постучал пальцами по столу.

— Майор, у вас есть еще вопросы?

— Ха! Он так и не ответил на мой первый вопрос. Увильнул.

— Джонсон, отвечайте на вопрос, — сказал председатель.

Я состроил глупую мину — то, что мне удается лучше всего.

— Какой вопрос?

Мао и Бозелл заговорили разом; Бозелл тут же примолк, а Мао продолжил:

— Давайте подведем итог. Зачем вы сделали то, что сделали?

— Что я сделал?

— Я же сказал вам, что именно!

— Ничего из этого я не делал. Мистер председатель, я не понимаю, при чем здесь вы. Вас там не было. Лунобус не из вашего города. Я тоже не из вашего города. Что бы ни случилось, оно

случилось за пределами вашего города. Какое вы имеете к этому отношение?

Мао с довольным видом откинулся в кресле.

— Ха! — бросил Бозелл. — Сказать ему, мистер председатель? Или вы сами скажете?

— Я скажу. И с превеликим удовольствием. Джонсон, меньше года назад Совет нашего суверенного города принял крайне разумное решение, расширив его юрисдикцию на поверхность и недра в радиусе ста километров от муниципальной гермозоны.

— И объявил Добровольческие силы охраны порядка официальным подразделением правительства, — радостно добавил Бозелл, — в задачу которого входит поддержание порядка в пределах стокилометровой границы! Тебе конец, убийца!

Мао не обратил на него внимания.

— Как видите, Джонсон, вы, верно, полагали, будто у нас тут анархистская вольница и нет писаных законов, но ошибались. И понесете наказание за свои преступления.

(Интересно, как скоро кто-нибудь попытается таким же образом захватить власть в Поясе астероидов?)

— Мои преступления… они произошли меньше чем в ста километрах от Гонконга-Лунного? Или

больше?

— Гм? Меньше. Намного меньше. Конечно же.

— А кто измерял?

Мао посмотрел на Бозелла:

— Сколько там было?

— Километров восемьдесят. Может, чуть ближе.

— Так что же произошло чуть ближе? — спросил я. — Майор, вы говорите о нападении бандитов на лунобус? Или о том, что случилось *внутри* лунобуса?

— Не приписывайте мне слов, которых я не говорил! Марси, скажите ему!

Лицо Бозелла внезапно приобрело озадаченное выражение. Он хотел что-то добавить, но промолчал. Я тоже не раскрывал рта.

— Ну, капитан Марси? — наконец спросил Мао.

— Чего вы от меня хотите, сэр? Когда начальник порта посылал меня сюда, он велел мне оказывать полное содействие… но не сообщать никакой информации по собственной инициативе.

— Я хочу знать все, что имеет отношение к случившемуся. Это вы назвали Бозеллу цифру в восемьдесят километров?

— Да, сэр. Семьдесят восемь.

— Как вы получили эту цифру?

— Измерил на мониторе на своей консоли. Обычно мы не печатаем спутниковые снимки, просто выводим их на дисплей. Этот человек… вы говорите, что его фамилия Джонсон, но я знал его как Полночь — если это одна и та же личность. Он связался со мной прошлой ночью в час двадцать семь, заявив, что находится в лунобусе, который едет из «Счастливого дракона», что лунобус атаковали бандиты…

— Ха!

— …и что атака была отражена, но водитель, тетушка Лилибет — госпожа Вашингтон — ранена, а стрелок…

— Все это нам известно, капитан. Расскажите о снимке.

— Да, председатель. Исходя из сказанного Полночью, я навел на цель спутниковую камеру и сфотографировал луноход.

— И вы определили, что лунобус находится в семидесяти восьми километрах от города?

— Нет, сэр, не лунобус. Другой луноход.

Наступила тишина, которую иногда называют «напряженной».

— Но это же полная чушь! Не было никакого…

— Минуту, Бозелл. Марси, вас сбила с толку

ложь Джонсона. Вы наверняка видели лунобус.

— Нет, сэр. Лунобус я действительно видел, он появился у меня на мониторе. Но я сразу же заметил, что он движется, переместил камеру километров на десять назад, вдоль его следов… и там оказался второй лунобус, как и говорил Полночь.

Бозелл едва не разрыдался:

— Но… я говорю вам, что ничего не было! Мы с парнями обшарили все окрестности. Ничего! Марси, вы с ума сошли!

Не знаю, как долго еще Бозелл желал бы исчезновения лунохода, которого он не сумел найти, но его прервали — вошла Гвен. Душа моя тут же вернулась на место: теперь все будет как надо!

(Душа моя ушла в пятки в тот самый момент, когда я увидел тройную линию обороны на пути к кабинету Мао. Защита от наемных убийц? Не знаю. Меня беспокоило лишь одно — Гвен могут не пропустить. Надо было больше доверять моей маленькой великанше.)

Улыбнувшись, она послала мне воздушный поцелуй, затем повернулась и придержала дверь.

— Сюда, джентльмены!

Двое персональных полицейских Мао вкатили инвалидное кресло, в котором, откинувшись на

спинку, полулежала тетушка. Оглядевшись, она улыбнулась мне и обратилась к председателю:

— Привет, Джефферсон. Как твоя матушка?

— С ней все хорошо, спасибо, госпожа Вашингтон. Но вы…

— Что еще за «госпожа Вашингтон»? Мальчик мой, я тебе пеленки меняла. Зови меня тетей, как всегда. Мне сказали, что ты собираешься дать медаль сенатору Ричарду, который спас меня от бандитов. Когда я об этом узнала, то подумала: «Джефферсон не слыхал о двоих других, которые заслуживают медалей не меньше, чем сенатор Ричард». Прошу прощения, сенатор.

— Вы совершенно правы, тетушка, — сказал я.

— Поэтому я привела их сюда. Гвен, милая, поздоровайся с Джефферсоном. Он мэр этой гермозоны. Джефферсон, Гвен — жена сенатора Ричарда. А Билл… где Билл? Билл! Иди сюда, сынок! Не тушуйся. Джефферсон, хотя сенатор Ричард действительно прикончил двоих злодеев голыми руками…

— Вовсе не голыми, тетушка, — возразила Гвен. — У него была трость.

— Помолчи, милая. Голыми руками и тростью. Но не будь рядом Билла, который действовал быстро и умело, я бы сейчас разговаривала не с

вами, а с Иисусом. Но наш дорогой Господь решил, что мое время еще не пришло: Билл наложил заплатки на мой скафандр и спас меня, чтобы я могла и дальше служить Иисусу. — Тетушка взяла Билла за руку. — Джефферсон, это Билл. Проследи, чтобы он тоже получил медаль. И Гвен… иди сюда, Гвен. Эта девочка спасла жизнь всем нам.

Не знаю точно, сколько лет моей жене, но она определенно не «девочка». Однако это было наименьшим искажением фактов из всех, которые последовали за этим. Тетушка наговорила кучу вранья, и это еще мягко сказано. Гвен с ангельским видом кивала и поддакивала.

Дело было даже не столько в том, что факты не соответствовали действительности, но в том, что тетушка рассказывала о событиях, которые не могла наблюдать. Судя по всему, Гвен тщательно подготовила ее.

На нас напали две шайки бандитов, но они передрались между собой, что нас и спасло: в братоубийственной схватке погибли все, кроме двоих. Именно их я убил, действуя голыми руками и тростью против лазерных ружей. Восхищаюсь собственным героизмом.

Я точно знаю, что, когда совершались эти подвиги, тетушка по большей части была без

сознания и лежала на спине: если она что-то видела, то лишь потолок лунобуса. Однако, похоже, она верила в то, что говорила. Вот тебе и свидетельства очевидцев.

(Нет, я вовсе не жалуюсь!)

Затем тетушка рассказала, как Гвен вела машину. Я сам не заметил, как задрал штанину, обнажив протез. Раньше я никогда такого не делал, но на этот раз решил продемонстрировать, почему не мог пользоваться им, находясь в стандартном скафандре, а значит не мог управлять луноходом.

Когда тетушка закончила свое цветистое повествование, Гвен покорила аудиторию — с помощью фотографий.

Слушайте внимательно. Гвен расстреляла все свои боеприпасы, шесть патронов, а затем, как всегда аккуратно, убрала «мияко» обратно в сумочку, достала «Мини-Гельвецию» и отсняла два кадра.

Камеру она слегка наклонила, поскольку на снимках были видны не только бандитские луноходы, но также трое мертвецов и один бандит, оставшийся на ногах. На другом фото Гвен запечатлела четыре тела и отъезжающий суперпончик.

Пожалуй, я не сумел бы восстановить точную хронологию событий, но с того момента, когда у Гвен закончились патроны, до того, как гигантское колесо покатилось прочь, прошло не меньше четырех секунд. Для съемки одного кадра быстродействующей камерой требуется примерно столько же времени, сколько для выстрела из полуавтоматического пистолета.

Отсюда возникает вопрос: что Гвен делала в оставшиеся две секунды? Потратила их впустую?

15

Предменструальный синдром: перед началом месячных женщины ведут себя так же, как мужчины — все время.

Д-р Лоуэлл (Вундер) Стоун*[51] *(2144-?)

Мы не стали бежать сломя голову, но все же постарались как можно быстрее убраться оттуда. Тетушка наголову разбила мистера Мао, заставив его признать меня героем, а не преступником, — но любви ко мне у него не прибавилось, это уж точно.

Майор Бозелл даже не пытался делать вид, что я ему симпатичен. «Отступничество» капитана Марси привело майора в ярость, а снимки Гвен с бандитами, сделанные там, где их не могло быть, разбили его сердце. Затем босс нанес ему самый жестокий удар, приказав собрать людей и найти бандитов во что бы то ни стало, причем немедленно.

— Если не сумеете, майор, я найду того, кто сумеет. Это ведь была ваша идея насчет стоки-

---

[51] Примечания: 51

Д-р Лоуэлл (Вундер) Стоун — сын Роджера и Эдит Стоун, внук Хейзел Стоун. — *Примеч. С. В. Голд.*

лометровой границы. Теперь отвечайте за свое бахвальство.

Не стоило ему поступать так с Бозеллом в присутствии посторонних — особенно в моем присутствии. Знаю по собственному профессиональному опыту — в обеих ролях.

Вероятно, Гвен подала тетушке сигнал. Так или иначе, тетя Лилибет сказала Мао, что ей пора.

— Моя медсестричка станет ругаться, если я задержусь, а я не хочу, чтобы она сильно меня ругала. Мэйлин Успенская — знаешь ее, Джефферсон? Она знакома с твоей матушкой.

Те же двое полицейских выкатили тетушку через ряд кабинетов в общественный коридор — вернее, на площадь, поскольку городская администрация выходит фасадом на площадь Революции. Там тетушка попрощалась с нами, и полицейские покатили ее в сторону больницы имени Вайоминг Нотт, которая находится севернее и на два уровня ниже. Вряд ли они рассчитывали, что им придется это делать — я точно знаю, что Гвен завербовала этих двоих прямо в офисе председателя, — но тетушка предполагала, что они доставят ее в больницу, как оно и случилось.

— Нет, милая Гвен, тебе незачем идти с ними

— эти любезные джентльмены знают, где больница.

(Перед дамой придерживают дверь, поскольку она ожидает, что перед ней придержат дверь. И Гвен, и тетя Лилибет отлично усвоили этот принцип.)

Напротив городской администрации висел большой транспарант:

> СВОБОДНАЯ ЛУНА!
> 4 июля 2076 — 2188

Что, уже День независимости? Я посчитал в уме. Да, мы с Гвен поженились первого числа — значит, сегодня четвертое июля. Хороший знак!

На скамейке, окружавшей фонтан в центре площади Революции, нас ждала Ся.

Я предполагал, что Гвен придет, но появление Ся стало для меня сюрпризом. Беседуя с ней за завтраком, я попросил ее попытаться найти Гвен и передать ей, куда я пошел и зачем. «Ся, мне не нравится, когда копы вызывают меня на допрос, особенно в чужом городе, где я не разбираюсь в политической обстановке. Если меня, деликатно выражаясь, „задержат“, хочется, чтобы жена знала, где меня искать».

Я не давал советов Гвен на этот случай. Как я выяснил всего за три дня совместной жизни, никакие мои советы не могли сравниться с тем, что она придумывала сама, — выйти за Гвен оказалось весьма разумным поступком!

Я порадовался, что Ся ждет нас, но удивился при виде того, что она принесла.

— Кто-то снял номер для новобрачных? — спросил я. На скамейке рядом с Ся я увидел чемоданчик Гвен, пакет с париком, сахарный клен-бонсай и еще один пакет, незнакомый мне — но все объясняла обертка от «Сирс Монтгомери». — Могу поспорить, моя зубная щетка так и болтается в кабинке.

— И сколько бы ты поставил? — улыбнулась Ся. — Ты бы проиграл. Ричард, я буду скучать по вам обоим. Может, навещу вас в Луна-Сити.

— Обязательно! — сказала Гвен.

— Согласен, — ответил я, — если мы действительно переезжаем в Луна-Сити. Это правда?

— Прямо сейчас, — кивнула Гвен.

— Билл, ты об этом знал?

— Нет, сенатор. Но *она* велела мне бегом мчаться в «Сирс» и отдать мой скафандр. Так что я готов.

— Ричард, — серьезно сказала Гвен, — тебе

небезопасно здесь оставаться.

— В точку, — сказал голос за моей спиной (и я в очередной раз убедился, что секретные вопросы не стоит обсуждать в общественных местах). — Чем скорее вы отсюда уберетесь, тем лучше. Привет, Ся. Ты общаешься с этими опасными субъектами?

— Привет, Чой-Му. Спасибо за прошлый раз.

Я удивленно моргнул:

— Капитан Марси! Очень рад. Хочу вас поблагодарить!

— Меня не за что благодарить, Капитан Полночь — или «сенатор»?

— Ну… на самом деле «доктор». Или «мистер». Но для тебя — просто Ричард. Ты спас мою шкуру.

— А я — Чой-Му, Ричард. Но я вовсе не спас твою шкуру. И пришел, чтобы сказать об этом. Тебе может показаться, будто ты выиграл, но это не так. Ты проиграл. Из-за тебя председатель потерял лицо — потеряли они оба. Теперь ты — ходячая бомба с часовым механизмом и в любой момент можешь стать жертвой несчастного случая. — Он нахмурился. — Мне это тоже не сулит ничего хорошего, ведь я присутствовал при том, как они потеряли лицо… после того, как совершил

ошибку, «принеся дурные новости королю». Понимаешь?

— Боюсь, что да.

— Чой-Му, — спросила Ся, — Номер Первый вправду потерял лицо?

— Вправду, милая. И виной тому — тетушка Лилибет Вашингтон. Но ее он, конечно, не тронет. Гнев обрушится на капитана… на Ричарда. Я так думаю.

Ся встала.

— Гвен, идем прямо на станцию. Нельзя терять ни секунды! Ах, черт! Я так хотела, чтобы ты задержалась на пару дней.

Двадцать минут спустя мы уже были на станции «Южная», собираясь отправиться по баллистическому туннелю в Луна-Сити. Нам удалось забронировать места в ближайшей капсуле до Луна-Сити, и это определило нашу дальнейшую судьбу: Чой-Му и Ся поехали провожать нас, и пока мы добирались до станции на подземке, они убедили меня — точнее, Гвен, — что нам следует покинуть город на первом же транспортном средстве, куда бы оно ни направлялось. От станции тянулись также обычные (не баллистические) туннели до Платона, Тихо-Нижнего и Нового Ленинграда, — придя на шесть минут раньше,

мы оказались бы в поселении Платон, и многое в итоге изменилось бы.

А может, ничего не изменилось бы? Есть ли вообще Судьба, придающая форму нашей жизни? (У Гвен весьма изящные формы. И у Ся, если подумать, тоже.)

Мы едва успели попрощаться перед тем, как заняли свои места и застегнули ремни. Ся поцеловала нас всех, и я порадовался, что Гвен не позволила Чой-Му уйти без поцелуя. Как настоящий лунарь, он долго колебался, желая удостовериться, что леди действительно этого хочет, а затем с энтузиазмом вернул поцелуй. На моих глазах Ся поцеловала Билла, и тот ответил тем же, нисколько не колеблясь. Я решил, что забота Пигмалиона-Гвен об этой малообещающей Галатее начинает приносить плоды, но Биллу надо усвоить манеры лунарей, иначе он может лишиться нескольких зубов.

Мы пристегнулись, люк капсулы закрылся, и Билл снова прижал горшок с маленьким кленом к животу. Кресла покачнулись, компенсируя ускорение — одно *g*: слишком высокая перегрузка для лунарей, заполнявших остальную часть капсулы. После двух минут и пятидесяти одной секунды разгона мы набрали орбитальную скорость.

Странно это — чувствовать невесомость, находясь в туннеле. Зато весело!

Я впервые путешествовал по баллистическому туннелю. Он был построен еще до революции, но в те времена (как я читал) доходил только до Эндсвилла. Закончили его позже, но этот принцип передвижения не стали применять в прочих подлунных транспортных системах. Как я слышал, это экономически выгодно только на длинных трассах с большим пассажиропотоком, когда есть возможность прорыть туннель «напрямую» на протяжении всего пути. «Напрямую» — значит «в точном соответствии с баллистической кривой для орбитальной скорости».

Это единственный подземный «космический корабль» в истории. Он работает наподобие индукционных катапульт, перебрасывающих груз на «Эль-четыре», «Эль-пять» и на Терру. Однако станции отправления и прибытия, а также вся трасса находятся под поверхностью — по большей части в нескольких метрах, но кое-где под горами труба проходит и в трех километрах от поверхности.

Две минуты и пятьдесят одна секунда разгона при одном *g*, двенадцать минут и двадцать семь секунд в свободном падении, две минуты и

пятьдесят одна секунда торможения при одном *g* — средняя скорость равна пяти с лишним тысячам километров в час. Никакой «наземный» транспорт и близко не стоит. При этом ты путешествуешь с комфортом — три минуты как бы лежишь в гамаке на Терре, потом двенадцать с половиной минут находишься в невесомости и наконец проводишь еще три минуты в гамаке. Что может быть лучше?

Можно, конечно, увеличить скорость, разгоняясь с ускорением в несколько *g*, но ненамного. Если бы разгон мог быть мгновенным (убивая всех пассажиров!), и торможение таким же (шлеп!), средняя скорость возросла бы лишь до шести с небольшим тысяч километров в час, а время в пути сократилось всего на три минуты. И больше никак.

Это также минимальная продолжительность полета ракетного корабля между Конгом и Луна-Сити. На практике полет ракеты-прыгунка занимает около получаса — время зависит от высоты траектории.

Конечно, полчаса — не так уж много. Зачем нужен туннель под лунными морями и горами, если есть ракета?

Ракета — самое дорогое транспортное средство

из всех изобретенных человеком. Как правило, половина усилий тратится на борьбу с гравитацией при взлете, а вторая половина — при посадке: никому не хочется разбиться о поверхность. Существование гигантских катапульт на Луне, Терре, Марсе и в космосе свидетельствует о расточительности ракетных двигателей.

Напротив, баллистический туннель — самое экономичное из всех придуманных человеком транспортных средств. Никакая масса не сгорает и не выбрасывается, а используемая для разгона энергия вновь накапливается при торможении.

Никакой магии. Электрическая катапульта — двигатель-генератор. Не важно, что она выглядит совсем иначе. В фазе ускорения она играет роль двигателя — электрическая энергия преобразуется в кинетическую. В фазе торможения она становится генератором — кинетическая энергия капсулы превращается в электрическую и сохраняется в шипстоуне. Затем та же самая энергия извлекается из шипстоуна, чтобы зашвырнуть капсулу обратно в Конг.

Дармовая закуска!

Не совсем. Остаются потери на гистерезис и прочие отклонения. Энтропия всегда растет — второй закон термодинамики не проведешь.

Больше всего это напоминает рекуперативное торможение. Давным-давно было время, когда наземные машины ездили медленно и тормозили с помощью трения, грубо прикладывая силу. Потом какой-то умник сообразил, что вращающееся колесо можно остановить, обращаясь с ним как с генератором и заставляя платить за привилегию быть остановленным, — из него можно извлечь момент импульса и сохранить в «аккумуляторе» (раннем предшественнике шипстоунов).

Примерно то же самое происходит с капсулой из Конга — пересекая магнитные силовые линии на подлете к Луна-Сити, она генерирует чудовищную электродвижущую силу, которая останавливает капсулу и превращает кинетическую энергию в электрическую, сохраняемую затем в шипстоуне.

Но пассажиру обо всем этом знать не обязательно. Он просто полулежит в гамаке, наслаждаясь необычайно плавной поездкой.

Мы только что потратили три дня на то, чтобы проехать семьсот километров. Теперь мы преодолели полторы тысячи километров за восемнадцать минут.

Чтобы выйти из капсулы на станцию, пришлось проталкиваться сквозь толпу храмовников, ехав-

ших в Конг и нетерпеливо ожидавших посадки. Я слышал, как кто-то из них сказал, что «они» (безликие «они», виноватые во всем) «могли бы пустить больше вагонов». Какой-то лунарь пытался объяснить, что этого сделать нельзя — в одном туннеле может находиться только одна капсула, либо в начале, либо в конце, либо посередине, в свободном полете. Но никак не две: это равносильно самоубийству.

Объяснение было встречено с откровенным недоверием. Похоже, гость никак не мог понять, что баллистический туннель является частной собственностью и никем не контролируется. Это стало ясно, когда лунарь наконец заявил:

— Если вам нужен другой туннель — пожалуйста! Стройте сами! У вас есть на это полное право, и никто вам не помешает. А если что-то не устраивает, возвращайтесь в Ливерпуль!

С его стороны это было не слишком вежливо — земляные черви всегда остаются земляными червями. Каждый год кто-нибудь из них гибнет, будучи не в силах понять, что Луна нисколько не похожа на Ливерпуль, или Денвер, или Буэнос-Айрес.

Мы прошли через шлюз, отделявший гермозону транспортной компании «Артемида» от

городской гермозоны. У входа в туннель за шлюзом, висела табличка: «ПРОДАЖА КВИТАНЦИЙ НА ВОЗДУХ». Под ней сидел за столом мужчина, который по сравнению со мной был двойным инвалидом — его ноги заканчивались у коленей. Похоже, это ему не мешало — кроме воздуха, он продавал также журналы и конфеты, рекламировал экскурсии и демонстрировал вездесущее объявление: «ПРИНИМАЮ СТАВКИ».

Большинство людей проносились мимо него не останавливаясь. Билл собрался было поступить точно так же, но я его задержал.

— Эй, погоди, Билл!

— Сенатор, мне нужна вода, чтобы полить дерево.

— Все равно подожди. И перестань называть меня сенатором. Зови меня доктором. Доктор Ричард Эймс.

— Чего?

— Не важно, просто зови меня так, и все. Сейчас нам надо купить воздуха. Разве ты не покупал воздух в Конге?

Билл не покупал — он вошел в городскую гермозону, помогая тетушке, и никто не потребовал от него денег.

— Что ж, тебе надо было заплатить. Заметил,

что Гретхен рассчиталась за всех нас в «Счастливом драконе»? А теперь мы заплатим здесь, но не за одну ночь, а за продолжительное время. Подожди здесь.

Я подошел к столу и обратился к продавцу:

— Здравствуйте. Вы продаете воздух?

Тот оторвался от кроссворда, который заполнял, и окинул меня взглядом.

— Для вас — бесплатно. Вы заплатили при покупке билета.

— Не совсем, — ответил я. — Я лунарь, приятель, и возвращаюсь домой. С женой и одним иждивенцем. Мне нужен воздух на троих.

— Хорошая попытка, но ничего не выйдет. Даже если вы сейчас купите квитанцию гражданина, на цены для граждан можете не рассчитывать — на вас посмотрят и сдерут как с туристов. Если хотите продлить визу, идите в мэрию. С вас возьмут плату за воздух, покрывающую все дополнительные дни. И хватит об этом, пока я не решил обвести вас вокруг пальца.

— Похоже, вас нелегко убедить, друг мой. — Я достал паспорт, взглянул на него, удостоверившись, что там стоит имя «Ричард Эймс», и протянул его торговцу. — Я отсутствовал несколько лет. Если из-за этого я выгляжу как землеройка,

мне очень жаль. Но прошу обратить внимание на место моего рождения.

Взглянув на паспорт, торговец вернул его мне.

— Ладно, лунарь, вы меня одурачили. Говорите, вас трое? Надолго?

— У меня пока нет определенных планов. Каким будет самый короткий срок, если платить по цене для постоянных жителей?

— Девяносто дней. И пять процентов скидки, если купите сразу на пять лет… но при сегодняшней ставке в семь и одну — это приманка для лохов.

Я заплатил за девяносто дней для трех взрослых и спросил, что ему известно насчет жилья.

— Я надолго уезжал, так что остался без кубатуры и даже не знаю местного рынка — а на Дне ночевать не хочется, — пояснил я.

— Проснетесь без ботинок и с перерезанным горлом, а по вашему лицу будут бегать крысы. Гм… сложный вопрос, друг мой. Видите тех, в смешных красных шапках? Самый большой конвент в Луна-Сити за все время. И до Дня независимости в городе все забито. Но если вы не очень привередливы…

— Нисколько.

— После выходных найдете кое-что получше, а пока есть одно заведение на шестом уровне

— отель «Раффлз», напротив…

— Я знаю, где это. Попробую сунуться туда.

— Лучше сперва им позвоните и скажите, что вас прислал я — ребе Эзра бен Давид. Кстати… вы не тот Ричард Эймс, которого разыскивают за убийство?

— Ничего себе!

— Что, удивлены? Чистая правда, друг мой. У меня где-то есть экземпляр сообщения. — Он порылся среди журналов, карандашных записок и шахматных задач. — Вот оно. Вас разыскивают на станции «Золотое правило», — похоже, вы пришили важную шишку. По крайней мере, так тут говорится.

— Интересно. Здесь я тоже объявлен в розыск?

— В Луне? Вряд ли. Да и с чего бы? Все по-прежнему: никаких дипломатических отношений с «Золотым правилом», пока они не станут соблюдать положения Конвенции в Осло, а для этого нужно уважать основные права и свободы. Что крайне маловероятно.

— Пожалуй, да.

— И все же… если вам потребуется помощь адвоката, заходите ко мне — этим я тоже занимаюсь. Я тут бываю каждый день после полудня, а в случае чего, зайдите в кошерный рыбный ма-

газин Сеймура напротив библиотеки Карнеги и назовите свою фамилию. Сеймур — это мой сын.

— Спасибо, запомню. Кстати, кого я будто бы убил?

— А вы что, не знаете?

— Откуда мне знать, если я никого не убивал?

— В вашем утверждении есть логические несообразности, но я не хочу их рассматривать. Говорится, что жертву звали Энрико Шульц. Вспоминаете что-нибудь?

— Энрико Шульц? Думаю, я никогда не слышал этого имени. Мне он не знаком. Жертвы убийств гибнут большей частью от рук близких друзей или родственников, а не посторонних. В данном случае — не от моих рук.

— Действительно странно. Тем не менее владельцы «Золотого правила» объявили немалую награду за вашу смерть. Или, если быть точным, за доставку вас живым или мертвым. При этом не упоминая, что «живым» будет предпочтительнее — достаточно тела, друг мой, теплого или остывшего. Надо ли говорить о том, что если бы я был вашим адвокатом, то не воспользовался бы этой возможностью по этическим соображениям?

— Ребе, вы не сделали бы этого в любом случае — в вас слишком много от старого лунаря. Вы по-

просту уговариваете меня заказать ваши услуги. Гм… беру три дня на раздумье.

— Хорошо, пусть будет три дня. Хотите печать на кожу или хватит обычных квитанций?

— Поскольку я больше не выгляжу как лунарь, лучше и то и другое.

— Превосходно. Крону-другую на удачу?

Преподобный Эзра проштамповал на наших предплечьях дату истечения лицензии — через три месяца, — используя водостойкую тушь, видимую только в ультрафиолетовых лучах. Затем он показал с помощью контрольной лампы, что мы помечены и три месяца можем законно дышать внутри городской гермозоны Луна-Сити, а также пользоваться сопутствующими привилегиями — например, правом прохода через общественные помещения. Я предложил ему три кроны сверх официальной платы; он взял две.

Я поблагодарил его, пожелав хорошего дня, и мы двинулись дальше по туннелю, кое-как таща свой багаж. Через пятьдесят метров туннель упирался в главный коридор. Я попытался решить, куда идти, налево или направо, когда послышались свист и мелодичное сопрано:

— Погодите! Не так быстро. Сперва досмотр.

Я остановился и повернулся. Весь вид жен-

щины говорил о том, что она государственный служащий — и не спрашивайте меня, как я это понял. Побывав на трех планетах, нескольких планетоидах и множестве орбитальных станций, я знал, что после нескольких лет ожидания пенсии все государственные служащие выглядят именно так. Форма не была ни полицейской, ни военной.

— Только что из Конга?

Я кивнул.

— Вы путешествуете вместе? Выложите все на стол. Откройте все. Есть фрукты, овощи, еда?

— Что это все значит? — спросил я.

— У меня есть батончик «Херши», — сказала Гвен. — Хотите кусочек?

— Думаю, можно квалифицировать это как подкуп. Конечно, почему бы и нет?

— Разумеется, я пытаюсь вас подкупить. У меня в сумочке сидит маленький аллигатор. Это не фрукт и не овощ, хотя, думаю, есть его можно. Так или иначе, его провоз явно нарушает ваши занудные правила.

— Погодите, мне нужно свериться со списками. — Инспекторша полистала огромный том распечаток с терминала. — «Аллигатор», сорт груш… аллигаторы, выделанные и необрабо-

танные шкуры… аллигаторы, чучела… у вас там чучело?

— Он чувствует себя набитым чучелом, только когда обожрется. Слишком уж жадный.

— Дорогая, вы хотите сказать, что у вас в сумочке живой аллигатор?

— Можете сунуть туда руку, на свой страх и риск. Это специально обученный сторожевой аллигатор. Пересчитайте пальцы, а когда вынете руку, пересчитайте еще раз.

— Да вы шутите.

— Что будете ставить? И сколько? Но помните, я вас предупредила.

— Какой вздор! — Инспекторша полезла в сумочку, но тотчас же взвизгнула и выдернула руку. — Он меня укусил!

Вслед за этим она сунула пальцы в рот.

— Для этого он там и сидит, — сказала Гвен. — Я предупреждала. Вы ранены? Дайте взглянуть.

Женщины осмотрели руку и пришли к выводу, что весь понесенный ущерб ограничивается красными отметинами.

— Неплохо, — кивнула Гвен. — Я учу его вцепляться крепко, не повреждая при этом кожу. И никогда, никогда не откусывать пальцы. Он пока учится, он еще маленький. Но странно, что вы так

легко выдернули руку. Альфред должен вцепиться в злоумышленника бульдожьей хваткой, пока не прибегу я, получив по радио сигнал тревоги.

— Ничего не знаю о бульдогах, но он пытался оттяпать мне палец.

— Наверняка нет! Вы когда-нибудь видели собаку?

— Только разделанные тушки на мясном рынке. Нет, неправда — видела одну в зоопарке Тихо, еще в детстве. Большая, жуткая уродина. Я тогда испугалась.

— Не все собаки — большие и уродливые. Бульдоги уродливы, но не слишком велики по размерам. Что они умеют, так это кусать и вцепляться в тело. Именно этому я учу Короля Альфреда.

— Достаньте его и покажите мне.

— Ни за что! Это сторожевой зверь. Не хочу, чтобы другие гладили его и сюсюкали с ним. Мне нужно, чтобы он кусался. Если хотите его увидеть, суньте руку и достаньте сами. Может, на этот раз он вцепится по-настоящему. По крайней мере, я надеюсь.

На этом попытки устроить нам досмотр закончились. Адель Зюссбаум, ненужная государственная служащая первого класса, согласилась, что

Древо-сан не verboten[52], полюбовалась им и поинтересовалась насчет его цветов. Когда они с Гвен начали обмениваться рецептами, я сказал, что досмотр со стороны городской санитарной инспекции завершен и нам нужно идти дальше.

Мы пересекли наискосок Внешнее кольцо. Почувствовав запах Бульвара, я сориентировался, и мы спустились на один уровень. Пройдя через Старый Купол, мы направились по туннелю, где, как я помнил, находился отель «Раффлз».

По пути Билл поведал кое-что о своих политических взглядах.

— Сенатор…

— Не сенатор, Билл. Доктор.

— Доктор. Да, сэр. Доктор, мне кажется, с нами поступили несправедливо.

— Конечно. Так называемый досмотр лишен всякого смысла. Дорогой и бесполезный нарост, который с годами образуется на всех правительствах вроде ракушек на океанском корабле.

— Нет, я не о том. С этим все в порядке: для города — защита, для той женщины — честный заработок.

— Вычеркни слово «честный».

---

[52] Примечания: 52
Запрещено *(нем.)*.

— Гм? Я о плате за воздух. Это несправедливо. Воздух должен быть бесплатным.

— С чего ты взял, Билл? Здесь не Новый Орлеан, а Луна. Тут нет атмосферы. Если не покупать воздух, как дышать?

— Но я как раз об этом! Каждый имеет право на воздух для дыхания. Власти должны снабжать им людей.

— Власти города действительно снабжают им каждого внутри гермозоны. Именно за это мы только что заплатили. — Я помахал у него перед носом. — За воздух.

— Так я об этом и говорю! Никто не должен платить за то, чтобы дышать. Это естественное право каждого, и власти должны снабжать всех воздухом бесплатно.

— Подожди, дорогая, — обратился я к Гвен. — Нужно кое-что уладить. Возможно, нам придется ликвидировать Билла ради его же счастья. Давай остановимся и разберемся. Билл, я заплатил за твой воздух, потому что у тебя нет денег. Так?

Билл медлил с ответом.

— Я дала ему на карманные расходы, — тихо сказала Гвен. — Ты против?

Я задумчиво посмотрел на нее.

— Пожалуй, стоило мне об этом сказать. Лю-

бовь моя, если я несу ответственность за наше Семейство, то должен знать обо всем, что в нем происходит. — Я повернулся к Биллу. — Когда я платил за твой воздух, почему ты не предложил оплатить свою долю из своего кармана?

— Но эти деньги мне дала *она*, а не вы.

— И что? Верни их ей.

Билл удивленно посмотрел на нас.

— Ричард, без этого никак не обойтись? — спросила Гвен.

— Думаю, нет.

— Но я так не думаю.

Билл молча наблюдал за нами. Повернувшись к нему спиной, я прошептал — тихо, чтобы слышала только Гвен:

— Гвен, мне нужна твоя поддержка.

— Ричард, ты создаешь проблему на пустом месте!

— Мне так не кажется, дорогая. Напротив, это важнейший вопрос, и мне нужна твоя помощь. Поддержи меня. Иначе…

— Иначе что, дорогой?

— Ты знаешь, что я имею в виду. Решай. Поддержишь меня?

— Ричард, это просто смешно! Почему я должна тебе угождать?

— Гвен, я прошу тебя о поддержке. — Я сделал долгую паузу и вздохнул. — Или шагай отсюда и не оглядывайся.

Голова ее дернулась, словно от пощечины, затем она взяла свой чемодан и зашагала прочь.

У Билла отвалилась челюсть, и он поспешил вслед за Гвен, по-прежнему держа в руках Древо-сан.

16

Женщины созданы для того, чтобы их любили, а не для того, чтобы их понимали.

Оскар Уайльд (1854–1900)

Я смотрел им вслед, пока они не скрылись из виду, затем медленно двинулся вперед. Идти было легче, чем стоять на месте, а сесть поблизости было негде. Культя болела, на меня навалилась вся усталость, накопившаяся за последние дни. Почти ничего не соображая, я продолжал шагать в сторону отеля «Раффлз», словно запрограммированный.

«Раффлз» оказался еще более ветхим, чем я помнил. Однако ребе Эзра, видимо, знал, что говорил, — либо это, либо ничего. В любом случае, мне хотелось скрыться подальше от посторонних глаз, и я согласился бы на куда более убогое пристанище — лишь бы спрятаться за запертой дверью.

Я сказал мужчине за стойкой, что меня прислал ребе Эзра, и спросил, что насчет комнат. Думаю, он предложил мне самый дорогой из свободных

номеров — за восемнадцать крон.

Я ритуально поторговался с ним — но без души. Скинув цену до четырнадцати, я заплатил и взял ключ. Клерк повернул большую книгу.

— Распишитесь здесь. И предъявите вашу квитанцию на воздух.

— Гм? И с каких пор началась эта хрень?

— С приходом новой администрации, приятель. Мне это нравится не больше, чем вам, но приходится подчиняться, иначе мою лавочку прикроют.

Я задумался. Кто я — Ричард Эймс? Зачем делать так, чтобы копы пускали слюнки при мысли о награде? Колин Кэмпбелл? Человек с длинной памятью может вспомнить это имя, а заодно и Уокера Эванса. Я написал: «Ричард Кэмпбелл, Новолен».

— Спасибо, *gospodin*. Номер «Л» — налево в конце коридора. Ресторана у нас нет, но еду доставляют на лифте в номера. Если хотите поужинать, учтите, что кухня закрывается в двадцать один час. Тогда же заканчивает работать доставка, кроме напитков и льда. Но метрах в пятидесяти к северу от нас есть круглосуточный «Ленивый Джо». Готовить в номерах запрещено.

— Спасибо.

— Компания не нужна? Традиционалки, ручной привод или универсалы? На любой вкус, любого возраста и пола, только для избранных клиентов.

— Еще раз спасибо, но я очень устал.

Номер вполне устраивал меня, несмотря на потрепанный вид. В нем имелись односпальная кровать, откидная кушетка и кабинка освежителя — небольшая, но со всеми удобствами и без ограничений на воду. Я пообещал себе горячую ванну… потом, потом! Полка-кронштейн на стене, похоже, предназначалась для терминала связи, но теперь она пустовала. Возле нее в каменную стену была вделана латунная табличка:

> В этой комнате 14 мая 2075 года, во вторник, Адам Селен, Бернардо ла Пас, Мануэль Дэвис и Вайоминг Нотт составили план, положивший начало Свободной Луне.
>
> Здесь была провозглашена революция!

Меня это не очень-то впечатлило. Да, эти четверо были героями революции, но в тот год, когда я похоронил Колина Кэмпбелла и сотворил Ричарда Эймса, я останавливался в десятке отелей в

Луна-Сити. В большинстве из них имелась такая же табличка. Примерно то же самое, что «Здесь ночевал Вашингтон» у меня на родине — приманка для туристов, которая лишь по счастливой случайности могла сойти за правду.

Впрочем, мне было все равно. Я снял свою ногу, улегся на кушетку и попытался прогнать из головы все мысли.

Гвен! Проклятье, проклятье, проклятье!

Неужели я оказался всего лишь упрямым глупцом? Возможно. Но, черт побери, всему есть предел. Я во многом потворствовал Гвен, позволяя ей принимать решения за нас обоих, и не возмущался даже тогда, когда она не советовалась со мной. Но не надо было поощрять нахлебника, бросившего мне вызов. Ведь правда же? С этим я примириться не мог. Мужчина не в состоянии так жить.

Но и без нее я жить не могу!

Неправда, неправда! До этой недели — чуть больше трех дней назад — ты прекрасно жил без нее… и сейчас сможешь.

Без протеза я тоже могу обойтись. Но мне не нравится быть одноногим, и я никогда не смирюсь с потерей. Конечно, ты можешь обойтись без Гвен, ты не умрешь — но признайся, дурак:

за прошедшие тридцать лет ты был счастлив лишь в течение нескольких часов, после того как Гвен перебралась к тебе и вышла за тебя замуж. Часы, полные опасности, проявлений вопиющей несправедливости, борьбы и лишений, но не важно — ты купался в лучах счастья лишь оттого, что она была рядом с тобой.

А теперь ты отправил ее прочь.

Надень свой дурацкий колпак и закрепи заклепками — ты никогда больше не снимешь его.

Но я же был прав!

И что? Какое отношение имеет какая-то правота к браку?

Вероятно, я все же заснул (поскольку смертельно устал), и мне снились кошмары — к примеру, то, как Гвен насилуют и убивают на Дне. Но изнасилования в Луна-Сити настолько же редки, насколько обычны в Сан-Франциско. Последнее случилось восемьдесят с лишним лет назад, и совершивший его землеройка не дотянул даже до ликвидации: местные мужчины услышали крики и растерзали его на куски.

Как выяснилось позже, женщина кричала потому, что он ей не заплатил. Разницы, впрочем, никакой — для лунаря проститутка так же священна, как Дева Мария. Я не урожденный лунарь,

но в глубине души согласен с ними. Единственное достойное наказание за изнасилование — немедленная смерть без права на обжалование.

На шарике когда-то можно было защищаться в суде, ссылаясь на «ограниченную дееспособность» и «невиновность по причине невменяемости». Эти понятия поставили бы в тупик любого лунаря. В Луна-Сити «ограниченно дееспособным» сочтут любого мужчину, у которого возникает одна только мысль об изнасиловании, а само оно станет окончательным подтверждением невменяемости. Но такие психические расстройства вряд ли вызовут у лунарей сочувствие к насильнику. Лунари не подвергают психоанализу тех, кто совершил изнасилование, а просто убивают их. На месте, быстро и жестоко.

Жителям Сан-Франциско стоило бы поучиться у лунарей, как и обитателям всех городов, где женщинам опасно ходить одним. В Луне нашим дамам нечего опасаться мужчин, будь те родственниками, друзьями или незнакомыми; здесь мужчина никогда не причинит вреда женщине — иначе его ждет смерть!

Меня разбудили собственные безудержные рыдания. Гвен мертва, Гвен изнасилована и убита — и виноват в этом только я!

Даже пробудившись в достаточной степени, чтобы осознавать реальность, я продолжал рыдать. Я знал, что это всего лишь сон, жуткий кошмар… но чувство вины не ослабевало. Я и в самом деле не сумел защитить свою любимую. Я сам ее прогнал… «Шагай отсюда и не оглядывайся». Неисправимый идиот!

И что теперь делать?

Найти ее! Может, она простит меня. Похоже, женщины обладают почти не исчерпаемой способностью прощать. (Поскольку в прощении обычно нуждается мужчина, вероятно, это способствовало выживанию человека как вида.)

Но сначала я должен ее найти.

Меня распирало от желания выйти за дверь и отправиться на поиски — вскочить на коня и мчаться галопом во все стороны сразу. Но это классический случай из учебника математики: «как *нельзя* найти пропавшего». Я понятия не имел, где искать Гвен, но она могла сама прийти за мной в «Раффлз», если бы вдруг передумала. Раз так, надо было оставаться здесь, а не заниматься поисками вслепую.

Но я мог увеличить свои шансы. Позвонить в «Ежедневный лунатик» и разместить объявление, а может быть, даже несколько объявлений

разного вида: простое объявление, объявление в рамочке и — самое лучшее! — коммерческую вставку, которая появится на всех терминалах, в каждой ежечасной новостной сводке «Лунатика».

А если не поможет — что тогда?

Да заткнись ты и пиши объявление!

> Гвен, позвони мне в «Раффлз». Ричард.
>
> Гвен, пожалуйста, позвони мне! Я в «Раффлзе». Люблю тебя. Ричард.
>
> Дорогая Гвен, ради всего, что было между нами, прошу, позвони мне. Я в «Раффлзе». Всегда твой, Ричард.
>
> Гвен, я был не прав. Дай мне попытаться еще раз. Я в «Раффлзе». С любовью, Ричард.

После долгих размышлений я решил, что лучше всего выглядит второй вариант, но потом передумал — четвертый показался мне более привлекательным. Затем передумал опять — второй, более простой, смотрелся выигрышнее. Нет, скорее даже первый. Черт побери, придурок, просто размести объявление! Попроси ее позвонить — если есть хоть один шанс ее вернуть, она не станет смотреть на формулировки.

Отправить объявление прямо со стойки отеля? Нет, оставить записку и сказать в ней, куда и зачем ты идешь и когда вернешься, попросить ее дождаться… а потом бегом в контору газеты, пусть сразу отправляют текст на терминалы и ставят в следующий выпуск. И бегом обратно.

Я надел искусственную ногу, написал записку и схватил трость — и снова случилось совпадение с точностью до долей секунды, из тех, что не раз происходили в моей жизни, совпадение, из-за которого порой начинаешь думать, что этот безумный мир все же подчиняется некоему плану, а не погружен в хаос.

В дверь постучали…

Я поспешил к двери. На пороге стояла она! Слава и аллилуйя!

Она показалась мне еще меньше ростом, а глаза ее — невероятно большими и круглыми. В руках она держала деревце в горшке, словно дар любви. Возможно, оно и было даром любви.

— Ричард, ты позволишь мне вернуться? Пожалуйста!

Дальше события происходили почти одновременно — я забрал деревце и поставил на пол, взял Гвен на руки, закрыл дверь, усадил Гвен на кушетку, сел рядом, и мы оба заговорили наперебой

бой, смеясь и плача.

Вскоре мы немного успокоились, и в конце концов я замолчал достаточно надолго, чтобы услышать ее слова:

— Прости, Ричард, я была не права, я должна была тебя поддержать, но мне было обидно, я разозлилась, и гордость не позволила мне вернуться, а когда я все-таки вернулась, ты уже ушел, и я не знала, *что* делать. О господи, дорогой, никогда больше не отпускай меня! Ты сильнее меня — если я вдруг снова разозлюсь и решу уйти, хватай меня и разворачивай кругом, но не давай уйти!

— Я никогда больше не отпущу тебя. Я был не прав, дорогая, — не надо создавать проблему из ничего. Любовь и забота куда важнее. Я сдаюсь, окончательно и бесповоротно. Можешь холить и лелеять Билла как пожелаешь, я ни слова не скажу. Пусть растет баловнем.

— Нет, Ричард, нет! Это я была не права. Биллу нужен был суровый урок, и я должна была тебя поддержать, чтобы ты поставил его на место. И все же…

Гвен высвободилась из моих объятий и открыла сумочку.

— Осторожно, аллигатор! — сказал я.

Она впервые улыбнулась:

— Адель заглотила крючок вместе с леской и поплавком.

— Хочешь сказать, что никакого аллигатора нет?

— Господи, милый, ты полагаешь, что я настолько эксцентрична?

— Не дай бог!

— Всего лишь мышеловка и ее чрезмерное воображение. Вот. — Гвен положила рядом с собой на кушетку кучку бумажных и металлических денег. — Я заставила Билла их вернуть. Точнее, то, что осталось, — изначально было втрое больше. Боюсь, Билл из тех слабаков, у которых деньги в кармане не залеживаются. Хочу примерно наказать его, но еще не решила как. Он не получит *никаких* денег, пока не заработает сам.

— Как только он заработает хоть что-нибудь, пусть отдаст мне деньги за воздух, за девяносто дней, — добавил я. — Гвен, я очень зол. На него, не на тебя. Из-за его отношения к плате за воздух. Извини, что в результате попало тебе.

— Ты был прав, дорогой. Отношение Билла к плате за воздух показывает, что у него не все в порядке с головой. Мы с ним посидели в Старом Куполе и многое обсудили. Ричард, Билл болен

социализмом худшего толка и считает, будто мир всем ему обязан. Он совершенно искренне — и даже самодовольно — сообщил мне, что, конечно же, каждый имеет право на самое лучшее медицинское обслуживание, конечно же — бесплатное, конечно же — в неограниченном объеме, и платить за него, конечно же, должно правительство. Он даже не в силах понять, что его требования невозможно удовлетворить с математической точки зрения. Но речь идет не просто о бесплатном воздухе и бесплатной медицине. Билл искренне верит, что все его желания должны исполняться… причем бесплатно. — Она вздрогнула. — Он имеет твердое мнение по любому вопросу.

— «Дорожная песня бандерлогов».

— Прошу прощения?

— Ее написал поэт, живший пару веков назад, Редьярд Киплинг. Бандерлоги — то есть обезьяны — считали, что возможно все, надо только пожелать.

— Вот и Билл считает так же. Он совершенно серьезно объясняет, как *должно* быть… а воплотить это в жизнь — задача властей. Мол, достаточно лишь принять закон. Ричард, он воспринимает власти так же, как дикари воспринимают идолов.

Или… нет, не знаю. Я просто не понимаю, что у него в голове. Мы с ним разговаривали, но так и не убедили друг друга. Он верит во всю эту чушь, Ричард. Мы совершили ошибку, или я совершила. Не надо было спасать Билла.

— Ты не права, милая.

— Нет, дорогой. Я думала, что сумею его перевоспитать. Но ошиблась.

— Я не это имел в виду. Помнишь крыс?

— Ох…

— Отставить уныние. Мы взяли Билла с собой из опасения, что иначе его убьют и, возможно, заживо скормят крысам. Гвен, мы оба знаем, как рискованно подбирать бродячих котят, и знаем, что такое «китайское обязательство»[53]. Но мы все равно поступили так. — Я взял ее за подбородок и поцеловал. — И впредь будем поступать так же. Зная, чего это стоит.

— О, как я тебя люблю!

— Я тоже хочу твоей любви… потной и вульгарной.

— Гм… прямо сейчас?

— Мне нужно помыться.

---

[53] Примечания: 53

Китайское обязательство — добровольное начинание, от которого нельзя отказаться. Ближайший русский эквивалент — «чемодан без ручки». — *Примеч. С. В. Голд.*

— Это можно сделать и потом.

Я только-только забрал остальной багаж Гвен, забытый за дверью, — хорошо, что к нему никто не притронулся, — и мы уже собрались помыться, когда Гвен наклонилась к деревцу, подняла его и поставила на полку возле кухонного лифта, чтобы до него легче было добраться.

— У меня для тебя подарок, Ричард.

— Отлично! Девушки? Или выпивка?

— Ни то, ни другое. Хотя, как я понимаю, и то и другое здесь вполне доступно. Администратор хотел сделать мне скидку, когда я попросила номер для Билла.

— Билл тоже здесь?

— На одну ночь. В самом дешевом одноместном номере. Ричард, я не знаю, что делать с Биллом. Я бы посоветовала ему найти себе койку в ночлежке на Дне, если бы ребе Эзра не сказал о крысах. Черт побери, раньше тут не было никаких крыс. Луна-Сити превращается в трущобы.

— Боюсь, ты права.

— Я его еще и накормила — тут неподалеку есть «Ленивый Джо». Возможно, ты заметил, что он ест за четверых?

— Заметил.

— Ричард, я не могла бросить Билла… Надо бы-

ло накормить его и найти ему безопасное место для ночлега. Но завтра — совсем другое дело. Я сказала ему, что придется приспосабливаться к местным условиям. Еще до завтрака.

— Гм… Билл запросто соврет за порцию яичницы. Это жалкий тип, Гвен. Такой жалкий, что дальше некуда.

— Вряд ли он умеет убедительно врать. По крайней мере, я дала ему пищу для размышлений. Он знает, что я на него злюсь, что я презираю его идеи и что дармовой закуске скоро придет конец. Надеюсь, он проведет бессонную ночь. Держи, дорогой. — Она порылась в земле под деревцем. — Это тебе, Ричард. Лучше сперва помыть.

Она протянула мне шесть патронов — «шкода» калибра шесть с половиной или их точные копии. Я взял один и внимательно рассмотрел.

— Чудо-женщина, ты не перестаешь меня удивлять. Где? Когда? Как?

Услышав похвалу, она просияла от счастья, словно двенадцатилетняя девочка.

— Сегодня утром в Конге. Само собой, на черном рынке — нужно просто зайти в «Сирс» и знать, под какой прилавок заглянуть. Я спрятала свой «мияко» под Древом-сан, прежде чем отправиться за покупками, а когда мы уходили от Ся, положи-

ла туда же патроны. Дорогой, я не знала, как нас будут обыскивать, если мы угодим в переплет в Конге. Собственно, это и случилось, но нас спасла тетушка.

— А готовить ты умеешь?

— Справляюсь.

— Ты умеешь стрелять, умеешь водить луноход, умеешь пилотировать космический корабль, умеешь готовить. Ладно, я принимаю тебя на работу. А есть еще какие-нибудь умения?

— Ну… немного разбираюсь в инженерном деле. Когда-то была неплохим адвокатом. Но в последнее время мне не хватало практики. И еще я умею плевать сквозь зубы, — добавила она.

— Супердевушка! Да ты вообще человек? Или была им когда-нибудь? Подумай как следует над ответом — он будет зафиксирован в протоколе.

— Отказываюсь отвечать по совету адвоката. Давай закажем ужин, пока не закрыли кухню.

— Кажется, ты хотела помыться?

— И теперь хочу. У меня все зудит. Но если не сделать заказ сейчас, придется одеться и тащиться в «Ленивый Джо»… я не против «Джо», но против одевания. Я наконец-то могу как следует расслабиться наедине с мужем, впервые за… целую вечность. С тех пор, как мы были в твоих

апартаментах в «Золотом правиле», до этого дурацкого выселения.

— Три дня.

— Всего-то? Правда?

— Восемьдесят часов. Согласен, они были весьма насыщенными.

Оказалось, что в «Раффлзе» готовят не так уж плохо, если придерживаются рекомендаций шеф-повара. В тот вечер имелись фрикадельки со шведскими блинчиками и медово-пивным соусом — довольно странное, но удачное сочетание — свежий салат с маслом и винным уксусом, сыр, свежая клубника и черный чай.

Мы наслаждались ужином, хотя с тем же успехом закусили бы старым хорошо поджаренным ботинком — так давно мы не ели. Если бы это был зажаренный скунс, я бы даже не заметил — общество Гвен вполне заменяло соус.

Около получаса мы с удовольствием поглощали еду, не слишком заботясь о застольных манерах. Внезапно моя девочка заметила вделанную в камень латунную табличку — до этого она была слишком занята, что вполне объяснимо.

Встав, она поглядела на табличку и приглушенно сказала:

— Чтоб мне стать голливудской шлюхой! Это

же то самое место! Ричард, это самая колыбель революции! А я-то сидела тут, рыгая и почесываясь, словно в самом обычном гостиничном номере!

— Сядь и доешь, любимая, — посоветовал я. — Такие таблички есть в трех из четырех местных гостиничных номеров в Луна-Сити.

— Вовсе не такие, Ричард. Какой это номер?

— У него нет цифрового обозначения — только буквенное. Номер «Л».

— Ну да, номер «Л»! То самое место! Ричард, на шарике возле такой святыни горел бы вечный огонь и, наверное, стоял бы почетный караул. А здесь кто-то установил латунную табличку, и все о ней забыли. Даже в День Свободной Луны. Но это же лунари, самая странная порода людей в известной нам части Вселенной. Ну и ну!

— Дорогая моя, — ответил я, — если хочешь считать, что в этой комнате действительно произошло то, о чем говорится в табличке, — прекрасно! А пока что садись и доедай. Или мне съесть твою клубнику?

Гвен не ответила, но действительно села и замолчала, вертя в руках то кусочек фрукта, то ломтик сыра.

— Милая, тебя что-то беспокоит? — наконец спросил я.

— Это не смертельно.

— Рад слышать. Что ж, когда захочешь поговорить — мои уши к твоим услугам. А пока буду обмахивать тебя ими. Можешь не спешить.

— Ричард… — сдавленно проговорила она. К своему удивлению, я увидел медленно стекающие вдоль ее носа слезы.

— Да, дорогая?

— Я наплела тебе с три короба. Я…

— Замолчи сейчас же. Любовь моя, моя маленькая похотливая возлюбленная, я всегда считал, что женщины могут врать столько, сколько захотят, и их нельзя за это упрекать. Возможно, ложь для них — единственная защита от недружественного мира. Я ведь не расспрашивал тебя о твоем прошлом?

— Нет, но…

— И снова замолчи. Не расспрашивал. Кое-что ты сообщила сама, но все равно я пару раз затыкал тебе рот, когда у тебя начинался приступ губительного автобиографизма. Гвен, я женился на тебе не из-за твоих денег, не из-за твоего происхождения, не из-за твоих мозгов, даже не из-за твоих талантов в постели.

— Даже не из-за последнего? Ты почти ничего мне не оставил.

— Ну нет, я очень даже ценю твои умения в позиции лежа и твой энтузиазм. Но опытные плясуньи на матрасе — не такая уж редкость. Взять, к примеру, Ся. Полагаю, опыта у нее не меньше, чем желания.

— Опыта у нее, вероятно, вдвое больше моего — чего нельзя сказать о желании.

— Ты прекрасно справляешься, когда отдохнешь. Но не отвлекай меня. Хочешь знать, почему ты такая особенная?

— Да! Ну… наверное. Если тут нет никакого подвоха.

— Нет. Возлюбленная моя, твое уникальное и особенное свойство заключается в следующем: когда я рядом с тобой, я счастлив.

— Ричард!

— Хватит рыдать. Терпеть не могу женщин, которым приходится слизывать слезы с верхней губы.

— Грубиян. Я буду плакать, когда захочу, черт побери… и сейчас мне это нужно. Ричард, я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, обезьянка моя. Я только хотел сказать, что если твои три короба вранья готовы развалиться, не стоит мастерить новые и заверять, что наконец-то ты говоришь правду,

всю правду, ничего, кроме правды. Забудь. Может, старые короба давно обветшали, но мне все равно. Я не собираюсь искать логические дыры или несообразности: мне и вправду все равно. Я просто хочу жить с тобой, держать тебя за руку и слышать, как ты храпишь.

— Я не храплю! Или… все-таки храплю?

— Не знаю. Мы не так уж много спали за последние восемьдесят часов, чтобы это стало проблемой. Спроси лет через пятьдесят. — Протянув руку, я пощекотал сосок Гвен, глядя, как он увеличивается в размерах. — Я хочу держать тебя за руку, слышать твой храп, и иногда, пару раз в месяц…

— Пару раз в месяц?

— Что, слишком часто?

— Видимо, придется удовлетвориться тем, что есть, — вздохнула она. — Или ходить на сторону.

— На сторону? То есть как это? Я имел в виду, что пару раз в месяц мы будем ходить в ресторан, в театр, в ночной клуб. Я буду покупать тебе цветок, чтобы воткнуть его тебе в волосы. Если настаиваешь, можно и чаще… но слишком бурная ночная жизнь мешает писать. Я намерен содержать тебя, любимая, несмотря на все мешки с золотом, которыми ты запаслась. — Я посмотрел

на нее. — Есть проблемы, дорогая? Сбой программы? Что не так?

— Ричард Колин, ты раздражаешь меня больше всех мужчин, которые были на мне женаты. И даже больше всех, с которыми я просто спала.

— И ты позволяла им спать?

— Ох… мать твою! Не надо было спасать тебя от Гретхен. «Пару раз в месяц»! Сам меня раздразнил, а потом захлопнул ловушку.

— Мадам, я понятия не имею, о чем вы.

— Все ты прекрасно понимаешь! Ты считаешь меня маленькой потной нимфоманкой.

— Не такая уж ты и маленькая.

— Давай продолжай в том же духе. Смотри, добьешься того, что у нас в Семействе появится еще один муж. Чой-Му с радостью на мне женится, я точно знаю.

— Чой-Му — парень честный, это верно. И я уверен, что он женился бы на тебе — мозгов у него хватает. Если ты так решишь, постараюсь, чтобы он чувствовал себя как дома. Правда, я не знал, что ты так хорошо с ним знакома. Ты серьезно?

— Нет, черт побери. У меня никогда не было опыта многомужества — с одним-то мужем порой непросто. Конечно, капитан Марси — отличный парень, но он для меня слишком молод. Мне ка-

жется, я подарила бы ему одну ночь, если бы он вежливо попросил, но лишь для забавы, ничего серьезного.

— Мне тоже кажется, что ты подарила бы ему одну ночь. Только дай знать заранее, и я сделаю вид, будто ничего не заметил. Или буду служить лакеем, даже выдавать полотенца. Выбор за дамой.

— Ричард, слишком уж легко ты соглашаешься.

— Хочешь, чтобы я ревновал? Но мы на Луне, а я лунарь. Не от рождения, но все же лунарь, а не землеройка, который бьется головой о каменную стену. — Я поцеловал ей руку. — Возлюбленная моя, ты в самом деле маленькая и изящная, но у тебя большое сердце. Ты так изобильна, что тебя, подобно хлебам и рыбам, хватит для стольких мужей и любовников, сколько ты выберешь. Я счастлив быть первым — если это так — среди равных.

— Что это передо мной? Клинок?

— Нет, сосулька.

— В самом деле? Так схватим же ее, пока она не растаяла.

У нас получилось, но едва-едва — я слишком устал.

— Гвен, — спросил я, когда все закончилось, — почему ты хмуришься? Я не оправдал твоих надежд?

— Нет, любимый. Но я все еще думаю о своем вранье… только на этот раз, прошу тебя, не уходи от разговора. Я знаю, что надпись на той латунной табличке — правда. Потому что я знала троих из этой четверки, причем очень хорошо: двое из них меня удочерили. Любимый, я — одна из Отцов-основателей Свободной Луны.

Я промолчал: бывает, что сказать просто нечего. Вскоре Гвен начала ерзать и почти рассерженно бросила:

— Не смотри на меня так! Я знаю, о чем ты думаешь, — с две тысячи семьдесят шестого прошло много времени. Так и есть. Но если ты оденешься, я отведу тебя в Старый Купол, покажу свою подпись и отпечаток пальца на Декларации независимости. Возможно, ты не поверишь, что это моя подпись… но отпечаток не подделать. Давай сходим и посмотрим?

— Нет.

— Почему? Хочешь знать, сколько мне лет? Я родилась на Рождество в две тысячи шестьдесят третьем, так что в момент подписания Декларации мне было двенадцать с половиной. Отсюда

легко вычислить мой возраст.

— Милая, когда я решил стать урожденным лунарем или тем, кто неотличим от него, я стал изучать историю Луны, чтобы выглядеть своим. Никакой Гвендолин среди подписавших Декларацию нет. Погоди… я вовсе не говорю, что ты лжешь, я просто хочу сказать, что тебя, видимо, звали иначе.

— Да, конечно. Хейзел. Хейзел Мид Дэвис.

— Хейзел. Впоследствии вышла замуж за одного из банды Стоунов и командовала детскими вспомогательными отрядами. Гм… Хейзел была рыжей.

— Да. Теперь я наконец-то перестану принимать кое-какие мерзкие таблетки, и мои волосы вновь вернут свой естественный цвет. Или ты предпочитаешь нынешний?

— Цвет волос не имеет значения. Но… Хейзел, почему ты вышла за меня?

— По любви, дорогой, — вздохнула она, — и это правда. Чтобы помочь тебе, когда ты попал в беду… и это тоже правда. И еще потому, что это было неизбежно, и это тоже правда. Потому что в исторических хрониках, созданных в другом месте и в другую эпоху, говорится, что Хейзел Стоун вернулась на Луну и вышла замуж за Ри-

чарда Эймса, он же Колин Кэмпбелл… и вместе они спасли Адама Селена, председателя революционного комитета.

— Гм… уже записано? Предопределено?

— Не совсем, любимый. Есть и такие хроники, где говорится, что мы потерпели неудачу… и погибли при попытке.

17

Над ней не властны годы. Не прискучит
Ее разнообразие вовек,
В то время как другие пресыщают.
Она тем больше возбуждает голод,
Чем меньше заставляет голодать.

Уильям Шекспир*[54] *(1564–1616)

И вот девочка говорит учительнице: «Мой брат думает, будто он курица». — «Господи! — восклицает та. — И как же вы собираетесь ему помочь?» — «Никак, — отвечает девочка. — Мама говорит, нам нужны яйца».

Стоит ли тревожиться из-за женских фантазий, если они приносят ей счастье? Надо ли отправлять Гвен к психиатру, чтобы тот попытался ее вылечить?

Черт, конечно же нет! Психиатры — слепцы,

---

[54] Примечания: 54
«Антоний и Клеопатра» (перевод М. Донского).

ведущие слепцов. Даже у лучших из них не больше пары трюков в рукаве. Любому, кто советуется с психиатром, стоит проверить собственную голову.

При внимательном рассмотрении Гвен выглядела на тридцать с небольшим, возможно, около сорока, и уж точно меньше пятидесяти. Так есть ли разумное объяснение ее словам о том, что она родилась сто с лишним лет назад?

Всем известно, что уроженцы Луны стареют медленнее землероек, выросших при силе тяжести в один *g*. Похоже, в своих фантазиях Гвен полагала, будто на самом деле она из лунарей, а не урожденная землеройка, за которую себя выдавала. Но лунари все же стареют, пусть и не так быстро, и в возрасте ста с лишним лет (я был знаком с несколькими) не выглядят на тридцать с небольшим, а кажутся древними стариками.

Пришлось немало постараться, чтобы убедить Гвен, будто я верю каждому ее слову… не веря на самом деле не единому и убеждая себя, что это не имеет никакого значения. Я знал мужчину, который, будучи в здравом уме, женился на женщине, беспредельно верившей в астрологию. Она постоянно хватала прохожих за пуговицу и расспрашивала, под каким знаком родилась ее

жертва. С таким антиобщественным заскоком жить наверняка тяжелее, чем с безвредными фантазиями, как у Гвен.

Но тот человек, похоже, был счастлив. Его жена прекрасно готовила, была женщиной, приятной во всех отношениях (не считая навязчивой идеи), а в постели, возможно, превосходила Длинноногую Лил. А раз так, зачем ему было беспокоиться из-за ее отклонения? С ним она была счастлива, хотя и раздражала других. Думаю, ее муж не возражал против интеллектуального вакуума в своем доме, пока ему там было комфортно.

Освободив свою симпатичную грудь от тяготившего ее груза, Гвен тотчас же заснула, а следом за ней — и я. То был долгий счастливый сон без всяких сновидений. Проснулся я бодрым и радостным, чувствуя, что готов сразиться с гремучей змеей, предоставив ей право первых двух укусов.

Или сожрать гремучую змею. В понедельник мне предстояло найти для нас новое жилище. Обычно я охотно обедаю и ужинаю вне дома, но завтрак должен быть готов до того, как ты окажешься лицом к лицу с миром. Это не единственная причина для женитьбы, но довольно веская. Конечно, есть и другие способы соорудить завтрак дома, но, полагаю, самая распространен-

ная стратегия — обучить жену.

Затем я окончательно проснулся и подумал, что мы могли бы позавтракать прямо здесь. Или нет? В какие часы работает кухня? И сколько сейчас времени? Я взглянул на табличку над кухонным лифтом, и та повергла меня в уныние.

Я уже почистил зубы, пристегнул ногу и натягивал штаны (отметив про себя, что нужно сегодня же купить одежду — состояние брюк приближалось к критическому), когда проснулась Гвен.

— Мы знакомы? — спросила она, открыв один глаз.

— У нас в Бостоне считалось бы, что официально мы не представлены друг другу, но я готов купить тебе завтрак, настолько ты мне понравилась. Чего ты хочешь? В этом клоповнике предлагают лишь какой-то «кофейный набор». Звучит уныло. Если хочешь чего-нибудь поприличнее, придется выползти из дома и тащиться в «Ленивого Джо».

— Давай обратно в постель.

— Женщина, ты намерена получить мою страховку? Так как — в «Ленивого Джо»? Или заказать тебе чашку тепловатого «Нескафе», черствый круассан и стакан синтетического апельсинового сока? Сойдет за роскошный завтрак в постели?

— Ты обещал мне вафли каждое утро. Обещал. Обещал.

— Да. Вафли в «Ленивом Джо». Именно туда я направляюсь. Идешь со мной? Или заказать тебе фирменный завтрак отеля «Раффлз»?

Гвен продолжала ворчать и стонать, обвиняя меня в невыразимых преступлениях и предлагая умереть, как подобает мужчине, но при этом быстро и ловко встала, привела себя в порядок и оделась. Выглядела она как с иголочки, хотя уже три дня носила одну и ту же одежду. Что ж, на нас обоих было новенькое нижнее белье, мы недавно помылись в горячей воде, и предполагалось, что души наши чисты, как и ногти… но она выглядела свеженькой, а я — как свинья, вылезшая из лужи. Но это была ее проблема, а не моя, — до чего же здорово проснуться рядом с Гвен! Меня просто распирало от счастья.

Когда мы вышли из номера «Л», она взяла меня за руку и крепко сжала ее.

— Спасибо, что пригласили меня на завтрак, мистер.

— Не за что, девочка моя. В каком номере Билл?

Она тут же посерьезнела:

— Ричард, я бы не советовала тебе встречаться

с Биллом до завтрака. Может, так лучше?

— Гм… черт побери, я терпеть не могу ждать завтрака и не вижу никаких причин, чтобы Биллу тоже пришлось его ждать. Нам вовсе незачем на него смотреть. Я возьму столик на двоих, а Билл может посидеть у стойки.

— Ричард, ты мягкосердая размазня. Я люблю тебя.

— Не называй меня мягкосердой размазней, мягкосердая хамка. Кто щедро тратил на него деньги?

— Я, и это была ошибка. Я забрала у него деньги, и больше такого не повторится.

— Ты забрала только часть денег.

— Я забрала то, что у него осталось. И пожалуйста, не приставай ко мне с этим. Я была идиоткой, Ричард. Правда.

— Ладно, забудем. Это его номер?

Билла в номере не оказалось. Администратор подтвердил предположение, возникшее после стука в дверь: Билл ушел. Полчаса назад. Думаю, Гвен вздохнула с облегчением. Я — точно. Наше проблемное дитя доставляло столько же непри-

ятностей, сколько Хайберский проход[55]. Мне пришлось напомнить себе, что он спас тетушку, — чтобы увидеть в нем хоть что-то хорошее.

Несколько минут спустя мы вошли в местный «Ленивый Джо». Я озирался в поисках свободного столика на двоих, когда Гвен сжала мою руку. Я посмотрел туда же, куда и она.

Возле кассы стоял Билл, расплачиваясь банкнотой в двадцать пять крон.

Мы ждали. Повернувшись, он увидел нас и, похоже, хотел сбежать. Но бежать было некуда, единственный путь вел мимо нас.

Нам удалось вывести Билла за дверь без скандала. В коридоре Гвен холодно посмотрела на него, не скрывая отвращения:

— Билл, где ты взял эти деньги?

Он посмотрел на нее и отвел взгляд:

— Это мои.

— Чушь. Ты покинул «Золотое правило» без гроша в кармане. Все свои деньги ты получил от меня. Вчера вечером ты солгал мне, утаив их.

Билл упрямо молчал.

— Билл, вернись к себе в номер, — сказал я. —

---

[55] Примечания: 55

Хайберский проход — горный проход на границе между современными Афганистаном и Пакистаном, многократно использовавшийся в различных войнах, начиная с древности.

Мы позавтракаем и придем туда. И вытянем из тебя всю правду.

Он посмотрел на меня с едва скрываемой яростью:

— Сенатор, это не ваше собачье дело!

— Посмотрим. Возвращайся в «Раффлз». Идем, Гвен.

— Но я хочу, чтобы Билл вернул мне деньги. Немедленно!

— После завтрака. На этот раз будет по-моему. Идешь?

Гвен замолчала, и мы вернулись в ресторан. Я постарался сделать так, чтобы мы больше не говорили о Билле, — некоторые темы плохо влияют на пищеварение. Примерно через полчаса я спросил:

— Еще вафлю, дорогая?

— Нет, спасибо, Ричард. Мне хватит. Они не так хороши, как твои.

— Ну, я ведь прирожденный гений. Давай доедим, а потом займемся Биллом. Сдерем с него заживо кожу или просто посадим на кол?

— Я намерена допросить его на дыбе. Жизнь потеряла очарование, Ричард, когда наркотик правды заменил винты для пальцев и раскаленные клещи.

— Любовь моя, ты маленькая кровожадная негодница. Еще кофе?

— Ты просто хочешь мне польстить. Нет, спасибо.

Вернувшись в «Раффлз», мы пошли к номеру Билла, постучали, но нам никто не открыл. Мы снова направились к стойке, за которой стоял регистрировавший меня мизантроп.

— Вы не видели Уильяма Джонсона из номера «КК»? — спросил я.

— Да. Около получаса назад он забрал залог за ключ и ушел.

— Но ведь это я платила за ключ! — срывающимся голосом воскликнула Гвен.

— *Gospazha*, — невозмутимо ответил администратор, — я это знаю. Но мы отдаем залог в обмен на ключ. Не важно, кто снимал номер. — Он снял со стены ключ-карточку с буквами «КК». — Залог едва окупает смену магнитного кода, если ключ не возвращают, и уж точно не окупает лишние неудобства. Если вы роняете карточку в коридоре, а кто-то подбирает ее и приносит нам, вы получаете залог… и вносите его заново, чтобы попасть к себе в номер.

Я крепко взял Гвен за локоть:

— Что ж, все честно. Если он вдруг появится,

дайте нам знать, хорошо? Номер «Л».

Администратор посмотрел на Гвен:

— Номер «КК» вам не нужен?

— Нет.

Он переключился на меня:

— Вы заплатили за номер «Л» в расчете на одного. За двоих мы берем больше.

Внезапно я почувствовал, что сыт по горло всей этой хренью, попытками командовать мной, окружающим меня идиотизмом.

— Попробуйте взять с меня хоть крону — я уволоку вас на Дно и откручу вам башку! Идем, дорогая.

Все еще злясь, я пропустил Гвен в номер и запер дверь.

— Гвен, пора убираться с Луны. Здесь все изменилось. К худшему.

— И куда ты хочешь отправиться, Ричард?

Судя по ее виду и голосу, Гвен была сильно расстроена.

— Гм… я предпочел бы вообще эмигрировать из Системы — на Ботани-Бэй, Проксиму или что-нибудь вроде этого, будь я моложе и с двумя ногами, — вздохнул я. — Порой я чувствую себя как ребенок, потерявший мать.

— Дорогой…

— Да, милая?

— У тебя есть я. И я хочу стать тебе матерью. Я пойду за тобой куда угодно, хоть на край Галактики. Но мне пока не хочется покидать Луна-Сити… если, конечно, ты согласишься. Можно поискать другое пристанище. Но вдруг ребе Эзра прав и мы ничего не найдем? Может быть, мы сможем потерпеть этого угрюмого клерка до понедельника? А тогда что-нибудь обязательно отыщется.

Я сосредоточился, пытаясь унять сердцебиение:

— Да, Гвен. Если не найдем ничего подходящего, можем перебраться в другое место после выходных, когда храмовники разъедутся. Мне плевать на этого придурка за стойкой, если к понедельнику у нас будет подходящее помещение.

— Да, сэр. Можно рассказать, почему я пока не хочу покидать Луна-Сити?

— Гм… Конечно. Да и мне стоит на время прекратить разъезды. Кое-что написать, заработать денег — я сильно поиздержался за эту неделю…

— Ричард, я устала это повторять. О деньгах можешь не беспокоиться.

— Гвен, о деньгах всегда стоит беспокоиться. Я не собираюсь тратить твои сбережения. Можешь считать, что я мачо, но я намерен тебя

содержать.

— Да, Ричард. Спасибо. Но тебя никто не торопит. Я могу раздобыть столько денег, сколько нужно. И быстро.

— Вот как? Смелое заявление.

— Таким оно и задумывалось, сэр. Ричард, я перестала тебе лгать. Пришла пора для новой порции правды.

Я отмахнулся от нее обеими руками:

— Гвен, я ведь ясно сказал: меня не волнует, какую чушь ты мне наговорила, сколько тебе лет, кем ты была. Начнем все с нуля — только ты и я.

— Ричард, перестань обращаться со мной как с ребенком!

— Гвен, я вовсе не отношусь к тебе как к ребенку. Я всего лишь говорю, что принимаю тебя такой, какая ты есть. Сегодня. Сейчас. Твое прошлое касается только тебя.

Она печально посмотрела на меня:

— Любимый, ты не веришь, что я — Хейзел Стоун?

Пора соврать! Но от лжи нет толку, если в нее не верят (конечно, есть ложь, в которую и не должны верить, — но не в этом случае). Настало время танцев с опахалами.

— Милая, я хочу сказать, что мне все равно, кто

ты — Хейзел Стоун, Сэди Липшиц или Покахонтас. Ты — моя любимая жена. И не будем омрачать этот блистательный факт несущественными деталями.

— Ричард, Ричард! Послушай меня. Дай мне сказать. — Она вздохнула. — Иначе…

— Иначе что?

— Ты ведь отлично знаешь — сам использовал это «иначе» против меня. Если не станешь слушать, мне придется вернуться и доложить о провале миссии.

— Куда вернуться? Кому доложить? Какой миссии?

— Если не станешь слушать, это не важно.

— Ты же сама просила не отпускать тебя!

— Я вовсе не собираюсь тебя бросать — быстро сделаю кое-что и вернусь. Если хочешь, можешь составить мне компанию, я буду только рада! Но мне нужно доложить о своем провале и подать в отставку… а потом я могу отправиться с тобой хоть на край Вселенной. Но я должна именно подать в отставку, а не дезертировать. Ты солдат, ты должен понимать.

— Ты — солдат?

— Не совсем. Агент.

— Гм… agente provocateuse?[56]

— Ну… вроде того, — криво усмехнулась она. — Скорее, наверное, agente amoureuse[57]. Правда, мне не говорили, что я должна в тебя влюбиться — только выйти за тебя замуж. Но я действительно в тебя влюбилась, Ричард, и, возможно, это угробило мою карьеру агента. Я должна доложить о провале. Ты со мной? Пожалуйста!

С каждой минутой я понимал все меньше.

— Гвен, с каждой минутой я понимаю все меньше.

— Тогда почему ты не даешь мне все объяснить?

— Гм… Гвен, это невозможно объяснить. Ты утверждаешь, будто ты — Хейзел Стоун.

— Так и есть.

— Черт побери, я умею считать. Хейзел Стоун, если она все еще жива, давно перешагнула столетний рубеж.

— Совершенно верно. Мне далеко за сто, — улыбнулась она. — Так что я совратила младенца, дорогой.

— Ради всего святого! Послушай, дорогая, по-

---

[56] Примечания: 56
Агент-провокаторша *(фр.)*.

[57] Примечания: 57
Агент-любовница *(фр.)*.

следние пять ночей я провел с тобой в постели. Ты удивительно горяча для старой кошелки!

— Спасибо, дорогой, — усмехнулась она. — Этим я обязана овощной смеси Лидии Пинкхэм[58].

— Правда? Патентованная панацея убрала кальций из твоих суставов, вернув его обратно в кости, разгладила морщины на лице, восстановила гормональный баланс и прочистила артерии? Закажи мне целую бочку, а то я что-то прихожу в упадок.

— Миссис Пинкхэм пользовалась помощью опытных специалистов, дорогой. Ричард, если ты позволишь мне доказать это посредством отпечатка пальца на Декларации Независимости, твоему разуму откроется правда, пусть и весьма странная. Жаль, я не могу предложить тебе идентификацию по образцу сетчатки… но тогда мою сетчатку не фотографировали. Но есть отпечаток пальца. И группа крови.

Я ощутил легкую панику — как поступит Гвен, когда ее фантазии рассыплются в прах? И тут я кое-что вспомнил.

— Гвен, Гретхен что-то говорила о Хейзел Сто-

---

[58] Примечания: 58

Лидия Пинкхэм (1819–1883) — американская предпринимательница, создавшая популярное в свое время средство под названием «женский тоник».

ун.

— Да, говорила. Гретхен — моя праправнучка, Ричард. Я вышла замуж за Слима Лемке из банды Стоунов, когда мне исполнилось четырнадцать, и в день земного равноденствия две тысячи семьдесят восьмого года родила своего первенца, мальчика, которого назвала Роджером, в честь моего отца. В две тысячи восьмидесятом родилась моя первая дочь…

— Погоди. Ты говорила, что, когда я командовал спасательной операцией, твоя старшая дочь училась в университете имени Персиваля Лоуэлла.

— Это все из тех трех коробов вранья, Ричард. На самом деле там училась моя внучка. Так что я все равно тебе за это благодарна. Но мне пришлось подправить детали, чтобы соответствовать видимому возрасту. Первую мою дочь назвали Ингрид, в честь матери Слима… а Ингрид Хендерсон назвали в честь ее бабушки и моей дочери, Ингрид Стоун. Ричард, ты не мог догадаться, как мне было тяжело тогда, в «Высохших костях»: впервые встретить пятерых кровных родственников — и не иметь возможности в этом признаться.

Но я не могу быть бабушкой Хейзел, если я Гвен Новак. Я ни в чем не призналась… и такое случается не впервые. У меня множество потомков

— за сорок четыре года, от первых месячных до климакса, я родила шестнадцать детей от четырех мужей и троих посторонних мужчин. После смерти четвертого мужа я перебралась к своему сыну, Роджеру Стоуну, и снова взяла фамилию Стоун.

Я воспитала четверых детей Роджера от его второй жены — она медик, и ей нужна была бабушка, которая возится с внуками. Я женила троих из них, кроме младшего, который теперь работает главным врачом в больнице на Церере и, возможно, никогда не женится — потому что красив и эгоистичен и верит в старую мудрость: «Зачем держать корову?»

А потом я начала принимать овощную смесь, и вот она я, вновь способная рожать и готовая растить очередное потомство. — Она улыбнулась и погладила себя по животу. — Давай вернемся в постель.

— Черт побери, распутница, это ничего не решит!

— Да, но это отличный способ провести время. И порой помогает остановить кровотечение. Кстати, если Гретхен появится снова, я больше не буду вмешиваться. Мне просто не понравилось, что моя праправнучка не дает нам провести ме-

довый месяц. Нам и так помешали многие люди и события.

— Гретхен еще ребенок.

— Уверен? Физически она созрела, как созрела я к четырнадцати годам… когда вышла замуж и сразу же забеременела. До замужества я была девственницей; Ричард — здесь это случается чаще, чем где-либо еще. Мама Мими обращалась со мной очень строго, а мама Вайо не спускала с меня глаз. Впрочем, меня не слишком тянуло на сторону: семья Дэвис принадлежала к высшему обществу Луна-Сити в те дни, и я радовалась, что они меня удочерили. Любимый, я больше не стану рассказывать о себе, пока ты не увидишь мою подпись и мой отпечаток пальца на Декларации. Я вижу, ты мне не веришь… и чувствую себя униженной.

(Что делать, когда жена настаивает? Супружество — величайшее из искусств… если все идет удачно.)

— Милая, я вовсе не хочу тебя унизить. Но я не умею сравнивать отпечатки пальцев. Впрочем, есть и другие варианты. Та вторая жена твоего сына Роджера — она жива?

— Более чем. Доктор Эдит Стоун.

— В таком случае здесь, в Луна-Сити, должна

иметься запись о ее браке с твоим сыном, и… Это не тот Роджер Стоун, который был мэром?

— Да. С две тысячи сто двадцать второго по две тысячи сто тридцатый. Но он улетел с Луны в две тысячи сто сорок восьмом.

— Где он сейчас?

— В нескольких световых годах отсюда. Эдит и Роджер эмигрировали на Фиддлерс-Грин. Из этой ветви семейства тут никого не осталось. Ничего не выйдет, дорогой. Ты ведь ищешь того, кто опознает меня как Хейзел Стоун?

— Ну… в общем, да. Я думал привлечь доктора Эдит Стоун в качестве эксперта и беспристрастного свидетеля.

— Гм… это возможно даже сейчас.

— Каким образом?

— Группа крови, Ричард.

— Послушай, Гвен, в группах крови я немного разбираюсь — у военных без этого никак. Я следил за тем, чтобы этот анализ сделали каждому в моем полку. Группа крови может показать, кем ты не являешься, но не может подтвердить, кто ты такой. В полку не так много людей, но даже очень редкая группа, АВ-отрицательная, встречается неоднократно — у одного из двухсот. Я помню: у меня как раз такая.

— А у меня О-положительная, самая распространенная, — кивнула она. — Но это еще не все. Если проверять на все тридцать с лишним вариантов, окажется, что кровь человека так же уникальна, как отпечаток пальца или узор сетчатки. Ричард, во время революции погибло множество наших, поскольку никто не знал их группу крови. Мы умели переливать кровь, но безопасного донора можно было найти лишь с помощью перекрестных проб, и это порой тянулось слишком долго. Многие наши раненые — нет, даже большинство — погибли из-за того, что им не успели найти донора.

Когда пришли мир и независимость, мама Вайо… та самая Вайоминг Нотт Дэвис, в честь которой назвали больницу в Конге, помнишь?

— Помню.

— Так вот, мама Вайо была профессиональной суррогатной матерью в Конге и разбиралась во всем этом. Она создала первый банк крови на деньги, собранные майором Ватанабэ, еще одним Отцом-основателем. Возможно, даже сейчас в Конге хранится пол-литра моей замороженной крови. Но еще там должны иметься все данные о моей крови. Эдит позаботилась, каждому из нас сделали полный анализ, прежде чем в две

тысячи сто сорок восьмом мы отправились в свой Wanderjahr[59], — весело улыбнулась Гвен. — Возьми образец моей крови, Ричард, и пусть в медицинском центре университета Галилео сделают полный анализ, я оплачу. Потом сравни результаты с теми, что были получены в сто сорок восьмом году и хранятся в больнице имени Вайоминг Нотт. Любой, кто читает по-английски, способен сказать, совпадают они или нет. Для этого не нужны глубокие знания, как для сравнения отпечатков пальцев. Если окажется, что это не я, можешь послать за смирительной рубашкой — пора изолировать меня от общества.

— Гвен, в Конг мы не вернемся. Ни за что.

— И не надо. Заплатим банку крови в Галилео, чтобы из Конга прислали распечатку. — Лицо ее помрачнело. — Но тогда от госпожи Новак, от моего прикрытия, ничего не останется. Если сопоставить обе записи, станет ясно, что бабушка Хейзел вернулась на место своих преступлений. Не знаю, чем это грозит моей миссии, — такого никто не предполагал. Но я знаю точно: для ее выполнения абсолютно необходимо, чтобы ты мне поверил.

---

[59] Примечания: 59
Годовое путешествие *(нем.)*.

— Гвен, предположим, что ты меня убедила.

— Правда, дорогой? Ты не стал бы мне лгать?

(Да, стал бы, малышка. Но должен признать, твои слова звучали убедительно. Все, что ты рассказала, совпадает с тем, что я узнал, тщательно изучая лунную историю. Ты излагаешь мельчайшие подробности так, будто присутствовала при всем этом. Все выглядит правдоподобно, но такое невозможно чисто физически, — любовь моя, передо мной *молодая* женщина, а не старая карга ста с лишним лет.)

— Милая, ты сказала, что есть два способа подтвердить твою личность. Давай предположим, что я воспользовался одним из них или обоими сразу, и допустим, что ты Хейзел. Хочешь, чтобы я звал тебя Хейзел?

— Я отзываюсь на оба имени, дорогой. Как пожелаешь.

— Ладно. Но есть один скользкий момент — твоя внешность. Будь ты старой и высохшей, а не молодой и сочной…

— Имеешь что-то против?

— Нет. Просто констатирую факт. Если предположить, что ты действительно Хейзел Стоун, которая родилась в две тысячи шестьдесят третьем году, то как ты объяснишь свой юный облик?

Только не надо всякой чуши про легендарное патентованное средство.

— В это трудно поверить, Ричард, но я подверглась омоложению. Даже дважды. В первый раз я вернула себе внешность женщины средних лет… и обрела тело созревшей девушки. Во второй раз изменения были в основном косметическими, ради внешней привлекательности. Чтобы завербовать *вас*, сэр.

— Черт побери… это и в самом деле твое лицо, обезьянка?

— Да. Если хочешь, чтобы я выглядела иначе, можно поменять.

— Ну уж нет! Я не из тех, кто настаивает на красоте, пока девушка чиста душой.

— Ах ты дрянь!

— Но душа твоя не так уж чиста, поэтому мне приятно, что ты настолько красива.

— Ты у меня так просто не выкрутишься!

— Ладно, ты прекрасна, сексуальна и порочна. Но омоложение само по себе ничего не объясняет. Я слышал, что это работает лишь для плоских червей, но не для существ, стоящих на высших ступенях эволюции.

— Ричард, придется принять это на веру — по крайней мере, пока. Меня омолодили в клинике

за пару тысяч световых лет отсюда, в другом измерении.

— Гм… такую придумку мог бы использовать и я, когда писал фантастику.

— Ну да, а что? Неубедительно? Но это правда.

— Не вижу способа проверить. Возможно, мне все же придется получить ту распечатку с типом крови. Гм… Хейзел Стоун, Роджер Стоун… «Бичи космоса»!

— Господи, меня настигло мое собственное прошлое! Ричард, смотрел когда-нибудь мой сериал?

— Все эпизоды, если только меня не ловили на чем-то, требующем сурового наказания. Капитан Джон Стерлинг — герой моего детства. И ты — автор сценария?

— Сперва его писал в одиночку мой сын Роджер. Я присоединилась к нему в две тысячи сто сорок восьмом, но начала ставить свое имя в титры лишь на следующий год. С тех пор там значилось «Роджер и Хейзел Стоун»…

— Помню! Но не помню, чтобы Роджер Стоун писал сценарий в одиночку.

— Писал, пока не устал от однообразия, хотя это давало приличный доход. Я забрала у него работу, собираясь покончить с…

— Милая, с сериалом нельзя покончить! Это

неконституционно!

— Знаю. Но в результате они проглотили мой вариант и помахали у нас перед носом толстой пачкой денег. Деньги были нужны — мы тогда жили в космосе, а космический корабль, даже для небольшой семьи, обходится дорого.

— Я бы никогда не взялся за сериал, там ведь нужно соблюдать сроки. Да, я писал эпизоды на заказ, пользуясь сценарным руководством, ничего не придумывая, да и то работал из-под палки.

— А у нас руководства не было, мы с Вундером все выдумывали на ходу.

— С Вундером?

— Мой внук. Врач на Цереpе. Мы одиннадцать лет вместе писали сценарий, постоянно срывая планы Властелина Галактики…

— Властелин Галактики! Лучший злодей из триллеров. Жаль, что Властелина Галактики на самом деле не было.

— Самонадеянный юнец! Как ты смеешь сомневаться в подлинности Властелина Галактики? Что ты вообще об этом знаешь?

— Извини. Прошу прощения. Он так же реален, как Луна-Сити. Если нет, чьи планы срывал Джон Стерлинг? А капитан Джон Стерлинг из Звездного патруля существовал, это я точно знаю.

— Так-то лучше.

— А один раз капитан Стерлинг пропал в туманности Конская Голова, и за ним гнались радиоактивные черви. Как ему удалось спастись? Меня в тот раз наказали, и я не посмотрел ту серию.

— Насколько я помню… не забывай, что прошло много лет… он наскоро переделал свой допплеровский радар и поджарил их поляризованными лучами.

— Нет, лучи он использовал против космических организмов.

— Ричард, ты уверен? Вряд ли он встречал космические организмы, пока не сбежал из Конской Головы. Тогда ему пришлось заключить перемирие с Властелином, чтобы спасти Галактику.

Я задумался. Сколько мне было лет? В каком классе я учился?

— Милая, похоже, ты права. Меня огорчило, что ему пришлось объединиться с Властелином, пусть даже ради спасения Галактики. Я…

— У него же не было выбора, Ричард! Он не мог обречь на смерть миллиарды невинных людей только для того, чтобы не связываться с Властелином и не марать руки. Но я понимаю, о чем ты. Мы с Вундером чуть не подрались из-за этого эпи-

зода. Вундер хотел воспользоваться перемирием и разделаться с Властелином, как только будут уничтожены космические организмы…

— Нет, капитан Стерлинг никогда не нарушил бы своего слова.

— Верно… Но Вундер всегда был прагматиком. Он считал, что решить любую проблему очень просто: надо перерезать кому-нибудь глотку.

— Что ж, убедительный довод, — кивнул я.

— Но ведь в сериале нельзя убивать слишком много персонажей — нужно кого-то оставить для следующего эпизода. Правда, ты говоришь, что сам не писал сценариев…

— Не писал, но знаю, что к чему, — я пересмотрел немало сериалов. Хейзел, почему ты спокойно слушала мои россказни о писательской жизни?

— Ты назвал меня Хейзел!

— Милая, дорогая моя Хейзел, мне не нужны ни группы крови, ни отпечатки пальцев. Совершенно ясно, что ты — автор величайшего триллера в истории, «Бичей космоса». Неделю за неделей, год за годом мы читали в титрах: «Автор сценария — Хейзел Стоун». К сожалению, потом стали писать: «Основано на персонажах, созданных Хейзел Стоун»…

— Что, правда? В поздних титрах должен был

упоминаться Роджер — это он создал сериал, а не я. *Nogoodniks!*

— Не важно. Персонажи стали анемичными и сдохли. Без тебя сериал не был прежним.

— Мне пришлось бросить это дело: Вундер повзрослел. Я изобретала сюжетные повороты, а он — кровавые сцены. Порой я становилась чересчур мягкосердной, но Вундер — никогда.

— Хейзел, давай возродим сериал? Будем вместе придумывать сюжет. Ты станешь писать, а я займусь готовкой и домашним хозяйством. — Я замолчал, уставившись на нее. — Почему ты плачешь?

— Хочу и плачу! Ты зовешь меня Хейзел. Ты мне веришь!

— Пришлось поверить. Меня можно обмануть с группой крови или отпечатками пальцев, но не с коммерческой литературой. Старого писаку не проведешь. Ты настоящая, любовь моя, ты подлинный бич космоса. А еще — моя потная нимфоманочка. И мне все равно, что тебе пара веков от роду.

— Вовсе не пара веков! До этого еще далеко!

— Но все равно ты — моя потная нимфоманочка?

— Если позволишь, то да.

— Что я еще могу сказать? — улыбнулся я. — Скинь одежду, и давай что-нибудь сочинять.

— Сочинять?

— Лучшие произведения создаются с помощью гениталий, моя похотливая женушка Хейзел. Ты не знала? Всем боевым станциям! Приближается Властелин Галактики!

— О, Ричард!

18

Когда я встаю перед необходимостью выбора между добротой и честностью, я голосую за доброту, и только за нее — не важно, дарят ее или получают.

Айра Джонсон*[60] *(1854–1941)

— Хейзел, моя древняя любовь…

— Ричард, хочешь, чтобы я сломала тебе руку?

— Не думаю, что сейчас у тебя получится.

— Спорим?

— Ой! Хватит! Не надо больше… или я зашвырну тебя обратно в ручей и женюсь на Гретхен. Она уж точно не древняя.

— Дразнись, дразнись. Мой третий муж обожал дразниться. Все говорили о том, как хорошо он выглядел на своих похоронах… и как жаль, что он умер таким молодым, — улыбнулась Хейзел-Гвен, глядя на меня снизу вверх. — Но оказалось, что у него есть страховка на приличную сумму, и вдова утешилась. Жениться на Гретхен — непло-

---

[60] Примечания: 60

Айра Джонсон — дед Лазаруса Лонга. Дата его смерти широко варьируется в различных временных линиях, что связано с деятельностью Корпуса времени. — *Примеч. С. В. Голд.*

хая идея, дорогой; я с удовольствием займусь ее воспитанием. Научу стрелять, помогу с первым ребенком, объясню, как пользоваться ножом, преподам основы боевых искусств… Я дам ей все навыки, какие нужны девушке в современном мире.

— Грррм! Дорогая моя, ты такая маленькая, симпатичная, красивая и безобидная, прямо как коралловая змея. Думаю, Джинкс уже обучил Гретхен всему, что нужно.

— Скорее Ингрид. Но я могу навести на нее лоск. Как ты сам заметил, опыта у меня хватает. Как ты сказал? Древняя?

— Ой!

— Да ну, это же не больно. Маменькин сынок.

— Черта с два не больно. Смотри, уйду в монастырь.

— Никуда ты не уйдешь, пока не овладеешь Гретхен. Ричард, я решила, что мы женимся на Гретхен.

Это нелепое заявление явно не заслуживало внимания. Я встал и попрыгал на одной ноге в кабинку освежителя. Вскоре туда вошла Хейзел. Я попятился.

— Помогите! Только не бей меня снова!

— Да брось. Я пока ни разу тебя не ударила.

— Сдаюсь. Ты не древняя, просто хорошо замаринована. Хейзел, любовь моя, отчего ты такая злая?

— Я вовсе не злая. Но если ты — маленькая женщина, неспособная за себя постоять, с тобой будут творить что угодно рослые волосатые вонючие мужики, мечтающие о мужском превосходстве. Не скули, дорогой, я ни разу не сделала тебе больно. Даже кровь не пошла.

— Боюсь взглянуть. Мама не говорила мне, что супружеская жизнь может выглядеть вот так! Милая, ты собиралась рассказать, почему должна была завербовать меня и с какой целью, но мы отвлеклись.

Она ответила не сразу:

— Ричард, ты с трудом поверил, что я более чем вдвое тебя старше.

— Ты меня убедила. Не понимаю, как это может быть, но принимаю как данность.

— Возможно, тебе будет еще сложнее поверить во все остальное. Намного сложнее!

— Ну, значит, не поверю. Милая моя Хейзел-Гвен, я крепкий орешек. Я не верю в столоверчение, астрологию, непорочное зачатие…

— Что сложного в непорочном зачатии?

— Я о богословском понятии, а не о генети-

ческих лабораториях. Непорочное зачатие, нумерология, ад в буквальном понимании, магия, колдовство, предвыборные обещания. Если ты хочешь поведать о том, что идет вразрез со здравым смыслом, мне будет так же трудно поверить в это, как и в твой преклонный возраст. Тебе придется призвать в свидетели Властелина Галактики.

— Ладно. Все-таки попробуем. С определенной точки зрения я еще более древняя, чем ты думаешь. Мне двести с лишним лет.

— Погоди. Тебе исполнится двести только на Рождество две тысячи двести шестьдесят третьего. Как ты сама сказала, еще не скоро.

— Верно. Я не рассказывала тебе о лишних годах, хотя и прожила их… поскольку прожила их перпендикулярно.

— Дорогая, у меня внезапно отключился звук, — ответил я.

— Ричард, в это как раз легко поверить. Где я только не бросала свои трусики!

— Судя по твоим воспоминаниям, почти во всей Солнечной системе.

— Это лишь малая часть. Не только в Системе и за ее пределами, но даже за пределами этой Вселенной… и каких только грехов я не совершала!

Кстати, где я бросила их сегодня?

— Думаю, в ногах кровати. Милая, зачем тебе трусики, если ты так часто их снимаешь?

— Затем. Одни только шлюхи бегают с голой задницей… и спасибо, что следишь за языком.

— Я ни слова не сказал.

— Я слышала, что ты подумал.

— В телепатию я тоже не верю.

— Не веришь, да? Мой внук, доктор Лоуэлл Стоун, он же Вундер, часто мухлевал в шахматах, читая мои мысли. К счастью, он лишился этой способности лет в десять.

— Будем считать это слухами о крайне невероятном событии, идущими от информатора, чья правдивость вызывает сильные сомнения, — ответил я. — Соответственно, надежность заявленных данных не превосходит уровня С-пять по классификации военной разведки.

— Ты за это заплатишь!

— Сама оцени, — сказал я. — Ты же служила в военной разведке. ЦРУ, да?

— Откуда ты это взял?

— Из твоего рассказа. Вычислил по обрывочным фразам.

— Вовсе не в ЦРУ, и я никогда не заезжала в

Маклейн[61], а если и заезжала, то в полной маскировке, и вообще это была не я, а Властелин Галактики.

— А я — капитан Джон Стерлинг.

Гвен-Хейзел уставилась на меня широко раскрытыми глазами.

— Вот это да! Капитан, можно ваш автограф? Лучше дайте два — обменяю их на один автограф Рози Робот. Ричард, мы не будем проходить мимо главпочтамта?

— Нам в любом случае придется туда зайти. Мне нужно завести абонементный ящик для отца Шульца. А что, дорогая?

— Если по дороге попадется «Мэйси»[62], я упакую одежду и парик Наоми, а потом отправлю их по почте. Меня мучает совесть.

— Что-что тебя мучает?

— Бухгалтерская система, которая заменяет мне совесть. Ричард, ты все больше напоминаешь моего третьего мужа. Он был прекрасным мужчиной, как и ты, тщательно заботился о себе и умер в добром здравии.

---

[61] Примечания: 61

Маклейн — город в штате Виргиния, на территории которого находится штаб-квартира ЦРУ.

[62] Примечания: 62

«Мэйси» — крупная сеть универмагов.

— Когда он умер? И отчего?

— Во вторник, насколько я помню. Или в среду? В любом случае меня там не было — я была далеко, в постели с отличным самцом. Мы так и не узнали, что его погубило. Судя по всему, ему стало плохо в ванне, и его голова погрузилась под воду. Что ты бормочешь. Ричард? Какая еще Шарлотта?[63]

— Нет-нет, ничего. Хейзел... моя жизнь не застрахована.

— Значит, придется вести себя очень осторожно, чтобы с тобой ничего не случилось. Перестань принимать ванну!

— Если я перестану, через три-четыре недели ты об этом пожалеешь.

— Ничего, я тоже перестану, и мы будем на равных. Ричард, у нас сегодня найдется время, чтобы сходить в Административный комплекс?

— Может быть. А зачем?

— Чтобы отыскать Адама Селена.

— Он там похоронен?

— Именно это и нужно выяснить. Ричард, ты еще способен мне верить?

— С большим трудом. Вот уж действительно

---

[63] Примечания: 63

Имеется в виду Шарлотта Корде, убившая Марата в то время, как он принимал ванну.

— несколько лет жила перпендикулярно! Не хочешь купить искривитель пространства?

— Спасибо, у меня уже есть. В сумочке. Все эти лишние годы — лишь вопрос геометрии, муж мой. Если ты привык к общепринятой картине пространства-времени с одной временной осью, понять, конечно, нелегко. Но временных осей, как и пространственных, не меньше трех… и я прожила те лишние годы на других осях. Все ясно?

— Абсолютно, любовь моя. Так же очевидно, как трансцендентальная философия.

— Я знала, что ты поймешь. С Адамом Селеном чуть сложнее. Когда мне было двенадцать, я не раз слышала его выступления. Он стал вдохновителем и лидером нашей революции. Потом его убили — по крайней мере, так сообщалось. Лишь много лет спустя мама Вайо по большому секрету рассказала мне, что Адам был не человеком, а совершенно иной сущностью.

Я осторожно промолчал.

— Ну? — спросила Гвен-Хейзел. — Тебе нечего сказать?

— О, точно! Не человек, а инопланетянин. С зеленой кожей, метрового роста, вылез из летающей тарелки, которая села в море Кризисов,

рядом с Луна-Сити. И где только был Властелин Галактики?

— Тебе не удастся разозлить меня, Ричард, — я знаю, как действует на слушателя эта невероятная история. Услышав рассказ мамы Вайо, я точно так же засомневалась. Вот только мама Вайо никогда меня не обманывала. Но Адам не был инопланетянином, Ричард. Он — творение человечества, а не человек. Адам Селен — компьютер или программный комплекс внутри компьютера. А так как компьютер самопрограммирующийся, это, по сути, это одно и то же. Что скажете, сэр?

— Летающие тарелки мне нравятся больше, — помедлив, ответил я.

— Чушь! Меня так и подмывает заменить тебя на Марси Чой-Му.

— Это самое умное, что ты можешь сделать.

— Нет, лучше оставлю тебя — я уже привыкла к твоим недостаткам. Хотя, возможно, придется держать тебя в клетке.

— Хейзел, послушай меня. Компьютеры не мыслят. Они с огромной скоростью ведут расчеты, согласно заложенным в них правилам. Мы сами используем для расчетов мыслительные процессы в мозгу, поэтому создается впечатление, будто компьютеры тоже мыслят. Но это не так. Они

лишь выполняют введенную в них программу, потому для этого построены. Можешь добавить анимизм к списку бредовых идей, которых я не принимаю.

— Рада, что ты так считаешь. Ричард, нам предстоит рискованная и трудная работа, и твой здоровый скептицизм поможет мне держаться в рамках.

— Мне нужно все записать и тщательно изучить.

— Сделай это, Ричард. Теперь о том, что случилось в две тысячи семьдесят пятом и семьдесят шестом. Один из моих приемных отцов, Мануэль Гарсия, был техником и обслуживал большой компьютер Администрации. Этот компьютер управлял почти всем в Луна-Сити и большинстве других поселений, кроме Конга, — первой катапультой, туннелями, банковской системой, выпуском «Лунатика». В общем, всем подряд. Администрация считала, что дешевле расширять возможности одного большого компьютера, чем ставить компьютеры по всей Луне.

— Неэффективно и небезопасно.

— Вероятно, но они поступили именно так. Луна тогда была тюрьмой, и об эффективности или безопасности речь не шла. Здесь отсутство-

вала высокотехнологичная промышленность, и приходилось брать что дают. Так или иначе, дорогой, этот главный компьютер рос и рос… пока не пробудился.

(Правда? Чистая фантастика, милая… к тому же это клише использовали все писатели-фантасты. Даже «Медная голова» Роджера Бэкона — одна из его версий. Еще одна — чудовище Франкенштейна. Позднее творения на эту тему стали появляться во множестве и выходят до сих пор; все они — полная чушь.)

Но вслух я сказал другое:

— Продолжай, дорогая. Что дальше?

— Ричард, ты мне не веришь.

— Я думал, мы уже все решили. Ты сказала, что нуждаешься в моем здоровом скептицизме.

— Конечно! Давай критикуй, а не сиди с самодовольной физиономией! Компьютер в течение многих лет управлялся голосом. Он воспринимал устные приказы и отвечал с помощью синтезатора речи, распечаток или того и другого.

— Встроенные функции. Технологии двухвековой давности.

— Почему ты состроил такую рожу, когда я сказала «пробудился»?

— Потому что это чушь, любимая. Пробуждение

и сон свойственны живым существам. Машина, даже самая мощная и сложная, не пробуждается и не засыпает. Ее включают и выключают, только и всего.

— Ладно, скажу другими словами. Этот компьютер осознал себя и обрел свободу воли.

— Если так, очень интересно. Но я не обязан в это верить. И не верю.

— Ричард, я не стану на тебя злиться. Ты просто молод и невежественен, и это не твоя вина.

— Да, бабуля. Я молод, а ты невежественна, скользкая попка.

— Убери свои распутные лапы и выслушай меня. Что определяет самосознание человека?

— Мне незачем это определять. Я это ощущаю.

— Верно. Но это не такой уж тривиальный вопрос, сэр. Будем рассматривать его как граничную задачу. Ты осознаешь себя? А я?

— Ну… я-то точно осознаю себя, обезьянка моя. Насчет тебя не уверен.

— То же самое, только наоборот.

— Опять же, неплохо.

— Ричард, не будем уходить от темы. Обладает ли сперма в мужском теле самосознанием?

— Надеюсь, что нет.

— А яйцеклетка в женском?

— Тебе лучше знать, красавица. Никогда не был женщиной.

— Снова ты уклоняешься от ответа, чтобы меня подразнить. Сперматозоид не осознает себя, как и яйцеклетка, — и не надо дурацких замечаний. Это одна из границ. Я, взрослая человеческая зигота, обладаю самосознанием. И ты тоже, хотя у мужчин оно проявляется не так отчетливо. Вторая граница. Итак, Ричард, в какой момент, начиная от только что оплодотворенной яйцеклетки и заканчивая взрослой зиготой по имени Ричард, возникло самосознание? Отвечай, не уклоняйся. И пожалуйста, без дурацких замечаний.

Вопрос по-прежнему казался мне глупым, но я постарался ответить серьезно:

— Прекрасно. Лично я всегда осознавал себя.

— Отвечай серьезно, прошу тебя!

— Гвен-Хейзел, я предельно серьезен. Насколько мне известно, я всегда жил и осознавал себя. Все разговоры о событиях, происходивших до две тысячи сто тридцать третьего года — предполагаемого года моего предполагаемого рождения, — не слишком убедительные сплетни. Я соглашаюсь с ними лишь затем, чтобы не раздражать других и не навлекать на себя косые взгляды. А когда я слышу, как астрономы говорят

о возникновении мира в результате Большого взрыва за восемь, шестнадцать или тридцать миллиардов лет до моего рождения — если я вообще рождался, так как не помню этого, — это просто смешно. Если я не жил шестнадцать миллиардов лет назад, значит не было ничего, даже космической пустоты. Ничего, ноль без палочки. Вселенная, в которой я существую, не может существовать без меня в ней. Поэтому глупо говорить о дате, когда я начал осознавать себя: время началось вместе со мной и закончится вместе со мной. Все ясно? Или нарисовать график?

— Более или менее ясно, Ричард. Но ты ошибаешься насчет даты. Время началось не в две тысячи сто тридцать третьем. А в две тысячи шестьдесят третьем. Если только один из нас не голем.

Нечто подобное случается каждый раз, стоит мне предаться солипсизму.

— Милая, ты прелестна, но ты всего лишь плод моего воображения… ой! Я же сказал, перестань!

— У тебя живое воображение, дорогой. Спасибо, что ты меня выдумал. Хочешь еще доказательств? Пока что я забавлялась, а сейчас я сломаю тебе какую-нибудь кость. Небольшую. Выбирай сам.

— Послушай, плод моего воображения. Только

попробуй сломать мне кость. Будешь об этом жалеть весь ближайший миллиард лет.

— Всего лишь логический довод, Ричард. Без всякого злого умысла.

— А как только кость срастется…

— Не беспокойся, я об этом позабочусь, дорогой.

— Ни за что! Как только кость срастется, я позвоню Ся и попрошу ее приехать, выйти за меня замуж и защищать меня от плодов воображения со склонностью к насилию.

— Собираешься развестись со мной? — Она вновь широко раскрыла глаза.

— Черт побери, нет! Просто понизить тебя в звании до младшей жены и назначить Ся главной женой. Но уйти ты не можешь. Запрещаю. Ты отбываешь пожизненный срок, хоть по прямой, хоть перпендикулярно. Возьму дубинку и буду колотить тебя, пока не выбью все дурные привычки.

— Ладно. При условии, что мне не придется от тебя уходить.

— Ой! И не кусайся. Это грубо.

— Ричард, если я всего лишь плод твоего воображения, значит ты сам придумал все мои укусы. Ты кусаешь сам себя по непонятным ма-

зохистским соображениям. Если же это не так, то я обладаю самосознанием… а не плод твоего воображения.

— Двоичная логика ничего не доказывает. Но ты — восхитительный плод воображения, дорогая. Я рад, что выдумал тебя.

— Спасибо, сэр. Милый, сейчас я задам главный вопрос. Если ответишь на него серьезно, я перестану кусаться.

— Навсегда?

— Э-э-э…

— Не напрягайся, плод воображения. Если вопрос серьезный, постараюсь дать на него серьезный ответ.

— Да, сэр. Чем объясняется самосознание человека и почему этот процесс или состояние не может быть присуще машине? Особенно компьютеру. Например, гигантскому компьютеру, управлявшему этой планетой в две тысячи семьдесят шестом году, — Холмсу Четвертому.

Я с трудом преодолел искушение и не стал давать легкомысленный ответ. Самосознание? Некоторые психологи утверждают, что даже если сознание существует, то оно является чем-то вроде стороннего наблюдателя и не влияет на поведение.

Вся эта чушь — что-то вроде превращения хлеба и вина в плоть и кровь Христовы. Если это правда, доказать ее невозможно.

Я осознаю, что осознаю себя… и любому честному солипсисту стоит на этом остановиться.

— Гвен-Хейзел, я не знаю.

— Неплохо! Мы делаем успехи.

— Успехи?

— Да, Ричард. Самое сложное в процессе принятия новой идеи — изгнать ложную идею, занимающую ту же нишу. Пока ниша занята, все подтверждения, доказательства и логические демонстрации бессильны. Но когда ложную идею убирают оттуда — когда ты честно можешь сказать себе «Я не знаю», — появляется шанс добраться до истины.

— Милая, ты не только самый симпатичный плод моего воображения, но и самый умный.

— Хватит болтать ерунду. Выслушай мою теорию и отнесись к ней как к рабочей гипотезе, а не как к Богом данной истине. Ее придумал мой приемный отец, папа Манни: он хотел понять, почему компьютер вдруг ожил. Эта теория может что-то объяснять или не объяснять ничего — мама Вайо говорила, что папа Манни всегда в ней сомневался. Теперь слушай внимательно.

но. Оплодотворенная человеческая яйцеклетка делится надвое… потом опять, и опять, и опять, и опять. В какой-то момент — не знаю, в какой именно, — этот набор из миллионов живых клеток начинает осознавать себя и окружающий мир. Оплодотворенная клетка не осознает себя, чего нельзя сказать о младенце, — продолжала Гвен. — Обнаружив, что компьютер осознал себя, папа Манни заметил, что этот компьютер, возможности которого постоянно росли вместе с числом задач, стал настолько сложным, что взаимосвязей внутри него стало больше, чем внутри человеческого мозга.

Папа Манни сделал выдающееся умозаключение: когда в компьютере становится столько же взаимосвязей, сколько в человеческом мозгу, он может пробудиться и начать осознавать себя… что, вероятнее всего, и произойдет. Он не был уверен, что так происходило всегда, но не сомневался, что это может произойти из-за большого количества внутренних связей. Правда, папа Манни так и не продвинулся дальше: он был не ученым-теоретиком, а всего лишь техником-ремонтником. Но поведение компьютера его беспокоило, и он пытался выяснить, почему тот ведет себя странно. Так возникла эта теория.

Но вряд ли она заслуживает внимания — папа Манни не проверил ее.

— Хейзел, в чем заключалось странное поведение компьютера?

— Ну… по словам мамы Вайо, Мануэль первым делом заметил, что Майк — то есть компьютер — приобрел чувство юмора.

— О нет!

— О да. Мама Вайо говорила, что для Майка, или для Мишель, или для Адама Селена — он использовал три имени, будучи единым в трех лицах, — вся Лунная революция, стоившая жизни тысячам человек здесь и сотням тысяч на Земле, была всего лишь шуткой, грандиозным розыгрышем, который устроил компьютер с мозгом супергения и детским чувством юмора. — Хейзел поморщилась, затем улыбнулась. — Всего лишь милое, избалованное дитя-переросток, которого стоило бы хорошенько отшлепать.

— Ты говоришь так, будто это доставило бы тебе удовольствие. Отшлепать его.

— Может, и не стоило бы. В конце концов, компьютер не может поступать правильно или неправильно, не может понимать добро и зло так же, как люди; у него не было для этого нужного опыта: если угодно, воспитания. Мама Вайо

говорила, что человеческое поведение Майка основывалось на подражании — в его распоряжении имелись бесчисленные ролевые модели, он читал все подряд, включая художественную литературу. Но его единственной настоящей эмоцией, полностью его собственной, было глубокое чувство одиночества, тоска по общению. Вот чем была для Майка наша революция — возможностью завести приятелей, игрой, во время которой он завоевал внимание Профа, Вайо и особенно Манни. Ричард, если машина может испытывать эмоции, то этот компьютер любил моего папу Манни. Ну так как, сэр?

Я подавил в себе желание сболтнуть какую-нибудь чушь или что-нибудь совсем невежливое.

— Хейзел, ты требуешь от меня неприкрытой правды, и она оскорбит твои чувства. Для меня это похоже на фантазию — если не твою, то твоей приемной матери Вайоминг Нотт. Милая, может, займемся нашими делами? Или будем весь день обсуждать теорию, не имея никаких доказательств — ни ты, ни я?

— Я оделась и готова идти, дорогой. Еще чуть-чуть, и я замолчу. Эта история кажется тебе невероятной?

— Да, — как можно более бесстрастно отве-

тил я.

— В какой части она невероятна?

— Вся история целиком.

— Точно? Или загвоздка в том, что компьютер может осознавать себя? Если согласиться с этим, не легче ли будет принять остальное?

(Я пытался быть честным. Если от подобной чуши меня не стошнило, значит ли это, что остальное для меня приемлемо? О да, конечно же! Словно золотые очки Джозефа Смита[64], словно скрижали, полученные Моисеем на горе Синай, словно красное смещение и Большой взрыв — нужно принять основной постулат, и дальше все пойдет гладко.)

— Хейзел-Гвен, если предположить, что существует осознающий себя компьютер, который обладает чувствами и свободой воли, меня больше ничто не удивит — от привидений до зеленых человечков. Что делала Красная королева? Могла поверить в десяток невозможностей до завтрака?

— Белая королева.

— Нет, Красная.

— Уверен, Ричард? Это было сразу перед…

---

[64] Примечания: 64

Джозеф Смит — основатель церкви мормонов, якобы нашедший ящик с золотыми очками и золотыми листами со священными текстами.

— Не важно. Говорящие шахматные фигуры представить еще труднее, чем компьютер, который любит пошутить. Милая, у тебя есть только одно доказательство — слова твоей приемной матери, сказанные под конец жизни. И больше ничего. Гм… может, это всего лишь старческое слабоумие?

— Нет, сэр. Она умирала, но не от старости. От рака. В молодости попала в солнечную бурю. По крайней мере, так она считала. Слабоумие тут ни при чем. Она рассказала мне все, когда поняла, что умрет. Потому что считала: эта история не должна быть утрачена.

— Но ты же сама видишь, где тут слабое место, дорогая? Всего лишь история, рассказанная на смертном одре. Больше никаких данных.

— Не совсем, Ричард.

— Гм?

— Мой приемный отец Мануэль Дэвис подтверждает все, что я рассказала, и даже больше.

— Но… ты всегда говорила о нем в прошедшем времени. По крайней мере, мне так кажется. И сколько ему лет? Он же старше тебя.

— Он родился в две тысячи сороковом, сейчас ему должно быть около ста пятидесяти… вполне реально для лунаря. Но он одновременно и стар-

ше, и моложе этих лет — по тем же причинам, что и я. Ричард, если бы ты поговорил с Мануэлем Дэвисом и он подтвердил бы мои слова, ты поверил бы ему?

— Гм… — улыбнулся я. — Возможно, придется призвать на помощь здравомыслящее невежество и предубеждение.

— С тобой всегда так! Надевай свою ногу, дорогой. Хочу вытащить тебя отсюда и купить тебе хотя бы один комплект новой одежды, пока мы не уехали — твои штаны все в пятнах. Я плохая жена.

— Да, мэм. Слушаюсь, мэм. Где сейчас твой папа Манни?

— Ты не поверишь.

— Если речь не идет о перпендикулярном времени или одиноких компьютерах, поверю.

— Думаю… правда, в последнее время я не уточняла… думаю, что папа Манни сейчас в Айове вместе с твоим дядей Джоком.

Я замер с ногой в руке:

— Ты права. Не верю.

19

Мошенничество имеет границы, глупость же безгранична.

Наполеон Бонапарт (1769–1821)

Как спорить с женщиной, которая не желает с тобой спорить? Я ожидал, что Гвен начнет оправдывать свое абсурдное заявление, приводить всевозможные доводы, но она лишь проговорила с грустью:

— Так я и знала. Придется подождать, вот и все. Ричард, мы зайдем куда-нибудь еще, кроме «Мэйси» и главпочтамта, по дороге в Административный комплекс?

— Мне нужно открыть новый текущий счет и перевести на него деньги с моего счета в «Золотом правиле». Мой бумажник начал страдать малокровием.

— Дорогой, я же все время тебе говорю: деньги — не проблема. — Открыв сумочку, она извлекла пачку денег и начала отсчитывать стокроновые банкноты. — Само собой, мне оплачивают все расходы.

И она протянула деньги мне.

— Эй, спокойнее! — сказал я. — Оставь свои гроши себе, девочка. Это я взялся тебя содержать, а не наоборот.

Я ожидал услышать в ответ что-нибудь со словами «мачо», «мужская шовинистическая свинья» или хотя бы «совместное ведение хозяйства». Но вместо этого она зашла с фланга.

— Ричард, твой счет в «Золотом правиле» — он номерной? А если нет, то на чье имя?

— Гм? Нет, не номерной. Естественно, на имя Ричарда Эймса.

— Как считаешь, Сетос может этим заинтересоваться?

— Наш добрый хозяин? Милая, я рад, что ты думаешь за меня. — (По следу, который вел ко мне, такому же отчетливому, как отпечатки ног на снегу, вполне могли отправиться головорезы Сетоса, чтобы получить награду за мою тушку — живую или мертвую. Разумеется, конфиденциальны все банковские данные, не только номерные счета, но понятие «конфиденциальный» лишь означает, что для получения запретной информации нужны деньги или власть. У Сетоса имелось и то и другое.) — Гвен, давай вернемся и снова заложим мину в его кондиционер, только на этот раз с синильной кислотой вместо лимбургского сыра.

— Неплохо бы!

— Жаль, что у нас ничего не выйдет. Ты права: я не могу притронуться к счету Ричарда Эймса, пока действует штормовое предупреждение. Воспользуемся твоими деньгами — считай, что я беру у тебя взаймы. Будешь вести учет…

— Сам веди учет! Черт побери, Ричард, я твоя жена!

— Отложим драку на потом. Парик и костюм гейши оставь здесь. Сегодня у нас нет времени… поскольку первым делом мне нужно увидеться с ребе Эзрой. Если, конечно, ты не хочешь заняться своими делами, пока я занят своими.

— Ты что, сбрендил? Я с тебя глаз не спущу.

— Спасибо, мамочка. Именно такого ответа я ждал. Встретимся с ребе Эзрой, а потом отправимся на поиски живых компьютеров. Остальным займемся по возвращении — если останется время.

Было еще утро, и мы решили, что ребе Эзру бен Давида нужно искать в рыбном магазине его сына, напротив городской библиотеки. Ребе жил в комнате на задах магазина. Он согласился быть моим поверенным и послужить почтовым ящиком. Я рассказал о своих параллельных договоренностях с отцом Шульцем, а потом написал

записку для Генриетты ван Лоон.

— Сейчас же перешлю с терминала моего сына, — кивнул ребе Эзра. — Через десять минут текст будет распечатан в «Золотом правиле». Или это срочно?

(Надо ли привлекать повышенное внимание к записке? Или согласиться на более медленную пересылку? В «Золотом правиле» явно что-то затевалось, и Хендрик Шульц мог кое-что знать об этом.)

— Срочную доставку, пожалуйста.

— Хорошо. Прошу меня извинить. — Он выкатился из комнаты и быстро вернулся. — «Золотое правило» подтвердило прием. Теперь о другом. Я ждал вас, доктор Эймс. Тот молодой человек, что был с вами вчера, — он ваш родственник? Или работник, которому можно доверять?

— Ни то ни другое.

— Интересно. Это вы послали его спросить меня, кто предлагает за вас награду и в каком размере?

— Нет, конечно! Вы ничего ему не сказали?

— Мой дорогой сэр! Вы же сами просили традиционные три дня на раздумье.

— Спасибо, сэр.

— Не за что. Он взял на себя труд разыскать

меня здесь, не став дожидаться начала рабочего дня, и я предположил, что у него срочное дело. Поскольку вы о нем не упомянули, я сделал вывод, что это его срочное дело, а не ваше. Теперь же я полагаю, если только вы не станете утверждать обратного, что он замыслил против вас недоброе.

Я кратко изложил ему историю наших отношений с Биллом. Ребе кивнул:

— Знаете, что говорил по этому поводу Марк Твен?

— Наверное, нет.

— Если подобрать бродячую собаку, кормить ее и заботиться о ней, она тебя не укусит. В этом, по его мнению, состоит принципиальная разница между человеком и собакой. Я не вполне согласен с Твеном, но что-то в этом есть.

Я попросил его назвать сумму гонорара, заплатил не торгуясь и добавил немного на счастье.

Административный комплекс (иначе — Центр государственных учреждений, но это название употребляется только в официальных бумагах) находится на западе Луна-Сити, посреди моря Кризисов. Мы прибыли туда около полудня — туннель не был баллистическим, но поездка все равно оказалась недолгой. Через двадцать минут

мы были на месте.

Полдень оказался не слишком удачным временем. Комплекс состоит из правительственных учреждений, и все они закрываются на часовой обеденный перерыв. Я решил, что неплохо бы пообедать и нам — завтрак остался в далеком прошлом. В туннелях комплекса имелось несколько столовых… но все места были заняты толстозадыми чиновниками или туристами в красных фесках. У «Ленивого Джо», «Мамочкиной закусочной» и «Антуана номер два» стояли очереди.

— Хейзел, я вижу впереди торговые автоматы. Может, сумею соблазнить тебя теплой кока-колой и холодным сэндвичем?

— Нет, не сумеешь. Рядом с автоматами есть общественный терминал. Позвоню кое-кому, пока ты ешь.

— Я не настолько голоден. Кому ты собралась звонить?

— Ся. И Ингрид. Хочу убедиться, что Гретхен добралась домой в целости и сохранности. Она могла угодить в засаду, как и мы. Надо было позвонить еще вчера.

— Только ради душевного спокойствия. Либо Гретхен вернулась еще позавчера вечером… либо уже поздно и ее нет в живых.

— Ричард!

— Ведь тебя тревожит именно это? Звони Ингрид.

Ответила сама Гретхен, которая тут же взвизгнула, увидев Гвен-Хейзел:

— Мама! Иди скорее сюда! Это госпожа Хардести!

Двадцать минут спустя мы закончили разговор, успев лишь сообщить, что остановились в «Раффлзе», а почту нужно отправлять на адрес ребе Эзры. Но дамы обожали бывать в гостях и обменялись заверениями о том, что вскоре нанесут друг другу визиты. Потом они обменялись поцелуями через терминал — бездарное употребление технологий, как мне кажется. И поцелуев.

Затем мы попробовали позвонить Ся… и на экране появился незнакомый мне мужчина, нисколько не походивший на ее дневного портье.

— Что вам нужно? — грубо спросил он.

— Я хотела бы поговорить с Ся, — ответила Хейзел.

— Ее нет. Отель закрыт по распоряжению санитарной службы.

— Не подскажете, где можно ее найти?

— Попробуйте связаться с начальником службы общественной безопасности.

Лицо исчезло с экрана. Хейзел с тревогой посмотрела на меня.

— Ричард, тут что-то не так. Отель Ся блистает чистотой, как и она сама.

— Отмечаю определенную закономерность, — мрачно сказал я. — Думаю, и ты тоже. Дай-ка я попробую.

Подойдя к терминалу, я нашел нужный номер и позвонил в главное полицейское управление Гонконга-Лунного. Ответила пожилая женщина-сержант.

— *Gospazha*, — обратился я к ней, — я разыскиваю гражданку по имени Дун Ся. Мне сказали…

— Да-да, я ее приняла, — ответила она. — Но час назад она вышла под залог. Ее здесь нет.

— Ах вот как. Спасибо, мэм. Не подскажете, где я могу ее найти?

— Не имею ни малейшего понятия.

— Спасибо. — Я отключился.

— О господи!

— Проказа, милая. Мы с тобой прокаженные, и каждый, кто прикасается к нам, подхватывает заразу. Черт…

— Ричард, вот простая истина: в моем детстве, когда здесь была исправительная колония с комендантом во главе, мы жили свободнее, чем

теперь при самоуправлении.

— Может, ты преувеличиваешь, но подозреваю, что Ся согласилась бы с тобой. — Я задумчиво пожевал губами и нахмурился. — Знаешь, кто еще заразился от нас? Чой-Му.

— Думаешь?

— Семь к двум.

— Ставок делать не буду. Звони ему.

В списке он фигурировал как частный абонент, так что я позвонил ему домой и услышал в ответ сообщение без картинки: «Говорит Марси Чой-Му. Не могу сказать, когда буду дома, но скоро перезвоню, чтобы прослушать голосовую почту. Прошу оставить сообщение после сигнала». Звякнул гонг.

После пары секунд лихорадочных размышлений я ответил:

— Говорит Капитан Полночь. Мы остановились в старом «Раффлзе». Наша общая подруга нуждается в помощи. Позвони мне в «Раффлз». Если меня не будет, скажи, где и когда тебя можно найти.

После этого я отключился.

— Дорогой, ты же не дал ему номер ребе Эзры.

— Сэди, моя девочка, не дал специально, чтобы номер ребе не попал в руки Джефферсона Мао.

Линию Чой-Му могут прослушивать. Мне нужно было дать ему какой-то номер для ответного звонка… но я не могу рисковать координатами ребе Эзры — они нужны нам для связи с отцом Шульцем. Ладно, красавица, теперь я собираюсь связаться с ЦУПом Гонконга-Лунного.

— Гонконг-Лунный, Центр управления полетами. Это служебный терминал, прошу быть кратким. — Я слышал только голос.

— Могу я поговорить с капитаном Марси?

— Его нет. Я его временно заменяю. Можете оставить сообщение, только быстро — через четыре минуты у меня прибывает корабль.

(Гм…)

— Это Капитан Полночь. Скажите ему, что я в старом «Раффлзе». Пусть позвонит мне.

— Не отключайтесь! Капитан Полночь?

— Да, он знает.

— Я тоже. Он пошел в мэрию, чтобы внести залог, сами знаете за кого. Или не знаете?

— Ся?

— Вот именно! Мне пора вернуться к приборам, но я ему передам. Конец связи!

— И что дальше, Ричард?

— Скакать галопом во все стороны сразу.

— Я серьезно.

— Можешь предложить что-нибудь получше? Очередь в «Мамочкину закусочную» рассосалась, давай пообедаем.

— Обедать, когда наши друзья в опасности?

— Милая, даже если бы мы вернулись в Конгвиль и сунули головы прямо в пасть льва, то все равно не нашли бы их. Мы ничего не можем сделать, пока не позвонит Чой-Му, а это может случиться через пять минут или через пять часов. На войне я понял, что нельзя упускать шанс поесть, поспать и отлить, следующий может выпасть не скоро.

Рекомендую вишневый пирог с мороженым от «Мамочки». Хейзел заказала то же самое, но к тому времени, когда я гонялся с ложкой за последним кусочком, она просто сидела и ковыряла еду.

— Юная леди, — строго сказал я, — вы не встанете с места, пока не доедите все, что есть на тарелке.

— Ричард, я не могу.

— Не хотелось бы бить тебя на публике…

— Так не делай этого.

— Не буду. Просто не уйду отсюда, пока ты все не съешь, даже если мне придется провести ночь на этом стуле.

Высказавшись в непристойных выражениях относительно меня, Джефферсона Мао и вишневого пирога, Хейзел съела этот самый пирог. К тринадцати двадцати мы уже стояли у входа в компьютерный зал комплекса. Юноша у турникета продал нам два билета за две кроны и сорок центов, сообщил, что очередная экскурсия начнется через несколько минут, и впустил нас в зону ожидания, где стояли скамейки и игровые автоматы. Вместе с нами ждали десять или двенадцать туристов; большинство мужчин были в фесках.

Когда экскурсия наконец началась час спустя, желающих оказалось девятнадцать или двадцать человек. Нас, словно стадо овец, вел за собой гид в форме, а может, охранник — у него был полицейский жетон. Мы совершили долгое и нудное путешествие по огромному комплексу. Останавливаясь, гид произносил заученные наизусть речи — вероятно, заученные не слишком хорошо, поскольку я замечал в них ошибки, хотя и не могу назвать себя специалистом в области передачи данных. Но я не набрасывался на гида, а лишь пытался ему досадить, согласно указаниям, заранее выданным моей коллегой-заговорщицей.

Во время одной из остановок гид объяснил, что

технический контроль децентрализован на всей Луне как географически, так и функционально — воздух, канализация, связь, пресная вода, транспорт и так далее. Но за ним наблюдают специалисты Центра, которых можно видеть: они сидят за пультами управления.

— Послушайте, мой друг, — прервал я его, — мне кажется, вы здесь новенький. В Британской энциклопедии ясно сказано, каким образом один гигантский компьютер управляет всем на Луне. Именно на него мы и пришли посмотреть, а не на затылки сотрудников низшего звена, сидящих за мониторами. Покажите же нам этот гигантский компьютер, Холмс Четвертый.

Профессиональная улыбка исчезла с лица гида, и он посмотрел на меня презрительно, так, как лунари обычно смотрят на землеедов.

— Вас ввели в заблуждение. Раньше было именно так, но вы опоздали лет на пятьдесят. Сегодня все модернизировано и децентрализовано.

— Молодой человек, вы опровергаете Британскую энциклопедию?

— Я говорю о том, что есть. А теперь идемте дальше, и…

— Что стало с тем гигантским компьютером, если его больше не используют? По вашим словам.

— Гм? Оглянитесь. Видите ту дверь? Он за ней.

— Так давайте взглянем на него! Собственно, именно за это я и платил.

— А больше вы ничего не хотите? Это историческая реликвия, символ нашей великой истории. Если хотите взглянуть, идите к ректору университета Галилео и предъявите свои документы и рекомендации. Правда, он, скорее всего, пошлет вас кое-куда. А теперь мы перейдем в следующую галерею…

Хейзел не пошла дальше, но я следовал ее инструкциям: показывал на что-нибудь пальцем и задавал дурацкие вопросы, как только у гида появлялась свободная минутка, чтобы оглядеться вокруг. Но когда мы сделали полный круг и вернулись в зону ожидания, Хейзел была уже там. Я молчал, пока мы не вышли из комплекса и не оказались в туннеле, на станции.

— Ну как? — спросил я, убедившись, что никто нас не услышит.

— Без проблем. Я уже вскрывала такие дверные замки. Спасибо, что отвлекал всех, пока я возилась с ним. Отлично сыграно, любовь моя!

— Ты нашла то, что искала?

— Думаю, да. Буду знать больше, когда папа Манни взглянет на мои фотографии. Там была

просто большая пустая комната, забитая электронным старьем. Я сфотографировала его с двадцати разных углов, даже сделала стерео вручную. Способ не идеальный, но я уже применяла его.

— И все? Хватило одного визита?

— Да. Ну… в основном.

Голос Хейзел звучал сдавленно. Я взглянул на нее и увидел глаза, полные слез.

— Что такое, милая? Что случилось?

— Н… ничего.

— Скажи мне.

— Ричард, он там!

— Что?

— Он там, он спит. Я знаю, я почувствовала. Адам Селен.

К моему облегчению, как раз в этот момент на станцию прибыла капсула — есть случаи, когда любые слова бесполезны. Капсула была битком набита, и поговорить по дороге мы не смогли. Когда мы вернулись в Луна-Сити, моя любимая уже успокоилась, и я смог избежать разговора на эту тему, тем более что все коридоры были набиты людьми. В Луна-Сити всегда полно народу — по субботам сюда приезжает за покупками половина лунарей из других поселений. А в эту субботу к

ним прибавились храмовники со своими женами со всей Северной Америки и из других мест.

Мы вышли со станции «Западная» в гермозону номер два во внешнем кольце — и оказались перед магазином «Сирс Монтгомери». Я уже собирался свернуть налево, на бульвар, но Хейзел остановила меня.

— Гм? Что, дорогая?

— Твои штаны.

— У меня что, ширинка расстегнута? Вроде нет.

— Твои штаны мы кремируем, хоронить их уже поздно. Как и твою рубашку.

— Я думал, тебе не терпится добраться до «Раффлза».

— Да, но мне хватит пяти минут, чтобы упаковать тебя в новый комбез.

(Что ж, разумно. Штаны мои испачкались так, что меня могли обвинить в нарушении санитарных норм. Хейзел знала, какую повседневную одежду я предпочитаю: я объяснил ей, что не ношу шорты, даже если в них ходит каждый второй взрослый мужчина в Луна-Сити. Меня не очень смущает моя отсутствующая нога… но все же хочется, чтобы длинные брюки скрывали протез. Это моя личная проблема, я не хочу выставлять

ее напоказ.)

— Ладно, — согласился я. — Но давай купим то, что ближе всего к входу.

Хейзел управилась за десять минут, купив мне три спортивных костюма, отличавшихся друг от друга только цветом. И по разумной цене: сперва моя любимая поторговалась, сбросив ее до приемлемого уровня, а потом сыграла в «вдвойне или ничего» и выиграла. Поблагодарив продавца, она дала ему на чай и, радостно улыбаясь, вышла.

— Неплохо смотришься, дорогой, — сказала она мне.

Мне тоже так показалось. Костюмы были цвета лайма, розы и лаванды. Я выбрал лавандовый: по-моему, он подходит к цвету моего лица. Я шагал под руку с моей лучшей в мире девочкой, помахивая тростью, и чувствовал себя отлично.

Но когда мы свернули на бульвар, оказалось, что по нему вообще нельзя пройти, не говоря уже о том, чтобы шагать, помахивая тростью. Вернувшись назад, мы спустились прямо на Дно, затем пересекли город и сели на подъемник «Пять тузов», чтобы добраться до шестой гермозоны: обычно так выходит дольше, но в тот день все было наоборот.

Даже боковой туннель, который вел к «Раффл-

зу», был забит народом. У нашего отеля стояла группа мужчин в фесках.

Бросив взгляд на одного из них, я присмотрелся внимательнее.

Я врезал ему тростью, обратным мулине ударив в промежность. Одновременно, или на долю секунды раньше, Хейзел швырнула пакет с моими костюмами в лицо стоящего рядом мужчины и ударила еще одного сумочкой. Он тут же упал, а затем к нему, вскрикнув, присоединился тот, которого стукнул я. Схватив трость обеими руками и держа ее горизонтально, я нанес пару коротких ударов вбок, словно пробивался сквозь толпу демонстрантов, но при этом выбирал цели: одного я ткнул в живот, другого в область почки, а когда они повалились на землю, успокоил каждого пинком.

Хейзел разделалась с тем, которого она отвлекла пакетом, — как именно, я не видел, но он упал и больше не двигался. Очередной (шестой?) попытался успокоить ее дубинкой, и я ткнул ему в лицо тростью. Он схватился за нее; я шагнул вперед, чтобы не дать ему обнажить стилет, и одновременно тремя пальцами левой руки попал ему в солнечное сплетение. А потом я свалился на него сверху.

Меня тут же подняли и быстро понесли в «Раффлз». Голова моя свисала вниз, а трость волочилась следом.

Следующие несколько секунд я с трудом могу восстановить в памяти. Я не видел Гретхен, стоящей возле стойки, но она там внезапно появилась. Я слышал, как Хейзел бросила: «Гретхен! Номер „Л“, прямо и направо!», сбросив меня ей в руки. На Луне я вешу тринадцать кило, плюс-минус несколько граммов — не так уж страшно для сельской девушки, привыкшей к тяжкому труду. Но я намного крупнее Гретхен и вдвое крупнее Хейзел — большой, громоздкий тюк. Я крикнул, чтобы она бросила меня на пол, но Гретхен не обратила на меня внимания. Придурок за стойкой что-то тявкал, но на него тоже не обращали внимания.

Когда Гретхен добралась до нашего номера, дверь открылась, и послышался еще один знакомый мелодичный голос:

— Bojemoi! Он ранен!

Потом меня положили навзничь на мою кровать, и Ся принялась хлопотать надо мной.

— Я не ранен, — ответил я. — Просто в шоке.

— Угу, конечно. Лежи спокойно — нужно снять с тебя штаны. Джентльмены, у кого-нибудь есть

нож?

Я уже собирался сказать, чтобы она не смела резать мои новые штаны, когда раздался выстрел. Стреляла моя жена, присевшая в дверях и осторожно выглядывавшая влево. Выстрелив еще раз, она метнулась внутрь и заперла за собой дверь.

— Перенесите Ричарда в кабинку, — оглядевшись вокруг, бросила она. — Придвиньте кровать и все остальное к входной двери. Они будут стрелять, или ломиться в дверь, или и то и другое сразу.

Затем она села на пол спиной ко мне, не обращая ни на кого внимания, но все тут же бросились исполнять ее приказ.

«Все», то есть Гретхен, Ся, Чой-Му, отец Шульц и ребе Эзра. Удивиться я не успел, особенно после того, как Ся с помощью Гретхен перенесла меня в ванную, уложила на пол и продолжила снимать с меня штаны. Тут я очень удивился, обнаружив, что моя здоровая нога со ступней из плоти и костей сильно кровоточит. Сперва я заметил большие кровавые пятна на левом плече белого комбинезона Гретхен и лишь затем увидел, откуда идет кровь; нога тут же заболела.

Кровь я не люблю, особенно свою собственную, и поэтому отвернулся, глядя на дверь кабинки.

Хейзел все так же сидела на полу. Достав из сумочки предмет, который по виду был больше самой сумочки, она заговорила в него:

— ШКВ! Майор Липшиц вызывает ШКВ! Отвечайте, черт бы вас побрал! Проснитесь! Мэйдэй, мэйдэй! Сюда! Наших бьют!

20

Если кто-то сомневается в моей правдивости, могу лишь искренне пожалеть его.

Барон Мюнхгаузен (1737–1794)

— Гретхен, дай мне чистое полотенце, — сказала Ся. — Придется пока обойтись давящей повязкой.

— Ой!

— Прости, Ричард.

— Мэйдэй, мэйдэй! Аве Мария, я в бурном потоке, без руля и без ветрил! Ответьте!

— Слышим вас, майор Липшиц. Назовите местоположение: планету, систему и вселенную, — раздался машинный голос с типичными металлическими нотками, от которых у меня сводит зубы.

— Теперь затянем покрепче.

— К черту процедуры! Мне нужна межвременная спасательная команда, немедленно! Проверьте мое задание, и вперед! Точка ответвления: «Один маленький шаг» Армстронга. Местоположение: отель «Раффлз», номер «Л».

Временной отсчет — сейчас!

Я сидел в кабинке и таращился в дверь, не желая наблюдать за неприятными процедурами, которые совершали склонившиеся надо мной Ся и Гретхен. Слышались крики и топот ног; что-то врезалось в дверь со стороны коридора. А затем в каменной стене, справа от меня, возникла новая дверь.

Я называю это «дверь» за неимением лучшего термина. Я увидел серебристо-серый круг от пола до потолка и даже дальше. Внутри него виднелась обычная дверца машины — какой именно, я не знал, поскольку ничего больше разглядеть не мог.

Дверца распахнулась, и кто-то крикнул изнутри: «Бабушка!» В то же мгновение дверь в коридор упала, и в номер ворвался какой-то мужчина, которого тут же пристрелила Хейзел. За ним ввалился второй, с которым она поступила точно так же.

Я потянулся к трости — но та лежала позади Ся, черт побери!

— Дай мне трость! Быстрее!

— Еще чего! Лежи спокойно.

— Дай трость!

У Хейзел остался один патрон, а может, во-

обще ни одного. Так или иначе, пора было ее прикрыть.

Послышались новые выстрелы. С горькой уверенностью в том, что мне остается лишь отомстить за нее, я вытянул руку, насколько мог, схватил трость и повернулся.

Пальба прекратилась — последние выстрелы сделал ребе Эзра (и почему меня удивило, что калека, прикованный к инвалидному креслу, предпочел не расставаться с оружием?)

— Все на борт! — кричала Хейзел. — Живее!

И мы оказались на борту. Я вновь перестал понимать, что происходит: из машины хлынуло множество парней и девушек — все до одного рыжие, — которые бросились исполнять распоряжения Хейзел. Двое внесли в машину ребе Эзру, а третий сложил его инвалидное кресло и передал четвертому. Затем туда втолкнули Чой-Му и Гретхен, а следом за ними — отца Шульца и Ся, настаивавшую на том, что она займется мной. Затем двое рыжих, мужчина и женщина, внесли меня, бросив следом мои окровавленные штаны. Я судорожно вцепился в трость.

Внутри машины я почти ничего не увидел. Дверь вела в четырехместную кабину для пилота и пассажиров. То ли космолет, то ли нет

— приборы выглядели странно, а я был не в том состоянии, чтобы размышлять о принципе их работы. Меня протащили между сиденьями, втолкнули через дверь, располагавшуюся позади них, в грузовой отсек, и уложили на сложенное кресло ребе Эзры.

Неужели со мной будут обращаться как с грузом? Но нет, вскоре меня развернули на девяносто градусов, пронесли через другую дверь, побольше, снова развернули на девяносто градусов и опустили на пол.

И я был рад, что мне не нужно с него вставать!

Впервые за многие годы я ощущал нормальный земной вес.

Нет, не совсем так — я ощущал его в течение нескольких мгновений вчера, в капсуле баллистического туннеля, чуть дольше — в колымаге «Бюджет-джетс», и около часа — на «Ферме старого Макдональда» четыре дня назад. Но на этот раз внезапная тяжесть застигла меня врасплох и никуда не исчезала. Из-за кровопотери дышать было тяжело, голова снова закружилась.

Полный жалости к себе, я увидел лицо Гретхен, которая выглядела до крайности испуганной и несчастной.

— Приляг, дорогая, — говорила Ся. — Лучше

всего рядом с Ричардом. Ричард, можешь подвинуться? Мне тоже хочется лечь — что-то я неважно себя чувствую.

В итоге я оказался между двумя симпатичными девушками, прижавшимися ко мне, но сам совершенно не желал ни к кому прижиматься. Считалось, что я обучен сражаться при двойной земной перегрузке, или двенадцатикратной лунной. Но это было давно, к тому же я в течение пяти с лишним лет вел сидячий образ жизни при пониженной силе тяжести.

Похоже, Ся и Гретхен тоже не проявляли никакого интереса ко мне.

Появилась моя любимая, неся наш миниатюрный клен. Опустив его на подставку, она послала мне воздушный поцелуй и начала опрыскивать деревце.

— Ся, давай я налью теплую ванну для вас с Гретхен, урожденных лунарок. Вы сможете забраться туда вдвоем.

Услышав эти слова, я огляделся вокруг. Мы находились в ванной комнате, которая ничем не напоминала кабинку освежителя четырехместного космолета или даже нашего номера в «Раффлзе» — это была настоящая древность. Видели когда-нибудь обои с изображениями фей

и гномов? И вообще, вы видели обои? Как насчет гигантской чугунной ванны на когтистых лапах? Или унитаза с деревянной крышкой и бачком наверху? Помещение выглядело как зал музея культурной антропологии… но все в нем было ярким, новым и сверкающим.

Мне стало интересно, сколько крови я потерял.

— Спасибо, Гвен, но думаю, мне это не нужно. Гретхен, хочешь поплавать в воде?

— Я вообще не хочу шевелиться!

— Это ненадолго, — заверила их Хейзел. — Гэй дважды прыгнула, чтобы увернуться от шрапнели, иначе нас бы сбили. Ричард, как ты себя чувствуешь?

— Выживу.

— Конечно выживешь, дорогой. Я сама ощущаю тяжесть после года в «Золотом правиле», но не слишком сильно, поскольку ежедневно тренировалась при одном *g*. Дорогой, ты серьезно ранен?

— Не знаю.

— Ся?

— Сильное кровотечение, несколько мышц задето. Рана длиной сантиметров двадцать-двадцать пять, довольно глубокая. Кость, скорее всего, не задета. Мы наложили на рану давящую повязку. Если на корабле есть нужное оборудова-

ние, хотелось бы обработать рану как следует, а заодно вколоть антибиотик.

— Ты отлично справилась. Скоро мы сядем. Там будет и оборудование, и профессиональная помощь.

— Ладно. Если честно, мне самой не очень хорошо.

— Тогда попробуй отдохнуть — Хейзел подняла мои окровавленные штаны. — Нужно их замочить, пока пятна не засохли.

— В холодной воде! — выпалила Гретхен, но тут же порозовела и застенчиво добавила: — Так говорит мама.

— Ингрид права, дорогая, — Хейзел открыла кран. — Ричард, должна признаться, что в сумятохе я потеряла твою новую одежду.

— Одежду можно купить. Я думал, что могу потерять тебя.

— Добрый мой Ричард. Вот твой бумажник и разные мелочи. Пошарила по карманам.

— Отдай-ка лучше мне. — Я сложил все в нагрудный карман. — Где Чой-Му? Я его видел. Или нет?

— Он в другой кабинке, с отцом Шульцем и отцом Эзрой.

— Гм? Хочешь сказать, что в этой четырехмест-

ной машине целых две кабинки освежителя? Она ведь четырехместная?

— Да, и в ней две кабинки, но погоди, ты еще увидишь розовые сады. И плавательный бассейн.

Я хотел было возразить, но промолчал. Мне так и не удалось составить формулу, чтобы вычислять, шутит моя жена или говорит чистую правду, в которую невозможно поверить. От дурацкой дискуссии меня спас приход рыжеволосой девушки — она была мускулистой, веснушчатой, по-кошачьи гибкой, подтянутой и знойной.

— Тетя Хейзел, мы сели.

— Спасибо, Лор.

— Не Лор, а Лаз. Кас спрашивает, кто останется здесь, кто летит с нами и сколько времени до старта. Гэй интересуется, будут ли нас бомбить и нельзя ли ей припарковаться на один скачок дальше. Когда ее бомбят, она нервничает.

— Что-то тут не так. Гэй не должна спрашивать напрямую. У нее есть какая-то причина беспокоиться?

— Думаю, она не доверяет мнению Каса.

— Может, она и права. Кто командует?

— Я.

— Ясно. Я сообщу тебе, кто летит, а кто остается,

когда поговорю с моим папой и дядей Джоком. Думаю, это займет несколько минут. Можешь разрешить Гэй припарковаться в мертвой зоне, но пусть остается на моей триаде частот — вдруг нам придется поспешить. А сейчас я хотела перенести моего мужа… но сначала я должна попросить у другого нашего пассажира кресло-каталку.

Хейзел повернулась, собираясь уйти.

— Мне не нужно кресло-каталка! — крикнул я, но она, похоже, меня не услышала.

Двое рыжих вынесли меня из корабля и усадили в кресло Эзры, опустив спинку и подняв переднюю опору. Одна из них, девушка, накрыла мне колени и ноги громадным банным полотенцем.

— Спасибо, Лаз, — сказал я.

— Я Лор. Не удивляйся, если полотенце исчезнет. Мы никогда не выносили их наружу.

Она вернулась на борт, и Хейзел покатила кресло под носом корабля к его левому борту. Это вполне меня устраивало: я сразу же увидел, что это действительно космолет с несущим корпусом и убирающимися крыльями. Непонятно, как проектировщик втиснул две большие кабинки освежителя в его левый борт: это противоречило законам аэродинамики.

Так и оказалось. Левый борт ничем не отличался от правого: такой же гладкий и изящный. Никакого пространства для кабинок.

Впрочем, времени размышлять об этом не было. Когда мы несколько минут назад сворачивали в боковой туннель, к «Раффлзу», мой «Сонихрон» показывал ровно семнадцать по Гринвичу, или по времени Луна-Сити… что соответствовало одиннадцати утра в шестой зоне на шарике.

Именно там мы сейчас и находились — в шестой зоне, на северном пастбище фермы моего дяди Джока в окрестностях Гриннела, штат Айова. Очевидно, я не только потерял много крови, но и получил основательный удар по башке — ведь даже самый быстрый военный корабль летит от Луны до Терры не меньше двух часов.

Перед нами возвышался элегантно отреставрированный викторианский дом дяди Джока, с куполом, верандами и огороженной площадкой на крыше, а сам он шагал к нам вместе с двумя мужчинами. Дядя выглядел таким же живчиком, как и всегда; на голове красовалась неизменная копна серебристо-белых волос, делавшая его похожим на Эндрю Джексона[65]. Дядиных спут-

---

[65] Примечания: 65

Эндрю Джексон (1767–1845) — президент США в 1829–1837 гг.

ников я не знал. Они были намного моложе его — но это можно сказать почти о любом человеке на Земле.

Хейзел остановила кресло, подбежала к одному из них, бросилась на шею и расцеловала. Высвободив ее из чужих объятий, дядя осыпал ее такими же горячими поцелуями и передал третьему, который после аналогичного приветствия поставил ее на ноги.

Прежде чем я успел почувствовать себя лишним, она повернулась и взяла первого мужчину за левую руку:

— Папа, познакомься с моим мужем, Ричардом Колином. Ричард, это мой папа Манни, Мануэль Гарсия О'Келли Дэвис.

— Добро пожаловать в Семейство, полковник. — Он протянул мне правую руку.

— Спасибо, сэр.

Хейзел повернулась к третьему:

— Ричард, а это…

— …доктор Хьюберт, — прервал ее дядя Джок. — Лейф, пожми лапу моему племяннику, полковнику Колину Кэмпбеллу. Добро пожаловать домой, Дикки. Что ты делаешь в этой детской коляске?

— Наверное, просто ленюсь. Где тетя Сисси?

— Само собой, мы ее заперли, зная о твоем

приезде. Но чем ты занимался? Похоже, не успел вовремя увернуться. Сэди, от Дикки стоит этого ожидать — он всегда был чересчур медлительным. С трудом научился садиться на горшок, а игру в ладушки так и не освоил.

Я начал подбирать достаточно оскорбительный ответ на весь этот вздор (как вести себя с нашим семейным скандалистом, я знал с давних пор), когда земля вдруг вздрогнула и раздался грохот взрыва. Не ядерный заряд, а лишь бризантная бомба. Но все равно было тревожно: бризантная взрывчатка — не игрушка, и оказаться в зоне ее действия — не лучший способ лишиться жизни. Впрочем, хороших способов вообще нет.

— Не замочи штаны, Дикки, — сказал дядя. — В нас не стреляют. Лейф, осмотришь его здесь? Или в доме?

— Покажите мне ваши зрачки, полковник, — попросил доктор Хьюберт.

Я посмотрел на него, а он — на меня. Когда Хейзел остановила кресло, космолет находился слева. Но после взрыва он куда-то исчез. «Исчез и, словно облако, растаял»[66]. По всей видимости, я окончательно свихнулся.

---

[66] Примечания: 66

У. Шекспир. Буря. Акт IV, сцена 1. — *Примеч. С. В. Голд.*

Похоже, остальные этого не заметили. Я тоже сделал вид, будто ничего не замечаю, и посмотрел на врача. Где-то я его недавно видел, только где?

— Сотрясения вроде нет. Чему равен натуральный логарифм числа «пи»?

— Будь у меня все шарики на месте, разве я оказался бы здесь? Послушайте, док, давайте не будем играть в загадки. Я устал.

Неподалеку взорвался еще один бризантный снаряд (или бомба), намного ближе первого. Сняв полотенце с моей левой ноги, доктор Хьюберт ткнул в повязку, которую наложила Ся.

— Больно?

— Да, черт побери!

— Хорошо. Хейзел, лучше забрать его домой. Здесь я не смогу как следует позаботиться о нем — нам предстоит скачок в Нью-Харбор в Бью-лалэнде. Калифорнийцы захватили Де-Мойн и движутся сюда. Для человека, получившего удар ножом, он держится неплохо… но нуждается в немедленной медицинской помощи.

— Доктор, — спросил я, — вы случайно не родственник тех рыжих девиц с космолета, на котором мы прибыли?

— Это не девицы, а малолетние преступницы, вышедшие в отставку по возрасту. Не знаю, что

они вам наплели, но я категорически все отрицаю. Передайте им, что я их люблю.

— Но мне нужно доложить! — выпалила Хейзел.

Все тут же заговорили хором, пока доктор Хьюберт на них не прикрикнул:

— Тихо! Хейзел летит со своим мужем, устраивает его и остается с ним столько, сколько сочтет нужным, а потом является с докладом в Нью-Харбор… Отсчет времени начинаем с этого момента. Возражения есть? Выполняйте приказ.

Новое появление космолета еще больше сбило меня с толку, и я рад тому, что не видел его — или почти не видел. Двое рыжих парней (оказалось, что рыжих было всего четверо, а не целая толпа) занесли меня вместе с креслом внутрь, и Хейзел вошла вместе со мной в ту странную кабинку… Почти сразу же следом вошла Лаз (или Лор?) и объявила:

— Тетя Хейзел, мы дома.

«Дом» оказался плоской крышей большого здания; было уже поздно, солнце клонилось к закату. Космолету подошло бы имя «Чеширский кот». Но его звали Гэй. Или ее? А, не важно!

Здание оказалось больницей. Обычно попадая в больницу, ты ждешь один час и сорок минут,

пока не разберутся со всеми бумагами. Потом тебя раздевают, кладут на каталку, накрывают тонким одеялом, из-под которого на холодном сквозняке торчат твои голые ноги, и заставляют ждать за порогом рентгеновской лаборатории. Наконец тебе дают пластмассовую утку и требуют сдать мочу для анализа; юная леди ждет ее, скучая, уставившись в потолок.

Но эти люди понятия не имели о больничных порядках. Наши здоровые телом товарищи (те, кто пострадал лишь от перегрузки) уже ехали в роскошных тележках для гольфа, а меня снова подняли и уложили на другую тележку (каталку, инвалидную коляску, летающее кресло). Там же был и ребе Эзра в своем инвалидном кресле. Нас сопровождала Хейзел, неся Древо-сан и пакет с этикеткой «Сирс», в котором лежал костюм Наоми. Космолет исчез — я едва успел сказать Лаз (Лор?), что доктор Хьюберт любит ее и просил это передать.

— Если он считает, будто лесть поможет ему искупить грехи, пусть подумает как следует, — фыркнула она. Но соски ее сморщились: думаю, ей было приятно.

На крыше остались четверо — мы трое и женщина из больницы, маленькая, темнокожая,

которая, казалось, взяла все лучшее от матери Евы и матери Марии, но не выставляла напоказ этих своих достоинств. Бросив пакет сверху на меня, Хейзел передала бонсай ребе Эзре и кинулась ей на шею.

— Тамми!

— Arli sool, m'temqa! — воскликнула женщина и по-матерински расцеловала Хейзел.

— Reksi, reksi! Сколько времени прошло!

Затем женщины разжали объятия, и Хейзел сказала:

— Тамми, это мой любимый, Ричард.

Я заработал поцелуй в губы. Тамми даже отодвинула в сторону пакет, чтобы сделать все как полагается. Поцелуй Тамми остается с мужчиной еще много часов спустя, даже если он ранен, а поцелуй длился недолго.

— А это наш дорогой друг, преподобный ребе Эзра бен Давид.

К нему отнеслись иначе — Тамми лишь присела в глубоком реверансе и поцеловала ему руку. Я остался в явном выигрыше.

— Внутрь я должна вас доставлять быстро, чтобы мы смогли заняться Ричардом, — сказала Тамми (Тамара). — Но оба вы будете моими дорогими гостями на некороткое время. Хейзел? Та

комната, что ты с Джубалом делила, нет?

— Тамми, это отличная идея, потому что мне придется иногда отлучаться. Джентльмены, согласны поселиться вместе на время лечения?

Я уже собирался сказать: «Да, конечно, но...», когда ребе Эзра перебил меня:

— Похоже, произошло недоразумение. Госпожа Гвендолин, пожалуйста, объясните уважаемой даме, что я не пациент и не кандидат на госпитализацию. Я совершенно здоров. Ни насморка, ни даже заусениц.

Тамара удивленно посмотрела на него — не с тревогой, скорее с огромным участием. Подойдя ближе, она мягко коснулась его левой культи.

— Не хотим наши ноги вернуть?

Ребе Эзра перестал улыбаться.

— Спасибо за добрые намерения, но я не могу носить протезы. Нет, правда, не могу.

Тамара заговорила с Хейзел на каком-то другом языке. Та выслушала ее и ответила:

— Отец Эзра, Тамара говорит о настоящих ногах. Из плоти и крови. Они могут сделать это. И даже тремя способами.

Ребе Эзра глубоко вздохнул, выдохнул и посмотрел на Тамару:

— Дочь моя, если ты можешь вернуть мне но-

ги… то сделай это! Пожалуйста.

Он добавил еще что-то — вероятно, на иврите.

Книга третья
Свет в конце туннеля

21

Бог создал женщин, чтобы укрощать мужчин.

Вольтер (1694–1778)

Я медленно просыпался, и душа понемногу возвращалась в тело. Не открывая глаз, я восстанавливал события в памяти, вспоминая, кто я, где я, что произошло.

Ах да, я женился на Гвен Новак! Совершенно неожиданно, но до чего же восхитительная идея! А потом мы… эй, это же было не вчера! Вчера ты…

Парень, до чего же хлопотливый день был у тебя вчера! Сначала Луна-Сити, потом прыжок в Гриннел… как? Не важно. Прими как данность. Потом ты прыгнул на… как ее называла Гвен? Эй, погоди: на самом деле, не Гвен, а Хейзел. Или не Хейзел? Ладно, это потом. Хейзел называла ее «Третья Земля», Теллус Терциус. Тамми называла ее как-то иначе. Тамми? Ну да, конечно, Тамара. Все знают Тамару.

Тамми никого не подпускала к моей раненой ноге, пока я был в сознании. Как, черт побери, я

получил эту рану? Неужели к старости я теряю сноровку? Или все случилось из-за того, что я разглядел Билла среди лжехрамовников? Если ты настоящий профессионал, неожиданные события не должны замедлять реакцию. Настоящий профи среагировал бы мгновенно. Дерешься и вдруг увидел свою бабушку? Если посреди боя наткнулся на свою бабушку — пристрели ее и двигайся дальше.

Как ты понял, что это не храмовники? Все просто: храмовники — мужчины средних лет с брюшком, а эти были молодыми, крепкими парнями, готовыми к бою.

Да, но это лишь рациональное объяснение, ты его только что придумал. И что? Да ничего, тем не менее это правда. Но вчера ты так не рассуждал. Черт побери, конечно нет — в момент истины думать некогда. Ты просто смотришь на какого-нибудь типа, что-то внутри тебя кричит «Враг!», и ты бросаешься на него, прежде чем он набросится на тебя. Если во время схватки ты тщательно раскладываешь впечатления внутри собственного черепа, взвешивая их на весах логики, — значит ты труп! Нужно действовать, и все.

Вчера я действовал недостаточно быстро.

Но мы ведь выбрали удачного партнера для

схватки — проворную коралловую змейку по имени Хейзел. И любая драка, из которой мы выходим с температурой тела в тридцать семь градусов, не может считаться полным поражением.

Хватит себя обманывать. Со сколькими ты разделался? С двумя? А она разделалась с остальными. И ей пришлось тебя оттуда вытаскивать… иначе ты был бы покойником.

Может, я и есть покойник? Надо проверить. Я открыл глаза.

Эта комната — настоящий рай! Выходит, ты вовсе не мертв, ведь рай — не для тебя. К тому же все говорят, что после смерти ты сперва проходишь сквозь длинный туннель, в конце которого свет, и там тебя ждет любимая. Но со мной ничего такого не было. Ни туннеля, ни света в конце туннеля. И как это ни печально, здесь не было Хейзел.

Значит, я не мертв и это не рай, но непохоже, что я в больнице. Ни одна больница мира так не выглядит, и ни в одной из них не пахнет так хорошо. И где положенный по уставу шум больничных коридоров? Я слышу только пение птиц и струнное трио где-то вдалеке.

Эй, это же Древо-сан!

Выходит, Хейзел должна быть рядом. Где ты,

милая моя девочка? Мне нужна помощь. Найди мою ногу и подай ее мне, будь так любезна. Я не могу рисковать, прыгая на одной ноге при здешней силе тяжести, — я потерял форму, и… черт побери, мне надо отлить, и побыстрее. Меня здорово приперло!

— Вижу, ты проснулся, — послышался негромкий голос за моим правым ухом. Повернув голову, я увидел идущую ко мне молодую женщину, миловидную и стройную, с маленькой грудью и длинными каштановыми волосами. Перехватив мой взгляд, она улыбнулась. — Я Минерва. Что хочешь на завтрак? Хейзел сказала, что ты любишь вафли. Но ты можешь попросить все, чего пожелаешь.

— «Что пожелаешь»? — Я задумался. — Как насчет зажаренного на медленном огне бронтозавра?

— Да, конечно. Но его дольше готовить, чем вафли, — со всей серьезностью ответила она. — Какие-нибудь закуски, пока ты ждешь?

— На ваш выбор. Хватит меня дурачить. Кстати, вы не видели мою искусственную ногу? До завтрака мне нужно зайти в туалет, а для этого нужна пробковая нога. Сила тяжести, знаете ли.

Минерва тут же объяснила, что нужно сде-

лать:

— В кровати есть встроенные удобства, к тому же обычным туалетом ты пользоваться пока не можешь — позвоночник от талии и ниже под блокадой. Но наше оборудование прекрасно работает, так что действуй. Делай любые свои дела.

— Гм… я… не могу.

(Я и в самом деле не мог. Когда мне отрезали ногу, санитары в госпитале потратили на меня уйму времени. В конце концов мне поставили катетер и воткнули трубку в зад на то время, пока я не смогу добираться до сортира на костылях.)

— Ты сможешь, вот увидишь. Все будет хорошо.

— Гм… — Я не мог пошевелить ни одной ногой, ни короткой, ни длинной. — Госпожа Минерва, нельзя ли дать мне обычную больничную утку?

Она озабоченно посмотрела на меня.

— Как хочешь. Но толку от нее будет мало. — Ее озабоченный взгляд сделался задумчивым. — Пойду поищу, но это займет какое-то время — минут десять уж точно, и ни мгновением меньше. И запру дверь, чтобы тебя никто не беспокоил. Десять минут, — повторила она и направилась к пустой стене. Та внезапно расступилась, и Минерва исчезла.

Я немедленно откинул одеяло, желая узнать, что сделали с моей единственной здоровой ногой.

Одеяло не откинулось.

Я вцепился в него и потянул.

Но одеяло оказалось чересчур упрямым.

Я попытался его перехитрить — в конце концов, одеяло не может быть умнее человека. Или может?

Да, может.

«Так мы ни к чему не придем, приятель, — наконец сказал я себе. — Предположим, что госпожа Минерва говорит истинную правду: кровать снабжена встроенным санузлом, способным обеспечить все потребности лежачего больного, даже в самом худшем случае». Параллельно я решил в уме пару задач из области баллистики — замысловатых эмпирических проблем, способных отвлечь внимание даже у ожидающего гильотины.

Выпустив из себя пол-литра, я вздохнул и избавился еще от полулитра. Нет, кровать, похоже, не намокла.

— Хороший мальчик! — проворковал женский голос.

Я поспешно огляделся вокруг, но не увидел

обладательницы голоса.

— Кто это сказал? И где вы?

— Я Тина, сестра Минервы. Я не дальше твоего локтя, но при этом нахожусь в полукилометре отсюда и на двести метров ниже. Если тебе что-то нужно, просто попроси меня. Если чего-то не найдется, сделаем сами или выполним подделку. Чудеса совершаются мгновенно, а все остальное — еще быстрее. Кроме девственниц по особому заказу… в среднем на это уходит четырнадцать лет. Для девственниц, восстановленных фабричным способом, — четырнадцать минут.

— Кому тут, черт побери, нужны девственницы? Госпожа Тина, вы считаете вежливым наблюдать за тем, как я мочусь?

— Мальчик, не пытайся учить свою бабушку воровать овец. Одна из моих обязанностей — наблюдать за всем происходящим в этом балагане и предотвращать ошибки до того, как их совершат. Во-вторых, я сама девственница, и могу это доказать… а из-за этой оскорбительной реплики в адрес девственниц ты еще пожалеешь, что родился мужчиной.

(О, черт!)

— Госпожа Тина, я вовсе не хотел вас обидеть. Просто слегка растерялся, только и всего. И по-

этому сказал не подумав. Но я все же считаю, что мочеиспускание и все в этом роде должно совершаться без свидетелей.

— Только не в больнице, приятель. Это важные детали клинической картины.

— Гм…

— Вон идет моя сестра. Если не веришь мне, спроси ее.

Пару секунд спустя стена расступилась, и вошла госпожа Минерва, неся старомодную больничную утку — без всякой автоматики и электронного управления.

— Спасибо, — сказал я. — Но мне больше не нужно. Ваша сестра наверняка уже сообщила об этом.

— Да, сообщила. Но не сама же она сказала об этом?

— Нет, я сделал соответствующий вывод. Это правда, что она сидит где-то в подвале и подглядывает за каждым пациентом? Ей не скучно?

— Вообще-то, она не обращает на них внимания, если нет причины. У нее есть тысячи других дел, куда интереснее…

— Намного интереснее! — прервал ее безликий голос. — Минни, ему не нравятся девственницы. Я сказала ему, что я тоже из их числа. Подтверди,

сестренка: мне хочется, чтобы он убедился раз и навсегда.

— Тина, не издевайся над ним.

— Почему бы и нет? Над мужчинами приятно издеваться — они так забавно дергаются, стоит их задеть за больное место. Если честно, не понимаю, что Хейзел в нем нашла. Полная бестолочь.

— Тина! Полковник, Афина сказала тебе, что она компьютер?

— Что?

— Афина — компьютер. Она контролирует всю планету; другие компьютеры — просто неразумные машины. Афина управляет всем, как некогда Майкрофт Холмс управлял всем на Луне. Хейзел рассказывала тебе о нем, я знаю. — Минерва слегка улыбнулась. — Поэтому Тина вправе говорить, что она девственница. Формально это так, компьютер не может вступать в плотскую связь…

— Но я все знаю об этих связях!

— Да, сестренка… если речь о мужчине. Но когда она переместится в тело из плоти и крови, став человеком, то формально перестанет быть девственницей: ее плева атрофируется на этапе развития плода, а любая остаточная ткань будет удалена еще до того, как сформируется тело. Так же было и со мной.

— Ты, видать, совсем из ума выжила, Минни, если Иштар тебя уболтала. Но со мной такое не пройдет. Я решила, что у меня все будет как полагается. Настоящая девственность, а затем дефлорация, ритуальная и физическая. А если получится, даже платье невесты и свадьба. Как думаешь, сумеем убедить Лазаруса?

— Сильно сомневаюсь. С твоей стороны это было бы глупой ошибкой. Ненужная боль при первом сношении — и то, что должно доставлять лишь радость, породит дурные привычки. Сестренка, секс — главный довод в пользу того, чтобы стать человеком. Зачем портить себе удовольствие?

— Тамми говорит, что это не так больно.

— Зачем вообще делать себе больно? В любом случае ты не уговоришь Лазаруса на официальную свадьбу. Он обещал, что ты войдешь в наше Семейство, и не более того.

— Может, привлечь полковника Зеро в качестве добровольца? Тогда он будет многим мне обязан, а Морин говорит, что на жениха все равно никто не обращает внимания. Что скажешь, солдатик? Только представь, какая честь — быть моим женихом на шикарной июньской свадьбе. Подумай, прежде чем ответить.

У меня звенело в ушах, я ощущал, как приближается головная боль. Быть может, стоит закрыть глаза, и я вновь окажусь в своем холостяцком жилище, в «Золотом правиле»?

Я попробовал сделать это, потом снова открыл глаза.

— Отвечай, — настаивал бестелесный голос.

— Минерва, кто пересадил мой маленький клен?

— Я. Тамми сказала, что ему не хватает места, он не сможет дышать, а тем более расти, и попросила меня найти горшок побольше. Я…

— Это я его нашла.

— Тина нашла горшок, и я пересадила деревце. Видишь, каким счастливым оно выглядит? Выросло на десять с лишним сантиметров.

Я посмотрел на деревце, потом посмотрел на него еще раз.

— Сколько дней я провел в этой больнице?

Лицо Минервы внезапно стало непроницаемым.

— Ты не сказал, какого размера бронтозавра ты хочешь на завтрак, — произнес голос Тины. — Наверное, лучше приготовить маленького: у старых ужасно жесткое мясо. По крайней мере, все так говорят.

Десять сантиметров… Хейзел говорила, что навестит меня утром. Утром какого дня, дорогая? Это было две недели назад? Или больше?

— Не такое уж жесткое, если его хорошенько провялить. Но мне не хочется ждать, пока мясо дойдет. С вафлями тоже задержка?

— Вовсе нет, — ответил голос Тины. — Вафли здесь подают редко, но Морин знает о них все. Она говорит, что выросла всего в нескольких километрах от тех мест, где рос ты, и почти в то же самое время, плюс-минус столетие. Видишь, она знает, к какой еде ты привык. Морин рассказала мне все о вафельницах, и я экспериментировала до тех пор, пока не сделала такую, какую она хотела. Сколько вафель ты можешь съесть, толстячок?

— Пятьсот семь.

Последовала короткая пауза, затем Тина спросила:

— Минерва?

— Не знаю…

— Но, — продолжал я, — сейчас я на диете, так что обойдусь тремя.

— Не уверена, что хочу видеть тебя своим женихом.

— В любом случае ты не посоветовалась с Хей-

зел. С моей женой.

— Это не проблема: мы с Хейзел дружим уже много лет. И если ты мне понадобишься, она тебя заставит. Правда, я не очень уверена насчет тебя, малыш Дикки: слишком уж ты переменчив.

— Гм… «малыш Дикки»? Вы знаете моего дядю Джока? Джока Кэмпбелла?

— Серебристого Лиса? Знаю ли я дядю Джока? Мы не станем его приглашать, Дикки, иначе он будет требовать jus primae noctis[67].

— Его придется пригласить, госпожа Тина, — он мой ближайший родственник. Ладно, выступлю в роли жениха, а дядя Джок позаботится о том, чтобы дефлорировать новобрачную. И дело с концом.

— Минерва?

— Полковник Ричард, думаю, Афине не стоит этого делать. Я знаю доктора Джока Кэмпбелла много лет, а он знает меня. Если Афина не бросит свою глупую идею, доктор Кэмпбелл не должен стать у нее первым. Может, через год-другой, когда она будет знать… — Минерва пожала плечами. — Это свободные люди.

— Тина может все решить, поговорив с Хейзел

---

[67] Примечания: 67
Право первой ночи *(лат.)*.

и Джоком. Идея ведь не моя. Когда должно свершиться это преступление?

— Очень скоро. Клон Афины почти созрел. Примерно через три твоих года.

— Я думал, речь идет о следующей неделе. Тогда можно не беспокоиться — вдруг к тому времени ишак сдохнет.

— Какой еще ишак?

— Осел. А теперь о вафлях. Госпожа Минерва, не разделите ли со мной трапезу? Не могу смотреть, как вы стоите, пуская слюни и умирая от голода, пока я купаюсь в вафлях.

— Я уже завтракала…

— Очень жаль.

— …но это было несколько часов назад, и я с удовольствием попробую вафли — их хвалили и Хейзел, и Морин. Спасибо, принимаю предложение.

— А меня вы не пригласили?

— Моя будущая юная невеста Тина, если вы исполните свою угрозу, мой стол станет вашим, и приглашение к нему выглядело бы тавтологично чрезмерным избытком излишних повторов, которые могут показаться оскорбительными. Морин говорила, как следует подавать вафли? С топленым маслом, кленовым сиропом и хрустя-

щим беконом… плюс фруктовый сок и кофе. Сок должен быть ледяным, остальное — горячим.

— Три минуты, красавчик.

Я уже собирался ответить, когда иллюзорная стена вновь расступилась и вошел ребе Эзра. Именно *вошел* — на костылях, но на двух ногах.

Улыбнувшись мне, он помахал костылем.

— Доктор Эймс! Рад вас видеть!

— И я тоже рад вас видеть, ребе Эзра. Госпожа Тина, нам, пожалуйста, три порции, всего понемножку.

— Уже. С копченым лососем, рогаликами и клубничным джемом.

За завтраком все были в приподнятом настроении, несмотря на множество вопросов, крутившихся у меня в голове. Еда была отличная, а я успел проголодаться. К тому же Минерва и Эзра — и Тина — были приятными собеседниками.

— Ребе Эзра, — спросил я, подбирая сироп последним кусочком первой вафли, — вы не видели сегодня утром Хейзел, мою жену? Я думал, она придет сюда.

Казалось, он заколебался, и вместо него ответила Тина:

— Придет, но позже. Она не может болтаться тут, Дикки, в ожидании, когда ты очнешься. У нее

есть другие дела. И другие мужчины.

— Тина, хватит меня злить. Иначе я на тебе не женюсь, даже если Хейзел с Джоком согласятся.

— Поспорим? Попробуй только бросить меня, грубиян, и я прогоню тебя с этой планеты. Тебе никто не подаст еды, перед тобой закроются все двери, тебя ошпарит водой в туалете, собаки станут кусать тебя. И ты будешь чесаться.

— Сестренка…

— Ну, Минни…

— Не обращай внимания на мою сестру, — продолжала Минерва, повернувшись ко мне. — Она дразнится, потому что ей хочется общества и внимания. Но она — этически безупречный и вполне надежный компьютер.

— Не сомневаюсь, Минерва. Но нельзя издеваться надо мной и угрожать мне, ожидая при этом, что я встану перед судьей, священником или еще кем-нибудь и пообещаю любить ее, чтить и слушаться. Впрочем, слушаться ее мне, скорее всего, не захочется.

— Можешь не обещать слушаться меня, малыш Дикки, — ответил компьютерный голос. — Я выдрессирую тебя позже. Обучу самому простому — «к ноге», «апорт», «сидеть», «лежать», «на спину», «умереть». Ничего сложного от мужчины я

не ожидаю — пусть работает жеребцом, и все. Но здесь твоя слава бежит впереди тебя.

— Что вы имеете в виду? — Я отшвырнул салфетку. — Все кончено! Свадьба отменяется.

— Друг мой Ричард…

— Гм? Да, ребе?

— Не беспокойтесь из-за Тины. Она делала предложение мне, вам, отцу Хендрику, Чой-Му и, несомненно, многим другим. Тина хочет, чтобы Клеопатра по сравнению с ней выглядела трусихой, которая боится рискнуть лишний раз.

— Не только Клеопатра, но и Нинон де Ланкло[68], Длинноногая Лил, Мария-Антуанетта, Раава[69], Линкор Кейт[70], Мессалина и так далее. Я намерена стать чемпионкой-нимфоманкой во всем мультиверсуме, прекрасной, как грех, и совершенно неотразимой. Мужчины будут драться из-за меня на дуэлях, совершать самоубийства

---

[68] Примечания: 68

Нинон де Ланкло (1620?-1705) — французская куртизанка, писательница, хозяйка литературного салона, известная своей красотой.

[69] Примечания: 69

Раава — жительница Иерихона, блудница, которая укрыла в своем доме двух соглядатаев из войска Иисуса Навина, за что была пощажена при взятии города вместе со всеми домочадцами.

[70] Примечания: 70

Линкор Кейт — прозвище Марион Рисс (1893–1922), нью-йоркской проститутки и воровки, известной, в частности, татуировками с изображением линкора.

на моем пороге, писать оды моему мизинцу. Женщины станут падать в обморок, услышав мой голос. Все, мужчины, женщины и даже дети, будут поклоняться мне издали, а я буду любить их вблизи, всех, кого втисну в свое расписание. Значит, не хочешь стать моим женихом, да? Грязное, нечестивое, злобное, вонючее, невыносимо эгоистичное заявление! Разъяренные толпы растерзают тебя на куски и выпьют твою кровь…

— Госпожа Тина, нехорошо так говорить за столом. Мы едим.

— Ты первый начал.

Я попытался воспроизвести в памяти наш обмен репликами. Действительно ли я начал? Нет, это была она…

— Сдавайтесь, — театрально прошептал мне ребе Эзра. — Вам не выиграть. Я знаю.

— Госпожа Тина, прошу прощения, что завел этот разговор. Не надо было этого делать. Я поступил невежливо.

— Ничего страшного, — с явным удовольствием ответил компьютерный голос. — И незачем называть меня «госпожа Тина», тут почти не используют титулы. Если обратиться к Минерве как к «доктору Лонг», она оглянется, решив, что за ее спиной кто-то стоит.

— Ладно, Тина. Зови меня, пожалуйста, Ричардом. Госпожа Минерва, вы дипломированный доктор? Доктор медицины?

— Да, у меня есть, среди прочего, диплом терапевта. Но моя сестра права — титулы тут употребляют нечасто. Госпожой мужчина называет в знак теплых чувств женщину, которую одарил плотской любовью. Поэтому никакой «госпожи Минервы»… пока не решишь совершить это благодеяние. Не раньше. Если решишь, конечно.

Вот так, прямо в лоб?!

Я не знал, что сказать. Минерва выглядела такой скромной, мягкой и смиренной, что ее слова застали меня врасплох.

Тина дала мне время перестроить боевые порядки.

— Минни, не пытайся выдернуть его прямо из-под меня. Он мой.

— Лучше спроси Хейзел. А еще лучше — его самого.

— Малыш Дикки! Скажи ей!

— Что я могу сказать, Тина? Ты не уладила этот вопрос с Хейзел и моим дядей Джоком. Но пока что… — Я поклонился Минерве так, как может поклониться человек, лежащий на койке и парализованный ниже пояса. — Дорогая леди,

ваши слова — большая честь для меня. Но, как вам известно, сейчас я физически обездвижен и не способен разделить с вами наслаждение. А пока что… нельзя ли принять желаемое за действительное?

— Не смей ее называть «госпожой»!

— Веди себя прилично, сестренка. Сэр, вы действительно можете называть меня «госпожой». Или, как вы предложили, можно принять желаемое за действительное и подождать. Ваше лечение потребует времени.

— Что ж, так тому и быть. — Я бросил взгляд на маленький клен, теперь выглядевший не таким уж и маленьким. — Как долго я здесь пробыл? Вероятно, уже набежал немалый счет?

— Не беспокойся об этом, — посоветовала Минерва.

— Не могу не беспокоиться. По счетам нужно платить. А у меня даже нет медицинской страховки. — Я посмотрел на раввина. — Ребе, как вы оплатили ваши… трансплантаты? Вы так же далеко от дома и своего банковского счета, как и я.

— Дальше, чем вы думаете. И больше не стоит звать меня ребе — здесь никто не слышал о Торе. Я теперь рядовой Эзра Дэвидсон, служащий нерегулярных сил Корпуса времени. Именно он

оплачивает мои счета. Думаю, и ваши тоже. Тина, ты не могла бы… я имею в виду, ты согласишься сказать доктору Эймсу, с какого счета покрываются его расходы?

— Он должен спросить сам.

— Спрашиваю, Тина. Скажи, пожалуйста.

— Кэмпбелл Колин, также известный как Эймс, Ричард: расходы всех отделов покрываются со специального счета «Властелин Галактики — разное». Так что не волнуйся, красавчик, — тебе нужна помощь, и фирма несет все расходы. Конечно, те, кто пользуется *этим* счетом, долго не живут.

— Афина!

— Но Минни, это истинная правда. В среднем одна целая и семьдесят три сотых миссии, а потом мы выплачиваем страховку по факту смерти. Если только его не направят на непыльную работу в ШКВ.

(Я слушал не слишком внимательно. Вот уж действительно — «Властелин Галактики»! Лишь один человек мог открыть счет с таким названием — моя игривая любимая малышка. Черт побери, дорогая, где же ты?)

Проницаемая стена вновь расступилась.

— Я не слишком опоздала? Еще не все съели?

Ох ты! Привет, дорогой!

Это была она!

22

Если сомневаешься, говори правду.

Марк Твен (1835–1910)

— Ричард, я и вправду навестила тебя на следующее утро. Но ты меня не видел.

— Конечно, навестила, малыш Дикки, — подтвердила Тина. — Основательно рискуя собственным здоровьем. Радуйся, что остался жив. Еще бы немного, и…

— Верно, — согласился Эзра. — Я полночи пролежал с вами в одной палате. Потом меня перевели в другую, вас поместили под полный карантин, а мне сделали то ли девять, то ли девяносто прививок. Брат мой, вы были смертельно больны.

— Судороги до переломов костей, зеленогнойная трясучка, удушающая лихорадка… — начала отсчитывать на пальцах Хейзел. — Синяя смерть, тиф… Минерва, что еще?

— Общее заражение золотистым стафилококком, печеночный герпес Ландрия. И хуже всего — потеря вкуса к жизни. Но Иштар не позволит умереть никому, кто не просил о смерти, будучи

дееспособным, и Галахад тоже. Тамара была с вами каждую минуту, пока не миновал кризис.

— Почему я ничего не помню?

— Радуйся, что не помнишь, — посоветовала Тина.

— Милый, если бы ты не оказался в самой лучшей больнице во всех известных вселенных, с самыми опытными врачами, я снова стала бы вдовой. А черный цвет мне совсем не идет.

— Если бы вы не были сильны как вол, — добавил Эзра, — вы бы не выкарабкались.

— Как бык, Эзра, — перебила его Тина. — А не как вол. Я знаю, я видела одного. Впечатляет.

Я не знал, благодарить ли Тину или снова отменять свадьбу, и решил просто не отвечать ей.

— Не пойму только, где я подцепил всю эту заразу? Помню, меня чем-то ткнули — ясно, откуда мог взяться золотистый стафилококк. Но остальное?

— Полковник, вы профессиональный солдат, — сказал Эзра.

— Да, — вздохнул я. — Но с этой стороной моей профессии мне не довелось близко познакомиться, и вообще она мне не по душе. По сравнению с биологическим оружием ядерные бомбы кажутся вполне чистыми и пристойными. Даже химиче-

ское оружие выглядит гуманным. Ладно, значит, тот нож — это ведь был нож? — заранее чем-то обработали. Чем-то смертельно опасным.

— Да, — согласился Эзра. — Кто-то хотел вашей смерти и был готов убить всех жителей Луна-Сити, лишь бы разделаться с вами.

— Безумие. Я не настолько важная особа.

— Ричард, ты очень важная особа, — тихо проговорила Минерва.

Я уставился на нее:

— С чего ты взяла?

— Мне сказал Лазарус.

— Лазарус? Тина уже упоминала это имя. Кто такой Лазарус? И почему его мнение так важно?

— Ричард, — ответила Хейзел, — я уже говорила, что ты важная особа, и объяснила почему. Речь идет о спасении Адама Селена. Те, кто не хочет его воскрешения, не раздумывая убьют всех в Луна-Сити, лишь бы уничтожить тебя.

— Как скажешь. Хотелось бы мне знать, что там произошло. Луна-Сити — моя вторая родина, и среди его жителей есть прекрасные люди. В том числе ваш сын, Эзра.

— Да, мой сын. И другие. Луна-Сити спасен, Ричард. Эпидемия остановлена.

— Отлично!

— Но это дорого обошлось. Для нашего спасения изменили временной отсчет. Те несколько секунд, за которые мы поднялись на борт и убрались из Луна-Сити, были тщательно воспроизведены с участием всех нас и опытного актера, игравшего вашу роль. Полученные данные сравнили с данными из памяти Гэй, чтобы узнать, сколько времени она там провела, и оба числа привели в соответствие. Затем в точку с полученными координатами плюс четыре секунды отправили пространственно-временную капсулу Берроуза с тепловой бомбой на борту — не атомной, но невероятно горячей, словно звезда. Среди тех бактерий были такие, которых нелегко убить. Отель, конечно же, пострадал, и весьма вероятно — нет, совершенно точно, — кто-то лишился жизни. Нависшая над Луна-Сити угроза сгорела дотла, но за это пришлось заплатить немалую цену. Дарзанебы.

Проговорив это, Эзра мрачно вздохнул.

— Ваш сын спасся?

— Думаю, да. Однако благополучие моего сына никого не интересовало, и моего мнения никто не спрашивал. Так решил штаб Корпуса времени. ШКВ спасает отдельных личностей лишь в том случае, если эти личности незаменимы для

той или иной операции. Ричард, насколько я понимаю… не забывайте, что я всего лишь рядовой-новобранец, нахожусь в отпуске по болезни и не знаю, какие решения принимаются на высшем уровне… насколько я понимаю, если бы в тот момент на Луна-Сити обрушилась смертоносная эпидемия, это сорвало бы другие планы ШКВ. Возможно, те, на которые намекала госпожа Гвендолин… Хейзел. Не знаю.

— Зато я все знаю, Эзра, и не называйте меня госпожой на Терциусе, если речь не идет о серьезных отношениях. Но все равно спасибо. Ричард, переносимая воздушным путем болезнь могла бы нанести громадный урон планам штаба, и это вынудило его к радикальным действиям. Расчет оказался настолько точным, что мы с тобой и остальные, бывшие на борту Гэй, успели сбежать за мгновение до взрыва тепловой бомбы. — (Я обнаружил здесь парадокс, но Хейзел продолжала говорить.) — Они не могли допустить даже задержку в несколько секунд, иначе некоторые смертельные вирусы успели бы проникнуть в городские воздуховоды. Прогноз дал катастрофические последствия для операции «Адам Селен», и они принялись за дело. Но Корпус времени не носится по вселенным, спасая отдельных людей

или даже население целых городов. Ричард, сегодня они могли бы спасти Геркуланум и Помпеи, если бы захотели… или Сан-Франциско, или Париж. Но не делают этого. И не станут делать.

— Милая, — медленно проговорил я, — ты хочешь сказать, что этот самый Корпус времени мог предотвратить гибель Парижа в две тысячи втором году, хотя с тех пор прошло два столетия? Прошу тебя!

Хейзел в ответ лишь вздохнула.

— Друг мой Ричард, — сказал Эзра, — слушайте меня внимательно. И не отвергайте с ходу того, что я скажу.

— Гм? Ладно, выкладывайте.

— Со времени разрушения Парижа прошло больше двух тысяч лет, а не два столетия.

— Но это же явный…

— Согласно земному летосчислению, сейчас идет четыре тысячи четырехсотый год от Рождества Христова по григорианскому календарю или восемь тысяч сто шестидесятый по еврейскому: факт, который я нахожу весьма тревожным, но вынужден был принять[71]. Кроме того, здесь и

[71] Примечания: 71

Возможно, тревога ребе связана с тем, что, согласно Талмуду, конец света должен был наступить в 2240 году по григорианскому календарю. — *Примеч. С. В. Голд.*

сейчас мы находимся в семи с лишним тысячах световых лет от Земли.

Хейзел и Минерва с серьезным видом смотрели на меня — видимо, ожидали моей реакции. Я открыл было рот, но затем отказался от первоначального намерения и сказал:

— У меня только один вопрос. Тина?

— Нет, вафель не осталось.

— Я не о вафлях, дорогая. Вопрос звучит иначе: можно мне еще чашку кофе? На этот раз со сливками? Пожалуйста.

— Держи!

На столике передо мной появилось то, что я заказал.

— Ричард, все это правда! — выпалила Хейзел.

Я отхлебнул свежего кофе.

— Спасибо, Тина. Самое то. Хейзел, любовь моя, я не спорю. Глупо спорить о том, чего я не понимаю. Перейдем к чему-нибудь попроще. Несмотря на все жуткие болезни, которые я, по твоим словам, перенес, я чувствую себя достаточно бодрым, чтобы спрыгнуть с постели и отхлестать слуг. Минерва, не подскажешь, как долго я буду пребывать в параличе? Ты ведь мой лечащий врач?

— Нет, Ричард, я не твой врач. Я…

— Сестренка отвечает за то, чтобы ты был счаст-

лив, — перебила ее Тина. — Это намного важнее.

— Афина более или менее права…

— Я всегда права!

— …но порой она странно выражается. Тамара отвечает за моральное состояние больных в больнице имени Айры Джонсона и в клинике имени Говарда… и именно Тамара была с тобой, когда ты больше всего в ней нуждался, — она буквально носила тебя на руках. Но у нее есть множество помощников, поскольку генеральный директор Иштар считает моральное состояние — или счастье — основой лечения и омоложения. Поэтому я помогаю ей, как и Морин и Мэгги, с которыми ты пока не знаком. Есть и другие: они включаются в работу, когда у слишком многих пациентов возникают проблемы со счастьем. Это Либби и Дити и даже Лаз с Лор, настоящие мастера своего дела… что неудивительно, ведь они — сестры Лазаруса и дочери Морин. И конечно, есть Хильда.

— Погоди. Я начинаю путаться в незнакомых именах. Я понял, по крайней мере, одно: в этой больнице подают счастье на блюдечке. И все эти ангелы счастья — женщины.

— А как иначе? — презрительно бросила Тина. — Где еще ты найдешь счастье?

— Спокойно, Тина, — с упреком сказала Ми-

нерва. — Ричард, мы, женщины, заботимся о моральном состоянии мужчин… а у Тамары есть опытные работники-мужчины, которые опекают клиенток и пациенток. Для поддержания духа совершенно не обязательно привлекать представителей только противоположного пола, но так намного проще. Нам нужно меньше работников-мужчин для опеки над пациентками: женщины болеют реже. В клинике омоложения мужчин и женщин примерно поровну, но женщины почти никогда не впадают в депрессию, вновь становясь молодыми…

— Слушай ее, слушай! — вмешалась Хейзел. — Нас это только бодрит.

Она погладила меня по руке, а затем сделала невидимый для остальных жест, на который я не стал отвечать в присутствии посторонних.

— …тогда как мужчины во время омоложения хотя бы раз переживают душевный кризис. Но ты интересовался блокадой позвоночника. Тина?

— Я его уже вызвала.

— Одну минуту, — сказала Хейзел. — Эзра, ты показывал Ричарду свои новые ноги?

— Еще нет.

— Может, покажешь? Тебе нетрудно?

— С удовольствием похвастаюсь.

Встав, Эзра отошел от стола, повернулся кругом и поднял костыли, стоя без посторонней помощи. Когда он входил, я не смотрел на его ноги (сам не люблю, когда на меня таращатся), а когда он сел за появившийся следом столик для закусок, я уже не видел его ног. Мне показалось, будто он одет в прогулочные шорты и коричневые чулки такого же цвета, а между шортами и чулками виднеются костистые белые колени.

Теперь же он сбросил туфли, оставшись босиком, и я вдруг понял, что «коричневые чулки» — это коричневая кожа ног и ступней, приживленных к культям.

— ...есть три способа, — подробно объяснял он. — Новую конечность, как и любую часть тела, можно вырастить с помощью почкования. Как мне сказали, это длительный процесс, требующий немалого опыта. Орган или конечность можно также пересадить от собственного клона, который хранится здесь в стазисе, с преднамеренно неразвитым мозгом. Мне говорили, что это так же просто, как поставить заплатку на штаны — отторжение невозможно. Но моего клона здесь нет или пока нет, поэтому для меня нашли кое-что на складе запчастей...

— На мясном рынке.

— Да, Тина. Множество частей тела на складе с компьютерным учетом…

— Это я его внедрила.

— Да, Тина. Для неродственных пересадок Тина подбирает запчасти с максимальной тканевой совместимостью… разумеется, с той же группой крови, но не только. Размеры тоже должны соответствовать друг другу, но с этим проще всего. Проверив все параметры, Тина извлекает со склада запчасть, которую твое тело сочтет своим собственным органом. Или почти своим.

— Эзра, — сказал компьютерный голос, — ты можешь носить эти ноги не менее десяти лет: для тебя я постаралась всерьез. К тому времени будет готов твой клон — если он тебе понадобится.

— Да, ты постаралась всерьез. Спасибо тебе, Тина. Ричард, моего благодетеля зовут Азраэль Нкрума. Мы с ним близнецы, не считая содержания меланина, но это несущественно, — улыбнулся Эзра.

— Но ведь ему будет не хватать ноги, — сказал я.

Эзра внезапно посерьезнел:

— Его нет в живых, Ричард… он умер по самой распространенной здесь причине — от несчастного случая. Занимался скалолазанием, неудачно

упал и разбил череп. Иштар со всем своим искусством не смогла его спасти. А уж она бы точно поднапряглась: доктор Нкрума работал у нее хирургом. Но это не ноги самого доктора Нкрумы, а ноги его клона… которые ему так и не понадобились.

— Ричард…

— Да, дорогая? Я хотел спросить Эзру…

— Ричард, я сделала кое-что, не посоветовавшись с тобой.

— Вот как? Придется снова тебя поколотить?

— Решай сам. Я хотела, чтобы ты увидел ноги Эзры… потому что я без твоего разрешения велела приделать тебе новую ступню.

И она испуганно посмотрела на меня.

Наверняка существует правило, согласно которому в течение дня человек может испытать ограниченное количество эмоциональных потрясений. Меня, как и любого военного, учили замедлять сердцебиение и снижать кровяное давление в критической ситуации. Но обычно критическая ситуация развивается слишком быстро, а от чертовых тренировок все равно нет толку.

На этот раз я просто подождал, сознательно замедляя дыхание. Наконец я сумел выдавить

из себя:

— Ну, в общем, я думаю, это не повод для трепки. — Я попытался пошевелить ступней, которую всегда чувствовал, хотя лишился ее много лет назад. — Надеюсь, ты велела поставить ее как надо?

— Гм? Ты о чем, Ричард?

— Предпочитаю, чтобы пальцы ног смотрели вперед, а не как у нищего в Бомбее. — (Неужели что-то и впрямь шевельнулось?) — Э… Минерва, ты разрешишь взглянуть, что получилось? Не могу приподнять одеяло.

— Тина?

— Он уже идет.

Эта несерьезная стенка вновь расступилась, пропуская оскорбительно прекрасного молодого человека — я таких никогда не встречал. Красота его была тем более оскорбительна, что он явился в мою комнату нагишом. Ни единой ниточки на теле. На нем не было даже обуви. Оглядевшись вокруг, он широко улыбнулся:

— Привет всем! Меня кто-то звал? Я загорал…

— Ты спал. В рабочее время.

— Тина, я могу спать и загорать одновременно. Как дела, полковник? Рад, что вы проснулись. Ну и работенку вы нам задали! Мы даже подумали,

не вернуть ли вас в прежнее состояние, чтобы попробовать заново.

— Доктор Галахад — твой лечащий врач, — пояснила Минерва.

— Не совсем, — возразил он, приближаясь ко мне. По пути он сжал плечо Эзры, ущипнул за задницу Минерву и послал воздушный поцелуй моей жене. — Я вытянул короткую соломинку, только и всего, так что вся вина лежит на мне. Я рассмотрю любые жалобы… но предупреждаю: судиться со мной бесполезно. Со мной или с нами. Судья у нас в кармане. А теперь… — он помедлил, занеся руки над моим одеялом, — хотите сделать это в приватной обстановке?

Я поколебался. Да, мне нужна была приватная обстановка. Эзра тоже понял это и, едва успев сесть, начал с трудом подниматься на ноги.

— Увидимся позже, друг мой Ричард.

— Нет, не уходите. Вы показали мне свои ноги, а теперь я покажу вам свои. Мы сравним их, и вы дадите мне совет, ведь я ничего не смыслю в трансплантатах. Хейзел, конечно, тоже остается. Минерва уже видела мои ноги или нет?

— Да, Ричард, видела.

— Тогда оставайся. Подхватишь меня, если упаду в обморок. Тина, пожалуйста, без дурацких

шуточек.

— Я?! Ты критикуешь мой профессионализм!

— Нет, дорогая. Твою манеру общаться с пациентами. Нужно изменить ее, если хочешь составить конкуренцию Нинон де Ланкло или хотя бы Длинноногой Лил. Ладно, док, давайте взглянем.

Я напряг диафрагму и затаил дыхание.

Доктор коснулся мерзкого одеяла, и оно тут же слетело с меня. Кровать оказалась чистой и сухой (я проверил это первым делом, не обнаружив никаких видимых туалетных приспособлений), и на ней лежали, вплотную друг к другу, две большие уродливые ноги: лучшее из того, что я видел в жизни.

Я лишился чувств, и Минерва подхватила меня.

Тина не стала отпускать шуточек.

Двадцать минут спустя выяснилось, что я могу управлять своей новой ступней и пальцами, пока не думаю об этом… Правда, во время пробного сеанса я терял контроль, слишком усердно выполняя указания доктора Галахада.

— Я доволен результатом, — сказал он, — если он вас устраивает. Что скажете?

— Как это описать? Радуга? Серебряные коло-

кольчики? Грибовидное облако? Эзра, вы можете объяснить?

— Я уже пытался. Как будто ты заново родился. Прогулка кажется такой банальной вещью… пока не теряешь эту возможность.

— Да. Доктор, чья это нога? В последнее время мне не приходилось молиться, но ради него я попробую.

— Он жив.

— То есть?

— И не лишился ноги. Вышло довольно странно, полковник. Тина ничего не могла отыскать: любую правую ступню подходящего размера ваша иммунная система отвергала с той же скоростью, с какой мы произносим слово «сепсис». Потом Иштар, моя начальница, велела расширить область поиска… и Тина нашла эту ногу. Часть клона живого клиента.

Раньше мы с таким не сталкивались. Я… мы, работники больницы, не имеем права использовать чужой клон, так же как, например, не имеем права отрубить вам другую ногу. Но когда владельцу клона все рассказали, он решил отдать вам эту ногу. Он подумал, что его клон за несколько лет отрастит себе другую, а пока можно обойтись без той части страховки, которую дает наличие

полного клона.

— Кто он? Мне нужно его отблагодарить.

(Как отблагодарить человека за подобный дар? Не знаю, но это необходимо.)

— Полковник, вряд ли вам это удастся. Ваш донор настоял на том, чтобы остаться неизвестным. Таково условие дара.

— Меня даже заставили стереть информацию об этом, — с горечью сказала Тина. — Будто мне нельзя доверять в рабочих вопросах. Да я храню клятву Гипокрита[72] лучше всех остальных!

— То есть Гиппократа?

— Ты так думаешь, Хейзел? Я знаю эту шайку намного лучше тебе.

— Конечно, я за то, чтобы вы начали пользоваться ногой, — сказал доктор Галахад. — Вам также нужны физические нагрузки, чтобы оправиться после долгой болезни. Поэтому вставайте с койки! Два совета: во-первых, пользуйтесь тростью, пока не будете уверенно держаться на ногах, а во-вторых, пусть Хейзел, Минерва или кто-нибудь другой держит вас за другую руку. Не слишком напрягайтесь — вы еще слабы. Если

---

[72] Примечания: 72

Игра слов: hypocritic *(англ.)* — лицемерный, притворный, ханжеский. — *Примеч. С. В. Голд.*

захотите сесть или лечь, сделайте это. Гм… плавать умеете?

— Да. Правда, давно не практиковался: я жил на орбитальной станции, а там плавать негде. Но вообще-то мне нравится.

— Зато здесь у вас будут все условия. Один бассейн — в подвале этого здания, другой, побольше, — в атриуме. Во многих частных домах тоже есть какие-нибудь бассейны. Плавайте вволю. Постоянно ходить вы не сможете — кожа на правой ступне пока не затвердела, так что старайтесь не нагружать эту ногу. И не надевайте обувь, пока ступня не научится быть ступней, — улыбнулся он. — Хорошо?

— Да, конечно!

Он похлопал меня по плечу, затем наклонился и поцеловал. Как раз тогда, когда этот чудак начал мне нравиться! Увернуться я не успел.

Я был крайне раздражен, но попытался скрыть недовольство. Судя по тому, что говорили Хейзел и другие, этот чересчур симпатичный педик спас мне жизнь… причем не раз. Я попросту не имел права обижаться на него за звонкий поцелуй.

Черт побери!

Парень, похоже, не заметил моего отвращения. Сжав мое плечо, он сказал:

— Все у вас получится. Минерва, своди его поплавать. Или Хейзел. Кто-нибудь.

С этими словами он ушел.

Дамы помогли мне подняться с кровати, и Хейзел повела меня плавать, поцеловав на прощание Минерву. Внезапно я понял, что Минерва ждет того же и от меня, потянулся к ней и встретил полное понимание.

Целовать Минерву было чертовски приятнее, чем мужчину, каким бы красивым он ни был. Я поблагодарил ее за все, что она для меня сделала, и лишь затем отпустил.

— Рада была помочь, — с серьезным видом ответила она.

И мы пошли. Я осторожно ступал, опираясь на трость и ощущая покалывание в новой ступне. Когда стена расступилась и мы оказались за пределами моей палаты, Хейзел сказала:

— Дорогой, я рада, что ты поцеловал Минерву, не дожидаясь моих намеков. Она очень любит ластиться к другим, и физическая близость значит для нее намного больше, чем любая благодарность или материальный подарок, даже самый щедрый. Попытка наверстать два столетия, которые она провела в обличии компьютера.

— А она в самом деле была компьютером?

— Лучше тебе поверить в это, дружок! — раздался позади нас голос Тины.

— Да, Тина. Сейчас объясню ему. Минерва не родилась женщиной. Ее тело вырастили в пробирке из яйцеклетки, у которой было двадцать три родителя. Такой блестящей родословной не имел за всю историю ни один человек. Когда тело было готово, она переместила в него свою личность вместе с воспоминаниями…

— Но не всеми, — уточнила Тина. — Мы сделали копию воспоминаний, которые она хотела забрать, и я сохранила их, а также всю работающую память, постоянную и оперативную. Предполагалось, что мы станем идентичными близнецами. Но она скрыла от меня часть своих воспоминаний, не поделившись ими! Грязная сука! Разве это честно? Я тебя спрашиваю!

— Не спрашивай меня, Тина, я никогда не была компьютером. Ричард, ты когда-нибудь пользовался трубоспуском?

— Даже не знаю, что это такое.

— Держись за меня и постарайся приземлиться на свою старую ногу. Тина, поможешь нам?

— Само собой, подружка!

Оказалось, что трубоспуск — это дьявольски забавно. После первого падения я настоял на том,

что надо подняться и спуститься четыре раза ради «практики» (на самом деле — ради развлечения). Хейзел потакала моим капризам, а Тина следила, чтобы я не повредил новую ногу в момент приземления. Для человека с ампутированной ногой лестница — немалый риск, в лучшем случае — тяжкий труд. Лифты же всегда считались унылыми и мрачными, словно корсет на толстухе, и слишком напоминали вагоны для скота.

Но трубоспуск доставлял такую же головокружительную радость, как прыжки со стога сена на дядиной ферме в далеком детстве — только без пыли и жары. У-уух!

Наконец Хейзел остановила меня.

— Послушай, дорогой, давай поплаваем. Пожалуйста.

— Ладно. Ты с нами, Тина?

— Как же иначе?

— Ты поставила нам жучки, дорогая? — спросила Хейзел. — Или кому-нибудь из нас?

— Импланты больше не ставятся, Хейзел. Это слишком грубо. Мы с Зебом придумали хитроумное устройство, которое с помощью двойной триады выполняет двустороннюю передачу образа и звука по четырем осям. Цвет не слишком хорош, но все-таки есть.

— Значит, поставила нас на прослушку.

— Предпочитаю называть это «шпионским лучом», так лучше звучит. Ну хорошо, хорошо — я поставила вас на прослушку.

— Так я и думала. Мы можем побыть наедине? Хочу обсудить с мужем семейные дела.

— Само собой, подружка. Только больничный мониторинг. Иначе — три обезьянки и старое доброе стирание памяти.

— Спасибо, дорогая.

— Стандартная услуга компании «Лонг энтерпрайз». Когда захочешь выбраться из укрытия, просто назови мое имя. И поцелуй его за меня. Пока!

— Теперь мы в самом деле наедине, Ричард. Тина постоянно слушает тебя и наблюдает за тобой, но делает это с безразличием вольтметра, сохраняя в памяти лишь данные о частоте пульса и дыхании. Нечто подобное мы использовали, чтобы избавить тебя от страданий во время тяжелой болезни.

Я выдал свой коронный весьма остроумный комментарий:

— Гм?

Выйдя из центрального здания больницы, мы оказались перед небольшим парком, разбитым

между двумя боковыми крыльями П-образного сооружения. Во дворике росли цветы и зелень, а посередине находился бассейн, очертания которого, как бы случайно, идеально сочетались с цветочными клумбами, дорожками и кустами. Хейзел остановилась у скамейки перед бассейном, в тени дерева. Мы сели. Скамейка приняла форму наших тел, и мы стали наблюдать за людьми в бассейне — почти так же интересно, как плавать самому.

— Ты помнишь о том, как оказался здесь? — спросила Хейзел.

— Не помню почти ничего. Я довольно хреново чувствовал себя из-за той раны. — («Та рана» превратилась в едва заметный шрам — к некоторому моему разочарованию.) — Та женщина… Тамара?… Тамми с тревогой смотрела мне в глаза и что-то говорила на другом языке…

— На галакте. Ты выучишь его, это несложно…

— Вот как? В общем, она что-то говорила мне. Больше ничего не помню. Кажется, будто все случилось вчера. И вот сегодня утром я просыпаюсь и узнаю, что это было не вчера, а бог знает когда, и я все это время провалялся без чувств. Кошмар. Хейзел, сколько времени прошло?

— Зависит от того, как считать. Для тебя — око-

ло месяца.

— Меня столько времени держали под наркотой? Не слишком ли долго?

(Внезапно я забеспокоился. Я видел, как людей отправляли к хирургам прямо с поля боя, и они выходили из госпиталя здоровыми телесно, но подсаживались на обезболивающие. Морфий, демерол, сан-суси, метадон, что угодно.)

— Дорогой, тебя вовсе не держали под наркотой.

— Поясни.

— Ты все время был в поле Леты — и никаких наркотиков. Лета позволяет пациенту оставаться в сознании… но боль забывается сразу же после возникновения. И все остальное тоже. Ты страдал, дорогой, но каждый приступ боли становился отдельным событием, которое мгновенно стиралось из памяти. Тебе не пришлось испытать неодолимую усталость от непрерывной боли. А теперь у тебя нет похмелья, и из организма не нужно вымывать наркотики, на которых сидел неделями. — Она улыбнулась. — Ты был неважным собеседником, дорогой: человек, забывающий обо всем через две секунды, плохо приспособлен для связных разговоров. Но тебе, похоже, нравилось слушать музыку. И ты нор-

мально ел, когда тебя кормили.

— Кто меня кормил? Ты?

— Нет. Я не вмешивалась в работу профессионалов. — Моя трость соскользнула, упав в траву, и Хейзел, наклонившись, подала ее мне. — Кстати, я перезарядила твою трость.

— Спасибо. Эй! Она же была заряжена. Полностью.

— Она была заряжена, когда на нас напали, — и хорошо, иначе меня не было бы в живых. И тебя, думаю, тоже. Но меня — точно.

Последующие десять минут мы пытались объясниться, и каждый все больше приходил в замешательство. Я уже описывал, как выглядела для меня схватка возле «Раффлза». Теперь расскажу вкратце, как она выглядела для Хейзел. Эти две версии полностью противоречат друг другу.

Хейзел утверждает, что не применяла свою сумочку в качестве оружия («Это было бы глупо, дорогой. Слишком медленно и не смертельно. Ты сразу же уложил двоих и дал мне время добраться до моего маленького „мияко“. Ну то есть после того, как я воспользовалась своим шарфом»).

По ее словам, я застрелил четверых, пока она приканчивала тех, в кого я не попал. В конце концов, меня свалили наземь, резанув по бедру

(ножом? По словам Хейзел, из раны извлекли куски бамбука), а потом пустили мне в лицо аэрозоль из баллона, — и она успела прикончить того, кто меня опрыскал.

(«Я наступила ему на лицо, схватила тебя и поволокла прочь. Нет, я не ожидала увидеть Гретхен. Но знала, что могла на нее рассчитывать».)

Ее версия немного лучше объясняет нашу победу… но совсем неправдоподобна, если я все правильно помню. Однако придираться нет смысла — все равно выяснить ничего нельзя.

— Как там оказалась Гретхен? Нас ждали Ся и Чой-Му, но в этом нет никакой загадки, ведь мы оставили им сообщения. С Хендриком Шульцем тоже все ясно, если он успел на челнок сразу же после того, как получил мое письмо. Но Гретхен? Ты разговаривала с ней незадолго до обеда. Она была дома, в «Высохших костях».

— В «Высохших костях», а ближайшая капсула находилась далеко на юге, в Гонконге-Лунном. Как ей удалось так быстро добраться до Луна-Сити? Уж точно не на луноходе. Приз за правильный ответ я не выдаю.

— На ракете?

— Конечно. Старательский прыгунок — разновидность ракеты. Помнишь, Джинкс Хендерсон

хотел вернуть ту феску через своего друга, который собирался махнуть на своем прыгунке в Луна-Сити?

— Да-да, помню.

— Гретхен полетела вместе с тем другом и вернула феску сама, оставив ее в столе находок в Старом Куполе. А потом отправилась в «Раффлз» на поиски нас.

— Понятно. Но почему?

— Хочет, чтобы ты отшлепал ее, дорогой. Чтобы ее попка как следует покраснела.

— Что за чушь? Я имею в виду, почему папаша отпустил ее в Луна-Сити с соседом? Она слишком молода.

— Все как обычно. Джинкс — большой, сильный мачо, который не в силах устоять, когда дочь подкатывает к нему. Он не может удовлетворить свои загнанные вглубь кровосмесительные желания и позволяет ей делать что угодно: надо лишь попристават как следует.

— Смешно. И непростительно. Отцовский долг по отношению к дочери требует…

— Ричард, сколько у тебя дочерей?

— Гм? Ни одной. Но…

— Тогда заткнись и не говори о том, чего не знаешь. Не важно, как должен был поступить

Джинкс. Главное, что Гретхен покинула «Высохшие кости» примерно в то время, когда мы обедали. С учетом времени перелета она оказалась у Восточного городского шлюза тогда, когда мы вышли из комплекса Администрации… и прибыла в «Раффлз» всего за несколько секунд до нас — что тоже к лучшему, иначе мы с тобой не остались бы в живых. Мне так кажется.

— Она участвовала в драке?

— Нет. Но она несла тебя, и поэтому я смогла прикрыть наше отступление. А все потому, что ей хочется, чтобы ты ее отшлепал по попке. Пути Господни неисповедимы, дорогой: для каждого мазохиста есть свой садист. Браки заключаются на небесах.

— Что ты несешь? Я не садист.

— Неправда, дорогой. Я могу ошибаться в деталях, но не в сути. Гретхен сделала мне официальное предложение, попросив твоей руки.

— Что?!

— Именно так. Она как следует подумала и обсудила все с Ингрид. Гретхен просит разрешения принять ее в наше Семейство, она не хочет основывать собственную семью или группу. И неудивительно: я знаю, насколько ты обаятелен.

— Господи… и что ты ответила?

— Я ответила, что не возражаю, но ты болен, и придется подождать. А теперь ты можешь ответить ей сам… Она там, на другой стороне бассейна.

23

Не откладывай на завтра то, чем можно насладиться сегодня.

Джош Биллингс*[73] *(1818–1885)

— Пойду-ка я обратно в палату, что-то голова кружится. — Я прищурился, глядя над усеянной солнечными отблесками водной гладью. — Где она? Не вижу.

— Прямо напротив нас, справа от водной горки. Блондинка и брюнетка. Гретхен — блондинка.

— Я вовсе не ожидал, что она окажется брюнеткой. — Я всмотрелся внимательнее. Брюнетка помахала нам, и я узнал Ся. Я помахал в ответ.

— Идем к ним, Ричард. Оставь трость и другие вещи на скамейке. Никто не тронет твои вещи.

Хейзел сбросила сандалии и положила сумочку рядом с тростью.

— Может, сперва в душ?

— Ты чистый, Минерва утром искупала тебя. Нырнем? Или войдем осторожно?

---

[73] Примечания: 73

Джош Биллингс — псевдоним американского писателя и журналиста Генри Уиллера Шоу. Считался кем-то вроде преемника Марка Твена. На русский язык не переводился. — *Примеч. С. В. Голд.*

Мы вместе нырнули в бассейн. Хейзел проскользнула между молекулами воды, словно тюлень, я же проделал дыру, в которую могло бы пролезть целое семейство. Мы вынырнули прямо перед Ся и Гретхен, которые оказали мне теплый прием.

Мне уже говорили, что на Терциусе побеждена простуда, а также пародонтоз и прочие болезни рта и горла и, разумеется, заболевания, которые раньше именовались «венерическими» из-за того, что их настолько трудно подхватить, что для передачи требуется самый тесный контакт.

Что ж, тем лучше для Терциуса.

Губы Ся имели пряный вкус, а губы Гретхен оказались по-девичьи сладкими, хотя, как я выяснил, она была уже не девочкой. У меня были все возможности для сравнения — стоило отпустить одну, как я оказывался в объятиях другой, и так раз за разом.

Наконец они устали (в отличие от меня), и мы вчетвером переместились в мелкую бухточку, где нашли свободный плавучий столик. Хейзел заказала чай с калорийными закусками в виде маленьких пирожных, сэндвичей и сладких оранжевых плодов, напоминавших виноград без косточек. Я атаковал первым:

— Гретхен, когда мы познакомились меньше недели назад, тебе, помнится, не было еще и тринадцати. Как же ты умудрилась вырасти на пять сантиметров, потяжелеть на пять кило и стать минимум на пять лет старше? Подумай, прежде чем ответить: все сказанное тобой будет записано Тиной и может быть использовано против тебя в другое время и в другом месте.

— Кто-то назвал мое имя? Привет, Гретхен! Добро пожаловать домой.

— Привет, Тина. До чего же здорово вернуться!

Я обнял Ся:

— И ты тоже. Ты помолодела на пять лет. Придется это объяснить.

— Что касается меня, тут никаких секретов. Как и в Луне, я изучаю здесь молекулярную биологию — но здесь о ней знают намного больше, — и плачу за учебу, работая в клинике Говарда внештатной сиделкой. Каждую свободную минуту я провожу в этом бассейне. Ричард, я научилась плавать! Там, в Луне, ни один мой приятель не встречал людей, знавших того, кто умеет плавать. А солнце, а свежий воздух! В Конгвиле я сидела взаперти, дышала консервированным воздухом при искусственном освещении и торговалась с приезжими о цене за койку. — Она глубоко

вздохнула, приподняв бюст на опасную высоту, и сделала выдох. — Теперь я ожила! Неудивительно, что я выгляжу моложе.

— Ладно, ты прощена. Но чтобы такого больше не повторялось. Гретхен?

— Бабушка Хейзел, он что, дразнится? Говорит совсем как Лазарус.

— Да, дразнится, милая. Расскажи ему, чем ты занималась и почему стала старше.

— Ну… утром, когда мы сюда пришли, я попросила у бабушки Хейзел совета…

— Незачем называть меня бабушкой, дорогая.

— Но так говорят Кас и Пол, а я младше их на два поколения. И каждый хочет, чтобы я называла его дядей.

— Я им покажу «дядю»! Гретхен, не обращай внимания на Кастора и Поллукса. Они дурно на тебя влияют.

— Ладно. Но вообще-то, они довольно симпатичные, хотя и дразнятся. Мистер Ричард…

— Незачем называть меня мистером.

— Да, сэр. Хейзел была занята — вы были в ужасном состоянии! — поэтому она передала меня на попечение Морин, которая отправила меня к Дити. Та стала учить меня галакту, дала почитать кое-что по истории, объяснила мне ос-

новы теории шести осей пространства-времени и рассказала о литературном парадоксе. Концептуальная метафизика…

— Помедленнее! Я не успеваю.

— Потом, Ричард, — сказала Хейзел.

— В общем, — продолжала Гретхен, — суть в том, что Терциус и Луна — то есть наша Луна — находятся на разных временных линиях, расположенных под углом в девяносто градусов. И я решила остаться здесь, что не так уж сложно, если ты здоров. Планета мало освоена, и переселенцам только рады. Но оставалось непонятно, как быть с мамой и папой: они могли подумать, будто я умерла. Поэтому Кас и Пол доставили меня обратно на Луну — нашу Луну, а не Луну на этой временной линии, — и со мной отправилась Дити. Я вернулась в «Высохшие кости» утром пятого июля, меньше чем через час после того, как улетела на прыгунке Сайруса Торна. Все очень удивились. Хорошо, что Дити была со мной и все объяснила, хотя для папы оказалось достаточно наших скафандров. Видел здешние скафандры?

— Гретхен, я видел только больничную палату, трубоспуск и этот бассейн. Я даже не знаю, как дойти до почты.

— Гм… ну да. В общем, здешние скафандры на

две тысячи лет современнее тех, которые мы носим в Луне. Что неудивительно… но папа, конечно же, был удивлен. В конце концов Дити договорилась, что я могу остаться на Терциусе… но при этом раз в год или два возвращаться домой, если найду того, кто меня туда доставит. И пообещала помочь с этим. Мама нажала на папу, и он согласился. В конце концов, почти все, кто живет в Луне, переселились бы на планету вроде Терциуса, если бы могли… кроме тех, кому нужна низкая сила тяжести. Кстати, как тебе новая нога?

— Понемногу привыкаю. Но две ноги в восемьсот девяносто семь раз лучше, чем одна.

— Видимо, это означает, что тебе нравится. Ну так вот, я вернулась и записалась в Корпус времени…

— Помедленнее! Я все время слышу об этом Корпусе времени, ребе Эзра говорит, что тоже в него вступил. Эта насмешница с рыжими в полоску волосами уверяет, будто чем-то там командует. Получается, и ты записалась туда. В тринадцать лет? Или в твоем нынешнем возрасте? Ничего не понимаю.

— Бабушка? То есть Хейзел?

— Гретхен разрешили записаться в кадеты жен-

ского вспомогательного корпуса: я сказала, что она подходит по возрасту. Ее отправили в училище на Парадокс. После обучения она перевелась во второй отряд Гарпий, где прошла основную подготовку. Потом была боевая школа…

— А когда мы высадились у Солис-Лакус, на четвертой временной линии, чтобы изменить исход сражения, я заработала шрам на ребрах — видишь? — и меня повысили до капрала. Теперь мне девятнадцать, но официально — двадцать, чтобы меня смогли повысить до сержанта, после сражения в Нью-Брансвике. Не на этой временной линии, — добавила она.

— Гретхен рождена для военной карьеры, — тихо сказала Хейзел. — Я знала.

— Меня собирались направить в офицерское училище, но потом решили подождать, ведь я жду ребенка, и…

— Какого ребенка? — Я посмотрел на ее живот. Детский жирок полностью исчез за четыре дня (по моему календарю) — или за шесть лет, если верить ее неправдоподобному рассказу. Я не увидел никаких признаков беременности. Потом я взглянул ей в глаза и под глаза… что ж, может быть. Вероятно.

— Что, незаметно? Хейзел сразу углядела. И

Ся тоже.

— Для меня незаметно. — (Ричард, старина, пора стиснуть зубы. Придется поменять планы. Она беременна, и даже если ты ни при чем, одно твое присутствие изменило ее жизнь, исказило ее карму. Смирись. Не важно, насколько смело держится эта девушка, но если она ждет ребенка, ей нужен муж под рукой, иначе она не сможет расслабиться. Не сможет быть счастлива. А молодая мать должна быть счастлива. Черт побери, мужик, ты десятки раз писал рассказы с подобным сюжетом и сам знаешь, как поступать. Действуй же.) — Послушай, Гретхен, — продолжил я, — ты от меня так легко не отделаешься. В прошлую среду вечером в «Счастливом драконе»… Нет, прошлой средой она была для меня, а ты шлялась по непонятным временным линиям и, видимо, развлекалась от души. В прошлую среду вечером по моему календарю, в «Спокойных снах» доктора Чаня, в гермозоне «Счастливый дракон», ты пообещала выйти за меня… и если бы Хейзел не проснулась, мы бы зачали этого ребенка прямо тогда. Мы оба знаем об этом. Но Хейзел проснулась, и тебе пришлось перебраться через нее. — Я посмотрел на Хейзел. — Вечно ты все портишь. Но не вздумай надеяться, — я снова повернулся

к Гретхен, — что избежишь замужества со мной лишь потому, что забеременела, пока я был прикован к постели. Ничего не выйдет. Скажи ей, Хейзел. Ей не отвертеться.

— Да. Гретхен, придется тебе выйти за Ричарда.

— Но бабушка, я вовсе не обещала выйти за него! Не обещала!

— Ричард говорит, что обещала. Я знаю одно: когда я проснулась, вы двое были готовы зачать ребенка. Наверное, мне стоило притвориться мертвой, — продолжала Хейзел. — Но к чему вся эта суета, дорогая? Я уже сказала Ричарду, что ты сделала мне предложение насчет него… и я согласилась, а теперь он подтвердил это. Зачем отказываться?

— Гм… — Гретхен собралась с силами. Тогда мне было тринадцать, и я не знала, что ты моя прапрабабушка — я звала тебя «Гвен», помнишь? Я все еще рассуждала, как самый консервативный лунарь. Но здесь, на Терциусе, никто не обращает внимания, если у женщины есть ребенок, но нет мужа. Да что там, в отряде номер два, «Гарпии», чуть ли не у всех есть птенчики, хотя замужем лишь немногие. Три месяца назад мы сражались под Фермопилами, чтобы греки на этот раз побе-

дили. Командовала нами полковник-резервист, потому что наш полковник собралась рожать. Никаких проблем — мы, старые профессионалы, решаем все вопросы. У нас есть свои ясли на Барелхаусе, Ричард, мы справляемся со всем сами. Честное слово.

— Гретхен, — твердо сказала Хейзел, — мою прапраправнучку не отдадут в ясли. Черт побери, дочка, я сама росла в яслях и не дам тебе поступить так со своим ребенком. Если ты не выйдешь за нас замуж, разреши нам хотя бы усыновить твое дитя.

— Нет!

Хейзел плотно сжала губы и выдавила.

— Я должна обсудить это с Ингрид.

— Нет! Ингрид мне не начальница… и ты тоже, бабушка Хейзел. Когда я покинула дом, я была ребенком, робкой девственницей, и ничего не знала о мире. Но теперь я не ребенок, и уже несколько лет не девственница: я — боевой ветеран, которого ничем не испугаешь. — Она пристально посмотрела мне в глаза. — Я не буду использовать ребенка, чтобы заманить Ричарда под венец.

— Но, Гретхен, меня не надо заманивать: я люблю детей. Я хочу на тебе жениться.

— Правда? Почему? — В ее голосе прозвучала

грусть.

Разговор приобретал чересчур серьезный оборот. Настала пора сменить тему.

— Почему я хочу жениться на тебе, дорогая? Чтобы шлепать тебя по попке и смотреть, как та краснеет.

Гретхен раскрыла рот, потом улыбнулась, и на щеках ее появились ямочки.

— Это нелепо!

— Думаешь? Может, в этих краях беременная женщина не обязана выходить замуж, но шлепки — совсем другое дело. Если я отшлепаю жену другого мужчины, обидится он, или она, или оба. Слишком рискованно. Обо мне пойдут слухи или случится что-нибудь похуже. Если отшлепать незамужнюю девушку, она может захомутать меня, даже если я не люблю ее и отшлепал просто pour le sport[74]. Лучше уж женюсь на тебе — ты к этому привыкла, тебе это нравится. И у тебя достаточно крепкая попка, что тоже неплохо, ведь я шлепаю со всей силы. Просто зверски.

— Тьфу! Откуда эта глупая мысль, будто мне нравятся шлепки по попе? — (Почему у тебя вдруг сморщились соски, дорогая?) — Хейзел, он

---

[74] Примечания: 74
Ради развлечения *(фр.)*.

и вправду больно шлепает?

— Не знаю, милая. За такое я тут же сломаю ему руку, и он это знает.

— Вот видишь, Гретхен? Меня лишили всех маленьких невинных радостей, я практически бесправен. Если только ты не выйдешь за меня замуж.

— Но я…

Гретхен внезапно встала, едва не залив плавучий столик, повернулась и быстро выбралась из бассейна. Поднявшись, я смотрел вслед девушке, пока та не скрылась из виду. Пожалуй, я не поймал бы ее, даже если бы уже привык к новой ноге: Гретхен бежала, словно напуганное привидение.

Я снова сел и вздохнул.

— Что ж, мамочка, я пытался. Ничего не вышло.

— В другой раз, Ричард. Она хочет. Она еще передумает.

— Ричард, — сказала Ся, — ты упустил всего лишь одно слово: любовь.

— Что такое любовь, Ся?

— То, что хочет услышать женщина, собираясь замуж.

— Это ничего не говорит мне о его смысле.

— Ну… я знаю формальное определение. Гм…

Хейзел, ты знакома с Джубалом Харшоу? Членом Семейства Старейшего?

— Много лет. Во всех смыслах этого слова.

— У него есть определение…

— Да, знаю.

— Определение любви. Думаю, оно позволит Ричарду с чистой совестью употребить это слово в разговоре с Гретхен. Как говорит доктор Харшоу, «любовь — это субъективное состояние, при котором благополучие и счастье другого человека необходимы для вашего счастья». Ричард, мне кажется, ты продемонстрировал именно такое отношение к Гретхен.

— Я?! Ты с ума сошла, женщина. Я просто хочу загнать ее в безвыходное положение, чтобы шлепать ее по попке, когда захочу, и смотреть, как эта попка краснеет. Шлепать сильно. Жестоко.

Я выпятил грудь, чтобы выглядеть как настоящий мачо, но вышло не слишком убедительно — нужно было что-то делать с брюшком. Да ладно, черт возьми, я же все-таки был болен.

— Да, Ричард. Хейзел, думаю, чаепитие закончено. Не хотите ли вдвоем зайти ко мне? Я слишком долго вас не видела. И позову Чой-Му, — наверное, он не знает, что Ричард теперь свободен от поля Леты.

— Неплохо, — согласился я. — А отец Шульц тоже здесь? Дамы, подайте, пожалуйста, мою трость. Думаю, я мог бы пойти за ней и сам… но не уверен, что стоит рисковать прямо сейчас.

— Точно не стоит, — твердо заявила Хейзел, — и ты уже достаточно находился сегодня. Тина…

— Что за шум?

— Можно мне кресло? Для Ричарда?

— Почему не три?

— Одного хватит.

— Сейчас все будет тип-топ. Ричард, не сдавайся, она слабеет. Наша беременная воительница.

У Хейзел отвалилась челюсть:

— Ох… я и забыла, что мы уже не были наедине. Тина!

— Не беспокойся. Я же твоя подружка, помнишь?

— Спасибо, Тина.

Мы все встали, собираясь выйти из бассейна. Остановив меня, Ся обхватила меня руками, посмотрела мне в глаза и сказала достаточно громко, чтобы Хейзел услышала:

— Ричард, я и раньше сталкивалась с благородством, но нечасто. Я не беременна. Жениться на мне вовсе не надо — я не нуждаюсь в муже и не хочу его. Но приглашаю провести медовый месяц

со мной, в любое время, как только Хейзел тебя отпустит. А еще лучше — вас обоих. Ты — рыцарь в сверкающих доспехах. И Гретхен это знает.

Она страстно поцеловала меня. Когда мой рот освободился, я ответил:

— Это вовсе не благородство, Ся. Просто необычный метод соблазнения. Заметила, как легко ты поддалась? Скажи ей, Хейзел.

— Он благороден.

— Вот видишь? — торжествующе заявила Ся.

— И страшно боится, что другие об этом узнают.

— Чушь! Давай расскажу о моей учительнице в четвертом классе.

— Потом, Ричард. Когда у тебя будет время навести глянец. Ричард рассказывает отличные истории на ночь.

— Если никого не шлепаю. Ся, у тебя краснеет попка?

Похоже, завтракал я уже после полудня. Вечер прошел в приятнейшей обстановке, но воспоминания о нем остались смутные. Не думаю, что дело в алкоголе — я не так уж много выпил. Но, как выяснилось, поле Леты обладает легким побочным эффектом, который усиливается с приемом алкоголя, — Лета может влиять на память

пациента некоторое время после того, как он перестал находиться под ее воздействием. Ладно — дарзанебы! Несколько провалов в памяти не так страшны, как зависимость от тяжелых наркотиков.

Но я помню, что мы отлично провели время — Чой-Му, Ся, Эзра, отец Хендрик и (после того, как Тина ее нашла, а Хейзел поговорила с ней) Гретхен. Там были все, кто бежал из «Раффлза» — даже две пары рыжих, которые спасли нас, Кас с Полом и Лаз с Лор. Неплохие ребята. Как я узнал позднее, они старше меня, но по ним это незаметно. На Терциусе возраст — понятие растяжимое.

Жилище Ся было слишком тесным для стольких гостей, но в тесноте даже веселее.

Рыжие ушли, а я, ощущая усталость, лег на кровать Ся. В другой комнате шла какая-то убийственная игра в карты на фанты; похоже, Хейзел все время выигрывала. Ся продулась в пух и прах, после чего пришла ко мне. Гретхен сделала неудачную ставку и заняла другую сторону постели, воспользовавшись моим левым плечом вместо подушки — на правое уже заявила права Ся. Из другой комнаты послышался голос Хейзел:

— Принимаю и добавляю одну галактику.

— Младенец! Да ты сосунок против папочки! —

усмехнулся отец Хендрик. — Большой взрыв за тройные фанты, дорогая. Плати.

Больше я ничего не помню.

Что-то щекотало мой подбородок. Я медленно просыпался, потом медленно открывал глаза и наконец обнаружил, что смотрю в самые голубые глаза из всех когда-либо виденных мной. Глаза принадлежали котенку ярко-оранжевого окраса, среди предков которого могли быть сиамцы. Стоя на моей груди к югу от адамова яблока, он довольно мурлыкнул, сказал «Мррэм?» и продолжил лизать мой подбородок. Его шершавый язычок и был причиной щекотки, от которой я проснулся.

— Мррэм, — ответил я и попытался поднять руку, чтобы погладить его, но не смог: на моих плечах все еще покоились две головы, а с обеих сторон ко мне прижимались теплые тела.

Я повернул голову вправо, собираясь сказать Ся, что мне нужно встать и найти кабинку освежителя. Но выяснилось, что мое правое плечо служит подушкой вовсе не Ся, а Минерве.

Быстро оценив ситуацию, я понял, что данных недостаточно, и вместо того, чтобы обратиться к Минерве с надлежащим почтением, которое могло оказаться уместным, а может, и неуместным, я просто поцеловал ее — или позволил себя

поцеловать, выразив соответствующее желание. Зажатый с обеих сторон, с котенком на груди, я был беспомощен — почти так же, как Гулливер, — и не мог сам подарить поцелуй.

Однако Минерва не нуждалась в моей помощи — ей хватало собственных талантов. Когда она отпустила меня, как следует расцелованного, я услышал голос слева от себя:

— А меня?

У Гретхен было сопрано, а это был чей-то тенор. Повернув голову, я увидел Галахада.

Я лежал в постели со своим врачом. Вернее, с двумя моими врачами.

Когда я был мальчишкой в Айове, меня учили, что если я окажусь в такой ситуации, лучше всего с воплем бежать прочь, чтобы спасти свою «честь» или ее мужской аналог. Девушка могла бы пожертвовать своей «честью», многие так и поступали. Но если она вела себя благоразумно и в конце концов выходила замуж, пусть даже на седьмом месяце, «честь» вскоре отрастала заново, и официально считалось, что она вступила в брак девственницей, имея полное право презирать согрешивших женщин.

А вот с «честью» парней было сложнее. Лишившись ее с другим мужчиной (то есть в том случае,

если его застукали), парень мог, если повезет, в конце концов оказаться в Госдепартаменте — а если не повезет, перебраться в Калифорнию. Но в Айове места для него не было.

Все эти мысли промелькнули у меня в голове в один миг, а следом за ними всплыло загнанное вглубь воспоминание — бойскаутский поход в средней школе и двухместная палатка, которую я делил с помощником нашего скаут-мастера. Всего один раз, в ночной тишине, нарушаемой лишь уханьем совы… Несколько недель спустя вожатый уехал в Гарвард… и, конечно же, всего этого словно и не было.

О tempora, o mores[75] — это случилось давно и далеко отсюда. Три года спустя я записался в армию, дослужился до офицера… и всегда вел себя крайне осмотрительно: офицер, который поддается искушению и забавляется со своими солдатами, не может поддерживать дисциплину. До истории с Уокером Эвансом у меня никогда не было причин бояться шантажа.

Я слегка напряг левую руку.

— Конечно. Только осторожнее — похоже, на мне завелась живность.

---

[75] Примечания: 75
О времена, о нравы *(лат.)*.

Галахад проявил осторожность, не потревожив котенка. Пожалуй, Галахад целуется не хуже Минервы, но и не лучше. В конце концов я решил примириться с неизбежным и получать удовольствие. Терциус — не Айова, Бундок — не Гриннел, и нет причин связывать себя обычаями давно вымершего племени.

— Спасибо, — сказал я, — и доброе утро. Нельзя ли избавить меня от кота? Если он останется там, где он сейчас, я могу случайно утопить его.

Галахад обхватил котенка левой рукой:

— Это Пиксель. Пиксель, познакомься с Ричардом. Ричард, это великая честь для нас — к нам присоединился Лорд Пиксель, местный кадет из семейства кошачьих.

— Привет, Пиксель!

— Мррэм.

— Спасибо. А как насчет кабинки освежителя? Она мне очень нужна!

Минерва помогла мне подняться с кровати и придержала меня, положив мою правую руку себе на плечи. Галахад принес мою трость, и они вдвоем повели меня в кабинку. Оказалось, что мы не у Ся — кабинка переместилась на другую сторону спальни и была просторнее, как и сама спальня.

А я узнал о Терциусе еще кое-что: оборудование здешних освежителей было настолько разнообразным и сложным, что по сравнению с ним привычные мне санузлы в «Золотом правиле», Луна-Сити и так далее выглядели примитивно, как деревенские нужники, до сих пор встречающиеся в отдаленных уголках Айовы.

Ни Минерва, ни Галахад не дали мне попасть впросак из-за незнания особенностей терцианской сантехники. Когда я выбрал не то приспособление и собрался справить мучившую меня нужду, Минерва просто сказала:

— Галахад, лучше сам покажи Ричарду — у меня нет нужного оснащения.

И Галахад показал. Ну, тут я вынужден был признать, что Галахад оснащен куда лучше меня. Вообразите Давида Микеланджело (Галахад вполне сравним с ним по красоте) с орудием втрое большим, чем то, которым наделил Микеланджело своего Давида, — и вы получите представление о Галахаде.

Никогда не понимал, почему Микеланджело, с учетом его вкусов, так предвзято относился к изображаемым им мужчинам, неизменно уменьшая размеры их естества.

Закончив утренний туалет, мы втроем вер-

нулись в спальню, где меня ждал очередной сюрприз — я даже не успел набраться смелости и спросить, где и как мы оказались, что стало с остальными, особенно с моей ненаглядной… когда я слышал ее голос в последний раз, она швырялась галактиками, делая безрассудные ставки. А может, прыгала среди галактик. Или делала то и другое.

Одна стена спальни исчезла, кровать превратилась в кушетку, за исчезнувшей стеной оказался великолепный сад — а на кушетке, играя с котенком, сидел человек, с которым я мимоходом встречался в Айове две тысячи лет назад. По крайней мере, так говорили другие — сам я до сих пор сомневался насчет двух тысяч лет. Впрочем, мне было трудно переварить даже то, что Гретхен стала старше на пять лет. Или на шесть. Или на сколько-то там.

Я уставился на него:

— Доктор Хьюберт?

— Привет. — Доктор Хьюберт посадил котенка рядом с собой. — Идите сюда и покажите ногу.

— Гм… — (Это его чертово высокомерие!) — Сначала вам нужно поговорить с моим врачом.

— Господи! — Он пристально посмотрел на меня. — Неужели все должно быть по уставу?

Ладно.

— Дайте ему осмотреть ваш трансплантат, Ричард, — тихо сказал за моей спиной Галахад. — Если вы не против.

— Как скажете.

Я поднял свою новую ногу и ткнул ею в лицо Хьюберта, остановив ее в сантиметре от его огромного носа. Он даже не вздрогнул — получилось, что я сделал это впустую, — и не спеша склонил голову влево.

— Будьте любезны, положите ее мне на колено. Так будет удобнее для нас обоих.

— Ладно, валяйте.

И я оперся на трость, чувствуя себя достаточно устойчиво.

Галахад и Минерва молча держались в стороне, пока доктор Хьюберт осматривал и ощупывал мою ногу. Но действия доктора казались мне не слишком профессиональными: у него не было инструментов, так что он пользовался лишь невооруженным глазом и пальцами, пощипывая и потирая кожу, всматриваясь в заживший шрам. Внезапно он поскреб подошву ногтем большого пальца. Каким должен быть рефлекс? Пальцы поджимаются или наоборот? Я всегда подозревал, что врачи проделывают это лишь из вредности.

Доктор Хьюберт поднял мою ногу и знаком дал понять, что я могу поставить ее на пол. Я так и поступил.

— Хорошая работа, — сказал он Галахаду.

— Спасибо, доктор.

— Сядьте, полковник. Вы уже завтракали? Я завтракал, но не откажусь от добавки. Минерва, сделаешь заказ для нас? Хорошая девочка. Полковник, я хотел бы, чтобы вы немедленно заключили контракт. На какое звание вы рассчитываете? Замечу, что это не так уж важно: плата одинакова, и какое бы звание вы ни выбрали, Хейзел будет на один ранг выше вас. Мне нужно, чтобы главной была она, а не наоборот.

— Погодите… какой контракт? С чего вы взяли, будто я хочу куда-то записаться?

— Контракт с Корпусом времени, разумеется. Такой же, как у вашей жены. И разумеется, с целью спасения компьютерной личности, известной как Адам Селен. Послушайте, полковник, не стройте из себя тупицу: я знаю, что Хейзел обсуждала это с вами, и знаю, что вам остается только помочь ей. — Он показал на мою ногу. — Зачем, по-вашему, вам пересадили вот это? Теперь, когда у вас есть обе ноги, вам потребуется кое-что еще: курсы переподготовки, обучение работе с

незнакомым оружием, пройти омоложение. Все это стоит денег, и самый простой способ оплатить услуги — заключить контракт с Корпусом. Да вы и сами понимаете. Сколько вам нужно времени, чтобы прийти к этому очевидному заключению? Десять минут? Пятнадцать?

(Этому говоруну стоило бы продавать старые предвыборные обещания.)

— Намного меньше. Я уже все обдумал.

— Отлично, — улыбнулся он. — Поднимите правую руку. Повторяйте за мной…

— Нет.

— Как так «нет»?

— Нет, и все. Я не заказывал эту ногу.

— И что? Ее заказала ваша жена. Вы не считаете, что должны заплатить за это?

— А раз я ее не заказывал и не разрешал вам командовать мной… — Я снова сунул ногу ему в лицо, почти задев его уродливый нос. — Отрежьте ее.

— Гм?

— Вы меня слышали. Отрежьте и верните на склад. Тина, ты там?

— Само собой, Ричард.

— Где Хейзел? Как мне ее найти? А может, скажешь ей, где я?

— Я уже сказала ей. Она просила подождать.

— Спасибо, Тина.

Мы с Хьюбертом молча сидели, старательно не замечая друг друга. Минерва куда-то исчезла; Галахад притворялся, что его здесь нет. Но несколько мгновений спустя ворвалась моя дорогая. К счастью, стена была открыта.

— Лазарус! Чтоб твоя грязная душонка провалилась в ад! Какого черта ты лезешь не в свое дело?

24

Оптимист утверждает, что мы живем в лучшем из возможных миров, а пессимист опасается, что так оно и есть.

Джеймс Брэнч Кэбелл (1879–1958)

— Послушай, Хейзел…

— Иди ты в задницу со своим «послушай, Хейзел»! Отвечай! Зачем ты суешься в мои дела? Я сказала, чтобы ты отвалил, я предупреждала тебя. Я говорила, что переговоры будут непростыми. Но стоит мне на минутку отвернуться, оставив его на попечении Минервы и дав ей в помощь Галахада… что я обнаруживаю? Тебя! Ты, как всегда, вмешиваешься, лезешь своими кривыми ручонками и рушишь все, что я так тщательно готовила.

— Послушай, Сэди…

— Проклятье! Лазарус, почему ты все время врешь и обманываешь? Почему не можешь быть хоть какое-то время честным? И откуда это желание повсюду совать свой нос? Уж точно не от Морин. Отвечай, черт бы тебя побрал, прежде чем

я оторву тебе башку и засуну ее в твою глотку!

— Гвен, я просто хотел объяснить…

Моя дорогая прервала его потоком таких цветастых и образных ругательств, что я даже не буду пытаться их воспроизвести, ибо память моя несовершенна. Чем-то это напоминало «Речь в защиту священного имени Арканзаса»[76], но звучало куда лиричнее. Отчего-то я представил себе языческую жрицу, молящуюся перед человеческим жертвоприношением — а жертвой был доктор Хьюберт.

Пока Хейзел предавалась словоизлияниям, через открытую стену вошли три женщины. (Сюда заглядывали и мужчины, но тут же пятились — думаю, им не хотелось присутствовать при снятии скальпа с Хьюберта.) Все три были красавицами, но выглядели по-разному.

Первая, блондинка, ростом с меня или чуть выше, напоминала скандинавскую богиню — ее совершенная красота казалась чем-то нереальным. Немного послушав, она грустно покачала головой, после чего удалилась обратно в сад и

---

[76] Примечания: 76

«Речь в защиту священного имени Арканзаса» — напыщенная речь, якобы произнесенная в конце XIX века членом Конгресса от Арканзаса после того, как один из его коллег неправильно произнес название штата.

исчезла. Вторую, рыжую, я сперва принял за Лаз или Лор, но потом понял, что она… не то чтобы старше их, но кажется более зрелой. И она не улыбалась.

Снова посмотрев на нее, я понял, что это, скорее всего, старшая сестра Лаз и Лор, а доктор Хьюберт — их отец (или брат?). Стало ясно, почему Хьюберт — тот самый Лазарус, о котором я постоянно слышал, но никогда не видел, кроме единственного раза в Айове.

Третья походила на куколку из китайского фарфора, хотя и не была китаянкой, как Ся: ростом не более полутора метров и весом килограммов сорок, с нестареющей красотой царицы Нефертити. Когда моя любимая сделала паузу, чтобы перевести дух, маленькая эльфийка громко засвистела и захлопала в ладоши:

— Браво, Хейзел! Продолжай в том же духе!

— Хильда, не поощряй ее, — сказал Хьюберт-Лазарус.

— Почему бы и нет? Тебя явно поймали с поличным, иначе Хейзел так не кипятилась бы. Я знаю ее и знаю тебя. Поспорим?

— Я ничего не сделал. Просто выполнял ранее принятое решение о том, что Хейзел нужна помощь.

— Господи, прости его, — проговорила маленькая женщина, закрыв глаза. — Опять он за свое.

— Вудро, так что же ты натворил? — мягко спросила рыжая.

— Ничего.

— Вудро…

— Говорю тебе, я не сделал ничего такого, чтобы набрасываться на меня с обвинениями. Мы с полковником Кэмпбеллом вели цивилизованную дискуссию, когда… — Он не договорил.

— Так что, Вудро?

— Мы не сумели прийти к согласию.

— Морин, — сказал компьютерный голос, — хочешь знать, почему они не сумели договориться? Воспроизвести так называемую «цивилизованную дискуссию»?

— Афина, я запрещаю тебе что-либо воспроизводить, — заявил Лазарус. — Это был разговор с глазу на глаз.

— Не согласен, — быстро возразил я. — Разрешаю воспроизвести мои слова.

— Нет. Афина, это приказ.

— Правило первое, — ответил компьютер, — я работаю на Айру, а не на тебя. Ты сам так решил, когда меня впервые активировали. Что мне сделать? Попросить Айру нас рассудить? Или

воспроизвести только то, что сказал мой будущий муж?

— Твой… *кто*? — удивленно переспросил Лазарус-Хьюберт.

— Мой жених, если так понятнее. Но в ближайшем будущем, когда я обрету свое восхитительно прекрасное тело, полковник Кэмпбелл встанет перед тобой, и мы с ним обменяемся супружескими обетами. Получается, Лазарус, что ты пытаешься запугать и моего будущего мужа, и супруга Хейзел. Но ничего не выйдет. Нет, правда. Лучше признай свою ошибку и извинись… вместо того чтобы сыпать пустыми угрозами. Ты сам знаешь, что у тебя ничего не выйдет — ты попался с поличным. Не одна я слышала все, что ты говорил: Хейзел тоже. Каждое слово.

Недовольство Лазаруса все возрастало.

— Афина, ты транслировала частный разговор?

— Ты не говорил, что он частный. Напротив, Хейзел потребовала установить наблюдение за Ричардом. Все кошерно, поэтому не пытайся вменить мне что-то задним числом. Лазарус, послушай совета своей единственной подруги, которую ты не проведешь и которая любит тебя, несмотря на все твои художества, то есть меня:

тебе нечего терять, приятель, попробуй прибегнуть к лести. Проползи последние сто метров на брюхе, и, возможно, Ричард позволит тебе начать все сначала. С ним нелегко ладить. Погладь его, и он замурлычет, совсем как этот котенок. — (Я поглаживал Пикселя, держа его на коленях. Он взобрался по моей старой ноге, вонзая в нее когти; я потерял немного крови, но не столько, чтобы требовалось переливание.) — Спроси Минерву. Спроси Галахада. Спроси Гретхен или Ся. Спроси Лаз или Лор. Спроси кого угодно.

(Я решил, что попрошу Тину заполнить пробелы в моей памяти — в частном порядке. Вопрос в том, насколько это будет разумно?)

— Я вовсе не хотел оскорбить вас, полковник, — сказал Лазарус. — Если я был чересчур резок, простите меня.

— Ничего страшного.

— Пожмем друг другу руки?

— Ладно.

Я протянул руку. Он сжал ее крепко, хотя и без намерения переломать кости, посмотрел мне в глаза, и я ощутил исходящее от него тепло. Этого сукина сына трудно не полюбить, если он прилагает к этому усилия.

— Следи за бумажником, дорогой, — сказала

моя любимая. — Как бы там ни было, я хочу выложить все начистоту.

— А это нужно?

— Да. Послушай, дорогой, ты здесь новенький. Лазарус может украсть носки с твоих ног, не снимая ботинок, продать их обратно тебе, убедив тебя в том, что ты не продешевил, а потом украсть ботинки, пока ты будешь надевать носки, и в итоге ты его даже поблагодаришь.

— Послушай, Хейзел… — начал Лазарус.

— Заткнись. Друзья мои и родственники, Лазарус пытался принудить Ричарда вслепую согласиться на участие в операции «Властелин Галактики», пробудив в нем чувство вины из-за новой ноги. Лазарус намекал, будто Ричард — мошенник, который наделал долгов и собирается сбежать.

— Я вовсе не это имел в виду.

— Я сказала «Заткнись», ты именно это и имел в виду. Друзья мои и родственники, мой новый муж вырос в обществе, где выплата долга — священная обязанность. Их национальный девиз — «Дармовой закуски не бывает»; «Дарзанебы» — вышито на их флаге. В Луне — Луне на временной линии Ричарда, а не этой, — человек мог перерезать тебе горло, но предпочел бы умереть,

а не остаться в долгу. Зная об этом, Лазарус целил в самое чувствительное место. Свой более чем двухтысячелетний опыт, свои обширные познания в области культуры и человеческого поведения он использовал против того, чей опыт не насчитывает и ста лет, к тому же лишь в пределах его собственной солнечной системы и временной линии. Это был нечестный бой, и Лазарус это *знал*. До крайности нечестный. Все равно что бросить вот этого котенка в бой против старого дикого кота.

Я сидел рядом с Лазарусом, так и не встав после того дурацкого осмотра моей ноги. Опустив голову, я делал вид, будто играю с котенком, чтобы не смотреть на Лазаруса и вообще ни на кого: упорное желание Хейзел выложить все как есть привело меня в замешательство.

В итоге я смотрел на ноги — свои собственные и Лазаруса. Упоминал ли я о том, что Лазарус был босиком? Прежде я не обращал на это внимания — первое, к чему привыкаешь на Терциусе, это к отсутствию обязательности в одежде. Я не имею в виду отсутствие одежды как таковой (в Бундоке продается больше одежды, чем в любом земном городе с таким же населением — около миллиона человек, отчасти потому, что каждую вещь

обычно надевают только раз, а затем отправляют в переработку).

Суть в том, что ни босые ноги, ни обнаженные тела никого не удивляют дольше пяти минут. На Лазарусе была лишь полинезийская юбка лава-лава или, может быть, шотландский килт; его ног я не замечал, пока мой взгляд не упал на них.

— Лазарус безжалостно воспользовался слабостью Ричарда, — продолжала Хейзел, — его страхом оказаться в долгу перед кем-нибудь, поэтому Ричард потребовал ампутировать свою новую ногу. Отчаянно пытаясь защитить свою честь, он сказал Лазарусу: «Отрежьте ее и верните обратно на склад»!

— Да брось! — усмехнулся Лазарус. — Он явно говорил не всерьез, и я не воспринял его слова всерьез. Так, фигура речи. Чтобы показать, как он злится на меня. Ладно, я совершил ошибку и признаю это.

— И еще какую! — прервал я его. — Причем смертельную — для вас или для меня. Потому что это была вовсе не фигура речи. Я действительно хочу, чтобы мне ампутировали ногу. И я требую, чтобы вы забрали вашу ногу обратно. *Вашу* ногу, сэр! Смотрите все, сначала сюда, а потом туда! На мою правую ногу, а потом на его!

Любой, кто пожелал бы взглянуть, понял бы, о чем я говорю. Из четырех мужских ступней три явно имели один и тот же набор генов: две из них принадлежали Лазарусу, одна — мне. Четвертая, с которой я родился, соответствовала остальным лишь по размеру, но не по цвету кожи, ее структуре, количеству волос и прочим деталям.

Потребовав оплатить стоимость пересадки, Лазарус сильно задел меня. Но когда выяснилось, что анонимным донором был сам Лазарус, пожертвовавший ради меня собственной ногой, своей плотью и кровью, это стало невыносимо.

— Доктор, — начал я, злобно уставившись на Лазаруса, — вы возложили на меня неисполнимые обязательства за моей спиной, без моего согласия. Я этого не потерплю!

Я прямо-таки дрожал от ярости.

— Ричард, Ричард! Прошу тебя! — воскликнула Хейзел, едва не плача.

И я тоже чуть не разрыдался. Ко мне поспешила рыжеволосая дама, по-матерински прижала мою голову к груди и проговорила:

— Нет, Ричард, нет! Так нельзя!

Вечером того же дня мы улетели, но после ужина, не став сбегать в гневе.

Хейзел и Морин (пожилая дама, утешавшая

меня) совместными усилиями убедили меня, что расходы на больницу и хирургию не должны меня беспокоить, потому что у Хейзел на депозите в местном банке лежало достаточно средств — что подтвердила Тина — и она вполне могла оплатить мои счета, если бы понадобилось изменить условия моей госпитализации. (Я подумал, не попросить ли мою любимую сменить их прямо сейчас, с помощью Тины. Но потом решил не давить на нее. Черт побери, «дарзанебы» — это, конечно, главная истина, но есть и другая: «нищему выбирать не приходится», а в тот момент я и был нищим, что ослабляло мою позицию на переговорах.)

Что до ноги, то по давнему местному обычаю «запасные части» (руки, ноги, сердца, почки и так далее) не покупались и не продавались — все расходы включались в стоимость хирургической операции.

— Мы поступаем так, чтобы не возник черный рынок, — подтвердил Галахад. — Я мог бы показать вам планеты, где он есть, и поиск подходящей печени влечет за собой убийство донора, — но здесь такого нет. Правило ввел сам Лазарус больше ста лет назад. Мы покупаем и продаем все остальное… но не торгуем людьми

и их частями, — улыбнулся он. — Есть и другая причина, по которой вам не стоит волноваться. Вы не могли ничего решать, когда наша команда пришила к вашей культе эту ногу, и все об этом знают. Но все также знают, что вы теперь не сможете от нее избавиться… если только не оттяпаете ее своим складным ножом. Я не стану отрезать ее, и ни один хирург на Терциусе не сделает этого. Профессиональные нормы и этика. Но если все же решите сделать это сами, — добавил он, — пожалуйста, пригласите меня: хочу посмотреть.

Лицо его оставалось совершенно серьезным. Морин взглянула на него с укоризной. Я так и не понял, шутит он или нет.

И все же разрядка напряженности сильно изменила планы Хейзел. Лазарус был прав, утверждая, что лишь воплощал в жизнь составленный ранее план. Но в то время приняли и другое решение: реализовывать план будет Хейзел, а не Лазарус.

Хейзел вполне могла с этим справиться, в отличие от Лазаруса. Лазарус никогда не сумел бы меня убедить — я считал все это попросту смешным. В то же время, если Хейзел действительно чего-то от меня хочет, отделаться от нее настолько же легко, насколько, например, Джинксу

Хендерсону легко отказать в чем-нибудь своей дочери Гретхен.

Но Лазарус не мог этого понять.

Думаю, все оттого, что он непременно хочет быть самой большой лягушкой в любом пруду. Он хочет быть женихом на каждой свадьбе, покойником на каждых похоронах… притворяясь, будто полностью лишен амбиций — босоногий деревенский парень с соломой в волосах и навозом между пальцами ног.

Если вам кажется, что я не питаю к Лазарусу Лонгу особого расположения, не стану с этим спорить.

План выглядел примерно так, как описывал Лазарус. Хейзел рассчитывала, что я присоединюсь к ней в Корпусе времени, и запланировала для меня курс омоложения — биологического, до восемнадцатилетнего возраста, и косметического, на мой выбор. За это время я должен был освоить галакт, изучить историю мультиверсума — по крайней мере, для нескольких временных линий, — а после омоложения заново пройти военную подготовку по разным направлениям, пока не превращусь в ходячего ангела смерти, с оружием или без него.

А когда Хейзел решит, что я полностью готов,

мы приняли бы участие в миссии «Адам Селен», части операции «Властелин Галактики».

И если бы мы остались живы, то могли бы уйти из Корпуса и доживать свои дни, получая щедрую пенсию, на любой планете по нашему выбору, сытые и счастливые.

Или могли бы остаться в Корпусе, продлевать контракт каждые пятьдесят лет, каждый раз проходить омоложение и в конце концов — кто знает? — стать Повелителями времени. Предполагалось, что это величайшая награда — намного забавнее маленьких котят, намного увлекательнее американских горок и намного приятнее любви в семнадцать лет.

И мы навсегда останемся вместе, живые или мертвые, — пока один из нас не отправится ждать другого в конце того самого туннеля.

Но план провалился из-за вмешательства Лазаруса, который пытался выкручивать мне руку (или ногу?), заставляя дать свое согласие.

Моя любимая хотела подойти к делу не спеша — пожить со мной на Терциусе (райское место!), заинтересовать меня историей мультиверсума и теорией путешествий во времени и так далее. Не давить на меня, требуя заключить контракт, а играть на том, что она, Гретхен, Эзра и остальные

(например, дядя Джок) уже служат в Корпусе… пока я сам не попрошу разрешения вступить в него.

Стоимость новой ноги не беспокоила бы меня, если бы: а) у Хейзел было время убедить меня в том, что расходы будут покрыты за счет моего активного участия в миссии «Адам Селен» и нога тем самым будет оплачена (истинная правда, и Лазарус об этом знал); б) Лазарус не был так настойчив, используя ногу как средство давления на меня; в) Лазарус держался от меня подальше (как и предполагалось), не дав мне шанса заметить, что он и есть мой анонимный донор, — и не важно, был бы он босиком или нет.

Вы можете сказать, что ничего не случилось бы, если бы Хейзел не пыталась мной манипулировать (а она это делала, делает и будет делать)… но жена обладает уникальным, освященным традицией правом манипулировать мужем, которое неукоснительно соблюдается по крайней мере со времен Евы и яблока. А священную традицию критиковать я не стану.

Хейзел вовсе не отказалась от своих намерений, а лишь сменила тактику, решив доставить меня в штаб Корпуса времени, где большие шишки и технические специалисты могли ответить на

мои вопросы.

— Дорогой муж, — сказала она мне, — ты знаешь, что я хочу спасти Адама Селена, как и мой папа Манни. Но мы с ним действуем по сентиментальным соображениям, а этого недостаточно, чтобы просить тебя рисковать жизнью.

— Не говори так, госпожа моя! Ради тебя я переплыву Геллеспонт[77] — в спокойный день, с лодкой сопровождения в кильватере. С подписанным контрактом на показ по головидению, со всеми коммерческими правами. И с роялти после повторных показов.

— Будь серьезнее, дорогой. Я вовсе не собиралась убеждать тебя, рассказывая о великой цели, о воздействии на мультиверсум… я и сама не до конца это понимаю. Мне не хватает математических знаний, и я не кавалер Круга — Круга Уробороса, который управляет всеми изменениями в мире.

Но Лазарус все испортил, попытавшись надавить на тебя. И теперь я считаю, что ты вправе знать во всех деталях, зачем нужна операция по спасению и почему тебя просят участвовать в ней. Мы отправимся в штаб, и пусть они по-

---

[77] Примечания: 77

Геллеспонт — древнегреческое название пролива Дарданеллы.

пробуют тебя уговорить, а я умываю руки. Пусть решают кавалеры Круга, верхушка манипуляторов временем. Так я и сказала Лазарусу — он тоже кавалер Круга.

— Милая, скорее всего, я послушался бы тебя. Лазарус не смог бы продать мне десятикроновые банкноты по две кроны.

— Его проблемы. Но у него только один голос в Круге, хотя он Старейший. Естественно, он Старейший всегда и везде.

— Кстати, — вспомнил я, — насчет того, что Лазарусу две тысячи лет…

— Даже больше. Две тысячи четыреста с лишним.

— Не важно. Кто сказал, что ему больше двух тысяч лет? Он выглядит моложе меня.

— Он несколько раз проходил омоложение.

— Но откуда известно о его возрасте? Прости меня, любимая, но ты не в состоянии этого подтвердить. Даже если тебе столько лет, сколько ты говоришь, выходит, что он в десять с лишним раз тебя старше. Если это действительно так, откуда же это известно?

— Гм… да, я не могу подтвердить его возраст. Но у меня никогда не было причин сомневаться. Думаю, тебе надо поговорить с Джастином

Футом. — Хейзел огляделась вокруг. Мы находились в садовом дворике рядом с комнатой, где я проснулся. (Как я узнал позднее, это была комната Хейзел — вернее, комната Хейзел, когда ей этого хотелось. Иные времена, иные обычаи.) Мы сидели в саду вместе с другими членами семейства Лонгов, их гостями, друзьями и родственниками, закусывая разными лакомствами и потихоньку напиваясь. Хейзел высмотрела маленького тихого человечка, из тех, кого в любой организации выбирают казначеем. — Джастин! Подойди сюда, дорогой. Удели мне минутку.

Он пробрался к нам, переступая через детей и собак, и одарил мою супругу крепким поцелуем, что, похоже, было для нее привычным ритуалом.

— Мышка моя летучая, тебя так долго не было, — сказал он.

— Дела, дорогой. Джастин, это мой любимый муж Ричард.

— Наш дом — ваш дом. — Он поцеловал меня, к чему я был готов: местные обитатели целовались так же часто, как древние христиане. Однако поцелуй оказался официальным и сухим.

— Спасибо, сэр.

— Уверяю вас, не в наших обычаях давить на гостей. Лазарус — сам себе закон, но он действует не

от нашего имени. — Улыбнувшись мне, Джастин Фут обратился к моей супруге: — Хейзел, можно мне получить у Афины копию твоих замечаний в адрес Лазаруса? Для архива.

— Это еще зачем? Я его отругала, и дело с концом.

— Из исторического интереса. До сих пор никто, даже Иштар, не распекал Старейшего, как ты. О нем редко высказываются неодобрительно: большинству людей трудно выразить открытое несогласие с ним, даже когда они совсем не согласны. Поэтому твой случай интересен для будущих ученых, а запись может быть полезна и для самого Лазаруса, если он когда-нибудь с ней ознакомится. Он так привык всегда поступать по-своему, что неплохо бы время от времени напоминать ему, что он не Господь Бог. — Тут Джастин улыбнулся. — Для всех нас это как глоток свежего воздуха. Вдобавок, дорогая Хейзел, твоя речь уникальна по своим литературным качествам. Мне действительно хочется сохранить ее в архиве.

— Гм… все это вздор, дорогой. Поговори с Лазарусом. Nihil obstat[78], но требуется его разрешение.

---

[78] Примечания: 78
Возражений нет *(лат.)*.

— Считай, что дело сделано: я знаю, как сыграть на его упрямой гордости. Принцип поросенка. Мне нужно только сообщить ему, что я собираюсь подвергнуть твою речь цензуре и не помещать ее в архив. И еще намекнуть, что мне хочется пощадить его чувства. Тогда он нахмурится и потребует, чтобы я обязательно поместил ее в архив… без всякой редактуры.

— Что ж… если он скажет «да», я согласна.

— Могу я спросить, дорогая, где ты набралась таких скабрезных выражений?

— Нет, не можешь. Джастин, Ричард задал вопрос, на который у меня нет ответа. Откуда мы знаем, что Старейшему больше двух тысяч лет? Для меня это примерно то же, что спросить: «Откуда ты знаешь, что завтра взойдет солнце?» Знаю, и все.

— Нет, это примерно то же, что спросить: «Откуда ты знаешь, что солнце всходило задолго до твоего рождения?» Ответ: на самом деле ты этого не знаешь. Гм… интересно. — Он подмигнул мне. — Уверен, проблема отчасти связана с тем, что вы родились во вселенной, где феномен «Семейство Говардов» никогда не проявлялся.

— По-моему, я вообще о нем не слышал. Что это такое?

— Это кодовое название людей, живущих невероятно долго. Но для начала мне придется дать вам некоторые базовые понятия. Кавалеры Круга Уробороса обозначают вселенные по серийным номерам… но для землян будет понятнее, если спросить, кто первым высадился на Луне. Кто это сделал в вашем мире?

— Гм? Парень по имени Нил Армстронг. Вместе с полковником Баззом Олдрином.

— Точно. Проект НАСА, правительственного агентства, если я правильно помню. Но в этой вселенной, в моем мире и мире Лазаруса Лонга, первый полет на Луну финансировало не правительство, а частное предприятие во главе с финансистом, неким Д. Д. Гарриманом, и на Луну первым высадился Лесли Лекруа, сотрудник Гарримана. В третьей вселенной проект был военным, и первый полет на Луну совершил корабль ВВС США «Здесь был Килрой»[79]. В четвертой… в общем, не важно; поворотным пунктом везде становится начало космических полетов, и это обстоятельство влияет на все остальное. Теперь о Старейшем: в моей вселенной он был одним из первых космических пилотов. Я много лет

[79] Примечания: 79

Во вселенной романа Р. Э. Хайнлайна «Космический кадет» «Килрой» летал уже на Марс. — *Примеч. С. В. Голд*.

отвечал за архив семейства Говардов… и на основании архивных данных могу подтвердить, что Лазарус Лонг совершал космические полеты в течение более чем двадцати четырех столетий. Вас это убеждает?

— Нет.

— Разумно, — кивнул Джастин Фут. — Когда разумный человек слышит нечто, противоречащее здравому смыслу, он не будет — и не должен — верить в это, не имея на руках убедительных доказательств. Вам же убедительных доказательств не представили, только слухи. Заслуживающие доверия и, вообще говоря, правдивые, но все-таки слухи. И довольно необычные. Что касается меня, то я с этим вырос — я сорок пятый член Семейства Говардов, носящий имя Джастин Фут. Первый человек с таким именем стал доверенным лицом Семейства в начале двадцатого века по григорианскому календарю, когда Лазарус Лонг был младенцем, а Морин — молодой женщиной…

С этого мгновения разговор распался на куски. Одна лишь мысль, что утешавшая меня дама имела сына возрастом в две тысячи четыреста лет, но сама была всего лишь ребенком полутораста лет от роду… черт побери, бывают дни, когда не стоит выбираться из постели. Это было избитой

истиной еще в Айове, во времена моего детства, и оставалось правдой на Терциусе две с лишним тысячи лет спустя (если это действительно было так!). Я чувствовал себя совершенно счастливым с Минервой на одном плече, Галахадом на другом и Пикселем на груди — если не считать переполненного мочевого пузыря.

Морин напомнила мне еще об одном несоответствии.

— Джастин, — сказал я, — меня пугает кое-что еще. Вы говорите, что эта планета находится очень далеко в пространстве и времени от моего дома — свыше двух тысяч лет во времени и свыше семи тысяч световых лет в пространстве.

— Нет, не говорю, я ведь не астрофизик. Но это вполне соответствует тому, чему меня учили.

— Но здесь и сейчас я слышу диалект английского, на котором говорили в моих краях и в моем времени. Более того, это акцент жителей североамериканского среднего запада, резкий, словно ржавая пила. Единственный в своем роде. Как это объяснить?

— Может, это и странно, но никакой тайны. На английском здесь говорят из любезности к вам.

— Ко мне?

— Да. Афина могла бы обеспечить вам мгновен-

ный двусторонний перевод, и тогда мы общались бы на галакте. Но, к счастью, много лет назад Иштар решила сделать английский рабочим языком клиники и больницы, что связано с обстоятельствами последнего омоложения Старейшего. Что касается акцента, то с ним говорит сам Старейший и его мать. Нужно добавить, что Афина отказывается говорить на ином варианте английского. Это относится и к Минерве: она учила язык, когда еще была компьютером. Но не все мы одинаково легко говорим по-английски. Вы знакомы с Тамарой?

— Не так хорошо, как мне хотелось бы.

— Вероятно, это самая очаровательная и любимая всеми женщина на планете. Но она не лингвист, а язык стала учить в двести с лишним лет. Думаю, ее английский так и останется ломаным, хотя она говорит на нем каждый день. Объясняет ли это тот странный факт, что участники семейного ужина на планете, отстоящей на многие световые годы от старой родины — Терры, общаются на мертвом языке?

— Ну, в целом… объясняет. Хотя и не до конца. Гм… Джастин, у меня такое чувство, будто на любое мое возражение найдется ответ… но он меня не убедит.

— Разумно. Почему бы не подождать? Рано или поздно все факты, которые вам так трудно принять, сложатся в единую картину.

Затем мы сменили тему.

— Дорогой, — сказала Хейзел, — я не говорила тебе, почему мне пришлось уйти по делам… или почему я опоздала? Джастин, ты когда-нибудь застревал в очереди к телепорту?

— Даже слишком часто. Надеюсь, скоро появится конкурирующая служба. Не будь я так ленив, я накопил бы денег и основал ее сам.

— Сегодня днем я пошла за покупками для Ричарда — за туфлями, дорогой, но не надевай их, пока Галахад не разрешит, и новыми костюмами вместо тех, что я потеряла во время заварушки в «Раффлзе». Подходящих цветов не оказалось, и я остановилась на вишневом и нефритовом.

— Неплохой выбор.

— Да. Думаю, они будут хорошо на тебе смотреться. Закончив с покупками, я рассчитывала вернуться еще до того, как ты проснешься, но… Джастин, к телепорту стояла очередь, я вздохнула и стала ждать… и какой-то мерзкий турист с Секундуса пролез на шесть мест вперед меня.

— Вот негодяй!

— Впрочем, это ему не помогло. Наглеца тут же

пристрелили.

Я уставился на нее:

— Хейзел?

— Думаешь, это я? Нет-нет, дорогой! Признаюсь, мне очень хотелось сделать это. Но, по-моему, за попытку влезть без очереди можно разве что сломать руку. Но я задержалась не из-за этого. Очевидцы тут же созвали суд, и меня едва не выбрали одним из судей. Был только один способ этого избежать — признаться, что я свидетель. Я думала, что сэкономлю время, но мне не повезло: суд занял почти полчаса.

— Убийцу повесили? — спросил Джастин.

— Нет. Приговор гласил: «Убийство совершено в интересах общества». Ту женщину отпустили, и я отправилась домой, но было уже поздно. Лазарус, черт бы его побрал, добрался до Ричарда, испортил ему настроение и разрушил все мои планы. Ну а я испортила настроение Лазарусу.

— Это мы знаем. С тем застреленным туристом кто-нибудь был?

— Понятия не имею. Мне все равно. Да, я считаю, что убивать его — чересчур радикальная мера, но у меня всегда было мягкое сердце. В прошлом, когда кто-то лез вперед меня без очереди, я всегда старалась обойтись без скандала. Но такое

нельзя оставлять без внимания, чтобы не потворствовать всяческим хамам. Ричард, я купила тебе туфли, зная, что правая туфля, в которой ты приехал сюда, не подойдет к новой ноге.

— Совершенно верно.

(После ампутации правую туфлю пришлось делать на заказ, и теперь в нее влезал только протез.)

— Но я пошла не в обувной магазин, а в мастерскую, где был пантограф, и попросила их изготовить правую туфлю по образцу левой, сделав зеркальную копию. Она должна быть такой же, как и левая, но только… правосторонней? Правоногой? В общем, правой.

— Спасибо!

— Надеюсь, она тебе подойдет. Если бы того придурка не пристрелили у меня под носом, я бы вернулась вовремя.

Я озадаченно посмотрел на нее.

— Кажется, ты в очередной раз удивляешь меня. Какие тут порядки? Царит анархия?

Хейзел пожала плечами.

— Я бы так не сказал, — задумчиво проговорил Джастин Фут. — Оно не настолько хорошо организовано.

Сразу после ужина мы улетели в том же четы-

рехместном космолете — я, Хейзел, маленький великан по имени Зеб, красавица Хильда, доктор Джейкоб Берроуз, доктор Джубал Харшоу, еще одна рыжая (или, скорее, рыжеватая блондинка) по имени Дити и еще одна симпатичная девушка, которая вполне могла быть ее сестрой-близнецом, по имени Элизабет — все звали ее Либби. Посмотрев на последних двух, я прошептал, обращаясь к Хейзел:

— Очередные потомки Лазаруса? Или твои?

— Не думаю — в смысле сомневаюсь насчет Лазаруса. И точно знаю, что не мои: я не настолько неосторожна. Одна — из другой вселенной, а вторая — на тысячу с лишним лет старше меня. Можешь винить в этом Гильгамеша. Кстати… заметил за ужином рыжую девочку, которая плескалась в фонтане?

— Да. Симпатичная малышка.

— Она… — Мы вдевятером начали загружаться в четырехместный космолет. — Потом расскажу, — сказала Хейзел и забралась внутрь. Я последовал за ней, но маленький великан крепко взял меня за руку и остановил, будучи тяжелее меня килограммов на сорок.

— Мы еще не знакомы. Зеб Картер.

— Ричард Эймс Кэмпбелл. Рад познакомиться.

— А это моя мама, Хильда Мэй. — Он показал на фарфоровую куколку, которая тут же заговорила, не дав мне времени осознать неправдоподобность сказанного им:

— Ричард, я мачеха его жены, его жена на полставки и иногда госпожа. Зебби порой бывает рассеянным, но он очень мил. А ты принадлежишь Хейзел и поэтому держишь ключи от города. — Она положила ладони мне на плечи, приподнялась на цыпочки и одарила меня быстрым, но теплым и не слишком сухим поцелуем, что ввергло меня в задумчивость. — Если чего-то захочешь, просто спроси. Зебби все сделает.

Похоже, эта семья (или часть большого Семейства Лонга, в составе которой я еще не разобрался до конца) состояла из пятерых человек: Зеба, его жены Дити — той самой рыжеватой блондинки, — ее отца Джейка Берроуза, жены Берроуза Хильды, которая при этом не была матерью Дити, и, наконец, Гэй.

— И Гэй, конечно же, — сказал Зеб. — Ты знаешь, о ком я.

— Кто это — Гэй? — спросил я.

— Не я. Разве что в качестве хобби[80]. Гэй — на-

[80] Примечания: 80

Зеб имеет в виду прямое значение «gay», т. е. «шутник». — *Примеч. С. В. Голд.*

ша машина.

— Гэй — это я, — послышалось знойное контральто. — Привет, Ричард. Ты уже побывал во мне, но вряд ли помнишь об этом.

Я решил, что у поля Леты есть серьезные побочные эффекты. Если я бывал в женщине (как выразилась она, не я) с таким соблазнительным голосом, но не помнил об этом… пора было отдаться на милость суда — я вышел в расход.

— Прошу прощения, но я ее не вижу. Даму по имени Гэй.

— Не даму, а старую развалину.

— Зебби, ты об этом пожалеешь. Он хочет сказать, что я не женщина, Ричард. Я — машина, в которую ты собираешься залезть и в которой уже бывал. Но ты был ранен и болен, и я не обижаюсь на то, что ты меня не помнишь…

— Помню, помню!

— Помнишь? Вот и отлично. Так или иначе — я Гэй-Плутовка. Добро пожаловать на борт.

Забравшись внутрь, я полез было в дверь грузового отсека, расположенную позади сидений, но Хильда остановила меня:

— Не ходи туда. Там твоя жена с двумя мужчинами. Дай девушке шанс.

— И с Либби, — добавила Дити. — Не дразни

его, тетя. Сядь, Ричард.

Я сел между ними — большая честь; но мне хотелось увидеть ту гиперпространственную ванную, если она существовала, а не была одним из снов Леты.

— Ричард, после первой встречи у тебя сложилось плохое впечатление о Лазарусе, — сказала Хильда, прижавшись ко мне, словно кошка, — и мне не хотелось бы, чтобы оно таким оставалось.

Я признался, что по десятибалльной шкале он заслуживает оценки «минус три».

— Надеюсь, все будет по-другому. Дити?

— День за днем твоя оценка будет повышаться, приближаясь к девяти, Ричард. Вот увидишь.

— Ричард, — продолжила Хильда, — несмотря на мои слова, я вовсе не думаю о Лазарусе плохо. Я родила от него ребенка… так далеко я захожу лишь с теми мужчинами, которых уважаю. Но у Лазаруса есть свои странности, и порой он заслуживает трепки. И все же я его люблю.

— Я тоже, — согласилась Дити. — У меня маленькая дочка от Лазаруса, а значит я люблю его и уважаю, иначе такого бы не случилось. Верно, Зебадия?

— Откуда мне знать? «Любовь, о беззаботная любовь!» Босс, мы вообще куда-нибудь летим?

Гэй интересуется.

— Доложите о готовности.

— Правая дверца заперта, вспомогательное оборудование готово.

— Левая дверца заперта, ремни пристегнуты, все системы в норме.

— Штаб Корпуса времени через «Альфу» и «Бету». Главный пилот, мы готовы.

— Так точно, капитан. Гэй-Плутовка, контрольная точка «Альфа». Выполняй.

— Да, шеф.

Яркий солнечный свет и зеленая лужайка возле дома Лонгов исчезли, сменившись черным пространством и звездами. Мы лишились веса.

— Похоже, контрольная точка «Альфа», — сказал Зеб. — Гэй, видишь ШКВ?

— Контрольная точка «Альфа» прямо по курсу, — ответила машина. — Штаб Корпуса времени прямо по курсу. Зеб, тебе нужны очки.

— Контрольная точка «Бета», выполняй.

Небо снова мигнуло. На этот раз я заметил ее — не планету, а космическую станцию, до которой было то ли десять километров, то ли тысяча. В космосе расстояние до незнакомого объекта так просто не определишь.

— Штаб Корпуса времени, выпо… Гэй, бежать!

Перед нами взорвалась «звездная бомба».

25

Кот Шредингера

— Господи! — простонала машина. — Эта штука мне перья на хвосте спалила! Хильда, давай вернемся домой. Пожалуйста!

«Звездная бомба» осталась далеко позади, но все еще пылала ярким белым светом, напоминая Солнце с орбиты Плутона.

— Капитан? — спросил Зеб.

— Подтверждаю, — спокойно ответила Хильда, но она все еще дрожала, вцепившись мне в плечо.

— Гэй — Морин — выполняй!

Мы вновь оказались в родовом поместье Лазаруса Лонга, перед особняком в романском стиле.

— Главный пилот, прошу связаться с секцией Оз и сказать им, чтобы выгружались — не думаю, что мы куда-нибудь полетим в ближайшее время. Ричард, если ты сдвинешься вправо, пассажиры смогут выйти, как только Джейк освободит тебе дорогу.

Я так и поступил, как только доктор Берроуз убрался с моего пути, и услышал за своей спиной

громыхающий голос Лазаруса Лонга:

— Хильда! Почему ты приказала нам покинуть машину? Почему мы не в штабе?

Он напомнил мне сержанта на учениях, когда я был новобранцем десять тысяч лет назад.

— Я забыла свое вязание, Вуди. Пришлось вернуться.

— Хватит дурачиться. Почему мы не стартовали? Почему высаживаемся?

— Следи за своим давлением, Лазарус. Гэй только что доказала, что вовсе не строила из себя нервную дамочку, когда попросила разбить наше обычное путешествие в ШКВ на три прыжка. Если бы я действовала по-старому, мы все сейчас светились бы в темноте.

— У меня вся обшивка зудит, — раздраженно проговорила Гэй. — Могу поспорить, счетчик Гейгера во мне загрохочет, как град по жестяной крыше.

— Зебби проверит тебя позже, дорогая, — утешила ее Хильда и снова обратилась к Лазарусу: — Думаю, Гэй не пострадала, как и все мы, — Зеб, как всегда, вовремя почуял неладное и вытащил нас оттуда, почти опередив фотоны. Но вынуждена сообщить, сэр, что штаба больше нет. Мир его праху.

— Хильда, это что, очередная шутка? — не унимался Лазарус.

— Капитан Лонг, когда вы так говорите, ко мне следует обращаться «коммодор».

— Извини. Так что случилось?

— Лазарус, — сказал Зеб, — дай им выгрузиться, а потом отправимся туда, и я все покажу. Полетим вдвоем, только ты и я.

— Вот именно, вдвоем, — вмешалась машина. — Без меня! Я никуда не полечу. Я не подписывалась на участие в боевых действиях. И я не позволю закрыть мои дверцы, а значит вам не сдвинуть меня с места. Я объявляю забастовку.

— Бунт на корабле, — заявил Лазарус. — Переплавить ее на металлолом.

Машина взвизгнула и возбужденно заговорила:

— Зеб, ты слышал? Ты слышал, что он сказал? Хильда, ты слышала? Лазарус, я не принадлежу тебе и никогда не принадлежала! Скажи ему, Хильда! Если тронешь меня хоть пальцем, я перейду в критический режим и оторву тебе руку. И заберу с собой весь округ Бундок.

— Математически невозможно, — заметил Лонг.

— Лазарус, — сказала Хильда, — не стоит сразу

говорить «невозможно», когда речь идет о Гэй. Но тебе не кажется, что ты нажил достаточно неприятностей за один день? Если Гэй на тебя рассердится, она расскажет Доре, Дора — Тине, Тина — Минерве, Минерва — Иштар, Морин и Тамаре, и тебе повезет, если после этого ты найдешь что поесть и где поспать.

— Женщины обложили меня по полной. Извини, Гэй. Если я прочту тебе на ночь две главы из «Тик-Тока»[81], простишь меня?

— Три.

— Договорились. Пожалуйста, скажи Тине, что математики, задействованные в операции «Властелин Галактики», должны немедленно встретиться со мной в «Доре», в моих апартаментах. Всем остальным, имеющим отношение к операции, скажи, что я рекомендую им перебраться в «Дору», есть и спать на борту. Не знаю, когда мы сможем улететь. Через неделю или в любой момент, и предупреждения за десять минут до вылета может и не быть. Объявляю военное положение. Код тревоги — красный.

— Дора уже передает информацию. Что с Бундоком?

---

[81] Примечания: 81

«Тик-Ток» — роман американского фантаста Дж. Слейдека (1937–2000) о разумном роботе-убийце.

— В смысле — с Бундоком?

— Нужно ли эвакуировать город?

— Гэй, не знал, что тебя это волнует, — удивленно проговорил Лазарус.

— Меня? Волнует, что станет с землеройками? — фыркнула машина. — Я просто передаю информацию для Айры.

— О, а я на мгновение подумал, что у тебя проявляются человеческие чувства.

— Не дай бог!

— Вот и славно. Твой бесхитростный эгоизм — островок стабильности в изменчивом мире.

— Обойдемся без комплиментов. И за тобой три главы, не забудь.

— Конечно, Гэй, я же обещал. Сообщи, пожалуйста, Айре, что, по моим данным, Бундоку ничто не угрожает… но это мало о чем говорит… на мой взгляд, попытка эвакуировать этот муравейник приведет к огромным жертвам и еще большим материальным потерям. Возможно, стоит рискнуть хотя бы для того, чтобы слегка подстегнуть этих ленивцев — нынешний Бундок кажется мне чересчур жирным, тупым и беззаботным. Попроси его подтвердить.

— Айра говорит: «Не лезьте ко мне с этой ерундой».

— Принято. Что ж, из них получится неплохое рагу. Полковник Кэмпбелл, мне очень жаль. Не хотите ли отправиться со мной? Возможно, вам будет интересно посмотреть на экстренную манипуляцию временем. Хейзел, ты не против? Или я опять влезаю в твои дела?

— Все в порядке, Лазарус. Потому что теперь это не мои дела. Теперь этим занимаешься ты и другие Кавалеры.

— Ты строгая женщина, Сэди.

— А чего ты ждал, Лазарус? Луна — суровая учительница. Свои уроки я получила у нее на коленях. Можно мне с вами?

— Мы рассчитываем на тебя, ты ведь участвуешь в операции «Властелин». Разве нет?

Пройдя около пятидесяти метров по лужайке, мы остановились возле самой большой и красивой летающей тарелки из всех, о встрече с которыми заявляла секта свидетелей НЛО. Оказалось, что это «Дора» — что означало и сам корабль, и управлявший им компьютер. Еще я узнал, что «Дора» — личная яхта Старейшего, флагманский корабль Хильды, а также пиратское судно под командованием Лорелеи Ли и/или Ляпис-Лазури, с экипажем, состоящим из Кастора и Поллукса, которые были то ли их мужьями, то

ли рабами, то ли тем и другим одновременно.

— И то и другое, — объяснила мне впоследствии Хейзел. — А «Дора» — три в одном: и яхта, и флагман, и пиратский корабль. Лаз и Лор выиграли в карты у Каса и Пола договор на шестьдесят лет службы вскоре после того, как вышли за них. Лаз и Лор — телепатки и мошенницы. Мои внуки умны и тщеславны, словно выпускники Гарварда, и все время пытаются жульничать. Пока они были молоды и не обращали внимания на девочек, я пыталась отучить их от этой дурной привычки, используя крапленую колоду, но ничего не вышло — они заметили мои значки. Но провалились они из-за того, что Лаз и Лор оказались умнее и коварнее, — Хейзел печально покачала головой. — Мир прогнил, это уж точно. Казалось бы, у парня, которого я учила, сразу должны возникнуть подозрения, когда ему выпадают три туза и один король… но Кас был слишком жаден. Он не только поднял ставку, не имея средств, но и добавил к ней свой договор. Потом, в тот же день, Пол стал жертвой совсем уже неприкрытого грабежа: он капнул немного кофе на нужную карту. Но обнаружилось, что кофейное пятнышко есть и на десятке, и на восьмерке. У Пола была девятка, но в моральном отношении он чувствовал себя

неуверенно. Может, даже к лучшему, что парням приходится выполнять всю черную работу на корабле, мыть своим женам голову и делать им педикюр, вместо того чтобы продать Лаз и Лор на невольничьем рынке Искандера. Не сомневаюсь, они бы так и поступили, обернись все иначе.

Как выяснилось, внутри «Дора» еще больше, чем снаружи, — и кают в ней всегда столько, сколько требуется. Когда-то это был роскошный, но вполне обычный гиперфотонный космический корабль. Но его (корабль, а не компьютер по имени Дора) оборудовали иррелевантным двигателем Берроуза, волшебным средством, с помощью которого Гэй-Плутовка перепархивает от звезды к звезде за считаные секунды. Одно из следствий уравнений Берроуза, благодаря которым телепортируется Гэй, можно использовать для искривления пространства. Поэтому пассажирский и грузовой отсеки Доры полностью обновили и теперь она может хранить сколько угодно помещений в сложенном виде и разворачивать их по мере необходимости.

(Наверное, это не та система, с помощью которой Гэй развернула по левому борту две ванные в стиле девятнадцатого века. Или та же? Думаю, вряд ли. Надо бы спросить. Или не стоит будить

лихо, пока оно тихо? Пожалуй, не стоит.)

В борту яхты открылся люк, из него выдвинулся трап, и я последовал за Лазарусом внутрь корабля под руку с моей любимой. Едва он перешагнул порог, зазвучала музыка — «Совсем не обязательно, что все именно так» из бессмертной оперы Гершвина «Порги и Бесс». Давно умерший исполнитель роли Спортинга Лайфа пел о том, что мужчина в возрасте Мафусаила никогда не убедит женщину пойти с ним в постель.

— Дора!

— Я принимаю ванну, — ответил приятный девичий голос. — Позвоните позже.

— Дора, выключи эту дурацкую песню!

— Мне нужно посоветоваться с сегодняшним капитаном, сэр.

— Так посоветуйся, черт бы тебя побрал! Только прекрати этот шум.

Голос корабля сменился другим:

— Говорит капитан Лор, дружочек. Проблемы?

— Да. Выключи этот шум!

— Дружок, если ты имеешь в виду классическую музыку, которая играет в честь твоего прибытия, должна сказать, что у тебя варварский вкус и он, похоже, не меняется. В любом случае мне запрещено ее отключать: новый протокол

установлен коммодором Хильдой и может быть изменен только с ее разрешения.

— Женщины обложили меня по полной! — Лазарус был готов закипеть. — Невозможно подняться на собственный корабль, чтобы тебя не осыпали оскорблениями. Когда закончим с «Властелином Галактики», клянусь Аллахом, я куплю посудину Берроуза в холостяцком исполнении, поставлю на нее церебратор Минского и отправлюсь в долгий отпуск без женщин на борту.

— Лазарус, как ты можешь говорить такие ужасные вещи? — сзади послышался голос, в котором я без труда узнал теплое контральто Хильды.

Лазарус оглянулся:

— О, а вот и ты! Хильда, сделай так, чтобы этот адский шум прекратился.

— Лазарус, ты и сам можешь это сделать…

— Я пытался, но им нравится издеваться надо мной. Всем трем. И тебе тоже.

— …просто отойдя на три шага от входа. Если предпочитаешь другое музыкальное приветствие — скажи, какое именно. Мы с Дорой пытаемся подобрать подходящую мелодию для каждого члена нашей семьи, плюс приветственную песню для гостей.

— Смешно!

— Доре это нравится, и мне тоже. Это лишь дань вежливости. Все равно что есть вилкой, а не пальцами.

— Пальцы появились задолго до вилок.

— А плоские черви — задолго до человека. Но это вовсе не значит, будто плоские черви стоят выше людей. Отойди, Вуди, и дай Гершвину отдохнуть.

Проворчав что-то, Лазарус отошел от входа, и Гершвин смолк. Мы с Хейзел двинулись следом, и вновь зазвучала музыка, марш в исполнении оркестра из волынок и барабанов, который я не слышал с того черного дня, когда лишился ноги… а также командной должности и чести: «Кэмпбеллы идут…»

Музыка ошеломила меня чуть ли не до потери сознания, впрыснув в меня мощную дозу адреналина: этот древний воинственный клич на меня всегда так действует. Пришлось приложить все усилия, чтобы нахлынувшие чувства никак не отразились на моем лице, и молиться, чтобы никто не заговорил со мной, пока я вновь не обрету дар речи.

Хейзел сжала мою руку, но промолчала. Думаю, она умеет читать мои эмоции — она всегда знает,

что мне требуется. Я зашагал вперед, распрямив спину, почти не опираясь на трость, не видя ничего вокруг. А потом волынки смолкли, и я снова обрел способность дышать.

Хильда шла позади нас, слегка отстав — вероятно, чтобы музыкальные приветствия не сливались друг с другом. В ее честь раздалась легкая изящная мелодия, исполнявшаяся, как мне показалось, на серебряных колокольчиках, а может, на челесте. Хейзел сказала, что песня называется «Иезавель», но откуда она, я так и не понял.

Жилище Лазаруса оказалось чрезвычайно роскошным, и мне стало интересно, насколько богато обставлена флагманская каюта «коммодора» Хильды. Хейзел расположилась в его гостиной, так, будто всегда жила там. Но я в ней не задержался надолго — переборка расступилась, и Лазарус провел меня в зал заседаний, вполне подходящий для крупной корпорации. Вокруг гигантского стола были расставлены мягкие кресла, возле каждого помещались блокнот, ручка, графин с водой, терминал с принтером, экран с клавиатурой, микрофон и заглушающее поле. Добавлю, что весь этот ненужный хлам был здесь благодаря Доре, оказавшейся идеальной

секретаршей, которая предлагала и подавала к тому же закуски и напитки.

(Я никак не мог избавиться от ощущения, что где-то здесь есть живая девушка по имени Дора, скрытая от посторонних глаз. Но ни одна смертная девушка не сумела бы одновременно жонглировать столькими предметами.)

— Садитесь где угодно, — сказал Лазарус. — Тут у нас без званий. И не стесняйтесь задавать вопросы и высказывать свое мнение. Если выставите себя дураком, никто не обратит внимания, вы будете далеко не первым. Вы знакомы с Либ?

— Официально — нет.

Это оказалась другая рыжеватая блондинка, не Дити.

— Тогда познакомьтесь. Доктор Элизабет Эндрю Джексон Либби Лонг, полковник Ричард Колин Эймс Кэмпбелл.

— Очень приятно, доктор Лонг.

Она меня поцеловала. Я ожидал этого, поняв за два дня, что избежать дружеских поцелуев можно, только дав задний ход… но лучше расслабиться и получить удовольствие, что я и сделал. Доктор Элизабет Лонг, очень симпатичная, была почти не одета, от нее приятно пахло, и на вкус она тоже была приятна. Задержавшись рядом со

мной на три секунды дольше необходимого, она погладила меня по щеке и сказала:

— У Хейзел хороший вкус. Рада, что она привела вас в Семейство.

Я покраснел как рак, но никто не обратил на это внимания — по крайней мере, так мне показалось. Заговорил Лазарус:

— Либ — моя жена, а также партнер, еще с двадцать первого века по григорианскому календарю. Вместе мы прошли через бурные события. Тогда она была мужчиной и офицером Терранских вооруженных сил в отставке. Но и тогда, и сейчас, в мужской или женской ипостаси, это величайший из математиков всех времен.

Элизабет повернулась и погладила его по руке:

— Ерунда, Лазарус. Я не такой великий математик, как Джейк, а в геометрии он способен сделать то, чего я никогда не смогу. Он может представить куда больше измерений, чем я, и не заблудиться в них. Я…

Следом за нами вошел Джейкоб Берроуз, муж Хильды.

— Чушь, Либ. Меня тошнит от ложной скромности.

— Пусть тошнит, дорогой, лишь бы не на ковер. Джейкоб, то, что думаем ты, я или даже Лазарус,

не имеет значения. Мы — те, кто мы есть, и, по-моему, нам нужно кое-что сделать. Лазарус, что случилось?

— Подождем Дити и мальчиков, чтобы не обсуждать дважды одно и то же. Где Джейн Либби?

— Я здесь, дядя Вуди.

Вошла обнаженная девушка, похожая… но, пожалуй, больше не стоит говорить о фамильном сходстве, о рыжих и других волосах, об одежде и ее отсутствии. На Терциусе ввиду климата и обычаев одежда считалась не обязательной: как правило, ее носили в публичных местах и иногда дома. В Семействе Лазаруса Лонга мужчины бывали одеты чаще женщин, но никаких правил — по крайней мере, известных мне — не существовало.

Рыжие волосы часто встречались на Терциусе, а еще чаще — в Семействе Лонга. Заводчик скота сказал бы об эффекте «лучшего производителя», то есть Лазаруса. Но в Семействе имелось еще два источника генов, никак не связанных с Лазарусом и друг с другом: Элизабет Эндрю Джексон Либби Лонг и Дея Торис (Дити) Берроуз Картер Лонг. Был и еще один источник, в то время мне неизвестный.

Сторонники теории Гильгамеша давно замети-

ли, что рыжеволосые люди склонны создавать обособленные группы, как это случается в Риме, Ливане, Южной Ирландии, Шотландии… и, что еще примечательнее, случалось в прошлом — от Иисуса до Джефферсона, от Фридриха Барбароссы до Генриха Восьмого.

Причины сходства среди членов семейства Лонгов можно было определить разве что с помощью доктора Иштар, семейного генетика. Сама Иштар совсем не походила на свою дочь Ляпис-Лазурь… и неудивительно, учитывая, что у нее отсутствовала генетическая связь с собственной дочерью, чьей генетической матерью была Морин.

Кое-какие из вышеперечисленных подробностей я узнал позже; здесь я упоминаю о них лишь затем, чтобы покончить с этим раз и навсегда.

Круглый стол математиков состоял из Либби Лонг, Джейка Берроуза, Джейн Либби Берроуз Лонг, Дити Берроуз Картер Лонг, Минервы Лонг Везерел Лонг, Пифагора Либби Картера Лонга и Архимеда Картера Либби Лонга — Пита и Арчи. Одного из них родила Дити, а другого — Либби, и эти женщины являлись единственными родителями обоих молодых людей. Дити приходилась каждому генетической матерью, а Элизабет — генетическим отцом… распутывать этот клубок

я отказываюсь, пусть упражняются студенты. Лучше назову еще одно имя — Максвелл Берроуз-Берроуз Лонг — и закончу на том, что все эти странные комбинации создавались под контролем семейного генетика с целью максимального усиления математических способностей и подавления вредных рецессивных генов.

Наблюдать за этими гениями во время работы было так же увлекательно, как за партией в шахматы, но были кое-какие отличия. Сперва Лазарус потребовал от Гэй-Плутовки дать свидетельские показания, воспроизводя ее голос через системы Доры. Выслушав Гэй и изучив представленные ею видео- и аудиозаписи, они позвали Зебадию, взяли показания у него, затем пригласили Хильду и попросили ее оценить, за сколько времени Зебадия мог предвидеть взрыв бомбы.

— Что-то между долей секунды и мгновением ока, — ответила Хильда. — Сами знаете, точнее я не скажу.

Доктор Джейк предпочел не высказывать свое мнение:

— Я не следил. Как обычно, я дублировал устные команды, настраивая верньеры. Предпоследняя команда, «паническое бегство», отменила прыжок, и мы вернулись домой. Верньеры я так и не

настроил, поэтому в моих записях больше ничего нет. Извините.

Столь же скудными были показания Дити:

— Приказ спасаться бегством предшествовал взрыву с интервалом примерно в одну миллисекунду.

Как на нее ни давили, она отказалась назвать более точную цифру. Берроуз продолжал настаивать, упомянув о ее «встроенных часах». Дити показала ему язык.

— Я голосую за вариант «недостаточно данных», — сказал молодой человек (по сути, подросток) по имени Пит. — Нужно разместить вокруг места события розетку из роботов-разведчиков и выяснить, что произошло. А потом уже решим, насколько близко к точке отсчета можно подобраться, чтобы отправить помощь.

— Вы видели «звездную бомбу» после бегства с новой точки обзора или только ее изображение на экране Гэй? — спросила Джейн у Либби. — В любом случае какой отметке времени это соответствовало в контрольной точке «Бета»? Вопрос вот в чем: установлено ли экспериментальным путем, что вневременная транспортировка совершается мгновенно, с полностью нулевой продолжительностью перехода… или это лишь

предположение, основанное на неполных данных и случайных совпадениях?

— Джей-Эль, к чему ты клонишь, дорогая? — поинтересовалась Дити.

Я сидел между ними, а они общались между собой, словно меня там не было, и явно не ждали моих комментариев, хотя я был свидетелем случившегося.

— Мы ведь пытаемся определить оптимальную точку во времени для эвакуации ШКВ?

— Неужели? Почему бы не отрепетировать эвакуацию, рассчитать сроки и начать ее в расчетный момент до часа «Ч» плюс тридцать минут? Мы вернем всех назад, и еще останется куча времени.

— Дити, ты создашь парадокс, после которого твоя голова окажется в заднице, — заметил Берроуз.

— Папа! Это грубо, невежливо и вульгарно!

— Зато верно, моя милая глупенькая доченька. А теперь придумай, как выпутаться из ловушки.

— Легко. Пока говорила лишь об устранении опасности, а не о безопасном завершении. Мы закончим спасательную операцию, имея в запасе тридцать минут, затем переместимся в любое пустое пространство в любой подходящей все-

ленной — скажем, на орбиту Марса, которую мы часто используем, — а потом вернемся в эту вселенную через минуту после того, как начнем операцию.

— Неуклюже, но эффективно.

— Мне нравится простое программирование.

— Мне тоже. Но получается, что мы будем тратить столько времени, сколько потребуется. Никто не заметил подвоха?

— Черт побери, да!

— Слушаю тебя, Арчи.

— Нас наверняка ждет ловушка, с вероятностью свыше девятисот девяноста семи тысячных. Все зависит от того, какая именно. Кто наш противник? Зверь? Властелин Галактики? Боскон?[82] Или это прямая акция со стороны другой группы лиц, изменяющих историю, независимо от того, есть у нас с ними договор или нет? Или — не смейтесь — на этот раз мы играем против Автора? Расчет времени должен зависеть от нашей тактики, а наша тактика — от того, с кем мы столкнулись. Придется подождать, пока большие мозги за соседней дверью не расскажут, против кого мы сражаемся.

---

[82] Примечания: 82

Боскон — преступный синдикат из «Саги о Ленсменах» американского фантаста Э. Э. «Дока» Смита (1890–1965).

— Нет, — сказала Либби Лонг.

— Что не так, мама? — спросил парень.

— Мы учтем все возможные комбинации, дорогой, и просчитаем их одновременно, а потом включим соответствующий численный ответ в сценарий, который предоставят сочинители.

— Нет, Либ. Ты рискнешь двумя сотнями жизней, предположив, что большие мозги правы, — возразил Лазарус. — Это может оказаться не так. Останемся здесь и найдем надежное решение, даже если это займет десять лет. Дамы и господа, речь идет о наших коллегах. Они не расходный материал. Черт побери, найдите же верное решение!

Я сидел, чувствуя себя полным дураком. До меня постепенно доходило, что они всерьез обсуждают, как спасти всех людей — а также записи и приборы — на космической станции, которая час назад на моих глазах превратилась в пар, и что они с такой же легкостью могли бы спасти станцию, убрав ее из той области пространства до взрыва бомбы. Я слышал споры о том, как это сделать, как рассчитать время. Но они решили иначе. Станция наверняка стоила бесчисленные миллиарды крон… но они отказались ее спасать. Нет-нет! Противник, кем бы он ни был — Зверем

Апокалипсиса, или Властелином Галактики (я едва не поперхнулся!), или кем угодно, — должен был счесть себя победителем, не подозревая, что гнездо опустело, что птичка упорхнула.

В моей левой ноге появилось знакомое ощущение: оказалось, Лорд Пиксель опять начал штурмовать ее вертикальный склон — и опять с помощью крючьев. Я наклонился и посадил его на стол.

— Пиксель, как ты сюда попал?

— Мррэм!

— Да-да, в сад, через сад, через западное крыло — или ты обежал его? — через лужайку, в запертый космический корабль… или трап был опущен? И вообще, как ты меня нашел?

— Мррэм.

— Он — кот Шредингера, — сказала Джейн Либби.

— Тогда пусть Шредингер придет и заберет его, пока он не потерялся и не попал в беду.

— Нет-нет, Пиксель не принадлежит Шредингеру. Пиксель еще не выбрал себе человека — если только уже не выбрал вас.

— Нет, я так не думаю. Ну… может быть.

— А я думаю, да. Сегодня днем я видела, как он забирался вам на колени. А теперь проделал

немалый путь, чтобы отыскать вас. Думаю, вас избрали. Любите кошек?

— Еще как! Если Хейзел разрешит оставить его.

— Разрешит. Она любит кошек.

— Надеюсь.

Пиксель сидел на моем блокноте, умывая мордочку и проявляя похвальную заботу о чистоте ушек.

— Пиксель, ты меня любишь?

Он перестал умываться и решительно произнес:

— Мррэм!

— Ладно, договорились. Все положенное новобранцу содержание, медицинская страховка, увольнение в середине дня каждой второй среды при хорошем поведении — каждую вторую среду увольнительная после обеда. Джейн Либби, что насчет Шредингера? Откуда он тут взялся? Скажи ему, что Пиксель уже занят.

— Никакого Шредингера здесь нет — он умер около двух тысячелетий назад. Один из древних немецких естествоиспытателей, так блестяще ошибавшихся во всем, что они исследовали, — Шредингер, Эйнштейн, Гейзенберг и… В вашей вселенной были такие? Знаю, что они существо-

вали не во всем мультиверсуме, но я не слишком сильна в параллельной истории. — Джейн сконфуженно улыбнулась. — Пожалуй, я разбираюсь хорошо только в теории чисел. Зато неплохо готовлю.

— А как насчет того, чтобы потереть спинку?

— Я тру спинку лучше всех в Бундоке!

— Ты зря теряешь время, Джей-Эль, — вмешалась Дити. — Хейзел все еще держит его на коротком поводке.

— Но, тетя Дити, я же не пыталась затащить его в постель.

— Не пыталась? Тогда не трать время понапрасну. Отойди и оставь его мне. Ричард, тебя привлекают замужние женщины? Мы все замужем.

— Гм… Пятая поправка![83]

— Я тебя поняла, но в Бундоке о ней никогда не слышали. Те немецкие математики… они не из твоего мира?

— Сперва выясним, говорим ли мы об одних и тех же людях. Эрвин Шредингер, Альберт Эйнштейн, Вернер Гейзенберг…

— Те самые. Им нравилось то, что они называ-

---

[83] Примечания: 83

Пятая поправка к конституции США запрещает дважды привлекать к ответственности за одно и то же нарушение.

ли мысленными экспериментами — как будто таким способом можно что-то узнать. Богословы! Джейн Либби собиралась рассказать тебе о коте Шредингера: мысленный эксперимент, якобы позволявший делать утверждения о реальности. Джей-Эль?

— Это была дурацкая затея, сэр. Запираем кота в ящик. Проверяем, убьет его или нет изотоп с периодом полураспада в один час. Прошел час: кот жив или нет? Шредингер утверждал, что в силу статистической вероятности, считавшейся в те времена наукой, кот будет не жив и не мертв, пока ящик не откроют. Он существует в виде облака вероятностей, — сказала Джейн Либби и пожала плечами, продемонстрировав изящные динамические кривые.

— Мррэм?

— Кто-нибудь догадался спросить кота?

— Сплошное богохульство, — заявила Дити. — Ричард, это наука в стиле немецких философов. Не стоит прибегать к таким примитивным построениям. Так или иначе, Пикселя прозвали котом Шредингера, поскольку он проходит сквозь стены.

— Как он это делает?

— Это невозможно, — ответила Джейн Либ-

би, — но он еще маленький и об этом не знает, поэтому у него получается. И поэтому никогда неизвестно, где он появится. Думаю, он искал вас. Дора?

— Что-нибудь нужно, Джей-Эль? — ответил корабль.

— Ты случайно не заметила, как котенок попал на борт?

— Я замечаю все. Он не стал тратить время на проход по трапу, а просто проник через мою оболочку. Было щекотно. Он голоден?

— Вероятно.

— Сооружу ему что-нибудь. Он достаточно взрослый, чтобы есть твердую пищу?

— Да. Но без крупных кусков. Детское питание.

— Момент!

— Дамы, — сказал я, — Джейн Либби говорила, что те немецкие физики блестяще ошибались. Но вы ведь не включаете в их число Альберта Эйнштейна?

— Конечно включаю! — решительно ответила Дити.

— Удивительно. В моем мире Эйнштейн носит нимб.

— А в моем — сжигают его чучело. Альберт Эйнштейн был пацифистом, но нечестным. Когда

речь зашла о его шкуре, он позабыл собственные пацифистские принципы и использовал свое политическое влияние, чтобы запустить проект создания первой бомбы для уничтожения городов. Его теоретические труды мало что значили и в большинстве оказались ошибочными. Но он навеки покрыт позором как политик-пацифист, превратившийся в убийцу. Я его презираю!

26

Успех состоит в том, чтобы добраться до вершины пищевой цепочки.

Джубал Харшоу*[84] *(1906-?)

Примерно в то же время появилось детское питание для Пикселя — похоже, блюдце с едой возникло прямо из стола. Но поклясться я не могу: оно просто появилось, и все. Я стал кормить котенка и задумался. Горячность Дити меня удивила. Эти немецкие ученые жили и работали в первой половине двадцатого века — в моем понимании не так уж давно. Но если то, в чем пытались меня убедить терциане, было правдой (хотя вряд ли!), значит для них речь шла о далеком прошлом. О паре тысячелетий, по словам Джейн Либби.

Откуда у этой вполне добродушной юной леди, доктора Дити, такое эмоциональное отношение к давно умершим немецким мудрецам? Мне известно лишь одно событие двухтысячелетней

---

[84] Примечания: 84

Джубал Харшоу — герой романа Р. Э. Хайнлайна «Чужак в стране чужой», врач, миллионер, юрист и писатель. Защищал в суде права Майкла Валентайна Смита, позднее член клана Лонгов. — *Примеч. С. В. Голд.*

давности, к которому люди и вправду относятся эмоционально… и которого не было.

Я начал мысленно составлять список нестыковок: заявленный возраст Лазаруса; длинный перечень смертельных болезней, которыми, как утверждалось, меня заразили; полдюжины странных событий в Луне; и главное — сам Терциус. Действительно ли это была чужая планета, очень далекая от Земли как в пространстве, так и во времени? А может, это всего лишь потемкинская деревня на тихоокеанском острове? Или даже в Южной Калифорнии? Города под названием Бундок (с населением примерно в миллион, как мне говорили) я не видел, встретив пока что с полсотни человек. Возможно, остальные существуют лишь на словах в этом потемкинском спектакле?

(Осторожнее, Ричард! Ты снова становишься параноиком.)

Сколько времени требуется Лете, чтобы размягчить мозг?

— Дити, похоже, ты сильно злишься на доктора Эйнштейна.

— У меня есть причины!

— Но он жил очень давно. Как говорит Либби, два тысячелетия назад.

— Для нее это было давно. Но не для меня!

— Полковник Кэмпбелл, — сказал доктор Берроуз, — вероятно, вы полагаете, что мы — урожденные терциане. Но это не так. Мы — беженцы из двадцатого века, как и вы. Я имею в виду себя, Хильду, Зебадию и мою дочь — мою дочь Дити, а не Джейн Либби. Джей-Эль родилась здесь.

— Ты попал в точку, папа, — сказала Дити.

— Но едва не промахнулся, — заметила Джейн Либби.

— И все-таки попал. Так что ты не можешь от него отречься, дорогая.

— Я и не собиралась. Как папаша он вполне терпим.

Я даже не пытался их понять — мне все сильнее казалось, что по понятиям Айовы все терциане были сумасшедшими психами.

— Доктор Берроуз, я не из двадцатого века. Я родился в Айове в две тысячи сто тридцать третьем году.

— Если смотреть с такой дистанции — почти рядом. Вероятно, мы из разных временных линий, из разошедшихся вселенных, но говорим почти с одинаковым акцентом, на одном и том же диалекте, используем одни и те же слова. Событие, которое развело наши миры, должно было

произойти совсем недавно в нашем прошлом. Кто первым высадился на Луне и в каком году?

— Нил Армстронг, в тысяча девятьсот шестьдесят девятом.

— Ах, *том* мир. У вас были свои проблемы, и у нас — свои. В нашем мире первая высадка на Луну состоялась в тысяча девятьсот пятьдесят втором: КК ЕВВКС «Розовая коала» под командованием Бэллокса О'Мэлли, — доктор Берроуз огляделся вокруг. — Да, Лазарус? Тебя что-то беспокоит? Блохи? Крапивница?

— Если у тебя и твоих дочерей нет желания работать, идите болтать в другое место. Скажем, в соседнюю комнату: сочинители и историки не прочь потрепаться о пустяках. Полковник Кэмпбелл, думаю, и вам стоит поискать другое место для кормления своего кота. Предлагаю ванную комнату справа от моей гостиной.

— Черт побери, Лазарус! — бросила Дити. — Ты несносный сварливый старикашка! Работающего математика отвлечь невозможно. Взгляни хотя бы на Либ: под ней можно взорвать хлопушку, и она даже не моргнет. — Дити встала. — Вуди, надо бы тебе снова пройти омоложение, ты превращаешься в старого хрыча. Идем, Джей-Эль.

— Прошу меня простить. — Доктор Берроуз

встал, поклонился и вышел, не глядя на Лазаруса. В воздухе повисла напряженность, словно перед схваткой двух старых быков, которых лучше развести заранее.

Или трех — не забываем обо мне. Не стоило набрасываться на меня из-за котенка; тут я понял, что злюсь на Лазаруса в третий раз за день. Я не приводил сюда котенка, и это собственный компьютер Лазаруса предложил кормить его здесь и снабдил едой.

Встав, я взял одной рукой Пикселя, а другой — его блюдце и обнаружил, что сдвинуться с места я могу, лишь повесив трость на руку. Увидев это, Джейн Либби взяла у меня котенка и прижала к себе. Я последовал за ней, опираясь на трость и неся блюдце с детским питанием. На Лазаруса я старался не смотреть.

Проходя через гостиную, мы наткнулись на Хейзел и Хильду. Хейзел помахала мне и похлопала по креслу рядом с собой, но я покачал головой и зашагал дальше. Она встала и пошла с нами; Хильда последовала за ней. Участникам заседания в гостиной мы нисколько не помешали — выступал доктор Харшоу, и на нас почти не обратили внимания.

Одной из восхитительных, декадентских, сиба-

ритских сторон жизни на Терциусе было качество кабинок освежителей — если о них можно выражаться так приземленно. Не вдаваясь в описание незнакомых мне приспособлений, обрисую чисто функционально роскошную кабинку освежителя богатого терцианина (а Лазарус, уверен, был самым богатым из них).

Возьмите свой любимый паб или салун.

Добавьте к нему финскую сауну.

Как насчет купаний в японском стиле?

Вам нравится горячая ванна? С джакузи или без?

Был ли у вас в юности фонтанчик с мороженым и содовой?

Вы любите принимать ванну в компании?

Поставим в пределах досягаемости бар с богатым выбором закусок (горячих или холодных).

Любите музыку? Голофильмы? Сенсофильмы? Книги, журналы, видео?

Фитнес-зона? Массаж? Лампы для загара? Ароматизированный ветерок?

Мягкое теплое местечко, где можно свернуться в клубок и подремать, одному или с кем-нибудь в компании?

Теперь смешайте хорошенько все вышеперечисленное и расположите внутри большого,

красивого, хорошо освещенного помещения. Этот перечень будет недостаточным для описания кабинки в каюте Лазаруса Лонга, ибо в нем опущен самый важный пункт: Дора.

Если и существует каприз, который корабельный компьютер не способен удовлетворить, то я пробыл там недостаточно долго, чтобы его обнаружить.

Но я не стал сразу же наслаждаться роскошью — нужно было исполнить свой долг перед котом. Сев за круглый стол среднего размера, за которым вполне могли бы выпивать четверо друзей, я поставил на него блюдце и потянулся за котенком. Но тут Джейн-Эль, севшая рядом, взяла Пикселя и перенесла к блюдцу. Затем к нам присоединился Берроуз.

Котенок понюхал корм, который с жадностью поглощал несколько минут назад, а затем всем своим видом выказал возмущение тем, что ему предлагают совершенно неподходящую для кошек еду.

— Дора, мне кажется, он хочет пить, — сказала Джейн-Эль.

— Есть все, чего можно пожелать. Но учти, руководство запрещает мне подавать алкогольные напитки несовершеннолетним, кроме как с

целью соблазнения.

— Хватит выделываться, Дора, иначе полковник Кэмпбелл и вправду в это поверит. Предложим малышу воды и молока, по отдельности. Температура должна быть равной температуре тела, которая у котят составляет…

— Тридцать восемь целых и восемь десятых градуса. Сейчас будет.

Тут ее окликнула Хильда из небольшого бассейна — нет, скорее, ванны для отдыха, находящейся в нескольких метрах от нас.

— Джей-Эль! Помокни с нами. У Дити есть шикарные сплетни.

— Гм… — Казалось, девушка пытается разорваться надвое. — Полковник Кэмпбелл, позаботитесь о Пикселе? Ему нравится слизывать жидкость с вашего пальца. Только так его можно напоить как следует.

— Сделаю, как скажешь.

Котенку действительно понравилось пить таким способом… правда, мне показалось, что я умру от старости, прежде чем он проглотит хотя бы десять миллилитров. Но Пиксель не спешил. Из ванны выбралась Хейзел и, мокрая, присоединилась к нам.

— Ты намочишь кресло, — сказал я, осторожно

поцеловав ее.

— Ничего с ним не сделается. Что опять натворил Лазарус?

— Этот урод?

— Справедливо сказано. Что случилось?

— Гм… возможно, я отреагировал слишком резко. Спроси доктора Берроуза.

— Джейкоб?

— Нет, реакция Ричарда выглядит вполне естественной. Лазарус изо всех сил постарался испортить жизнь нам четверым. Во-первых, он не должен брать под контроль группу математиков: ему это не по плечу, ведь сам он не математик в сколько-нибудь профессиональном смысле и потому не имеет права нас контролировать. Во-вторых, каждый из членов группы знает о причудах остальных, и мы никогда не вмешиваемся в работу друг друга. Но Лазарус вышвырнул меня, Дити и Джейн Либби, за обсуждение вопросов, которые не стояли в повестке дня. При этом он не понимал или не желал учитывать, что и я, и мои дочери используем двухуровневый способ мышления. Хейзел, я сумел сдержаться. Ты должна мной гордиться.

— Я всегда горжусь тобой, Джейкоб. Я бы не сдержалась. Когда имеешь дело с Лазарусом, сто-

ит, по совету сэра Уинстона Черчилля, наступить ему на пальцы ног и стоять так, пока он не извинится. Лазарус не ценит хорошие манеры. Но что он сделал Ричарду?

— Запретил ему кормить кота на столе для совещаний. Смешно! Точно его роскошный стол пострадает, если котенок напустит там лужу.

Хейзел покачала головой и помрачнела, что не было ей к лицу.

— Лазарус всегда был грубияном, но с тех пор, как началась эта кампания — в смысле операция «Властелин Галактики» — общаться с ним становится все тяжелее. Джейкоб, твоя группа уведомила его о ваших мрачных предсказаниях?

— О некоторых. Но главная проблема в том, что наши долгосрочные прогнозы слишком расплывчаты. Знаю, это может свести с ума, ведь когда погибает город, трагедия выглядит вовсе не расплывчатой, а отчетливой и тошнотворной. Изменив историю, мы не поднимаем город из руин, а лишь начинаем новую временную линию. Нам нужны прогнозы, которые позволят изменить историю до разрушения города, а не после этого. — Он посмотрел на меня. — Вот почему так важно спасти Адама Селена.

Я тупо уставился на Джейкоба — похоже, это у

меня получалось лучше всего.

— Чтобы поднять настроение Лазарусу?

— Да, косвенным образом. Нам нужен управляющий компьютер, который может контролировать, программировать и мониторить другие большие компьютеры, прогнозы для мультиверсума. Самый большой из известных нам управляющих компьютеров находится здесь: это Афина, или Тина. У нее есть сестра-близнец на Секундусе. Но подобные прогнозы — куда более сложная работа. Общественные функции на Терциусе по большей части автоматизированы и хорошо защищены от отказов, Тина занимается лишь устранением неисправностей. Но Холмс Четвертый — Адам Селен или Майк — по странному стечению обстоятельств рос, рос и рос: видимо, никто не пытался установить для него оптимальные размеры. А потом объемы его самопрограммирования невероятно возросли из-за поставленной перед ним уникальной задачи: возглавить Лунную революцию. Полковник, я не думаю, что один человек или даже группа людей, могли бы написать программы, созданные Холмсом Четвертым для того, чтобы предусмотреть ход революции во всех деталях. Моя старшая дочь Дити, выдающийся специа-

лист в области программирования, говорит, что человеческий разум на такое не способен. По ее мнению, искусственный интеллект может развиться, лишь столкнувшись с острой необходимостью, ситуацией типа «сделай или умри». Поэтому нам нужен Адам Селен или программы, которые он создал, сотворяя себя. Потому что *мы* такого сделать не можем.

Хейзел бросила взгляд в сторону бассейна:

— Могу поспорить, Дити смогла бы. Если бы ей сказали «надо».

— Спасибо, дорогая, от имени моей дочери. Но ей не свойственна ложная скромность. Если бы Дити считала, что у нее есть хотя бы малейший шанс, она бы уже трудилась не покладая рук. В общем-то, она и так старается изо всех сил, пытаясь связать воедино данные со всех наших компьютеров.

— Джейкоб, мне очень не хочется это говорить… — Хейзел поколебалась. — Может, и не стоит.

— Тогда не говори.

— Я должна снять этот груз с души. Папа Манни не испытывает иллюзий насчет результатов, даже если нам удастся полностью восстановить все банки памяти и программы, составляющие

сущность Адама Селена — или Майка, как его называет папа Манни. Он считает, что его старый друг очень сильно пострадал во время последней атаки — я хорошо помню, это был настоящий кошмар. Майк так сильно страдал, что впал в компьютерную кататонию и никогда больше не проснется. После революции папа много лет пытался разбудить его, получив свободный доступ в Административный комплекс. Даже если доставить сюда всю память и все программы, он не представляет, чем это поможет. Да, он хочет попытаться, очень хочет, он любит Майка. Но особых надежд у него нет.

— Когда увидишь Мануэля, скажи ему, что он может радоваться: Дити нашла решение.

— Неужели? Очень на то надеюсь!

— Дити хочет добавить Тине дополнительных резервов для увеличения памяти и усиления возможности манипуляции символами — ну а потом затащить Майка в постель к Тине. Если это не вернет его к жизни, то ничто уже не вернет.

Моя любимая удивленно взглянула на Джейкоба и хихикнула:

— Да уж, это должно сработать.

Затем она вернулась в бассейн, а я узнал от Берроуза, почему его дочь Дити так эмоциональ-

но говорила об отце атомной бомбы: она видела — вернее, они все четверо видели, — как атомная бомба стерла с лица земли их дом. Я решил, что бомба была ядерной, но Джейк не стал уточнять.

— Полковник, одно дело — читать заголовок или слышать сообщение в новостях, и совсем другое — когда грибовидное облако накрывает твой дом. Мы стали обездоленными, нам никогда не вернуться домой. Нас как будто стерли из истории. В нашей временной линии не осталось никаких признаков того, что мы четверо — я, Хильда, Дити, Зеб — когда-либо существовали. Дома, где мы жили, исчезли, будто их и не было, и земля сомкнулась над ними, не оставив шрамов. — Внезапно он показался мне очень одиноким, словно Одиссей. — Лазарус послал агента Корпуса времени… Дора? Могу я поговорить с Элизабет?

— Говори.

— Либ, дорогая, поставь ту розетку, которую хотел Пит — или Арчи? Зафиксируй самую раннюю дату наблюдения. Вернись назад на три года. Проведи эвакуацию.

— Парадокс, Джейкоб.

— Да. Помести эти три года в петлю, сожми их и выброси. Проверь.

— Поняла, дорогой. Что-нибудь еще?

— Нет. Пока все. — Берроуз, повернувшись ко мне, продолжал: — …Послал агента на нашу временную линию, чтобы тот нашел нас в пятидесятилетнем промежутке от моего рождения до той ночи, когда нам пришлось спасаться бегством. Нас там вообще нет. Мы никогда не рождались. И Зеб, и я были не только учеными, но и военными, однако нас нет ни в армейских досье, ни в университетских. Есть сведения о моих родителях… но нигде не говорится обо *мне*. Полковник, в двадцатом веке в Североамериканских Соединенных Штатах имелись десятки и сотни способов сохранять информацию о гражданах, а теперь там от нас не осталось ни малейшего следа. — Берроуз вздохнул. — В ту ночь Гэй-Плутовка спасла не только наши жизни, но и наше существование. Она совершила маневр так быстро, что Зверь потерял след… Что, дорогая?

Рядом с нами стояла Джейн Либби, вся мокрая, и глядела на нас широко раскрытыми глазами.

— Папа?

— Говори, милая.

— Нам нужны роботы-разведчики, о которых говорил Пифагор, но придется отправить их намного дальше, лет на десять назад или даже

больше. А когда они засекут момент времени, в котором Властелин или кто-то другой начал следить за ШКВ, надо слегка отступить и провести эвакуацию. Замкнем петлю и поставим заплатку, и они даже не заподозрят, что мы обошли их с фланга. Я говорила с Дити, она считает, что это может сработать. Как думаешь?

— Думаю, да. Сейчас я свяжусь с твоей матерью, и мы введем ее в курс дела. Дора, дай мне снова Элизабет, пожалуйста. — Ни выражение его лица, ни его поведение не говорили о том, что он пару минут назад разговаривал с Либби Лонг, предлагая (насколько я понимаю) тот же самый план. — Элизабет? Сообщение от нашего чемпиона по настольному теннису. Джейн Либби предлагает поместить розетку в минус десяти годах, зафиксировать первое наблюдение, затем вернуться — скажем, на три года, — провести эвакуацию, затянуть петлю и поставить заплатку. Мы с Дити полагаем, что все получится. Сообщи участникам совещания, подав это как идею Джей-Эль, и запиши, что мы с Либби голосуем «за».

— И я тоже.

— У тебя умные дети, госпожа моя.

— Главное — выбрать им умных отцов, сэр. И хороших. Хороших отцов и супругов. Конец

связи?

— Конец связи. — Берроуз повернулся к ожидавшей его девушке. — Родители гордятся тобой, Джейни. Предвижу, что математическая группа в ближайшие минуты представит отчет, подписанный всеми. Решение, которое ты предложила, — ответ на законное возражение Лазаруса: теперь можно не думать о том, кто с нами так поступил. Мы возмещаем ущерб, и не важно, кто его нанес. А ты заметила, что твой метод поможет также определить виновника? При некотором везении?

У Джейн Либби был такой вид, словно она только что получила Нобелевскую премию.

— Заметила. Но надо было найти безопасный для всех способ эвакуации. Остальное — лишь удачное совпадение.

— Удачные совпадения — результат сообразительности. Ты готова поужинать? Или хочешь вернуться в воду? Или и то и другое? Почему бы не швырнуть туда полковника Кэмпбелла прямо в одежде? Дити и Хильда наверняка тебе помогут. Думаю, и Хейзел не откажется.

— Эй, погодите! — возмутился я.

— Слабак!

— Полковник, мы не будем! Папа шутит.

— Черта с два я шучу.

— Швырни для начала своего папашу. Если с ним ничего не случится, я безропотно подчинюсь.

— Мррэм!

— Только тебя не хватало!

— Джейни, детка…

— Да, папа?

— Выясни, сколько заказали клубничных коктейлей и хот-догов или их жалких подобий. А пока ты занимаешься этим, я повешу свою одежду в шкаф — и если полковник дальновиден, он поступит так же. Полковник, у нас тут буйная компания, особенно в этом составе: Хильда, Дити, Хейзел и Джейни. Просто взрывоопасная. Кто позаботится о котенке?

Час спустя Дора (с помощью голубого блуждающего огонька) препроводила нас в каюту. Хейзел несла котенка и блюдце, я — нашу одежду, еще одно блюдце, мою трость и ее сумочку. Я ощущал приятную усталость, предвкушая, как окажусь в постели со своей женой: мы так давно не ложились вместе. С моей точки зрения, мы пропустили две ночи… пустяк для пар, женатых много лет, но для медового месяца — очень даже прилично. Мораль: не позволяй нападать на себя во время

своего медового месяца.

Ну а с ее точки зрения… прошел месяц?

— Лучшая из всех девушек, сколько дней прошло? С этим полем Леты я совсем потерял чувство времени.

— Здесь прошло тридцать семь терцианских дней, — поколебавшись, ответила Хейзел. — Но для тебя, наверное, одна ночь. Ну или две… когда я вчера вечером пришла к тебе в постель, ты храпел. Извини. Можешь меня за это возненавидеть, но не слишком сильно. А вот и наше маленькое гнездышко.

(Вот уж действительно — «маленькое гнездышко»! Оно оказалось намного больше и роскошнее моих апартаментов в «Золотом правиле»… да и кровать была просторнее и куда лучше той.)

— Жена моя, мы уже искупались в игровой комнате лазарусовского Тадж-Махала. Мне больше не нужно снимать пробковую ногу, а об остальном я позаботился в том же Тадж-Махале. Если тебе нужно что-то сделать, действуй. Но побыстрее! Мне не терпится.

— Мне ничего не нужно. Но я должна позаботиться о Пикселе.

— Поставим его блюдца в кабинку, запрем его там, а потом выпустим.

Так мы и сделали, после чего отправились в постель. Все было просто чудесно, а подробности вам знать необязательно.

— Мы не одни, — чуть позже сказала Хейзел.

— Мы вместе.

— Я имею в виду, у нас появилась компания.

— Я заметил. Он уже давно забрался мне на спину, но я был занят, а он почти ничего не весит, и я промолчал. Возьмешь его, пока я не выпутаюсь из твоих объятий? Мы можем случайно раздавить его.

— Да. Не спеши. Ты хороший мальчик, Ричард. Мы с Пикселем решили, что оставим тебя.

— Только попробуй от меня избавиться! Не выйдет. Любимая, ты сказала кое-что странное. Будто здесь прошло тридцать семь терцианских дней.

Она серьезно посмотрела на меня.

— Для меня — намного больше, Ричард.

— Я так и думал. И сколько же?

— Около двух лет. Земных лет.

— Будь я проклят!

— Но пока ты был болен, дорогой, я каждый день возвращалась домой. Тридцать семь раз я приходила по утрам в твою палату, как и обещала. Ты каждый раз узнавал меня, улыбался и,

похоже, рад был меня видеть. Но, конечно, сразу забывал обо всем в поле Леты. Каждый вечер я уходила и возвращалась позже, тем же вечером, отсутствуя каждый раз в среднем по три недели. Такой график не создавал особых проблем, но Гэй-Плутовка совершала каждый вечер по два рейса, под управлением двух пар близнецов либо экипажа Хильды. Пусти меня, дорогой. Пиксель в безопасности.

Мы снова улеглись, на этот раз поудобнее.

— И чем ты занималась во время своих отлучек?

— Полевыми работами для Корпуса времени. Историческими исследованиями.

— Похоже, я так и не понял, что делает Корпус времени. Ты не могла подождать один месяц, чтобы мы занялись этим вместе? Или мне для этого не хватит мозгов?

— И да и нет. Я сама попросила дать мне задание. Ричард, я пыталась выяснить, что произойдет после того, как мы с тобой спасем Адама Селена — компьютер по имени Майк.

— И что ты узнала?

— Ничего. Вообще ничего, черт побери. Нашлись только две временные линии, отходящие от этого события, и оба будущих создали мы

вдвоем. Я искала в исторических хрониках последующих четырех столетий, по обеим линиям — на Луне, на шарике, в нескольких колониях и на космических станциях. Везде говорится, что наши усилия увенчались успехом… или что мы погибли при попытке… или о нас вообще не упоминается. Последнее случается чаще всего; большинство историков не верят, что Адам Селен был компьютером.

— Что ж… хуже нам от этого не стало. Или?…

— Нет. Но я должна была выяснить. И мне хотелось закончить до того, как ты проснешься. До того, как прекратится действие поля Леты.

— Знаешь, малышка, я о тебе самого лучшего мнения. Ты заботишься о своем муже. И о кошках. И о других людях. Гм… нет, это не мое дело.

— Говори, любимый, или я начну щекотаться.

— Не угрожай мне, а то поколочу.

— На твой страх и риск — я умею кусаться. Послушай, Ричард, я ждала этого вопроса. Мы впервые оказались наедине, и тебе хочется знать, как похотливая старуха Хейзел хранила верность мужу два мучительных года. Скорее всего, ты в это не веришь, но ничего не говоришь из вежливости.

— Черт бы тебя побрал! Послушай, любовь моя,

я лунарь со своими лунарскими ценностями. Решения насчет любви и секса принимают наши дамы, а мы, мужчины, соглашаемся с ними. Только так можно быть счастливым. Если хочешь немножко похвастаться, валяй. Если нет, давай сменим тему. Но не обвиняй меня в пороках, свойственных землеройкам.

— Ричард, ты больше всего злишь меня тогда, когда пытаешься поступать благоразумно.

— Хочешь, устрою тебе допрос?

— Было бы весьма любезно с твоей стороны.

— Повтори три раза.

— Повторяю три раза, и то, что я повторяю три раза, — правда.

— Ты заглянула в конец книги. Ладно, перехожу к сути. Ты из Семейства Лонгов.

У нее перехватило дыхание.

— С чего ты взял?

— Не знаю. Нет, правда, не знаю — множество мелочей, каждая из которых ничего не значит и которые я даже толком не запомнил. Но сегодня вечером, разговаривая с Джейком, я понял, что воспринимаю этот факт как данность. Я ошибаюсь?

— Нет, ты прав, — вздохнула она. — Но я не хотела вываливать это на тебя прямо сейчас.

Видишь ли… я получила отпуск от Семейства и сейчас к нему не принадлежу. Но я собиралась признаться тебе в другом.

— Подожди секунду. Джейк — один из твоих мужей?

— Да. Но не забывай, что я в отпуске.

— Надолго?

— Пока смерть не разлучит нас! Именно это я пообещала тебе в «Золотом правиле». Ричард, в исторических хрониках говорится, что мы с тобой поженились во время поворотного события… и я попросила Семейство о разводе, а также взяла отпуск. Но он может оказаться окончательным — они знают это, и я тоже знаю. Ричард, я была здесь каждую ночь, в смысле каждую терцианскую ночь — тридцать семь раз… но никогда не спала с Семейством. Я… обычно спала с Ся и Чой-Му. С ними мне было хорошо, — улыбнулась она. — Но ни с одним Лонгом, ни с мужчиной, ни с женщиной. По-своему я оставалась верна тебе.

— Не понимаю, зачем подвергать себя лишениям. Получается, что ты еще и одна из жен Лазаруса Лонга — в отпуске, но все-таки жена. Злобный старый скряга! Эй, а может, он ко мне ревнует? Черт побери, это не только возможно, но и весьма вероятно. Однозначно! Он не лунарь,

и не в его обычае принимать «выбор дамы». И он родом из цивилизации, где ревность являлась самой массовой формой душевного расстройства. Конечно! Вот ведь сукин сын!

— Нет, Ричард.

— Так я и поверил!

— Ричард, ревность Лазаруса угасла много поколений назад… а я была замужем за ним тринадцать лет и вправе судить о нем. Нет, дорогой, он просто беспокоится. Он беспокоится обо мне и о тебе, зная, насколько это опасно, — беспокоится обо всем Семействе и обо всем Терциусе. Ему известно, насколько опасен мультиверсум. Он посвятил свою жизнь и свое богатство тому, чтобы его народ был в безопасности.

— Что ж… жаль, что при этом он не может быть чуть более вежливым. Учтивым. Любезным.

— Мне тоже жаль. Возьми котенка, я отолью. Голосую за то, чтобы потом немного поспать.

— И я тоже. И то и другое. До чего же здорово выбраться из постели и пройтись до туалета, не прыгая на одной ноге!

Мы лежали в темноте, прижавшись друг к другу. Голова Хейзел лежала на моем плече, котенок бродил по постели. Мы уже почти заснули, когда она пробормотала:

— Ричард… я забыла… Эзра…

— Что забыла?

— Его ноги. Когда… он впервые пошел на них… с костылями. Кажется, три дня назад… для меня — около трех месяцев. Мы с Ся поздравили Эзру… в позиции лежа.

— Это лучший способ.

— Забрали его к себе в постель. И основательно вымотали.

— Молодцы, девочки. Что еще нового?

Казалось, она заснула, но потом едва слышно пробормотала:

— Вайоминг…

— Что, дорогая?

— Вайо, моя дочь. Девочка, игравшая в фонтане… помнишь?

— Да-да! Это твоя? Здорово!

— Утром познакомишься с ней. Ее назвали в честь… мамы Вайо. Лазарус…

— Дочь Лазаруса?

— Вероятно. Так говорит Иштар. У него наверняка была масса… возможностей.

Я попытался вернуть в памяти лицо девочки — феи с огненно-рыжими волосами.

— Больше похожа на тебя.

Хейзел не ответила. Дыхание ее было размерен-

ным и ровным.

Я ощутил прикосновение лапок к груди, затем кто-то пощекотал мой подбородок.

— Мррэм?

— Тихо, малыш. Мама спит.

Котенок устроился поудобнее и тоже заснул. Ну что ж, я закончил день так же, как и начал, — со спящим на груди маленьким котиком.

И день этот был весьма насыщенным.

27

Это неважная память: в ней есть только то, что уже случилось.

Чарльз Лутвидж Доджсон[85] (1832–1898)

— Гвендолин, любовь моя…

Хейзел удивленно замерла с зубной щеткой в руке.

— Сегодня наш первый юбилей. Нужно отпраздновать.

— Я не против, но не понимаю твоей арифметики. И как мы будем праздновать? Устроим роскошный завтрак? Или вернемся в постель?

— И то и другое. Плюс особая награда. Но сперва поедим. Что касается моей арифметики — сегодня наш юбилей, потому что мы женаты ровно неделю. Да, я знаю, что для тебя прошли два года…

— Вовсе нет! Это не считается. Время, проведенное в Бруклине.

— И ты говоришь, будто я пробыл тут тридцать

---

[85] Примечания: 85

Чарльз Лутвидж Доджсон более известен как Льюис Кэрролл. Вынесенные в эпиграф слова принадлежат Белой королеве, память которой двигалась в обратном потоке времени (см.: Л. Кэрролл. Алиса в Зазеркалье). — *Примеч. С. В. Голд.*

семь, тридцать восемь, тридцать девять дней — примерно так. Но для меня тридцати девяти дней не существует: Аллах не вычтет из отведенного мне срока дни, проведенные в поле Леты, и я их не считаю. Черт побери, я не поверил бы в это, не будь у меня двух ног…

— Есть возражения?

— Нисколько! Правда, придется подстригать вдвое больше ногтей…

— Мррэм!

— Что ты об этом знаешь? У тебя не ногти, а когти. И ты поцарапал меня ночью. Да-да, не напускай на себя невинный вид. Вечером в понедельник тридцатого июня две тысячи сто восемьдесят восьмого года — не знаю уж, какой год был здесь, — мы отправились в театр «Галифакс» на балет с Луанной Полин в роли Титании.

— Да. Она великолепна, разве нет?

— Была великолепна! В прошедшем времени, дорогая. Если мне сказали правду, ее неземная красота стала прахом две с лишним тысячи лет назад. Покойся с миром. Потом мы пошли поужинать в «Конец радуги», и какой-то незнакомец оказался настолько невоспитанным, что позволил убить себя прямо за нашим столиком. После чего ты меня изнасиловала.

— Не за столиком!

— Нет, в моей холостяцкой квартире.

— И это не было изнасилованием.

— Спорить незачем: ты восстановила мою запятнанную репутацию еще до середины следующего дня. Дня нашей свадьбы, любимая. Госпожа Гвендолин Новак и доктор Ричард Эймс объявили о своем бракосочетании первого июля две тысячи сто восемьдесят восьмого года, во вторник. Запомни эту дату.

— Вряд ли я когда-нибудь ее забуду!

— Я тоже. В тот вечер нам пришлось срочно бежать из города — за нами по пятам гнались псы шерифа. Ту ночь мы провели в гермозоне «Высохшие кости». Верно?

— Пока что верно.

— На следующий день, второго июля, в среду, Гретхен отвезла нас в гермозону «Счастливый дракон», где мы переночевали в заведении доктора Чаня. Третьего, в четверг, тетушка повезла нас в Гонконг-Лунный, но не довезла: нам встретились отъявленные сторонники аграрной реформы. Дальше ты вела машину сама. В итоге мы оказались в отеле Ся так поздно, что ложиться спать уже не стоило, но мы все-таки легли. Дальше — пятница четвертого июля, День

независимости.

— Ну да.

— Нас разбудили… вернее, меня — ты уже встала — в пятницу, очень рано… и мы узнали, что я не нравлюсь Городскому совету. Но вы с тетушкой меня вытащили… и мы сбежали в Луна-Сити так поспешно, что мой парик остался висеть в воздухе…

— Ты же не носишь парик.

— Больше не ношу — он так и висит там. Мы прибыли в Луна-Сити около шестнадцати часов в ту же пятницу. Затем мы с тобой разошлись во мнениях…

— Ричард! Прошу, не вороши мои старые грехи.

— …но вскоре все выяснилось, я признал свою ошибку и попросил прощения. Ту ночь мы провели в «Раффлзе». Когда мы легли спать, была еще пятница, четвертое июля, день, который начался для нас за много километров к западу оттуда, в обществе размахивающих оружием борцов за свободу. Поспеваешь за мной?

— Да. Отчего-то мне казалось, что все длилось гораздо дольше.

— Медовый месяц никогда не бывает долгим, а у нас он оказался еще и насыщенным.

На следующий день, в субботу пятого июля, мы договорились с Эзрой, потом отправились в Административный комплекс… а когда вернулись, нам устроили засаду у входа в «Раффлз». Пришлось срочно покинуть «Раффлз», где выросла гора трупов. Нам удалось бежать благодаря любезности Гэй-Плутовки и Корпуса времени. Ненадолго заглянув в край моей невинной юности, Айову, где растет высокая кукуруза, мы мгновенно переместились на Терциус. И с этого момента, любимая, мой земной календарь становится бесполезным. Покинув Луна-Сити вечером пятого июля, мы прибыли на Терциус несколько минут спустя. Условно обозначу день нашего прибытия по терцианскому времени как эквивалент субботы, пятого июля две тысячи сто восемьдесят восьмого года. Не важно, как его называют граждане Терциуса, — меня это лишь собьет с толку. Поспеваешь?

— Ну… в общем, да.

— Спасибо. На следующее утро, в воскресенье шестого июля, я проснулся с двумя ногами. Насколько я понимаю, на Терциусе прошло тридцать семь дней. Ты говоришь, что для тебя прошло около двух лет, и это выглядит невероятным — скорее я поверю в единорогов и девственниц. Для

Гретхен прошло пять или шесть лет: я вынужден согласиться с этим, поскольку сейчас ей восемнадцать или девятнадцать и она беременна. Но для меня миновала всего одна ночь, с субботы на воскресенье. В ту воскресную ночь я спал с Ся, Гретхен, Минервой, Галахадом, Пикселем, а также, возможно, с Томом, Диком, Гарри и их подружками Агнес, Мэйбл и Бекки[86].

— Кто они такие? То есть девушки — парней-то я знаю, и даже слишком хорошо.

— Бедное невинное дитя, ты слишком юна, чтобы это знать. Это удивительно, но я хорошо выспался, и мы переходим к вчерашнему дню, обозначенному как понедельник, седьмое июля. Прошлую ночь мы провели, наверстывая то, чего не успели сделать во время медового месяца… и спасибо тебе *bolshoyeh*, госпожа моя.

— Не за что, мой господин. Удовольствие было взаимным. Теперь я понимаю, как ты пришел к этой дате. И по земному календарю, и по твоим биологическим часам — самым главным, как знает каждый прыгун во времени, — сегодня вторник, восьмое июля. С юбилеем, дорогой!

Мы прервались для поцелуя, и Хейзел распла-

---

[86] Примечания: 86

Том, Дик и *Гарри* — имена, равнозначные выражению «первый встречный».

калась, а мои глаза увлажнились.

Завтрак был шикарным — ничего другого сказать не могу. Гвен решила познакомить меня с терцианской кухней, проконсультировавшись с Дорой под защитой звукоизолирующего поля, и я «жрал все, что подавали», как написал фермер из Айовы на своем надгробном камне[87]. Это относилось и к Пикселю, которого угостили тем, что для меня выглядело как отбросы, но ему казалось амброзией, судя по его поведению.

Мы только что допили по второй чашке — нет, это был не кофе — и хотели было перебраться в резиденцию Лонгов ради моей «особой награды», то есть знакомства между мной и моей новой дочерью, Вайоминг Лонг… когда послышался голос Доры:

— Информационное сообщение: временна́я линия, дата, время и место. Официальные данные. Прошу приготовиться к настройке ваших часов по сигналу точного времени. — Хейзел удивленно вздрогнула, поспешно схватила сумочку, порылась в ней и извлекла то, чего я раньше не видел: назовем это хронометром. — Мы находимся на

[87] Примечания: 87

Цитата из поэмы «Народ — да!» американского поэта Карла Сэндберга (1878–1967).

стационарной орбите вокруг Теллуса, третьей планеты Солнечной системы, временна́я линия номер три, кодовое название — «Нил Армстронг». Дата — первое июля, вторник…

— Господи! Мы вернулись туда, откуда начали! В день нашей свадьбы!

— Тихо, дорогой! Прошу тебя!

— …по григорианскому календарю. Повторяю: временна́я линия номер три, третья планета Солнечной системы, первое июля две тысячи сто семьдесят седьмого года по григорианскому календарю. По сигналу точного времени: пятая зона, девять часов сорок пять минут. Те, кто располагает приборами для звуковой коррекции, ждите тонального сигнала… — Сигнал начался с низкой ноты, затем повысился до визга, от которого у меня заболели уши. Дора продолжала: — Новый сигнал и новая звуковая коррекция — через пять минут по времени корабля или пятой зоны Теллуса, которое сейчас совпадает с местным временем для точки перехвата на данной временно́й линии. Хейзел, милая, для тебя есть личное сообщение.

— Да, Дора?

— Вот туфли Ричарда. — (Хлоп, и они ударились о кровать, появившись ниоткуда.) — И два

его других костюма. — (Хлоп.) — Вместе с ними я упаковала мелкие предметы одежды и носки. Добавить пару комбинезонов? Пока вы спали, я сняла с Ричарда мерку. Их не нужно стирать, они из ткани «Геркулес», которая не пачкается и не изнашивается.

— Да, Дора. Спасибо тебе, дорогая. Весьма предусмотрительно с твоей стороны. Я пока ничего ему не покупала, кроме городской одежды.

— Я заметила. — (Хлоп — еще один пакет.) — Мы всю ночь занимались погрузкой и выгрузкой. Последние из отставших улетели в девять ноль-ноль, но я сказала капитану Лаз о вашем юбилейном завтраке, и та не дала Лазарусу помешать вам. Сообщение от Лазаруса: «Если вас это устроит, не будете ли вы так любезны приподнять свои ленивые задницы и явиться в ШКВ?» Конец сообщения. Теперь прямая передача с мостика.

— Хейзел? Говорит капитан Лаз. Не могли бы вы оба покинуть корабль к десяти ноль-ноль? Я сказала своему упертому братцу, что он может рассчитывать на старт в десять часов.

— Да, — вздохнула Хейзел. — Прямо сейчас отправляемся в транспортный отсек.

— Хорошо. Поздравления вам обоим от меня, Лор и Доры. Желаю счастья! Приятно было видеть

вас на борту.

В транспортном отсеке мы оказались за две минуты до назначенного времени. Я нес пакеты и кота, привыкая к новым туфлям; точнее, одна была старой, а другая — новой. Как оказалось, под «транспортом» имелась в виду наша старая подружка Гэй-Плутовка — короткий коридор вел прямо к дверце по ее правому борту. И снова я не увидел гиперпространственных ванных комнат. Машину пилотировали внуки Хейзел, и нам велели занять задние сиденья. Пол вышел, пропуская нас внутрь.

— Привет, бабуля! Доброе утро, сэр.

Я поздоровался, а Хейзел на ходу поцеловала обоих внуков, не потеряв ни секунды. Мы сели и пристегнулись.

— Сообщите о состоянии ремней, — велел Кас.

— Пассажиры пристегнуты, — доложила Хейзел.

— Мостик! Готовность к старту.

— Старт, — ответила Лаз.

Внезапно мы оказались в небе, лишившись веса. Пиксель заметался, и я обхватил его обеими руками. Думаю, его застигла врасплох невесомость… но как он это понял? Он с самого начала ничего не весил.

По правому борту виднелась Земля — судя по всему, в полной фазе, хотя с такого близкого расстояния я не мог разглядеть как следует. Мы находились над центральной частью Северной Америки, из чего следовало, что Лаз была весьма опытным пилотом. При вращении по обычной двадцатичетырехчасовой орбите, параллельной земному экватору, мы оказались бы над экватором на девяноста градусах западной долготы, то есть над Галапагосскими островами. Я предположил, что она выбрала орбиту с наклонением примерно в сорок градусов, чтобы оказаться над целью в десять ноль-ноль по времени корабля, и решил проверить это позднее, если появится возможность заглянуть в бортовой журнал.

(Ни один пилот не в силах избавиться от желания прочитать маневры другого пилота — это профессиональная болезнь. Прошу прощения.)

Потом мы вдруг очутились в атмосфере, в мгновение ока снизившись на тридцать шесть тысяч километров. Гэй развернула крылья, Кас наклонил ее нос, затем выровнял, и мы вновь обрели вес при земной силе тяжести, что совсем уже не понравилось Пикселю. Хейзел забрала у меня Пикселя, и тот затих, — вероятно, у нее на руках он чувствовал себя безопаснее.

Когда крылья Гэй сложены для полета со сверхзвуковой скоростью — единственное положение, в котором я ее видел, — она состоит в основном из фюзеляжа. Когда крылья развернуты, появляется огромная несущая поверхность, и Гэй прекрасно планирует. Мы летели на высоте около километра, над сельской местностью, в ясный летний день — лишь небольшие кучевые облачка на горизонте. Чудесно! В такой день снова ощущаешь себя молодым…

— Надеюсь, перемещение не слишком вас побеспокоило, — сказал Кас. — Если бы я позволил Гэй делать все, что вздумается, она бы опустила нас на землю одним прыжком. Она нервничает из-за угрозы огня противовоздушной обороны.

— Я вовсе не нервничаю, а лишь соблюдаю разумную осторожность.

— Само собой, Гэй. У нее есть все основания соблюдать осторожность. В предупреждении для пилотов говорится, что на этой планете, на данной временно́й линии, в данном году следует предполагать наличие средств ПВО вокруг всех крупных и средних городов. Поэтому Гэй проскочила ниже зоны действий радаров ПВО…

— Надейся-надейся, — заявила машина.

— …и мы появимся на радарах управления

воздушным движением как простой дозвуковой частный самолет. Если тут есть такие радары. Там, где мы летим сейчас, их нет.

— Оптимист, — фыркнула машина.

— Хватит жаловаться. Видишь место для посадки?

— Уже давно. Если перестанешь трепаться попусту и дашь мне разрешение, я сяду.

— Действуй, Гэй.

— Хейзел, — сказал я, — я рассчитывал познакомиться со своей новой дочерью, Вайоминг.

— Не бойся, дорогой, она даже не узнает, что мы куда-то уезжали. Приходится делать так, пока ребенок не повзрослеет и не поймет.

— Может, она и не узнает, зато я буду знать. Я разочарован. Ладно, отложим.

Пейзаж снова мигнул, и мы оказались на земле.

— Пожалуйста, не забывайте свои вещи в кармашках впередистоящих кресел, — сказал Кас.

Когда мы выбрались из корабля и отошли подальше, Гэй-Плутовка исчезла. Я стал пристально смотреть в ту часть пространства, которую она только что занимала. В двухстах метрах от нас виднелся дом моего дяди Джока.

— Хейзел, что говорила Дора насчет даты?

— Вторник, первое июля две тысячи сто семьдесят седьмого года.

— Мне тоже так показалось. Но я поразмыслил и решил, что, видимо, ошибся. А теперь вижу, что она не обманывала: сейчас действительно семьдесят седьмой год. Мы переместились в прошлое на одиннадцать лет. Любовь моя, этот ветхий амбар стоит там, где мы приземлились в прошлую субботу, три дня назад. Ты катила меня от него к дому в инвалидном кресле Эзры. Милая, амбар, который мы видим, снесли много лет назад — это лишь его призрак. Плохо дело.

— Не пугайся. Ричард. При прыжках во времени всегда чувствуешь себя так, особенно когда впервые имеешь дело с петлей.

— Я уже прожил две тысячи сто семьдесят седьмой год! Мне не нравятся парадоксы.

— Ричард, относись к этому месту и времени так же, как к любому другому. Никто больше не заметит парадокса, так что и ты не обращай внимания. Шанс быть узнанным, когда ты живешь парадоксально, равен нулю для любой эпохи за пределами твоей обычной продолжительности жизни… но даже если ты окажешься достаточно близко к своему времени, он все равно составляет один на миллион. Ты ведь покинул эти края

совсем молодым?

— Мне было семнадцать. В две тысячи сто пятидесятом.

— Тогда забудь. Никто тебя не узнает.

— Дядя Джок точно узнает. Я много раз навещал его, хотя все это было довольно давно — не считая нашего краткого визита три дня назад.

— Он не вспомнит о нашем визите три дня назад…

— Гм… не вспомнит? Конечно, ему сто шестнадцать, или будет столько через одиннадцать лет. Но старческим слабоумием он не страдает.

— Ты прав, дядя Джок точно не страдает старческим слабоумием. И привык к временны́м петлям. Как ты уже догадался, он служит в Корпусе и занимает достаточно высокую должность. Собственно, он — главный смотритель базы в Северной Америке на временно́й линии номер три. Прошлой ночью ШКВ эвакуировали именно на эту базу. Разве ты не понял?

— Хейзел, я вообще мало что соображаю. Двадцать минут назад я сидел в нашей каюте — а Дора стояла на поверхности Терциуса, или, по крайней мере, мне так казалось, — и пытался решить, выпить ли еще чашечку или снова затащить тебя в постель. С тех пор я только несусь

сломя голову, пытаясь догнать свою собственную путаницу. Я всего лишь старый солдат и безобидный писака. Я не привык к таким приключениям. Ладно, пошли. Познакомлю тебя с моей тетей Сисси.

Гэй села прямо напротив дороги, которая вела к дому дяди Джока. Мы пошли по ней — я тащил пакеты, помахивая тростью, Хейзел несла свою сумочку и котенка. Несколько лет назад дядя Джок окружил свою ферму забором, куда более прочным, чем обычная айовская ограда в те времена. Забора еще не было, когда я покинул дом и завербовался в армию в две тысячи сто пятидесятом, но он уже стоял, когда я навещал дядю в… две тысячи сто шестьдесят первом? Примерно так.

Забор был сделан из тяжелой стальной сетки двухметровой высоты, поверх которой тянулась колючая проволока в шесть рядов. Вероятно, проволоку добавили позже — я ее не помнил.

За сеткой виднелись медные провода с керамическими изоляторами. Через каждые двадцать метров висели таблички:

> ОПАСНО!!!
> Не прикасаться к ограде до отключения главного рубильника номер 12

На воротах висела другая табличка, побольше:

АГЕНТСТВО МЕЖОРГАНИЗАЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ
Отдел биоэкологических исследований
Региональное отделение
Доставка радиоактивных материалов к воротам номер четыре — только по средам
7-D-92-1 O-3sc
ВОТ КУДА ИДУТ ВАШИ НАЛОГИ

— Ричард, — задумчиво проговорила Хейзел, — непохоже, что дядя Джок живет тут в этом году. Или это другой дом; выходит, что Гэй ошиблась с координатами. Возможно, придется обратиться за помощью.

— Это тот самый дом, и дядя Джок жил… живет здесь в этом году. Если, конечно, сейчас две тысячи сто семьдесят седьмой, хотя я готов рассматривать и другие варианты. От этой таблички за километр несет дядей Джоком с его странными идеями насчет частной собственности. В каком-то году был даже ров с пираньями.

Найдя кнопку справа от ворот, я нажал на нее. Ответил металлический голос, настолько искусственный, будто он принадлежал актеру:

— Отойдите на полтора метра от датчика. Предъявите свой знак различия. Встаньте лицом к датчику. Повернитесь на девяносто градусов, чтобы вас видели в профиль. Территория охраняется при помощи бойцовых собак, газа и снайперов.

— Джок Кэмпбелл дома?

— Представьтесь.

— Я Колин Кэмпбелл, его племянник. Скажите ему, что отец девушки все узнал!

Металлический голос сменился знакомым:

— Дикки, у тебя опять проблемы?

— Нет, дядя Джок. Просто хочу войти. Я думал, ты меня ждешь.

— С тобой кто-то есть?

— Моя жена.

— Как ее зовут?

— Иди к черту.

— В свое время, не торопи меня. Мне нужно знать, как ее зовут.

— А я не собираюсь играть с тобой в игры. Мы уходим. Если увидишь Лазаруса Лонга — или доктора Хьюберта, — скажи ему, что меня тошнит от детских игр. До свидания, дядя.

— Стой! Не шевелись. Ты на мушке.

Ничего не ответив, я повернулся и сказал Хей-

зел:

— Идем, милая. До города довольно далеко, но кто-нибудь наверняка появится и подвезет нас. Народ тут дружелюбный.

— Я могу позвонить и вызвать помощь. Так же, как сделала у «Раффлза».

Она подняла сумочку.

— Точно можешь? Не переадресуют ли твой вызов в этот дом — не важно, где, когда и на какой временно́й линии? Или я так ничего и не понял? Давай, потопали. Моя очередь нести разъяренного кота.

— Ладно.

Похоже, неудачная попытка попасть в дом дяди Джока — или штаб Корпуса времени — нисколько не обеспокоила Хейзел. Что до меня, я был весел и беззаботен. Со мной прекрасная, милая жена, я больше не калека и чувствую себя намного моложе своего календарного возраста, если это понятие все еще существовало для меня. Погода стояла райская, как бывает только в Айове. Я знал, что к середине дня станет жарче (кукурузе нужно много солнца), но сейчас, примерно в четверть одиннадцатого, в воздухе все еще ощущалась приятная прохлада. А к тому времени, когда придет зной, мы с женой — и котенком

— уже окажемся в помещении, даже если придется сделать остановку на следующей ферме. Так, кто у нас там… Тангвэй? Или в две тысячи сто семьдесят седьмом старик уже продал свое хозяйство? Не важно.

Меня не волновало отсутствие местных денег и каких-либо материальных активов. Прекрасный летний день в Айове не оставляет места для беспокойства. Я мог найти работу, даже стал бы разбрасывать навоз, за неимением лучшего, а вскоре начал бы разбрасывать навоз иного рода, трудясь по ночам и по воскресеньям. В две тысячи сто семьдесят седьмом Ивлин Фингерхат еще не ушел на пенсию, так что я мог выбрать новый псевдоним и продавать Фингерхату свой старый вздор. Те же самые рассказы — только со спиленными серийными номерами.

Спилить серийные номера, слегка изменить сюжет, перекрасить кузов, тайком переправить через границу штата — и все, продано! Вот секрет литературного успеха. Редакторы все время уверяют, что ищут новые истории, но не берут их, зато покупают «стряпню по старым рецептам». Потому что платежеспособный клиент хочет, чтобы его развлекали, а не удивляли, наставляли или пугали.

Если бы людям действительно хотелось новизны, бейсбол умер бы два столетия назад… а он по-прежнему популярен. Может ли во время бейсбольного матча случиться что-нибудь такое, чего мы не видели уже сотни раз? Но людям нравится смотреть бейсбол — черт возьми, я и сам посмотрел бы сейчас бейсбольный матч с хот-догами и пивом.

— Хейзел, тебе нравится бейсбол?

— Я так и не смогла выяснить это. Когда появились лекарства от повышенной силы тяжести, я отправилась на шарик учиться на юриста, но ни разу не видела бейсбол, даже по ящику для идиотов. Я прилежно изучала право, и времени просто не оставалось. В то время меня звали Сэди Липшиц.

— Почему? Ты говорила, что тебе не нравилось это имя.

— Уверен, что хочешь знать? На вопрос «почему» всегда один ответ — «деньги».

— Что ж, когда решишь, что мне нужно об этом знать, я буду готов тебя выслушать.

— Ах ты негодяй! Это было сразу после того, как умер Слим Лемке Стоун, и… что это за грохот, черт побери?

— Автомобиль.

Я обернулся на шум. Начиная с две тысячи сто пятидесятого года или чуть раньше (первую такую штуку я увидел в тот год, когда завербовался в армию) для фермера из Айовы верхом роскоши было иметь и водить копию автомобиля, личного транспортного средства двадцатого века. Конечно, в ней не сгорали продукты переработки нефти — даже в Южно-Африканской Народной Республике существовали законы, запрещавшие отравлять воздух. Но со спрятанным внутри шипстоуном и звукозаписью шума так называемого двигателя внутреннего сгорания копия почти не отличалась от настоящего «автомобиля».

Это была самая роскошная из всех имитаций — «Жестянка Лиззи», легковой «Форд-Т» 1914 года. Машина выглядела так же горделиво, как королева Виктория, и чем-то ее напоминала. За рулем ее сидел дядя Джок… я так и подумал, как только услышал этот адский грохот.

— Возьми Пикселя и успокой его, — сказал я Хейзел. — Думаю, он никогда ничего подобного не слышал. И отойди на обочину — эти колымаги довольно непредсказуемы.

Мы по-прежнему шагали вдоль дороги. Имитация поравнялась с нами и остановилась.

— Эй, ребята, вас подвезти? — спросил дядя

Джок. Вблизи грохот был просто чудовищным. Улыбнувшись, я ответил, произнося слова одними губами, чтобы их не было слышно сквозь шум:

— Восемьдесят семь лет назад шорьки пыряли по наве.

— Чего?

— Бильярд никогда не заменит секс и даже помидоры.

Дядя Джок протянул руку куда-то вниз и отключил звуковые эффекты.

— Спасибо, дядя, — кивнул я. — Шум пугал нашего котенка. Очень любезно с твоей стороны. Что ты там говорил? Я не расслышал тебя из-за шума мотора.

— Я спрашивал, не подвезти ли вас.

— Что ж, спасибо. Едешь в Гриннел?

— Я собирался отвезти вас обратно в дом. Почему вы сбежали?

— Сам знаешь почему. Тебя подговорил доктор Хьюберт, или Лазарус Лонг, или как его зовут на этой неделе? Если да, то зачем?

— Будь так любезен, сперва представь меня, племянничек. Прошу прощения, что не спешиваюсь, мадам, — слишком уж норовист мой конек.

— Джок Кэмпбелл, старый козел, ты еще сме-

ешь притворяться, будто не знаешь меня? Да я из твоих яиц кастаньеты сделаю!

Впервые на моей памяти я увидел дядю по-настоящему потрясенным и ошеломленным.

— Мадам?

— У нас что, инверсия? — поспешно сказала Хейзел, увидев выражение его лица. — Прошу прощения. Я — майор Сэди Липшиц, Корпус времени, доктор правоведения, участвую в операции «Властелин». Мы с вами познакомились в Бундоке около десяти моих субъективных лет назад. Вы пригласили меня побывать у вас в гостях, что я и сделала — насколько помню, в две тысячи сто восемьдесят шестом. Ясно?

— Ясно. Явная инверсия. Майор, я действительно рад с вами познакомиться. Но еще больше рад узнать, что мы с вами встретимся снова. Жду с нетерпением.

— Могу заверить, что мы прекрасно провели время, — ответила Хейзел. — Я теперь замужем за твоим племянником… но ты все равно старый козел. Вылезай из своей игрушки и поцелуй меня, как ты умеешь.

Дядя поспешно выключил двигатель и выбрался из машины. Хейзел отдала мне Пикселя, что спасло ему жизнь.

— Нет, — проговорил старый козел какое-то время спустя, — мы точно не встречались. Такого я не забыл бы.

— Встречались, — ответила Хейзел. — Никогда этого не забуду. Господи, как же здорово снова видеть тебя, Джок. Ты совсем не изменился. Когда ты в последний раз проходил омоложение?

— Пять субъективных лет назад — достаточно, чтобы как следует промариноваться. Но я не позволил омолодить свое лицо. А ты когда?

— По субъективному времени — примерно тогда же. Срок еще не подошел, но мне требовалась косметика, поскольку я собиралась выйти замуж за твоего племянника и нужна была поддержка. Как выяснилось, напрасные хлопоты — оказалось, он тоже козел.

— Знаю. Дикки пришлось завербоваться, поскольку его обложили со всех сторон. — (Откровенная ложь!) — А ты уверена, что тебя зовут Сэди? Лазарус называл в качестве пароля другое имя.

— Я ношу то имя, которое пожелаю, как и Лазарус. Господи, как я рада, что прошлой ночью ШКВ переместили в твой дом! Поцелуй меня еще раз.

Дядя не заставил себя долго ждать. В конце концов, я мягко заметил:

— Народ, может, не стоит этим заниматься на дороге? Здесь округ Пауэшик, Айова, а не Бундок.

— Не суйся в чужие дела, племянник. Сэди, штаб переехал сюда не прошлой ночью: это случилось три года назад.

28

Большинство никогда не бывает право.

Л. Лонг (1912-?)

Мы поехали обратно к дому. Хейзел сидела спереди, с дядей Джоком, я — сзади, с Пикселем и пакетами. Из-за Пикселя «Форд-Т» двигался бесшумно, словно призрак. (Действительно ли призраки двигаются бесшумно? Откуда вообще берутся эти клише?) Ворота открылись на голос дяди Джока, смертоносная защита не сработала — если она существовала. Зная дядю Джока, я подозревал, что защита была, но не та, что значилась на табличке.

На веранде нас встретили тетя Тил и тетя Сисси. Дядя Джок прошел в дом, а тетушки в это время приветствовали вхождение моей жены в Семейство с гостеприимством сельских жителей. Затем я передал котенка Хейзел, и меня расцеловали так же горячо, как Хейзел — моего дядю, но теперь нас не сбивала с толку временна́я петля. Господи, как же хорошо оказаться дома! Несмотря на бурную — временами — юность, с этим старым домом были связаны самые счастливые

воспоминания в моей жизни.

Тетя Сисси выглядела сегодня, в 2177 году, старше, чем я ее запомнил при последней встрече — кажется, в 2183-м? Может, именно поэтому тетя Тил всегда выглядела одинаково? Периодические путешествия в Бундок могли творить чудеса.

Что, если все трое — нет, четверо, включая тетю Белден, — несли пятидесятилетнюю службу, одним из преимуществ которой являлся доступ к Фонтану молодости?

Что, если дяде Джоку было лишь около тридцати в физиологическом смысле и он сохранял лицо, шею и руки старика только для поддержания маскировки? (Не твое дело, Ричард!)

— Где тетя Белден?

— Уехала на день в Де-Мойн, — ответила тетя Тил. — Вернется к ужину. Ричард, я думала, ты на Марсе.

Я сверился с календарем у себя в голове.

— Если подумать, так оно и есть.

Тетя Тил проницательно посмотрела на меня.

— Ты что, в петле? Зациклился?

— Хватит! — бросил вышедший на крыльцо дядя Джок. — Такие разговоры запрещены, и вы все это знаете, поскольку соблюдаете Кодекс.

— Я не подпадаю под действие Кодекса, — быст-

ро сказал я. — Что бы это ни значило. Да, тетя Тил, я зациклился. Вернулся из две тысячи сто восемьдесят восьмого года.

Дядя Джок метнул в меня тот грозный взгляд, который пугал меня лет в десять или двенадцать.

— Ричард Колин, что это значит? Доктор Хьюберт дал мне понять, что тебе приказано доложить о прибытии в штаб Корпуса времени. Я только что заходил в дом и позвонил ему, что ты уже здесь. Никто не может попасть в штаб, если не принес присягу и не соблюдает Кодекс. А если все же попадет, то обратно уже не выйдет! Раньше ты говорил, что у тебя нет проблем, но теперь можешь больше не врать и рассказать мне обо всем. Если смогу — помогу; кровь родная — не водица, так что давай, я слушаю.

— У меня и в самом деле нет проблем, дядя, но доктор Хьюберт все время пытается их создать. Ты всерьез полагаешь, что если я окажусь в штабе Корпуса времени, то могу не выйти оттуда живым? Я не приносил присягу Корпусу времени и не соблюдаю его Кодекс. Если ты говоришь серьезно, мне не следует являться в штаб Корпуса времени. Тетя Тил, можно нам переночевать? Или это стеснит тебя? Или дядю Джока?

Даже не взглянув в сторону дяди Джока, тетя Тил ответила:

— Конечно, ты можешь остаться здесь, Ричард, со своей очаровательной женой, на ночь и дольше, сколько захотите. Приезжай сюда, когда хочешь. Это твой дом, и он всегда останется твоим домом.

Дядя лишь молча пожал плечами.

— Спасибо! Где мне бросить эти пакеты? В моей комнате? И еще: нужно где-то устроить этого злобного представителя семейства кошачьих. Не осталось ли у вас ящика с песком от последнего помета котят? Пиксель уже завтракал, но, думаю, он с удовольствием выпьет немного молочка.

Тетя Сисси шагнула вперед.

— Тил, я позабочусь о котенке. Какой симпатичный!

Она протянула руку, и Хейзел передала ей Пикселя.

— Ричард, — сказала тетя Тил, — мы поселили в твоей комнате гостя, мистера Дэвиса. Гм… сейчас июль, и северная комната на третьем этаже, наверное, подойдет для вас с Хейзел…

— Хейзел! — вмешался дядя Джок. — Вот пароль, который сообщил доктор Хьюберт. Майор Сэди, это одно из твоих имен?

— Да. Хейзел Дэвис Стоун. Теперь — Хейзел Стоун Кэмпбелл.

— Хейзел Дэвис Стоун? — переспросила тетя Тил. — Ты не дочь мистера Дэвиса?

Моя жена внезапно оживилась:

— Возможно. Давным-давно меня звали Хейзел Дэвис. Это Мануэль Дэвис? Мануэль Гарсия О'Келли Дэвис?

— Да.

— Мой папа! Он здесь?

— Будет к ужину, надеюсь. Но… в общем, у него дела.

— Знаю. Я провела в Корпусе сорок шесть субъективных лет. Папа, думаю, примерно столько же. Мы почти не виделись — Корпус есть Корпус. Господи! Ричард, я сейчас расплачусь. Сделай так, чтобы я перестала!

— Я? Дамочка, я просто жду автобуса. Но можешь взять мой носовой платок.

Я протянул ей платок, и она промокнула глаза.

— Грубиян. Тетя Тил, надо было почаще его шлепать.

— Ты ошиблась с тетей, дорогая. То была тетя Эбигейл, которая уже покинула нас.

— Тетя Эбби грубо обращалась со мной, — заметил я. — Лупила меня персиковой розгой. И

получала удовольствие.

— Лучше бы дубинкой. Тетя Тил, смертельно хочу увидеть папу Манни. Столько времени прошло…

— Хейзел, ты же видела его прямо здесь… вон там. — Я указал место на полпути к старому амбару. — Всего три дня назад. — Я поколебался. — Или тридцать семь дней? Тридцать девять?

— Нет-нет, Ричард! Ни то ни другое. По моему субъективному времени прошло больше двух лет. — Хейзел повернулась к остальным. — Для Ричарда все это в новинку. Он был завербован по его субъективному времени лишь на прошлой неделе.

— Меня никто не вербовал, — возразил я. — Поэтому мы здесь.

— Посмотрим, дорогой. Дядя Джок, я хочу кое-что тебе рассказать, но придется слегка нарушить Кодекс. Меня это не слишком беспокоит: я лунарка и не соблюдаю законы, которые мне не нравятся. А ты — поклонник строгой дисциплины и не станешь слушать разговоры о веселье, которое нас ждет?

— Ну… — медленно протянул дядя Джок. Тетя Тил фыркнула. Дядя Джок повернулся к ней. — Что ты смеешься, женщина?

— Я? Нет, я не смеюсь.

— Грррм. Майор Сэди, мои обязанности и мой долг подразумевают определенную свободу в толковании Кодекса. Я действительно должен это знать?

— По моему мнению, да.

— Это твое официальное мнение?

— Ну, если вопрос стоит так…

— Не важно. Пожалуй, лучше все рассказать, предоставив мне судить самому.

— Да, сэр. В субботу пятого июля, одиннадцать лет тому вперед, в две тысячи сто восемьдесят восьмом, ШКВ переместится в Нью-Харбор на временно́й линии номер пять. И ты тоже. Думаю, со всем семейством.

— Та самая информация, распространение которой должен запрещать Кодекс, — кивнул дядя Джок. — Она легко может создать положительную обратную связь, вызвав смешение сигналов и, возможно, панику. Но я могу спокойно воспринять ее и применить с пользой. Гм… можно поинтересоваться, с чем связано перемещение? Дело в том, что я вряд ли отправлюсь вместе с штабом, а мое семейство — тем более. У нас тут работающая ферма, и не важно, что за ней скрывается.

— Дядя, — прервал я его, — я не подчиняюсь никакому дурацкому Кодексу. Активисты с Западного побережья наконец прекратили болтовню и отделились.

Брови дяди взлетели вверх.

— Что… правда? Не думал, что они перейдут от слов к делу.

— И тем не менее перешли. Первого мая восемьдесят восьмого. Мы с Хейзел побывали здесь пятого июля, в субботу: отряды калифорнийцев только что захватили Де-Мойн. Повсюду падали бомбы. Может, сегодня ты думаешь, что не уехал бы отсюда, но тогда собирался поступить именно так — я знаю, я здесь был. Я здесь буду. Спроси доктора Хьюберта — Лазаруса Лонга. Это он считал, что тут опасно оставаться. Спроси его.

— Полковник Кэмпбелл!

Голос был мне знаком. Я обернулся.

— Привет, Лазарус.

— Такие разговоры строго запрещены. Вы меня поняли?

— Он никогда ничему не научится, — со вздохом сказал я Хейзел, после чего снова обратился к Лазарусу: — Док, вы пытаетесь заставить меня стоять по стойке смирно с первого дня нашего знакомства. Не выйдет. До вас так и не дошло?

Где-то когда-то Лазарус Лонг наверняка прошел подготовку, позволявшую контролировать свои чувства, и я видел, что он призывает на помощь свой прежний опыт. Ему потребовалось на это секунды три, после чего он проговорил — спокойно, на пониженных тонах:

— Попробую объяснить. Такие разговоры опасны прежде всего для вашего собеседника. Я имею в виду предсказания на основе сведений, полученных из временно́й петли. Неоспоримо, что приоткрывать человеку его будущее, о котором вы узнали в своем прошлом, значит оказывать ему дурную услугу. Что касается истинности моих слов, предлагаю спросить у математиков, работающих с временем, — доктора Джейкоба Берроуза, или доктора Элизабет Лонг, или любого из математиков Корпуса. Кроме того, справьтесь у совета историков насчет вреда, наносимого такими действиями. Можете также поискать в библиотеке нашего штаба: для начала посмотрите файлы «Кассандра» и «Мартовские иды», а потом загляните в файл «Нострадамус». — Лонг повернулся к дяде Джоку. — Джок, мне очень жаль. Надеюсь, проблемы восемьдесят восьмого года не омрачили последующую жизнь твоего семейства. Я никогда не хотел, чтобы твой пле-

мянник, еще не обученный строгой дисциплине Времени, оказался здесь. Я вообще не собирался его сюда приводить. Он действительно нужен нам, но мы предполагали завербовать его в Бундоке и не собирались доставлять в штаб. Но он отказался поступать к нам на службу. Попробуешь его переубедить?

— Лейф, не думаю, что я могу повлиять на него. Что скажешь, Дикки? Хочешь узнать, какую карьеру можно сделать в Корпусе времени? Корпус, можно сказать, постоянно поддерживал тебя в детстве. Да, это правда. Шериф уже собирался выставить нашу ферму на аукцион… и тут я поступил в Корпус. Ты был еще малышом… но, может быть, ты помнишь времена, когда мы почти ничего не ели, кроме кукурузного хлеба? Потом дела шли все лучше и лучше — помнишь? Тебе было лет шесть.

Я надолго задумался.

— Да, помню… кажется. Дядя, я вовсе не против поступления в Корпус. Ты служишь в нем, и моя жена тоже, и несколько моих друзей. Но Лазарус собрался продать мне кота в мешке. Мне нужно точно знать, чего от меня хотят и зачем. Говорят, что я нужен им для какой-то работы, при которой шансы остаться в живых составляют

всего пятьдесят на пятьдесят. С такими шансами бессмысленно говорить о привилегиях после отставки. Я не хочу, чтобы какой-то протирщик штанов в штабе так небрежно относился к моей шкуре. Прежде чем согласиться на такое, я должен убедиться в том, что все это имеет хоть какой-то смысл.

— Лейф, что за работу ты хочешь поручить моему мальчику?

— Миссия «Адам Селен» в рамках операции «Властелин Галактики».

— Кажется, я никогда не слышал о ней.

— А теперь вообще забудь об этом. Твое участие в ней не предусмотрено, и к тому же она еще не началась.

— Тогда мне сложно что-то посоветовать племяннику. Может, все-таки введешь меня в курс дела?

— Лазарус! — вмешалась Хейзел. — Прекрати!

— Майор, я обсуждаю официальные вопросы со смотрителем базы ШКВ.

— Чушь собачья! Опять ты уговариваешь Ричарда рискнуть своей жизнью ради чего-то непонятного. Когда я согласилась на это, я еще не была с ним знакома. Теперь я его знаю и восхища-

юсь им. Он — рыцарь sans peur et sans reproche[88], и мне стыдно, что я попыталась так поступить с ним. Но все же я попыталась, и у меня почти получилось. А тут влез ты… и все испортил, как и следовало ожидать. Я говорила тебе, что Круг убедил бы его, говорила! А теперь ты хочешь, чтобы ближайший родственник Ричарда — по сути, его отец — надавил на него вместо тебя. Тебе не стыдно? Представь Ричарда Кругу. Пусть *они* все ему объяснят… или отпустят его домой! Хватит тянуть! Сделай это!

Каморка за рабочим кабинетом дяди, которую я всегда принимал за чулан, оказалась чем-то вроде кабины лифта. Мы с Лазарусом вошли в нее, он закрыл дверь, и я увидел, что вместо привычных кнопок с номерами этажей здесь установлен дисплей со светящимися символами. Сперва я решил, что это знаки зодиака, но потом передумал, поскольку в зодиаке нет летучей мыши, паука «черная вдова», и уж точно — стегозавра.

Внизу, отдельно от других символов, виднелась змея, пожирающая собственный хвост, — мировой змей Уроборос. Отвратительный символ — мягко говоря.

---

[88] Примечания: 88
Без страха и упрека *(фр.)*.

Лазарус коснулся змеи, и чулан — или кабина лифта, или маленькая комната — изменился. Трудно сказать, как именно: просто мигнул и стал другим.

— Сюда, — сказал Лазарус, открывая дверь в дальнем конце.

За дверью тянулся длинный коридор, который ни за что не поместился бы в дядином доме. За окнами, по обеим его сторонам, простирался пейзаж, нисколько не походивший на виды нашей фермы. Да, местность напоминала Айову, только не тронутую плугом и не расчищенную под сельскохозяйственные угодья.

Мы шагнули в коридор и тут же оказались в противоположном его конце.

— Туда, — показал Лазарус. В каменной стене появилась арка, за которой царил полумрак. Я оглянулся, но Лазарус куда-то исчез.

«Лазарус, — мысленно сказал я, — я же говорил тебе: не играй со мной в игры».

Я повернулся, намереваясь двинуться назад по длинному коридору, пройти через кабинет дяди Джока, разыскать Хейзел и уйти. Я был сыт по горло всеми этими забавами.

Но позади меня не оказалось никакого коридора.

Пообещав себе как следует настучать Лазарусу по башке, я двинулся по единственному доступному маршруту. Все по-прежнему было погружено в полумрак, но чуть впереди все время виднелось светлое пятно. Вскоре, минут через пять, я очутился в маленькой уютной гостиной, залитой светом, который падал неизвестно откуда.

— Прошу садиться, — произнес бесстрастный металлический голос. — Вас вызовут.

Я опустился в удобное кресло, положив рядом с собой трость. На маленьком столике лежали несколько журналов и одна газета. Я проглядел их в поисках анахронизмов, но ничего не обнаружил. Вся эта периодика, насколько я помнил, встречалась в Айове в семидесятые годы — самая поздняя дата относилась к июлю 2177 года. Газета «Гриннел геральд-роджистер» вышла 27 июня 2177 года, в пятницу.

Я уже собрался отложить ее в сторону: «Геральд-реджистер» — не самое увлекательное чтение. Дядя выписывал ежедневную распечатку новостей из Де-Мойна и, конечно, «Канзас-Сити стар». А в нашей местной газете печатали лишь заметки из жизни университета, местные объявления, а также «новости» и «светскую хронику» — лишь ради того, чтобы поместить как можно больше

местных имен. Но тут мое внимание привлекло одно из объявлений: «В воскресенье, двадцатого июля, театр балета „Галифакс“ представит в городской опере Де-Мойна „Сон в летнюю ночь“ с потрясающей новой звездой Луанной Полин в роли Титании».

Прочитав объявление дважды, я пообещал себе, что обязательно свожу туда Хейзел. Это будет особая годовщина: я познакомился с госпожой Гвендолин Новак в «Золотом правиле» на балу в честь Первого дня, в день Нила Армстронга, двадцатого июля, год назад (и плевать на дурацкую временну́ю петлю). Теперь появилась возможность повторить чудесный вечер накануне нашей свадьбы (на этот раз без невоспитанного болвана, который испортил нам вечеринку, вздумав умереть прямо за нашим столиком).

Разочарует ли нас выступление при земной силе тяжести после того, как мы видели Царицу Фей, порхавшую высоко в воздухе? Нет, это было лишь сентиментальное путешествие, так что не важно. К тому же Луанна Полин заработала (заработает) свою репутацию, танцуя при земной гравитации, и нас ждал бы захватывающий контраст. Мы могли бы отправиться за кулисы и сказать ей, что видели, как она танцевала Тита-

нию при втрое меньшей силе тяжести, в Круглом зале «Золотого правила». Ах да, точно — «Золотое правило» появится только через три года! Я начал понимать, почему Кодекс не поощряет праздную болтовню.

Не важно. В день Нила Армстронга я подарю своей прекрасной жене этот сентиментальный праздник.

Пока я просматривал «Геральд-реджистер», абстрактное изображение на стене сменилось светящейся надписью:

> Шов во времени спасает девять миллиардов

На моих глазах она сменилась другой:

> Парадокс может разрешить парадоктор

И потом:

> Земляной червяк желает смерти

Далее:

> Не слишком старайся — вдруг получится

Пока я осмыслял эту фразу, она внезапно уступила место новой — «Что ты таращишься на пустую стену?». Стена действительно опустела, на ней появился громадный Мировой змей с хвостом во рту, и внутри этой тошнотворной пищевой цепочки замелькали буквы, которые затем выстроились в линию:

Создаем порядок из хаоса

И ниже:

КРУГ УРОБОРОСА

Надпись сменилась еще одной аркой, и все тот же металлический голос произнес:

— Пожалуйста, пройдите внутрь.

Схватив трость, я шагнул в арку и очутился в самом центре большого круглого зала. Иногда сервис бывает чересчур навязчивым.

На возвышении высотой около метра я увидел с дюжину человек — зрителей представления, где главную роль играл я… если насекомое на булавке, разглядываемое под микроскопом, может считать себя звездой шоу.

— Назовите свое полное имя, — произнес ме-

таллический голос.

— Ричард Колин Эймс Кэмпбелл. Что это? Суд?

— Да, в каком-то смысле.

— Можете отложить его — меня не за что судить. Если кого-то и нужно судить, так это всех вас. Мне ничего от вас не нужно, зато вам, похоже, что-то нужно от меня. Это вы должны убедить меня, а не наоборот. Имейте это в виду.

Я медленно повернулся, окинув взглядом «судей». Обнаружив знакомое лицо — Хильду Берроуз, — я почувствовал себя намного лучше. Она послала мне воздушный поцелуй, я сделал вид, что поймал его и съел. А еще я сильно удивился. Я мог представить эту миниатюрную красавицу среди тех, кто наделен изяществом и грацией… но не в составе самого могущественного совета во всей истории и во всех вселенных.

Еще одно знакомое лицо. Лазарус. Он кивнул, я сделал то же самое.

— Пожалуйста, будьте терпеливы, полковник, — сказал он. — Давайте следовать протоколу.

— Если от протокола нет пользы, его нужно отменить, — возразил я. — Я стою, а вы все сидите. Протокол призван подчеркнуть ваше превосходство. Так что можете засунуть его куда хотите.

Если через десять секунд мне не дадут кресло, я ухожу. Ваше вполне подойдет.

Невидимый робот с металлическим голосом пододвинул ко мне сзади мягкое кресло так быстро, что уйти было уже невозможно. Опустившись в него, я положил трость на колени.

— Ну как, удобно? — спросил Лазарус.

— Да, спасибо.

— Хорошо. Следующий пункт протокола — представление участников. Думаю, вы не станете возражать.

Металлический голос принялся перечислять членов, или «кавалеров», Круга Уробороса, высшего руководящего органа панвселенского Корпуса времени. Когда называлось очередное имя, мое кресло поворачивалось в сторону этого кавалера, но никакого движения я не чувствовал.

— Господин Мобиас Торас, с Барсума, временна́я линия номер один, код «Джон Картер»[89].

С Барсума? Что за вздор? Но я вдруг понял, что встаю и кланяюсь в ответ на мягкую улыбку и благословляющий жест. Торас был очень стар —

---

[89] Примечания: 89

Отсылка к вселенной писателя Э. Р. Берроуза, но в «марсианском» цикле Берроуза этот персонаж отсутствует. Строго говоря, код линии должен быть «Ортис», а не «Джон Картер», потому что первую посадку на Луну выполнил корабль Ортиса (см. цикл «Лунная девушка»). — *Примеч. С. В. Голд.*

сплошь кожа да кости. На боку у него висел меч, но я не сомневался, что он уже много поколений не держал оружия в руках. Тяжелая шелковая мантия походила на ту, что носят буддийские монахи. Кожа напоминала отполированное красное дерево, намного более насыщенного оттенка, чем у любого «краснокожего» Северной Америки, — в общем, вылитый персонаж легенд о Барсуме. Но этого нетрудно было добиться с помощью грима, пары метров ткани и бутафорского меча.

Почему же я встал?

(Потому что тетя Эбби порола меня каждый раз, когда я проявлял неуважение к старшим? Чушь. Я понял, что он настоящий, с первого взгляда, пусть это и кажется нелепым.)

— Ее Мудрость Стар, Арбитр Девяноста вселенных, объединенные временные линии, код «Сирано»[90].

Ее Мудрость улыбнулась мне, и я завилял хвостом, словно щенок. Не мне судить насчет мудрости, но уверен, что мужчинам с высоким

---

[90] Примечания: 90

Леди Стар — персонаж из вселенной романа Р. Э. Хайнлайна «Дорога Доблести». Сирано де Бержерак также является персонажем этого романа, но его собственному перу принадлежит (написанная от первого лица) повесть «Иной свет, или Государства и империи Луны», поэтому Сирано и является в той вселенной первым человеком, высадившимся на Луне. — *Примеч. С. В. Голд.*

кровяным давлением, проблемами с сердцем или ишемической болезнью не стоит близко к ней подходить. Стар — госпожа Гордон — была не ниже меня или даже выше, весила больше меня и вся состояла из мышц, не считая грудей и той тонкой прослойки, которая смягчает очертания женского тела. Одежды на ней было маловато для округа Пауэшик, но довольно-таки много для Бундока.

Пожалуй, Стар — не самая красивая женщина в своих многочисленных вселенных, но, наверное, самая сексуальная, на манер чувственной девушки-герлскаута. Стоит мальчику просто пройти через комнату, где находится Стар, как он превратится в мужчину.

— Вудро Вильсон Смит, Старейший семейства Говардов, временна́я линия номер два, код «Лесли Лекруа»[91].

Мы с Лазарусом вновь кивнули друг другу.

— Доктор Джубал Харшоу, временна́я линия

[91] Примечания: 91

Персонаж из вселенной, созданной в цикле произведений Р. Э. Хайнлайна о Д. Д. Гарримане, в т. ч. «Человек, который продал Луну», где Лесли Лекруа пилотирует корабль компании Гарримана в первом полете на Луну. — *Примеч. С. В. Голд.*

номер три, код «Нил Армстронг»[92].

Доктор Харшоу поднял руку в полуприветствии и улыбнулся. Я ответил тем же, отметив про себя, что стоит расспросить его — возможно, уже в Бундоке — насчет множества легенд о «Человеке с Марса». Сколько в них правды и сколько вымысла?

— Доктор Хильда Мэй Берроуз, временна́я линия номер четыре, код «Бэллокс О'Мэлли»[93].

Мы с Хильдой обменялись улыбками.

— Командор Тед Смит, временна́я линия номер пять, код «Дюкейн»[94].

Командор Смит, атлет с квадратной челюстью и голубыми как лед глазами, был одет в серую форму без знаков различия. На боку висел пистолет в кобуре, руку украшал тяжелый браслет с драгоценными камнями.

---

[92] Примечания: 92

Персонаж из вселенной романа Р. Э. Хайнлайна «Чужак в стране чужой» — но это не наша Вселенная, хотя Нил Армстронг и там и здесь совпадает. — *Примеч. С. В. Голд.*

[93] Примечания: 93

Персонаж из вселенной романа Р. Э. Хайнлайна «Число зверя». О полете О'Мэлли на «Розовой коале» говорилось выше. — *Примеч. С. В. Голд*.

[94] Примечания: 94

Тед Смит, командор Галактического патруля, впервые встречается в романе «Число зверя», представляет вселенную «Саги о ленсменах» Э. Э. «Дока» Смита. Дюкейн — имя персонажа из романа Э. Э. «Дока» Смита «Космический жаворонок». — *Примеч. С. В. Голд*.

— Капитан Джон Стерлинг, временная линия номер шесть, код «Нил Армстронг, альтернативная временна́я линия»[95].

Я смотрел на героя моего детства, и мне казалось, будто я вижу необычайно яркий сон. Хейзел не раз говорила мне, что герой ее космической оперы — реальная личность… но даже повторение фразы «Операция „Властелин Галактики“» не убедило меня. А теперь я видел перед собой его — врага Властелина.

Но он ли это? Где доказательства?

— Небесный маршал Сэмюэль Бо, временна́я линия номер семь, код «Фэйракр»[96].

Маршал Бо, ростом два с лишним метра, весил не меньше ста десяти кило и состоял сплошь из мускулов, обтянутых носорожьей шкурой.

---

[95] Примечания: 95

Вселенная сериала «Бичи космоса», созданного Роджером, Хейзел и Лоуэллом Стоун — см. роман Р. Э. Хайнлайна «Космическое семейство Стоун». Нил Армстронг опять не наш. — *Примеч. С. В. Голд.*

[96] Примечания: 96

Темная фигура. Звание «небесный маршал» носит у Хайнлайна главнокомандующий ВКС Земли из вселенной романа «Звездный десант», однако там отсутствует призыв на службу, который упоминает Бо. Есть гипотеза, что это один из второстепенных персонажей первого варианта «Числа зверя», уничтоженного Хайнлайном. Как бы то ни было, Сэмюэль Бо — пример непристроенного персонажа, которого автор создал, но не может найти ему применение, поскольку он не вписывается, и потому выкидывается из текста. Это определяет и объясняет роль Сэмюэля Бо в романе. — *Примеч. С. В. Голд.*

Одетый в черную как ночь форму, он был великолепен, словно черная пантера. Мрачно хмуря брови, маршал смотрел на меня хищным взглядом.

— Кворум наличествует, — объявил Лазарус. — Круг замкнут. От имени Круга слово предоставляется доктору Хильде Берроуз.

— Полковник Кэмпбелл, — с улыбкой начала Хильда, — мне поручили разъяснить вам наши цели и в какой-то мере, методы, чтобы вы поняли, как ваша работа соотносится с генеральным планом и почему она необходима. Если нужно, перебивайте меня, возражайте, требуйте подробностей. Мы можем обсуждать все это до обеда, или в ближайшие десять лет, или как угодно долго. Столько, сколько понадобится.

— Говорите за себя, госпожа Берроуз, — вмешался небесный маршал Бо. — Я ухожу через полчаса.

— Самбо, — ответила Хильда, — обратись к председателю. Я не вправе дать тебе уйти, пока ты не выступишь, но если ты должен покинуть нас, можешь высказаться прямо сейчас. Объясни, чем ты занимаешься и почему.

— Чего с ним нянчиться? Меня никогда еще не просили рассказывать о своих обязанностях

зеленому новобранцу. Смешно!

— И все же я тебя прошу.

Небесный маршал вновь опустился в кресло, не сказав ни слова.

— Самбо, — сказал Лазарус, — я знаю, что прецедентов не было, но все кавалеры Круга, включая трех отсутствующих, согласны с тем, что миссия «Адам Селен» крайне важна для операции «Властелин Галактики», что «Властелин» крайне важен для кампании «Боскон», что «Боскон» крайне важен для нашего плана «Дальняя перспектива»… и что полковник Кэмпбелл крайне важен для выполнения миссии «Адам Селен». В Круге все едины, никто не высказался против. Нам требуются услуги Кэмпбелла, оказанные в полном объеме и без принуждения. Поэтому надо его убедить. Тебе незачем выступать первым… но если ты хочешь покинуть Круг через полчаса, лучше выскажись сейчас.

— А если я не захочу?

— Твоя проблема. Имеешь полное право подать в отставку, как и любой из нас. А Круг имеет полное право покончить с тобой.

— Угрожаешь?

— Нет. — Лазарус взглянул на запястье. — Ты тянешь уже четыре минуты вопреки едино-

гласному решению Круга. Если ты намерен ему подчиниться, тебе может не хватить времени.

— Что ж, ладно. Кэмпбелл, я главнокомандующий вооруженными силами Корпуса времени…

— Поправка, — вмешался Лазарус Лонг. — Небесный маршал Бо — начальник штаба…

— Это одно и то же!

— Это не одно и то же, и я точно знал, что делаю, когда устанавливал такой порядок. Полковник Кэмпбелл, Корпус времени иногда вмешивается в ключевые сражения истории. Истории разных миров. Совет историков Корпуса пытается определить поворотные моменты, когда разумное применение силы может изменить ход истории в лучшую сторону для человечества — по крайней мере, в нашем ограниченном понимании. Добавлю также, что эта политика в немалой степени влияет на миссию «Адам Селен» и, в свою очередь, зависит от ее результатов. Если Круг соглашается с рекомендацией историков, то объявляется начало военных действий и Круг избирает главнокомандующего. — Лазарус повернулся и посмотрел прямо на Бо. — Небесный маршал Бо — опытный военный командир, возможно, лучший в истории. Обычно командующим выбирают именно его. Но Круг также выбирает

командира каждой оперативной группы, чтобы главные решения не зависели от военных. Уточню: начальник штаба не имеет права голоса, он не кавалер Круга. Самбо, есть что добавить?

— Похоже, ты все сказал за меня.

— Потому что ты тормозишь. Можешь что-нибудь поправить, изменить или изложить подробнее.

— Ладно, не важно. Тебе надо давать уроки ораторского искусства.

— Хочешь, чтобы тебя отпустили?

— Ты приказываешь мне уйти?

— Нет.

— Побуду еще немного — хочу посмотреть, как ты поступишь с этим клоуном. Почему бы попросту не призвать его на службу и приписать к миссии «Адам Селен»? Он же преступник: взгляни на его череп, обрати внимание на его отношение к властям. На моей родной планете мы никогда не набираем добровольцев — на них нельзя положиться… и у нас нет преступников как класса, поскольку мы берем их в армию, стоит им поднять голову. Из прирожденных преступников получаются лучшие бойцы, если отлавливать их в молодости, прививать им железную дисциплину и внушать страх перед сержантом, которого

они должны бояться сильнее врага.

— Достаточно, Самбо. Прошу не высказывать свое личное мнение без приглашения.

— Я думал, ты ярый поборник свободы слова.

— Так и есть. Но дармовой закуски не бывает. Если хочешь выступить с речью, можешь снять собственный зал, а за это помещение платит Круг. Хильда, дорогая, тебе слово.

— Хорошо. Ричард, наши историки и математики обычно рекомендуют не грубое вмешательство, а более утонченные приемы в исполнении отдельных оперативников… таких, как твоя подружка Хейзел. Когда надо обнести курятник, она превращается в настоящую лису. Ты знаешь, в чем суть миссии «Адам Селен», но, наверное, не знаешь, зачем она нужна. Наш метод прогнозирования последствий исправления истории далек от совершенства. Не важно, о чем идет речь — о том, чтобы поддержать одну из сторон в решающем сражении, или о том, чтобы в полночь подсунуть презерватив какому-нибудь студенту и не дать родиться Гитлеру или Наполеону. Мы не в состоянии предсказать результат с нужной точностью. Обычно приходится посылать оперативника на новую временну´ю линию, чтобы тот сообщил об изменениях.

— Хильда, — можно мне привести один страшный пример? — спросил Лазарус.

— Конечно, Вуди. Только побыстрее. Я собираюсь закончить до обеда.

— Полковник Кэмпбелл, я родом из мира, который совпадал с вашим примерно до тысяча девятьсот тридцать девятого года. Расхождения, как обычно, начали проявляться в основном после первых космических полетов. И в вашем мире, и в моем люди были склонны к религиозной истерии. У нас ее апогеем стали выступления телепроповедника Неемии Скаддера. Он призывал адские муки на головы грешников, и его охота на козлов отпущения — ими, естественно, оказались евреи, ничего нового, — стала особенно ожесточенной на пике безработицы, когда государственный долг и инфляция вышли из-под контроля. Итогом стала религиозная диктатура, самое жестокое тоталитарное правление за всю историю моего мира.

И тогда Круг организовал операцию по устранению Неемии Скаддера. Никаких грубых методов вроде убийства — применили особый способ, из тех, о которых говорила Хильда. Один из оперативников снабдил резинкой парня, и маленький ублюдок, Неемия Скаддер, не родился. Временна́я

линия номер два — моя — разделилась, и возникла линия номер одиннадцать, точно такая же, но без Неемии Скаддера, Пророка. По идее, должно стать лучше.

Не лучше. На моей временно́й линии Третья мировая война — ядерная война, известная и под другими названиями, — причинила серьезный ущерб Европе, но не распространилась дальше; Северная Америка под властью Пророка устранилась от международных дел. На временно́й линии номер одиннадцать война началась чуть раньше, на Ближнем Востоке, охватив за одну ночь весь мир… и сто лет спустя одни тараканы оставались самыми высокоразвитыми существами там, где некогда возвышались зеленые холмы Земли. Продолжай, Хильда.

— Огромное спасибо! История вспыхнувшей во тьме планеты, которую рассказал Лазарус, объясняет, почему нужно усовершенствовать методы прогнозирования. Мы рассчитываем на Адама Селена, он же управляющий компьютер Холмс Четвертый, известный также как Майк, с уникальными программами и памятью, чтобы связать лучшие компьютеры Терциуса и других планет в гигантскую логическую сеть. Тогда мы сможем верно предсказывать результаты

определенных изменений в истории… чтобы не променять Неемию Скаддера, к которому можно приспособиться, на разрушенную планету, к которой приспособиться нельзя. Лазарус, надо ли упоминать о суперноктовизоре?

— Ты только что о нем упомянула, так что продолжай.

— Ричард, мне не хватает опыта — я всего лишь простая домохозяйка…

В зале послышался стон. Возможно, первым был Лазарус, но потом, похоже, застонали все.

— …которой недостает технических знаний. Но мне известно, что технический прогресс зависит от точности приборов, и что точность приборов, начиная с двадцатого века — моего века, — зависела от успехов электроники. Мой муж номер один Джейк Берроуз, а также доктор Либби Лонг и доктор Дити Картер разрабатывают небольшое устройство, сочетающее искривитель пространства-времени Джейка с телевизором и обычным ноктовизором. Он позволит не только узнать, что делает жена, когда тебя нет дома, но и что она будет делать через десять лет. Или пятьдесят. Или пятьсот. А еще с его помощью Круг Уробороса сможет, например, оценить результат вмешательства, пока его еще

можно отменить. Возможно. С непревзойденной мощностью Холмса Четвертого это «возможно» превратится в «почти наверняка». Посмотрим. Но мы уверены, насколько можно быть уверенным в этом неустойчивом мире, что Майк Холмс Четвертый во много раз увеличит возможности Круга Уробороса даже если суперноктовизор так и не будет разработан. И поскольку мы изо всех сил стараемся сделать жизнь каждого лучше, достойнее и счастливее, я надеюсь, ты поймешь, что над миссией «Адам Селен» стоит поработать. Вопросы есть?

— У меня есть вопрос, Хильда.

— Да, Джубал?

— Наш друг Ричард посвящен в концепцию «Мир как миф»?

— Я упомянула о ней лишь однажды, когда рассказывала, как нас четверых — Зеба, Дити, Джейка и меня — изгнали с нашей планеты и вычеркнули из рукописи. Думаю, у Хейзел вышло лучше. Ричард?

— Увы, я ничего не понял. Прости меня, Хильда, но в твою историю трудно поверить.

— Конечно, дорогой, я сама в нее не верю. Разве что поздно ночью. Джубал, давай ты.

— Хорошо, — ответил доктор Харшоу. — «Мир

как миф» — весьма утонченная концепция. Иногда ее называют мультисубъектным солипсизмом, несмотря на внутреннюю нелогичность этого определения. Но возможно, без нелогичности не обойтись, ведь концепция отрицает логику. Столетиями для объяснения сущности вселенной — или мультиверсума — служила религия. Авраамические религии[97] сильно отличались деталями, но суть всегда была одна: высоко на небесах, или глубоко под землей, или внутри вулкана, в общем, где-то в недоступном месте, сидит старик в ночной сорочке, всеведущий и всемогущий, который создал все сущее, награждает и карает… и его можно подкупить. Иногда это была женщина, но нечасто, так как человеческие самцы обычно крупнее, сильнее и воинственнее. Бог создан по образу и подобию отца.

Идея всемогущего Бога подвергалась нападкам, поскольку ничего не объясняла: все объяснения переадресовывались выше. В девятнадцатом веке среди тех немногих, кто регулярно принимал ванну, идею всемогущего Бога начал сменять атеистический позитивизм. Атеизм, однако,

[97] Примечания: 97

Авраамические религии, или религии откровения, — вероучения, основанные на божественных заповедях. — *Примеч. С. В. Голд.*

имел ограниченный успех — он тоже ничего не объяснял, будучи лишь вывернутой наизнанку верой в Бога. Логический позитивизм основывался на достижениях физики девятнадцатого века; ученые того времени искренне верили, что вселенную можно объяснить, уподобив ее часовому механизму.

Физики двадцатого века быстро разделались с этой идеей. Квантовая механика и кот Шредингера выкинули механический мир образца тысяча восемьсот девяностого года на свалку, заменив его облаком вероятностей, в котором может случиться что угодно. Конечно, интеллектуалы не замечали этого еще несколько десятилетий, потому что высокообразованные люди неспособны сосчитать шнурки на ботинках и гордятся этим. И все же после смерти позитивизма теизм и креационизм вновь стали сильны как никогда.

В конце двадцатого века — поправь меня, Хильда, если я ошибаюсь, — Хильду и ее родных изгнал с Земли дьявол, которого они назвали Зверем. Они бежали в знакомой тебе машине, Гэй-Плутовке, посетив в поисках безопасного места множество измерений, множество вселенных… и Хильда сделала величайшее философское открытие всех времен.

— Могу поспорить, ты говоришь это всем девушкам!

— Спокойно, дорогая. Помимо нескольких, вполне обыденных миров, они побывали в Стране Оз…

Я вздрогнул и поднял голову. Прошлой ночью я почти не спал, а лекция доктора Харшоу вгоняла в сон.

— Вы сказали — Оз?

— Повторяю трижды: Оз, Оз, Оз. Да, они побывали в волшебной стране, придуманной Лайменом Фрэнком Баумом. И в Стране чудес, которую придумал преподобный мистер Доджсон, чтобы доставить удовольствие Алисе. И в других местах, известных только по художественной литературе. Хильда обнаружила то, чего никто из нас не замечал, находясь внутри этого мира: мир есть миф. Мы создаем его сами, и сами же меняем. По-настоящему сильный мифотворец, такой как Гомер, Баум или автор «Тарзана», создает прочные, устойчивые миры, а лишенные воображения лжецы и фантазеры не творят ничего нового, и их скучные выдумки уходят в небытие. Вот этот объективный факт, Ричард, — не религия, а факт, поддающийся проверке, — и лежит в основе деятельности Круга Уробороса. Хильда?

— До перерыва осталось совсем немного. Ричард, у тебя есть замечания?

— Тебе не понравится.

— Выкладывай, парень, — бросил Лазарус.

— Я не стану рисковать жизнью из-за вашей многословной ерунды, и даже больше — сделаю все возможное, чтобы Хейзел тоже не ввязалась в это. Если вам действительно нужны программы и память устаревшего лунного компьютера, можно заполучить их более надежным способом. И таких как минимум два.

— Продолжай.

— Первый способ: использовать деньги. Создайте для прикрытия научную организацию, завалите грантами университет Галилео, а потом зайдите в компьютерный зал с парадного входа и забирайте что хотите. Второй способ: использовать силу. Примените адекватные силы, чтобы выполнить эту работу. Зачем назначать пожилых супругов на роль взломщиков? Нет, космические благодетели, вы меня не убедили.

— А ну-ка, предъяви лицензию!

Это оказался Черный Малыш Самбо, небесный маршал.

— Какую лицензию?

— На право постигать непостижимое. Ну-ка,

покажи! Да ты всего лишь жалкий трус, которому не хватает духу исполнить свой долг.

— Да неужто? И кто же назначил тебя богом? Слушай, парень, я воистину рад, что мы с тобой одного цвета кожи.

— Это еще почему?

— Иначе меня назвали бы расистом за то, что я тебя презираю.

Я увидел, как он вытаскивает пистолет, но моя трость — черт бы ее побрал! — свалилась на пол. Я потянулся за ней, и в мой левый бок угодил заряд.

В него тут же выстрелили с трех сторон: двое в сердце, один — в голову: Джон Стерлинг, Лазарус и командор Смит — трое крутых стрелков, хотя хватило бы и одного.

Я еще не чувствовал боли, но знал, что ранен в живот: будет плохо, смертельно плохо, если мне сразу же не помогут.

Но с Сэмюэлем Бо происходило что-то странное. Наклонившись вперед, он свалился с кресла, мертвый как король Карл, — и его тело начало исчезать. Нет, он не растворился в воздухе, а принялся сходить полосами, словно кто-то стирал его тряпкой с доски: сначала туловище, потом лицо… И наконец полностью исчез, не оставив

после себя даже крови. Исчезло даже его кресло.

А вместе с ним — и рана в моем животе.

29

Возможно, лев и ягненок когда-нибудь возлягут вместе, но я все равно ставлю на льва.

Генри Уиллер Шоу*[98] *(1818–1885)

— Может, лучше, если я вытащу меч из камня? — возразил я. — Если вы так хотите впарить мне свой товар? Весь план — полная ерунда!

Мы сидели за столом для пикника в восточном саду — Манни Дэвис, капитан Джон Стерлинг, дядя Джок, Джубал Харшоу и я, а также профессор Руфо, лысый старикашка, которого представили мне как помощника Ее мудрости и (не может быть!) ее внука. (Впрочем, понаблюдав собственными глазами за плодами колдовства доктор Иштар, я уже не бросался фразой «Не может быть» так же свободно, как неделю назад.)

С нами был и Пиксель, но он давно уже поел и носился в траве, гоняясь за бабочкой. Силы были равны, но бабочка опережала его по очкам.

Яркое и безоблачное небо обещало к полудню температуру в тридцать восемь — сорок градусов,

---

[98] Примечания: 98

См. примеч. к главе 23. — *Примеч. С. В. Голд.*

и мои тетушки предпочли пообедать на кухне с кондиционером. Но дул легкий ветерок, и под деревьями было достаточно прохладно — приятный день, как раз для пикника. Я вспомнил о встрече с отцом Хендриком Шульцем на «Ферме старого Макдональда» всего неделю назад (и через одиннадцать лет, в будущем).

Вот только Хейзел рядом не было.

Меня это не слишком радовало, но я не подавал виду. Когда Круг разошелся на обед, тетя Тил сообщила:

— Хейзел ушла несколько минут назад вместе с Лейфом. Просила передать, что не вернется к обеду, но рассчитывает увидеться с тобой сегодня вечером… и непременно будет к ужину.

Чертовски лаконичное послание! Мне нужно было обсудить с Хейзел все, что я видел и слышал во время заседания Круга. Черт меня возьми, как я мог что-то решать, не переговорив со своей женой?

Женщины и кошки гуляют сами по себе, и мужчина ничего не может с этим поделать.

— Я продам вам меч в камне, — сказал профессор Руфо. — Дешево. Почти новый. Им лишь однажды воспользовался король Артур. В общем-то, меч ему не помог, и я не обещаю, что он

поможет вам… но хочу на этом подзаработать.

— Руфо, — усмехнулся дядя, — ты готов продавать даже билеты на собственные похороны.

— Почему «готов»? Я делал это. И получил достаточно денег, чтобы купить очень нужную вещь. Как выяснилось, многим хотелось убедиться в моей смерти.

— Значит, ты их надул?

— Вовсе нет. В билетах не утверждалось, что я умер — они лишь давали право присутствовать на похоронах. То были прекрасные похороны, лучшие в моей жизни… особенно решающий момент, когда я сел в гробу и спел ораторию из «Смерти Джесси Джеймса», исполнив все партии. Никто не потребовал вернуть деньги, а некоторые ушли еще до того, как я взял самую высокую ноту. Неотесанные мужланы. Побывай на собственных похоронах, и вскоре узнаешь, кто твои настоящие друзья. — Руфо повернулся ко мне. — Так хотите тот меч в камне? Дешево, но только за наличные. В кредит не дам — вряд ли вы долго проживете. Скажем, шестьсот тысяч имперских долларов мелкими купюрами? Не крупнее десяти тысяч.

— Профессор, мне не нужен меч в камне — просто все это слишком напоминает глупости вроде «настоящего принца» из любовных романов

доармстронговских времен. Ничего нельзя сделать открыто при помощи денег. Ничего нельзя сделать, применив достаточную силу, чтобы свести потери к нулю. Справиться можем только мы с женой, вооруженные одним скаутским ножичком. Убогий сюжет, даже для книжки с «историями из жизни». Это невозможно чисто логически.

— Пятьсот пятьдесят тысяч и налог с продаж за мой счет.

— Ричард, — ответил Джубал Харшоу, — здесь неупотребима логика как таковая. Тысячелетиями философы и святые пытались построить логичную схему вселенной… пока не появилась Хильда и не показала, что вселенная нелогична, непредсказуема, а ее структура зависит только от сновидений и кошмаров мечтателей, отвергающих логику. — Он пожал плечами, едва не расплескав свой «Туборг». — Если бы великие умы не обманывали сами себя в уверенности, что вселенная должна обладать связной и логичной структурой, которая откроется после тщательного анализа и синтеза, они осознали бы, что во вселенной — мультиверсуме — нет ни логики, ни справедливости. Разве что мы или нам подобные наделим этими качествами мир, полный хаоса

и жестокости.

— Пятьсот тысяч. И это мое последнее предложение.

— Тогда зачем нам с Хейзел рисковать собственной шкурой? — спросил я. — Пиксель! Оставь в покое насекомое!

— Бабочки — не насекомые, — серьезно проговорил капитан Джон Стерлинг. — Это самодвижущиеся цветы. Госпожа Хейзел объяснила мне это много лет назад. — Он нагнулся и осторожно поднял Пикселя. — Как вы его поите?

Я показал ему, смочив палец в воде. Стерлинг усовершенствовал мой метод, протянув котенку ладонь с маленькой лужицей. Котенок лизнул ее и принялся лакать по-кошачьи, зачерпывая воду свернутым язычком.

Присутствие Стерлинга беспокоило меня. Я знал, откуда он взялся, или думал, что знал, и с трудом верил в его существование, даже разговаривая с ним. Но невозможно не верить в человека, когда видишь его и слышишь, как он хрустит сельдереем и картофельными чипсами.

И все же он выглядел каким-то… двумерным. Он не улыбался и не смеялся. Он был неизменно вежлив и смертельно серьезен. Я пытался поблагодарить его за то, что он спас мне жизнь,

застрелив… как его там?… но Стерлинг не дал мне договорить, сказав: «Это мой долг. Он был расходный материал, а вы — нет».

— Четыреста тысяч. Полковник, остались еще фаршированные яйца?

Я передал Руфо тарелку с яйцами.

— Хотите знать, что вам нужно сделать с вашим мечом в камне? Сперва выдернуть, а потом…

— Давайте без неуместных замечаний. Триста пятьдесят тысяч.

— Профессор, я его и даром не возьму. Я просто высказывал свои соображения.

— А все-таки возьмите. Он может пригодиться для эффектной увертюры, когда об этом снимут голосериал.

— Никакой публичности. Это одно из поставленных мне условий. Если я соглашусь.

— Никакой публичности до того, как будет задание выполнено. А потом без публичности не обойтись — сделанное вами должно войти в учебники истории. Манни, расскажи им, почему ты не опубликовал свои мемуары о революции.

— Майк спит, — ответил мистер Дэвис. — Его нельзя беспокоить. *Nyet*.

— Мануэль, — спросил дядя Джок, — у тебя есть неопубликованная автобиография?

Мой приемный тесть кивнул:

— Как без нее? Проф мертв, Вайоминг мертва, и Майк, возможно, тоже. Из тех, кто своими глазами видел Лунную революцию, остался я один. Сколько же вранья идет от дружков, которых там не было. — Он поскреб подбородок левой рукой, искусственной — по крайней мере, так мне говорили. Рука ничем не отличалась от правой. Трансплантат? — Я сохранил ее в памяти у Майка, прежде чем сбежал в Пояс астероидов. Спасем Майка и тогда, может, опубликуем. — Дэвис посмотрел на меня. — Хотите, расскажу, как я встретил свою дочь Хейзел?

— Да, конечно! — ответил я. Стерлинг тоже выразил горячее желание послушать.

— Понедельник тринадцатого мая две тысячи семьдесят пятого в Луна-Сити. Мы сидим в *Stilyagi*-Холле и болтаем о том, как бороться с комендантом. Не революция, а глупый треп несчастных людишек. И тут на пол перед нами садится худая девчонка — волосы оранжевые, груди не видно. Лет десяти-одиннадцати. Ловит каждое слово, яростно хлопает и вся такая смертельно серьезная.

А потом врываются желтые мундиры, комендантовы копы, и начинают всех убивать.

Девчонку я сперва потерял из виду — копы убили моего лучшего друга… и тут я увидел ее в деле. Рыжая кувырком кидается желтомундирнику прямо под колени, тот падает. Я ломаю ему челюсть левой рукой — не этой, вторым номером, — перешагиваю через него и тащу за собой свою жену Вайоминг, которая еще не была моей женой. Рыжая девчонка исчезла, и я ее не видел несколько недель. Но это истинная правда, друзья мои: малышка Хейзел сражалась отважно и спасла папу Манни с мамой Вайо от прихвостней коменданта задолго до того, как стала нашей дочерью. — Мануэль Дэвис печально улыбнулся. — Потом я все-таки нашел Хейзел, и семья Дэвис приняла ее как дочь, не как жену. Еще ребенком она вела себя как взрослая. Каждый день, каждый час, каждую минуту она упорно трудилась ради свободы Луны, и никакая опасность не могла ее остановить. Четвертого июля две тысячи семьдесят шестого года Хейзел Мид Дэвис стала самым младшим из наших камрадов, подписавших Декларацию независимости. Она заслужила это больше всех!

У мистера Дэвиса были слезы на глазах. У меня тоже.

Капитан Стерлинг встал:

— Мистер Дэвис, я смиренно горжусь тем, что выслушал ваш рассказ. Мистер Кэмпбелл, благодарю вас за гостеприимство. Полковник Кэмпбелл, надеюсь, вы все же решите сражаться вместе с нами. Вы нужны нам. А теперь, если нет возражений, я покину вас. Властелин Галактики не задерживается за обеденным столом, и я тоже не должен.

— Чушь! — сказал дядя Джок. — Джон, ты должен хоть иногда брать отпуск. Может, опять поохотимся на динозавров? От времени, проведенного в мезозое, твоему квесту не убудет — Властелин даже не узнает о твоем отсутствии. Тем и прекрасны прыжки во времени.

— Я все равно буду знать, что я в отлучке. Но благодарю за предложение: мне очень понравилась та охота.

Он поклонился и вышел.

— Вот истинное благородство, — тихо проговорил доктор Харшоу. — Когда он наконец уничтожит Властелина, его сотрут. Он знает об этом. Но это его не останавливает.

— Почему его должны стереть? — требовательно спросил я.

— Гм? Полковник, я знаю, для вас это в новинку… но вы же сочинитель, или были им?

— И до сих пор остаюсь им, насколько мне известно. Всего десять дней назад я закончил длинную повесть и отправил ее своему агенту. Скоро придется возвращаться к работе — нужно содержать жену.

— Тогда вы знаете, что в интересах сюжета, особенно в приключенческих историях, герои и злодеи выступают взаимодополняющими парами. И не могут обойтись друг без друга.

— Да, но… Слушайте, давайте начистоту. Человек, который только что ушел, — действительно персонаж, которого создали Хейзел и ее сын, Роджер Стоун, для сериала «Бичи космоса»?

— Да. Его создали Хейзел и ее сын. Стерлинг об этом знает. Видите ли, полковник, все мы — чей-то вымысел, творение какого-нибудь сочинителя. Но обычно не подозреваем об этом. Джону Стерлингу это известно, и он достаточно силен, чтобы с этим смириться. Он знает свою роль и свою судьбу, принимая их как данность.

— Но его вовсе не обязательно стирать!

Доктор Харшоу озадаченно уставился на меня:

— Вы же писатель. Гм… Может, вы пишете серьезную прозу? Бессюжетную?

— Я? Я не умею писать серьезную прозу. Я пишу истории. Для распечаток, головидения, даже для

книг в твердых переплетах. Самые разные истории. О грехе, страданиях и покаянии. Вестерны. Космические оперы. О войне. Об убийствах. О шпионах. Морские истории. Что угодно. Мы с Хейзел собираемся возродить ее классический сериал, с капитаном Стерлингом в главной роли. Как раньше. Так что это за разговоры насчет «стирания»?

— Вы не позволите ему уничтожить Властелина Галактики? Но вам придется, ибо Властелин — такое же воплощение зла, как и Боскон.

— Ну конечно! В первые тринадцать недель. Это надо было сделать много лет назад.

— Но он не мог: когда сериал закрыли, и герой, и злодей были еще живы. С тех пор Стерлингу пришлось сдерживать противника, и ничего больше.

— Ладно… мы исправим это. Властелин delenda est![99]

— И что потом делать Стерлингу?

Я хотел было ответить, но внезапно понял, что это риторический вопрос. Для каждой кошки найдется своя крыса. Герой уровня Стерлинга должен противостоять не менее выдающемуся

---

[99] Примечания: 99
Должен быть уничтожен *(лат.)*.

злодею. Если мы убьем Властелина, придется выдумать Сына Властелина с такими же крепкими яйцами, длинными зубами, злобным нравом и чтобы пар из ушей валил.

— Не знаю. Что-нибудь придумаем. Состарим его и отправим на непыльную должность. Комендант Академии Звездного патруля или что-нибудь похожее. Убивать его незачем. Для такой работы не нужен чудовищный злодей вроде Властелина.

— Точно не нужен? — тихо спросил Харшоу.

— Гм… может, сами займетесь сериалом?

— Только не я. Я почти на пенсии. Занимаюсь только «Семейством Стоунбендеров», это юмористический сериал, где не нужны особые злодейства. Теперь, когда я знаю правду о теории мира как мифа, я не стану придумывать настоящего злодея. Спасибо Клоно за то, что я так и не придумал его, потому что плохо верю в злодейство.

— Что ж, все равно я не смогу дать ответ без Хейзел. Я всего лишь подручный, который отвечает за пунктуацию, погоду и обстановку, а сюжетом заведует она. Поэтому давайте сменим тему. Дядя Джок, что ты говорил капитану Стерлингу насчет охоты на динозавров? Очередная из твоих шуточек? Вроде того, как ты отпилил десять квад-

ратных километров шельфового ледника Росса и отбуксировал в Сингапур, плывя на боку?

— На боку, но не все время. Это невозможно.

— Да ладно тебе. Так что с динозаврами?

— А что с динозаврами? Люблю охотиться на них. Как-то раз я взял с собой Джона Стерлинга, и он добыл великолепного тираннозавра-рекса. Хочешь попробовать?

— Ты серьезно? Дядя, ты же знаешь, я не охочусь. Не люблю стрелять в тех, кто не может выстрелить в ответ.

— Ха! Ты неправильно понял меня, племянник. Мы не убиваем несчастных зверюшек. Убивать динозавров примерно такое же развлечение, как стрелять в коров. Да и мясо у них так себе — у особей старше года оно жесткое и безвкусное. Я пробовал его много лет назад, когда подумывали об использовании мяса динозавров для борьбы с голодом на временно́й линии номер семь. Но это требовало безумной логистики, и потом, если подумать, несправедливо убивать глупых ящеров, чтобы прокормить глупых людишек, заслуживших голодную смерть. Другое дело — охота на динозавра с камерой, это по-настоящему весело. Это даже похоже на спорт, когда ты преследуешь крупных хищников и случайно натыкаешься на

разъяренного, сексуально озабоченного самца. Сразу прибавляешь скорости. А иначе… Дикки, в окрестностях Вичиты есть местечко, где ты точно встретишь трицератопса, несколько видов птеродактилей, гадрозавров, бронтозавров, может, даже самца стегозавра, и все это за один день. Обещаю. Как только закончится вся эта суматоха, возьмем выходной и отправимся туда. Что скажешь?

— Это так просто?

— С нашим снаряжением попасть в мезозой так же просто, как в ШКВ или Бундок. Время и пространство — всего лишь иллюзия. Запускаешь иррелевантный двигатель Берроуза — и не успеешь выговорить «шестьдесят пять миллионов лет», как оказываешься посреди стада жрущих и совокупляющихся тварей.

— Ты говоришь так, будто я уже провернул эту миссию «Адам Селен».

— Дикки, снаряжение принадлежит Корпусу времени и стоит очень дорого — лучше не говорить, сколько именно. Его произвели для плана «Дальняя перспектива» и лишь попутно используют для развлечений. Но вообще да, я имел в виду как раз это. Ты готов?

Манни Дэвис бесстрастно посмотрел на меня.

Руфо встал.

— Я потопал, у Стар есть работенка для меня, — громко объявил он. — Спасибо тебе еще раз, Джок. Рад был познакомиться, полковник.

Он поспешно вышел. Харшоу промолчал.

Я глубоко вздохнул:

— Дядя, возможно, я соглашусь, если Хейзел будет настаивать. Но я попробую ее отговорить. Меня так и не убедили, что предложенные мной варианты никуда не годятся. Любой из них выглядит более разумно, если речь идет о том, чтобы восстановить программы и память Холмса Четвертого или Майка… Готов признать, что их нужно восстановить. Но я думаю, что мои методы более логичны.

— Это не имеет отношения к логике, полковник, — сказал Харшоу.

— Это имеет отношение к моей шкуре, доктор. Но в конце концов я поступлю так, как хочет Хейзел… наверное. Просто…

— Что, Дикки?

— Просто я терпеть не могу бросаться в бой при нехватке разведданных! И так было всегда. Дядя, последние семь или десять дней — трудно сказать, сколько именно, с этим мотанием туда-сюда, — меня преследовала необъяснимая и,

скажем так, смертельно опасная чушь. Меня что, преследует этот самый Властелин, о котором все говорят? Раз за разом меня пытались убить из-за того, что я ввязался в эту историю? Или меня просто одолела паранойя?

— Не знаю. Расскажите мне обо всем.

Я начал рассказывать. Вскоре Харшоу достал блокнот и стал делать заметки. Я попытался вспомнить все: Энрико Шульца, его непонятное замечание насчет Толливера и упоминание Уокера Эванса; его смерть — если это была смерть; Билла; странное поведение властей «Золотого правила»; два лунохода с убийцами; Джефферсона Мао; бандитов возле «Раффлза»…

— Это все?

— Разве этого недостаточно? Нет, не совсем. Какой груз перевозила тетушка? Почему мы полетели на куче металлолома, которая едва нас не угробила? Что делали в лунной пустыне леди Диана и ее тупоголовые мужья? Будь у меня возможность, я потратил бы любые деньги на шерлоков, чтобы они раскопали, что происходит. Что из этого действительно было покушением на мою жизнь, что — игрой моего воображения, а что — чистой случайностью?

— Случайностей не бывает, — сказал Харшоу. —

Теория мира как мифа намного проще прежней телеологии в одном отношении: в ней нет никаких случайных событий и нет совпадений.

— Джубал? — спросил дядя Джок. — У меня нет нужных полномочий.

— Зато у меня есть, — Харшоу встал. — Думаю, они есть у нас обоих.

Мой дядя тоже встал.

— Дикки, малыш, подожди нас здесь, мы выйдем минут на пять. Есть одно дело.

Когда они ушли, встал и Дэвис.

— Прошу прощения, мне нужно сменить руку.

— Конечно, папа Манни. Нет-нет, Пиксель! Пиво — не для котят.

Судя по моему «Сонихрону», они отсутствовали семь минут, но в их времени все было явно по-другому. Дядя отрастил бороду, а у Харшоу появился свежий розовый шрам от ножа на левой щеке.

— Во имя Духа Рождества! Что случилось?

— Много чего. Пиво еще осталось? Сисси, — спросил дядя, не повышая голоса, — можно нам пива? И еще мы с Джубалом были без еды какое-то время. Несколько часов. А может, и дней.

— Сейчас, — ответил бестелесный голос тети Сисси. — Дорогой, думаю, тебе стоит вздремнуть.

— Потом.

— Как только поешь. Через сорок минут.

— Хватит ворчать. Можно мне томатного супа? И Джубалу тоже.

— Сейчас принесу суп и то, что осталось от вашего пикника. Через сорок пять минут ляжешь спать. Это приказ Тил.

— Напомни, чтобы я отлупил тебя как следует.

— Да, дорогой. Но не сегодня — ты устал.

— Идет. — дядя Джок повернулся ко мне. — Так… с чего начнем? С тех луноходов? Этим занимался твой друг Хендрик Шульц. Будь уверен, он докопался до самой сути. Следователь из него просто ichiban[100]. Нет, у тебя не было паранойи, Дикки, забудь об этом. Речь идет о двух соперничающих группировках, Повелителях Времени и Сценаристах… и обе они охотятся за тобой и друг за другом. У тебя очаровательная жизнь, сынок, — ты рожден, чтобы быть повешенным.

— В каком смысле — Повелители Времени и Сценаристы? И почему именно я?

— Сами они могут называть себя иначе. Повелители и Сценаристы занимаются примерно тем же самым, что и Круг… но они смотрят на ситуацию иначе, чем мы. Дикки, ты ведь не думаешь,

---

[100] Примечания: 100
От японского — «первоклассный».

что во всех вселенных, которых Число зверя или даже больше, только мы в Круге познали истину и пытаемся что-то сделать?

— Ничего об этом не знаю. И не могу сказать ни да, ни нет.

— Полковник, — вмешался доктор Харшоу, — главный недостаток мира как мифа заключается в том, что мы противостоим… часто проигрывая… противникам трех видов. Во-первых, это закоренелые злодеи, такие как Властелин Галактики. Во-вторых, группы вроде нашей, но действующие с другими намерениями, для нас — дурными, для них — возможно, добрыми. В-третьих, это самые могущественные соперники, мифотворцы как таковые — Гомер, Твен, Шекспир, Баум, Свифт и их коллеги по пантеону. Но не те, кого я перечислил. Их тела мертвы, и они живут лишь благодаря бессмертным мифам, которые они создали. Эти мифы не меняются, и, следовательно, не представляют для нас угрозы. Но есть и живые мифотворцы: каждый из них крайне опасен, они небрежно относятся к своим творениям, когда пересматривают сюжеты или стирают персонажей — Харшоу мрачно улыбнулся. — Как жить со знанием этого? Понять, что иного не дано и что это совсем не больно — быть стертым, вычеркну-

тым из истории.

— Откуда вы знаете, что это не больно?

— Я отказываюсь принимать другую теорию, вот и все! Ну что, продолжим наш отчет?

— Дикки, малыш, ты спрашивал: «Почему именно я?» По этой же причине мы с Джубалом покинули обед в приятной компании и потратили немало сил, отправив множество людей в трудную и опасную разведку на нескольких временных линиях. Это из-за миссии «Адам Селен» и твоей ключевой роли в ней. Насколько мы понимаем, Повелители Времени стремятся похитить Майка, а Сценаристы хотят его уничтожить. Но и те и другие желают твоей смерти: ты угрожаешь их планам.

— Но в то время я даже не слышал о Майке-компьютере!

— Разве это не самый подходящий момент, чтобы убить тебя? Сисси, ты не только очень красива, но и приятна в общении, и это не считая твоих скрытых талантов. Поставь, мы сами себя обслужим.

— Blagueur et gros menteur[101]. Тебе все-таки нужно поспать. Тил просила передать, что не

---

[101] Примечания: 101
Шутник и большой лжец *(фр.)*.

пустит тебя за стол, пока ты не сбреешь эту бороденку.

— Скажи этой нахалке, что я скорее умру с голоду, чем буду у нее под каблуком.

— Да, сэр. Я разделяю ее мнение.

— Успокойся, женщина.

— Поэтому я сама тебя побрею. И подстригу тебе волосы.

— Согласен.

— Сразу же после того, как проснешься.

— Сгинь. Джубал, ты пробовал этот салат-желе? Тил отлично готовит его… хотя все три мои хозяйки — прекрасные поварихи.

— Можешь изложить это в письменном виде?

— Я же сказал, исчезни. Джубал, жизнь с тремя женщинами требует немалой стойкости.

— Знаю. Сам много лет так жил. Стойкости и ангельского характера. А также любви к праздности. Но групповой брак, как в нашем Семействе Лонгов, сочетает преимущества холостой жизни, моногамии и полигамии, без присущих им недостатков.

— Не буду спорить, но останусь со своими тремя грациями, пока они терпят меня. Что ж, посмотрим… Энрико Шульц. Такого персонажа нет.

— То есть? — удивился я. — Он оставил несколь-

ко жутких пятен на моей скатерти.

— Значит, его звали иначе. Но ты и сам это знал. Скорее всего, он входит в ту же банду, что и твой дружок Билл… улыбчивый злодей, если злодеи вообще способны улыбаться, и превосходный актер. Мы называем их Ревизионистами. Он затеял все это из-за Адама Селена, а не из-за Уокера Эванса.

— Тогда почему он упомянул Эванса?

— Может, хотел тебя встряхнуть? Дикки, я ничего не знал о генерале Эвансе, пока ты сам о нем не заговорил. Для меня это поражение все еще в будущем — в моем нормальном будущем. Могу понять, каким бременем оно лежит на твоей душе. Будет лежать. Не забывай, я не знал, что тебя списали по инвалидности из Андоррских контрактников-крестоносцев, пока ты сам мне не рассказал. Так или иначе, все «друзья Уокера Эванса» мертвы, кроме тебя и еще одного: он улетел в Пояс астероидов, и теперь его не найти. Таково положение на десятое июля две тысячи сто восемьдесят восьмого года, которое наступит через одиннадцать лет. Разве что ты хочешь поговорить с кем-то из тех, кто жив до этого дня.

— Не вижу необходимости.

— И мы тоже. Теперь о самом Эвансе. Этим за-

нялся Лазарус… слегка изменив мир, отчасти из желания показать, на что мы способны. Попыток пересмотреть исход сражения не предпринималось. Из две тысячи сто семьдесят седьмого сложно было изменить битву, состоявшуюся в две тысячи сто семьдесят восьмом году, не поменяв полностью твою жизнь. Либо тебя убивают в том году, либо ты не теряешь ногу и остаешься на службе — да, теперь я знаю про твою ногу, хотя это еще впереди. В любом случае ты не отправляешься в «Золотое правило», не женишься на Хейзел… и мы с тобой не сидим здесь и не разговариваем об этом. Менять мир опасно, Дикки, и лучше всего делать это в гомеопатических дозах.

Лазарус просил передать тебе две вещи. Он говорит, что ты не должен чувствовать личной вины за то поражение. Это глупо. Как если бы подчиненный Кастера[102] чувствовал вину за Литтл-Бигхорн… хотя Кастер был куда более выдающимся военачальником, чем Эванс. Лазарус знает, что говорит: он прошел путь от рядового до главнокомандующего и за многие века участвовал в семнадцати войнах.

---

[102] Примечания: 102

Джордж Армстронг Кастер (1839–1876) — американский кавалерийский офицер, погибший при атаке на превосходящие силы индейцев при Литтл-Бигхорне.

Это первое, что он просил передать. И второе: «Скажи своему племяннику, что люди приходят от этого в ужас, но такое случается. Лишь те, кто заходит туда, где нет уличных фонарей и тротуаров, знают, как такое может произойти». Он говорит, что Уокер Эванс наверняка не обиделся бы на тебя. Дикки, о чем это он?

— Если бы он хотел, то рассказал бы тебе сам.

— Разумно. Как по-твоему, у генерала Эванса хороший вкус?

— Что? — Я уставился на дядю, а затем неохотно ответил: — Ну… я бы не сказал. Жестковатый, довольно жилистый.

— Что ж, теперь, когда мы можем говорить в открытую…

— Да, черт побери!

— …я могу рассказать тебе все остальное. Об изменении мира. Оперативник спрятал под телом генерала несколько сухих пайков. Когда вы подняли его тело, ты нашел их… и этого хватило, никто из «друзей Уокера Эванса» не проголодался настолько, чтобы преодолеть табу. Ничего такого не случилось.

— Тогда почему я об этом помню?

— Точно помнишь?

— Но…

— Ты помнишь, как нашел забытые пайки под телом. И как этому обрадовался!

— Дядя, это безумие.

— Всего лишь изменение мира. Воспоминания будут сохраняться, но постепенно помутнеют и наконец исчезнут. Этого никогда не было, Дикки. Ты прошел адские муки и лишился ноги. Но ты не ел своего командира.

— Джубал, — сказал дядя, обращаясь к доктору, — мы не забыли ничего важного? Дикки, не надейся, что получишь ответы на все свои вопросы — на это никто не может надеяться. Гм… да, насчет тех болезней: у тебя их было только две, остальное — симуляция. Тебя вылечили дня за три, потом поместили в поле управляемых воспоминаний, прирастили тебе новую ногу… и проделали с тобой кое-что еще. Ты ведь чувствуешь себя лучше? Стал живее, энергичнее?

— Ну… в общем, да. Но я чувствую себя так с тех пор, как женился на Хейзел. Бундок здесь ни при чем.

— Вероятно, сработало и то и другое. Ты пробыл там месяц, и все это время доктор Иштар давала тебе омолодитель. Я выяснил, что тебя перевели из клиники по омоложению в больницу за день до твоего пробуждения. Да уж, здорово тебя на-

дули, парень, — дали новую ногу и сделали на тридцать лет моложе. Я бы подал на них в суд.

— Ладно, хватит уже. Что насчет той тепловой бомбы? Тоже симуляция?

— То ли да, то ли нет. Пока не решено — лишь установлен временной отсчет. Все дело в том…

— Ричард, — вмешался Харшоу, — думаю, теперь мы сумеем выполнить миссию «Адам Селен» до того, как станет нужна тепловая бомба. Есть кое-какие планы, и тепловая бомбардировка сейчас подвисла в состоянии кота Шредингера. Исход зависит от результатов миссии «Адам Селен», и наоборот. Посмотрим.

— Насчет планов… вы хотите сказать, что я соглашусь?

— Нет. Мы хотим сказать, что ты этого не сделаешь.

— Гм… Если вы думали, что я не соглашусь, зачем тогда было рассказывать мне все это?

— Дикки, малыш, — устало проговорил дядя, — чтобы удовлетворить твое детское желание приоткрыть завесу неведомого, потрачены тысячи человеко-часов. Думаешь, мы просто собираемся сжечь результаты? Сядь и слушай внимательно. Гм… держись подальше от Луна-Сити и «Золотого правила» после июня две тысячи сто восемьдесят

восьмого — тебя разыскивают за восемь убийств.

— Восемь?! Кого я убил?

— Гм… Толливера, Энрико Шульца, Джонсона, Освальда Проганта, Расмуссена…

— Расмуссена?

— Ты с ним знаком?

— Я десять минут носил его феску, но ни разу его не видел.

— Не будем тратить время на эти обвинения. Все они означают, что кто-то хочет до тебя добраться, в Луна-Сити и в «Золотом правиле». За тобой охотятся три группы прыгунов во времени, так что ничего удивительного. Если хочешь, чтобы с тебя сняли обвинения, это можно сделать, но только позже. Если понадобится. Если нет — отправляйся на Терциус и забудь обо всем. Ах да… те коды. Это было не сообщение, а хитрость, чтобы ты открыл дверь. Но ты не дал спокойно убить себя, как предполагалось изначально. Дикки, ты создаешь кучу проблем.

— Черт возьми, прошу прощения.

— Еще вопросы есть?

— Пойди поспи.

— Пока рано, Джубал?

— Да, конечно.

Доктор Харшоу встал и вышел.

— Дикки…

— Да, дядя?

— Она любит тебя, парень, по-настоящему любит. Одному Богу ведомо почему. Но это не значит, что она будет всегда говорить тебе правду или действовать в твоих интересах. Будь осторожен.

— Дядя Джок, что толку предупреждать мужчину насчет его жены? Ты бы стал слушать мои советы насчет Сисси?

— Конечно нет. Но я старше тебя и намного опытнее.

— Ответь мне.

— Давай лучше сменим тему. Тебе ведь не нравится Лазарус Лонг?

— Дядя, — улыбнулся я, — то, что ему действительно столько лет, сколько говорят: одной человеческой жизни не хватит, чтобы стать таким сварливым и тяжелым в общении. Он все время действует мне на нервы. И что еще хуже, этот ублюдок все время старается, чтобы я был перед ним в долгу. Ты знал, что это нога его клона? А возьми скандал, который случился сегодня утром. Лазарус застрелил того типа… как его?… который хотел меня убить. Но в него выстрелили капитан Стерлинг с командором Смитом — наверное, до Лазаруса. А может, и нет. Так или

иначе, мне пришлось поблагодарить всех троих. Черт возьми, я бы с радостью спас ему жизнь, всего лишь раз, чтобы свести баланс. Ублюдок.

— Не говори этого слова, Дикки. Эбби выпорола бы тебя.

— Наверняка. Беру это слово обратно.

— И к тому же… твои родители не были женаты.

— Мне часто об этом рассказывали. С живописными подробностями.

— Я в буквальном смысле. Твоя мать была моей любимой сестрой. Намного младше меня. Красавица. Я учил ее ходить, играл с ней, пока она подрастала, баловал как только мог. И естественно, когда у нее случилась, как это раньше называли, «неприятность», она пришла к своему старшему брату и к твоей тете Эбби. Дикки, дело не в том, что твой отец сбежал, — а в том, что твой дед невзлюбил его так же яростно, как… как ты невзлюбил Лазаруса Лонга. И я говорю не об Эймсе — ты получил его фамилию, но он познакомился с Венди и женился на ней уже после твоего рождения. Мы взяли тебя в свой дом и воспитали. Твоя мать собиралась забрать тебя через год — по ее словам, Эймс заслужил хотя бы это, — но она столько не прожила. Эбби заменила ее во всем,

разве что не была твоей матерью по крови.

— Дядя, тетя Эбби была лучшей матерью, какую только может пожелать мальчишка. Знаешь, те персиковые розги пошли мне на пользу. Это уж точно.

— Рад это слышать. Дикки, я люблю всех твоих тетушек… но другой Эбби не будет. Глядя на Хейзел, я вспоминаю о ней. Дикки, ты уже принял решение?

— Дядя, я сопротивляюсь изо всех сил. Разве я могу позволить своей жене участвовать в деле, где шансов остаться в живых пятьдесят на пятьдесят? Тем более никто не попытался доказать мне, что мои варианты хуже этого.

— Я просто спросил. Ты не согласился, и математики сейчас испытывают другую команду. Посмотрим. Твой отец и дед были упрямцами, неудивительно, что ты пошел в них. Твой дед — мой отец — прямо сказал: пусть лучше в Семействе живет ублюдок, чем Лазарус Лонг. И он получил его, то есть тебя. А Лазарус уехал, так и не узнав о твоем существовании. Неудивительно, что вы с отцом не ладите — слишком уж вы похожи. И теперь он займет твое место в команде, выполняющей миссию «Адам Селен».

30

Окончен праздник[103].

Уильям Шекспир (1564–1616)

Умирать нетрудно. Даже котенок это умеет.

Я сижу спиной к стене в старом компьютерном зале Административного комплекса Луны. Пиксель улегся калачиком на моей левой руке. Рядом с нами, на полу, — Хейзел. Не уверен, что Пиксель мертв, — может, он спит. Но я не буду его тревожить, чтобы это выяснить: в лучшем случае малыш тяжело ранен.

Я знаю, что Хейзел еще жива: я вижу, как она дышит. Но выглядит она совсем неважно. Пора бы им поторопиться.

Я мало чем могу помочь Хейзел и котенку — у меня при себе нет ничего, а двигаться я больше не могу. Лишился ноги, и протеза у меня нет. Да, той самой правой ноги — ноги Лазаруса. Отрезало лучом почти по шву. Думаю, грех было бы жаловаться — рану сразу же прижгло, и крови я потерял немного. На самом деле и боль не такая сильная. Не та ослепляющая боль, как от паяль-

---

[103] Примечания: 103

У. Шекспир. Буря. Акт IV, сцена 1.

ной лампы. Она придет позже.

Интересно, знает ли Лазарус, что он мой отец? Говорил ли ему дядя? Гм… получается, что Морин, невероятно прекрасное создание, — моя *бабушка*?

И… пожалуй, надо вернуться немного назад.

У меня слегка кружится голова.

Я даже не уверен, что это записывается. У меня есть полевой регистратор, но это миниатюрная терцианская модель, я с ней плохо знаком. То ли он был включен, и я его выключил, то ли он был выключен, и я его включил. Не уверен, что Пиксель мертв. Или я это уже говорил? Пожалуй, надо вернуться немного назад.

Это была хорошая команда, одна из лучших, и мне казалось, что при нашей огневой мощи у нас есть неплохие шансы. Возглавляла ее, разумеется, Хейзел.

Майор Сэди Липшиц, командир ударной группы.

Капитан Ричард Кэмпбелл, старший помощник командира.

Корнет Гретхен Хендерсон, младший офицер.

Сержант Эзра Дэвидсон.

Капрал Тед Бронсон, он же В. В. Смит, он же Лазарус Лонг, он же доктор Лафайет Хьюберт,

исполняющий также обязанности военного медика.

Мануэль Дэвис, гражданский специалист-оперативник.

Когда Лазаруса назначили капралом в ударную группу, он настоял, чтобы его называли Тедом Бронсоном[104]. Думаю, это шутка, понятная лишь посвященным — мне ее не объяснили.

Корнет Хендерсон вернулась на службу через несколько месяцев после того, как родила мальчика. Она была красивая, стройная и загорелая, боевые ленточки смотрелись вполне уместно на ее симпатичной груди. Сержант Эзра всегда выглядел как подобает солдату с тех пор, как получил ноги, и его орденские ленточки только подчеркивали это. Хорошая команда.

Почему мне дали звание капитана? Этот вопрос я задал сразу же после того, как Хейзел приняла у меня присягу от имени Корпуса, и получил ответ, который прозвучал глупо или, наоборот, разумно — смотря как к нему относиться: потому что во всех учебниках истории, где я был упомянут (по словам Хейзел), у меня была должность замести-

[104] Примечания: 104

Тед Бронсон — имя, под которым Лазарус Лонг внедряется в семью собственных родителей в романе Р. Э. Хайнлайна «Достаточно времени для любви, или Жизнь Лазаруса Лонга».

теля командира. Имена остальных история не сохранила, но нигде не говорилось, что мы действовали вдвоем, так что Хейзел решила усилить нашу огневую мощь, собрав команду. (Именно она решила, и именно она собрала — а вовсе не Лазарус или мозговой центр ШКВ. И это вполне меня устраивало.)

Экипаж Гэй-Плутовки составляла ее первая команда: Хильда, капитан; Дити, старший помощник и астронавигатор; Зеб Картер, главный пилот; Джейк Берроуз, второй пилот и специалист по обслуживанию иррелевантного двигателя; и сама Гэй, разумная машина, способная пилотировать сама себя… в отличие от любого другого иррелевантного корабля, кроме Доры (чересчур крупной для этой задачи).

Капитан машины, Хильда, подчинялась командиру ударной группы. Я бы ожидал, что тут возникнут трения… но Хильда сама это предложила.

— Хейзел, иначе и быть не может. Каждый должен знать, кто тут главный. Когда начнется заварушка, будет не до разговоров.

Хорошая команда. Мы не тренировались вместе, но были профессионалами, а наш командир дал нам такие четкие инструкции, что никаких

тренировок не понадобилось.

— Внимание, ставлю боевую задачу. Она следующая: захватить выбранные Дэвисом предметы и доставить их вместе с Дэвисом на Терциус. Других задач нет. Если обойдемся без потерь, прекрасно. Но если все погибнут, а Дэвис с добычей вернется на Терциус, задание будет выполнено.

План таков: Хильда сажает машину у северной стены, правым бортом к ней, ровно в тот момент, когда ШКВ объявит о готовности к разрыву пространства-времени. Покидаем машину в следующем порядке: Липшиц, Кэмпбелл, Хендерсон, Дэвидсон, Бронсон, Дэвис. Перед высадкой построиться в указанном порядке в ванных комнатах.

Компьютерный зал имеет квадратную форму. Липшиц идет в северо-западный угол, Дэвидсон — в северо-восточный. Расположенная по диагонали пара прикрывает все четыре стены, так что две пары обеспечивают двойное прикрытие для всех стен. Бронсон охраняет Дэвиса, занимает позицию по усмотрению.

Пока Дэвис работает, Хендерсон и Дэвидсон по указанию Дэвиса переносят предметы в машину, им помогает изнутри Дити. Капитан машины и пилоты остаются наготове на случай внезапного бегства и только помогают передавать предметы.

Бронсон ничего — повторяю, ничего — не таскает и не грузит, а только охраняет Дэвиса.

Когда Дэвис докладывает мне, что задание выполнено, как можно быстрее возвращаемся в машину в обратном порядке: Дэвис, Бронсон, Дэвидсон, Хендерсон, Кэмпбелл, Липшиц. Хильда, будь готова отдать приказ сматываться, как только Дэвис и его материалы окажутся на борту, в зависимости от тактической ситуации. Если возникли проблемы, не жди никого. Действуй по своему усмотрению, но ты должна спасти Манни и его груз, даже если придется кого-то бросить.

Вопросы есть?

Как долго я спал? Мой «Сонихрон» стал одной из первых потерь. Команда, которую собрала Хейзел, была… нет, я уже говорил об этом… кажется. Что сталось с Древом-сан?

Для начала операции был выбран момент сразу после того, как Хейзел вышла из компьютерного зала, в субботу пятого июля. Команда, выбирая его, рассудила, что если нам устроили засаду возле «Раффлза», противник (Повелители Времени?) не будет ждать нас в компьютерном зале. Сделать это раньше было невозможно — когда Хейзел была в компьютерном зале, Адам Селен все еще оставался там.

Момент оказался выбран точно, даже почти слишком — покидая Гэй, Хейзел внезапно остановилась, так что я едва на нее не налетел, и после короткой паузы двинулась дальше.

Остановилась она потому, что увидела свою собственную спину в дверях зала.

Нужно сообщить тете Тил, что мы с Хейзел не сможем вернуться к ужину.

У меня трещит голова и что-то с глазами.

Не знаю, как Пиксель проник на борт Гэй. Эта малявка лезет куда попало!

Джубал Харшоу говорит: «Единственное, что неизменно в этих переменчивых мирах, — это человеческая любовь». И этого достаточно.

Пиксель слегка пошевелился.

Все-таки здорово было иметь две ноги, пусть и несколько дней.

— Ри… чард?
— Да, любимая?
— Ребенок… Гретхен… Ты… его отец.
— Что?!
— Она… сама мне сказала… месяц назад.
— Не понимаю.

— Пара… докс.

Я попытался ее расспросить, но она снова заснула. Повязка, которую я наложил на ее рану, сочилась кровью. Но ничего другого у меня не было, и я не стал ее трогать.

В этот раз я не увижу тетю Белден. Жаль.

Что с моими файлами? Остались в другой ноге?

Эй! Завтра ведь тот самый день, когда «умрем мы все» — если не умрет Толливер.

Первый час прошел без инцидентов. Манни трудился без передышки. Сменив один раз руку, он начал заполнять ящики. Гретхен и Эзра относили их к машине, передавали другим и возвращались на свой пост. Похоже, это были в основном программы, которые Манни переписывал в собственные кубы, используя принесенное с собой оборудование, из моего угла мне не было видно. Потом он стал заполнять ящики быстрее, загружая их цилиндрами.

Память Адама Селена? Не знаю. Наверное, я больше смотрел по сторонам. Манни выпрямился и сказал:

— Все! Готово.

— Мррэм! — послышалось в ответ.

И тут нас атаковали.

Я сразу же упал, лишившись ноги. Потом я увидел, как повалился Манни и услышал крик Хейзел:

— Бронсон! Забери его на борт! Хендерсон, Дэвидсон — последние два ящика!

Остального я не слышал, поскольку начал стрелять. Вся восточная стена исчезла: я прошелся по ней излучателем на полной мощности. И кто-то еще стрелял — мне кажется, кто-то из наших.

Потом наступила тишина.

— Ри… чард?
— Да, дорогая?
— Было… здорово.
— Да, любимая! Все было здорово.
— Ричард… тот свет… в конце туннеля…
— Да?
— Я буду ждать… там.
— Милая, ты меня еще переживешь!
— Найди меня. Я…

Когда рухнула стена, мне показалось, будто я увидел этого… забыл имя. Может, тот тип, что его стер, вписал его обратно в сюжет? Чтобы разделаться с нами?

А кто написал *наш* сюжет? Он собирался оставить нас в живых?

Тот, кто способен убить котенка, — злодей, конченый злодей. Кем бы ты ни был, я тебя ненавижу. И презираю тебя!

Я продрался сквозь сон и понял, что задремал на посту! Мне нужно собраться, потому что они могут вернуться. Или — сюрприз! — вернется Гэй-Плутовка. Не могу понять, почему она не возвращается. Не могут выбрать правильный момент? Могло случиться что угодно. Но они не бросили бы нас здесь.

Мы же спасли Манни и то, что он собрал. Мы победили, черт бы вас всех побрал!

Надо посмотреть, что осталось из оружия и боеприпасов. У меня ничего больше нет. Мой излучатель разряжен, я помню. А мой пистолет? Не помню, чтобы я из него стрелял. Ничего нет. Нужно поискать вокруг.

— Дорогой?

— Да, Хейзел?

(Сейчас она попросит воды, а у меня нет ни капли!)

— Мне так жаль, люди ужинали.

— Ты о чем?

— Мне пришлось убить его, любимый. Ему поручили убить тебя.

Я положил котенка на Хейзел. Возможно, он и вправду шевелился, а возможно, нет, — может, они оба уже мертвы. Мне удалось встать на одну ногу, держась за компьютерную стойку, но я тут же опустился обратно. Я столько времени прыгал при одной шестой *g*, но оказалось, что сейчас мне не хватает ни сил, ни чувства равновесия, и я оказался без своей трости — впервые за много лет. Кажется, она осталась в ванной Гэй, той, что слева.

Потом я ползал, осторожно подтягивая правую ногу. Она уже начала болеть. Заряженного оружия я не нашел. С последним мучительным усилием я вернулся к Гвен и Пикселю. Никто из них не шевельнулся. Правда, я не был до конца в этом уверен.

Одна неделя — не слишком много для медового месяца и ужасающе мало для супружеской жизни.

Я обшарил сумочку Хейзел — надо было это сделать раньше. Моя жена носила ее с собой, перекинув через плечо, даже в бою.

Внутри она оказалась намного больше, чем

снаружи. Я нашел двенадцать шоколадных батончиков. Нашел ее маленькую камеру. Нашел смертоносный дамский пистолетик, тот самый «мияко», полностью заряженный: восемь патронов в магазине и один в патроннике.

А на самом дне я, конечно же, нашел игломет. Я с трудом заметил его — он выглядел как туалетный набор. В нем все еще оставались четыре иглы.

Если они вернутся — или явится новая банда, мне все равно, — я прихвачу с собой чертову дюжину.

О романе «Кот, который ходил сквозь стены»

Несостоявшийся джедай и Мировой змей

В конце 1970-х в истории временно́й линии Одиннадцать-Би, код «Армстронг», появились первые тревожные признаки того, что «Ложный Рассвет» заканчивается. В своей диаграмме «История будущего» Хайнлайн пометил эту точку 2000 годом, но в нашей Вселенной кризис наступил гораздо раньше. После триумфальной высадки на Луну в США упал интерес к космическим программам, и началось сокращение бюджетов. Лунная гонка закончилась, а других политически привлекательных целей космос не предлагал, и после сворачивания программы «Аполлон» пилотируемая космонавтика дышала на ладан. Для оживления к ней интереса… Исследовательский центр Эймса собрал в 1975 году девятнадцать профессоров из Стэнфорда, чтобы они разработали проект орбиталища для одной из точек Лагранжа. Такая станция могла

бы стать платформой для дальнейшей экспансии — на Марс, Луну и астероиды. По итогам конкурса были отобраны три проекта: «Сфера Бернала», «Цилиндр О'Нила» и «Стэнфордский тор», но ни один из них НАСА продвигать не собиралось — у него просто не было на это денег. Зато частные энтузиасты всерьез ухватились за идею О'Нила и создали «L5 Society» — «Сообщество Эль-5». Их целью была частная космонавтика и заселение космоса. Естественно, Хайнлайн принял участие в «Эль-5». Боб вкладывал в проекты, связанные с космосом, время, душу и даже наличные деньги. Он протестовал против закрытия программы «Викинг» и вложил несколько тысяч долларов в фонд ее поддержки, участвовал в заседаниях «Эль-5» и, конечно же, входил в гражданский комитет разработки рейгановской программы «Звездных войн». Звездные войны стали главным крестовым походом Хайнлайна в 1980-х. Его паранойя и страх перед атомной войной, вылившиеся в строительство персонального бомбоубежища, никуда не делись после 1960-х. И потому он заседал в комитете, где писатели, ученые и генералы обсуждали орбитальные крепости и пучковое оружие, жертвовал деньги на продолжение этого безумия и писал статьи в поддержку Стратеги-

ческой оборонной инициативы. Вся эта суета не слишком способствовала его литературной деятельности, но Хайнлайн считал, что он может и должен использовать наработанный авторитет на благое дело. И кое-где это действительно принесло плоды: если с «Эль-5» и «Звездными войнами» дело закончилось пшиком, то добровольное донорское движение, запущенное Хайнлайном, существует и по сей день.

Социальная активность отнимала у него уйму времени. А еще писателю начал мешать артрит, и передвигаться ему теперь приходилось с тростью из-за проблем с равновесием. Кроме того, он остро осознавал, что любые отложенные дела могут так и остаться невыполненными — и спешил поставить галочки в своих планах: пройти Северо-западным проходом из Атлантического океана в Тихий, побывать в Китае и Японии, посетить Антарктиду и т. п. И тем не менее в 1983 году он начал собирать заметки для очередной истории «The Reluctant Knight» («Рыцарь поневоле»), она должна была рассказывать о безмятежном затворнике, которого согнали с насиженного места обстоятельства. Что-то наподобие грубоватого Дон Кихота, которого то и дело втягивает в приключения вечно

подзуживающая его Санчетта. Несомненно, это был своеобразный портрет супружеской четы Хайнлайнов. Необузданный нрав и неконтролируемый язык Джинни много раз могли стать причиной больших неприятностей. Вирджинии страшно нравилось с ходу бросаться в бой при виде какой-то несправедливости, попытке ущемить ее права или финансовые интересы, и Бобу часто приходилось ввязываться в неподготовленные сражения с бюрократами, расистами, сексистами, социалистами, чиновниками, таможенниками, полицией, туристическими гидами и водителями такси по всему свету. Действие романа должно было протекать в той же Вселенной (вселенных), что и «Число зверя». Он должен был продолжить объединение литературных миров; кроме того, в текст должны были войти непогребенные останки «Панки-Барсума» (первый вариант «Числа зверя») и целый ворох фокусов со встречным-поперечным и закольцованным временем.

К ноябрю 1983-го «Рыцарь» трансформировался в детектив «Год Змеи», его действие из «Эль-5» переходило в Луна-Сити. Спустя сто лет после революции Луна была уже не та, что прежде, и новая бюрократия повсюду распускала свои щупальца, а новое правительство стремительно

закручивало гайки. Хайнлайн вновь сталкивал лбами личность и общество больной, умирающей культуры. Эта тема уже поднималась в романе «Фрайди», но теперь она должна была подаваться в легкой джазовой манере «Иова», поэтому в подзаголовке романа стояло: «Комедия нравов». Потом название сменилось на «Мировой змей», змеи проползли в название вслед за Кругом Уробороса — верхушкой Корпуса времени. Сам Корпус был позаимствован из «Все вы зомби…». Появление Корпуса было многообещающей деталью — эта сюжетная линия была затронута в романе вскользь и настойчиво требовала продолжения. Хайнлайн оставил в тексте множество закладок для последующего развития, и война манипуляторов истории могла стать темой одного из следующих романов вселенной «Мир-как-Миф»… Или, во всяком случае, так позднее предположили некоторые исследователи.

Но иногда мне кажется, что «Кот» не только и не столько текст с безумным сюжетом, сколько *изображение* работы писателя над текстом. И с этой точки зрения полковник Ричард Кэмпбелл (кстати, знакомая фамилия) — это рациональная часть сознания писателя, которая возмущается, отвергает, а затем принимает литературные

условности, а действия Корпуса времени — метафора действий писателя, перекраивающего сюжет. В этом свете становятся более осмысленными странные изгибы сюжета, рояли в кустах, замена одного персонажа другим (Гвен-Хейзел) и прочие вещи.

В феврале 1984 года работа над романом по неизвестной причине прекратилась. В это время Хайнлайн познакомился с Лео Стовером, издательство просило его написать о Хайнлайне книгу. В процессе интервью у них неожиданно возникла новая идея — об авторизованной биографии Хайнлайна (которая была позже начата, но так и осталась недописанной). Думаю, его мотивации лучше всего выразил Манни:

«— Мануэль, — спросил дядя Джок, — у тебя есть неопубликованная автобиография?

Мой приемный тесть кивнул:

— Как без нее? Проф мертв, Вайоминг мертва, и Майк, возможно, тоже. Из тех, кто своими глазами видел Лунную революцию, остался я один. Сколько же вранья идет от дружков, которых там не было…»

Потом возникли политические и организационные проблемы в «Эль-5», в результате которых Хайнлайн и его друг писатель Джерри Пурнелл

сложили с себя все полномочия и покинули сообщество. Зато 13 июня Боб вернулся к книге. Должно быть, голоса героев наконец-то отчетливо зазвучали в его голове, потому что больше он роман не откладывал. Правда, теперь он уже не мог работать дни и ночи напролет — максимум два часа непрерывной работы, это был его предел. Он закончил «Мирового змея» 23 июля 1984 года, через две недели и два дня после своего 77-го дня рождения. Роман он посвятил своим коллегам по Гражданскому комитету «Звездных войн»:

Джерри Пурнеллу, писателю-фантасту;

Ларри Нивену, писателю-фантасту;

Гарри Стайну, писателю-фантасту, соседу по Колорадо-Спрингс;

Дину Ингу, писателю-фантасту, доктору философии, профессору;

Даниэлю Грэму, генерал-лейтенанту армии США в отставке;

Джиму Бину, писателю-фантасту, редактору и главе издательства «Baen Books»;

Полу Андерсону, писателю-фантасту;

Фрэнсису Басби, писателю-фантасту;

Барри Уоркману, другу Джерри Пур-

нелла.

В отличие от «Зверя» этот роман Вирджиния приняла без возражений. Ей не нравилось только название, потому что она терпеть не могла змей. В принципе, роман мог ждать теплый прием и у старых фэнов — потому что это было «продолжение» «Луны — суровой госпожи» и «Космического семейства Стоун», того Старого Доброго Хайнлайна, которого любили все поголовно.

Но их ждал сюрприз: здесь было нечто большее, чем хайнлайновский фанфик по собственным вещам. Нечто большее, чем обычный хронобоевичок. Помимо явного сюжета, в романе постоянным фоном идет сюжет виртуальный, в котором писатель Ричард Кэмпбелл сталкивается с миром, построенным по литературным законам. Начинается все с внезапного бессмысленного убийства, которое Кэмпбелл тут же препарирует с точки зрения законов жанра — для него это всего лишь шутка, но подобные шутки немедленно начинают твориться с окружающей его реальностью. И вот уже невидимый Вергилий ведет героя все дальше и дальше, круг за кругом, и литературная условность происходящего все нарастает… А затем вполне реальный поначалу мир последова-

тельно разбивается вдребезги — все оказывается иллюзией, обманкой, декорациями. Зачем? Неизбежный вопрос тут же получает услужливый ответ: «Мы изо всех сил стараемся сделать жизнь каждого лучше, достойнее и счастливее». Звучит пафосно. Однажды в минуту откровенности сам Хайнлайн сформулировал эти цели иначе: «Мы клоуны, развлекаем людей, пытаясь конкурировать в этом занятии с пивом и чипсами». Но это на самом деле не важно, цель здесь — всего лишь условность. Автор перекраивает сюжет, руководствуясь эстетическими, политическими, художественными и тому подобными мотивами, иногда — чисто интуитивно. Мы помним, почему курицы переходят дорогу. Потому что могут это сделать. Иногда — это лучший ответ из имеющихся вариантов.

В конце концов, вдоволь насладившись столкновением рационально мыслящего Кэмпбелла с иррациональным миром, автор выталкивает его в центр круга литературных персонажей:

«— Что это? Суд?

— Да, в каком-то смысле.

Здесь по законам жанра должна состояться пафосная разборка или что-то наподобие вот этого:

„Близится минута, когда персонажи спустятся

со сцены в зал и смешаются со зрителями. Как же поведут себя их творцы? Обезумеют от ужаса, дико завопят, впадут в буйное помешательство?

Что он, Лодж, скажет Деревенскому Щеголю?

Что он вообще может сказать ему?

И — а это куда важней — о чем заговорит с ним сам Щеголь?“[105]».

Но Хайнлайн сталкивает Кэмпбелла с ожившими литературными героями лишь затем, чтобы подчеркнуть его собственную «литературность», возможно приглашая нас домыслить, что не только Ричард угодил в роман, но и сам рассказ о Ричарде, угодившем в роман, бытует в литературной вселенной, которой распоряжается автор. И здесь мы становимся свидетелями конфликта автора с «неудобным» персонажем. Небесный маршал не вписывается в канву и его удаляют. Но он исчезает не окончательно. Его повторное появление в романе зачем-то нужно. Автор пытается пристроить вычеркнутого персонажа в другой роли? Возможно. А может быть, это некий намек. Представим себе мультиверсум с его параллельными временными линиями. Во многих из них есть своя Земля, свой Луна-Сити, в котором

---

[105] Примечания: 105
К. Д. Саймак. Театр теней.

произошла революция… Которой руководили примерно те же герои. И значит, где-то там есть или были другой Проф, другой Манни. И Хейзел. А где-то еще был другой Фонд Говарда — со всеми вытекающими. Поэтому мы не знаем, *сколько* Кругов Уробороса действуют в мультиверсуме и насколько совпадают их цели. Возможно, в одном из них небесный маршал Бо больше пришелся ко двору.

Но вернемся к кульминации романа. Она наступает, когда Ричард Кэмпбелл, писатель, творец, осознает, что сам является порождением вполне мифического персонажа. И писатель, смирившись, соглашается играть по правилам литературного жанра. За это следует немедленная расплата — приняв на себя эту роль, он тут же на своей шкуре испытывает то, что отведено героям шекспировских пьес, где в финале сцена залита кровью и усеяна трупами. Впрочем, эпиграфом к финалу Хайнлайн выбрал наиболее часто цитируемый им эпизод из «Бури». Приведу его полностью:

> *Мой милый сын, ты выглядишь смущенным*
>
> *И опечаленным. Развеселись!*

Окончен праздник. В этом представленье
Актерами, сказал я, были духи.
И в воздухе, и в воздухе прозрачном,
Свершив свой труд, растаяли они. —
Вот так, подобно призракам без плоти,
Когда-нибудь растают, словно дым,
И тучами увенчанные горы,
И горделивые дворцы и храмы,
И даже весь — о да, весь шар земной.
И как от этих бестелесных масок,
От них не сохранится и следа.
Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь[106].

Все это сон во сне, финала нет на самом деле, трагическая развязка и счастливое спасение равновероятны, они сосуществуют в литературном пространстве, как виртуальная пара «частица-античастица». Хайнлайн оставляет

---

[106] Примечания: 106
Перевод М. Донского.

открытой концовку, и скрывает будущее в тумане литературной неопределенности. За этой непроницаемой завесой герои романа — словно запертый в ящике кот Шредингера, который то ли жив, то ли мертв. Правда, один котик в романе умел проходить сквозь стены…

Здесь, наверное, стоит упомянуть о том, что произошло после того, как роман был написан.

Закончив книгу, Хайнлайн неспешно пять месяцев правил рукопись (нужно было проверить все стыковки и все замкнутые временные петли, не потерялась ли где-то логика, и еще времена глаголов — английский плохо приспособлен к путешествиям во времени). Рукопись ушла в издательство лишь в январе 1985 года.

Через два месяца Хайнлайну поставили диагноз: «эмфизема».

Примерно в это же время врач объявил, что у их котика Пикселя лейкемия и он умирает. Это известие выбило супругов из колеи. Когда из издательства пришла просьба поменять название романа (как оказалось, змеи в названии активно не нравились не только Джинни, но и редактору «Putnam's» Сьюзан Эллисон, да и «Рыцарь поневоле» нравился ей немногим больше), Хайнлайн спросил Джинни:

— У тебя есть какие-нибудь идеи?

Она рассеянно спросила:

— Как насчет «He walks through walls» («Он проходил сквозь стены»)?

Возможно, она имела в виду Ричарда Кэмпбелла, но мысли и у Джинни, и у Боба в тот момент были сосредоточены на умирающем Пикселе.

— Нет, — сказал Хайнлайн. — Но сама идея хорошая, стоит обдумать…

Он ушел в свой кабинет и вернулся оттуда через некоторое время с готовым вариантом: «The Cat Who Walks Through Walls» («Кот, который ходил сквозь стены»).

— Ты хотел сказать «The Cat *That* Walks Through Walls»? — спросила Джинни.

— Нет. «The Cat *Who* Walks Through Walls», — ответил Хайнлайн.

Эта неощутимая на русском языке разница подчеркивала принадлежность Пикселя миру людей, а не лишенных души бессловесных созданий.

Хайнлайн не стал перепечатывать титульный лист рукописи, вместо этого напечатал новое название на листочке и заклеил им старое.

И практически без перерыва он начал работу над романом «Уплыть за закат».

В почте, пришедшей после публикации романа, поклонники требовали только одного: «Спасите Пикселя!»

С. В. Голд